4
М-92

И. П. МУЧНИК

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА И ИМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

И. П. МУЧНИК

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА И ИМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Издательство «Наука». Москва · 1971

4
М-92
БИБЛИО
ин-та русского языка
ин-та языкознания ан СССР
65804

В книге исследуются важнейшие категории глагола и имени в современном русском литературном языке. Наряду с постановкой и анализом сложных теоретических проблем русской грамматики, работа освещает явления, возникшие в языке в результате его развития в новых социальных условиях.

Настоящая книга — плод многолетних размышлений на грамматические темы в различные периоды моей научной деятельности. Некоторые из содержащихся в книге идей выкристаллизовывались в моем сознании в процессе бесед с В. В. Виноградовым, А. И. Зарецким, М. Н. Петерсоном.

Книга посвящается светлой памяти этих ученых.

Введение

Антитеза имени и глагола составляет ядро грамматической системы современного русского языка. Конкретное содержание этой антитезы в полном своем объеме выступает в присущих глаголам и существительным грамматических категориях и их формах.

Вид, залог и наклонение глагола, род и склонение существительного относятся к числу важнейших грамматических категорий и форм современной русской системы частей речи.

В настоящей монографии отражены результаты проведенных исследований значительного круга вопросов, входящих в состав перечисленных проблем грамматической теории.

Общепризнано, что виды глагола являются важнейшей специфической чертой грамматического строя русского языка. Вместе с тем, несмотря на длительное изучение этой категории, многие вопросы теории видов не могут считаться решенными. Нет единого суждения об общем значении категории видов и значении каждого вида в отдельности. Одни лингвисты относят виды к сфере формообразования, другие — к сфере словообразования. Много имеется неясностей о месте видов в системе глагольного спряжения. Эти и многие другие вопросы сущности и структуры видов еще

ждут обстоятельной разработки, основанной на исследовании языковых материалов.

В монографии исследуются следующие разделы проблемы видов: 1) о значениях видов русских глаголов, 2) о видовых корреляциях и системе спряжения глагола в современном русском языке, 3) о системе двувидовых глаголов и их развитии.

Категория залога является, пожалуй, наиболее спорным разделом теории русской грамматики. Это объясняется прежде всего тем, что в этой категории в чрезвычайно сложный узел связаны многочисленные явления лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса.

Основным объектом исследования в работе является противопоставленность возвратности—невозвратности, resp. переходности—непереходности и формирующиеся на этой основе разнообразные деривационные и релационные корреляции, выражающие многочисленные разновидности отношения действия к его субъекту и объекту.

Из всей системы наклонений только формы императива являются объектом исследования. Специфика императива (will mood — наклонения воли в отличие от thought mood — наклонения мысли, по терминологии О. Есперсена) [1] заключается в том, что он, наряду с интеллектуальными элементами, содержит также элементы волевых движений и аффектов. В. В. Виноградов следующим образом характеризует особенности императива: «Кроме особенностей морфологического строя, повелительное наклонение отличается экспрессивностью и аффективностью своих грамматических значений» [2]. В работе рассматривается широкий круг модальных и экспрессивных значений и оттенков, которые выражают формы повелительного наклонения в различных синтаксико-фразеологических условиях.

В сфере существительных основным объектом исследования является категория рода. Эта категория, включая в сферу своего действия весь чрезвычайно многочисленный состав имен существительных, представляет основное средство воплощения грамматического понятия предметности (субстанции). В сфере рода тесно переплетаются грамматические и словообразовательные явления, создавая в целом лексико-грамматическую категорию. Значительное внимание уделено взаимодействию в категории рода присущих ей семантических и асемантических противопоставлений. В центре

[1] О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 363.
[2] В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 596.

исследования — выявление процессов функционирования и тенденций развития форм рода в современную эпоху.

Особое место занимает в монографии раздел о неизменяемых существительных и их месте в системе склонения. Как известно, русский литературный язык выделяется среди всех славянских литературных языков тем, что в нем отчетливо выступает тенденция к сохранению у некоторых групп существительных (главным образом заимствованных, но некоторого числа и незаимствованных) неизменного морфологического состава в любых синтаксических условиях. В работе исследуется взаимодействие внутренних и внешних факторов, способствующих расширению сферы неизменяемости существительных. Эти процессы рассматриваются в связи с действующей уже в течение длительного времени тенденцией к аналитизму в морфологическом строе современного русского языка.

Многочисленные черты и особенности проявления отдельных грамматических категорий, несмотря на всемерное разнообразие, со всей отчетливостью свидетельствуют в своей совокупности о глубине антитезы имени и глагола.

Грамматические категории и формы трактуются разными авторами с различных, подчас даже противоположных точек зрения [3]. Поэтому представляется необходимым изложить наше понимание этих терминов.

Как грамматическая форма, так и грамматическая категория представляют единство обозначаемого и обозначающего, десигната и десигнатора.

Нельзя согласиться с нередко встречающимся в лингвистической литературе толкованием категории и формы, односторонне сводящим сущность грамматической категории к значению, а грамматической формы к выражению значения. К грамматическим категориям и формам, являющимся знаковыми единицами языка, полностью применимо образное сравнение Соссюром языка

[3] Из многочисленной литературы вопроса должны быть отмечены следующие источники: а) о грамматической форме — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении (любое издание); В. В. Виноградов. О формах слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. Ш, вып. I; М. В. Панов. О грамматической форме. «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», 1959, т. 73, вып. 6; б) о грамматической категории — М. В. Пешковский. Указ. соч.; А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка, 1957; Б. Н. Головин. К вопросу о сущности грамматической категории.— ВЯ, 1955, № 1.

с листом бумаги, где «нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную» [4]. В любом из этих единств обозначаемое и обозначающее взаимосвязаны и взаимообусловлены; внутренняя, смысловая, сторона становится реальной языковой величиной только благодаря своей связи с внешней, обозначающей, стороной, а последняя, в свою очередь, представляет собой факт языка, только будучи носителем определенного смысла, значения.

Очень важно четко установить соотношение между грамматической категорией и грамматической формой. Грамматические формы представляют собой элементарные единицы, которые в своей более или менее сложной совокупности составляют грамматическую категорию. Формы *пишу — пишешь — пишет*, являющиеся каждая в отдельности словоформами первого, второго и третьего лица, в своей противопоставленности друг другу образуют грамматическую категорию лица. Каждая из приведенных словоформ выступает по отношению к соответствующей категории в качестве категориальной формы. Категория и присущие ей категориальные формы, взаимно обусловливая друг друга, соотносятся меж собой как общее и частное. Категория не может состоять из одной только формы. Категория конституируется в качестве языковой единицы только своей соотнесенностью с составляющей ее совокупностью категориальных форм. Из взаимообусловленности категории и образующих ее форм следует также, что не может существовать отдельной словоформы вне той или иной категории.

В плане обозначаемого, т. е. во внутренней стороне грамматической категории, необходимо различать ее значение и то, что Соссюр называл ее «значимостью» (valeur). Если значение категории может быть определено с помощью того или иного понятия (идеи), на которое оно (значение) может быть «обменено», то значимость категории измеряется ее весом в грамматической системе языка, ее взаимодействием со всеми в той или иной мере с ней связанными другими категориями данного языка. Так, на значение категории вида проливает в какой-либо мере свет то или иное ее определение (дефиниция), но ее значимость может быть раскрыта только при установлении всех разновидностей ее функционирования в языке во взаимодействии с категориями времени, залога, наклонения. Чрезвычайно поучительны рассуждения Соссюра о значимости категории вида: «Славянские языки последовательно различают в глаголе два вида: совершенный вид выражает

[4] Ф. де С о с с ю р. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 113.

действие в его завершенности, как некую точку, вне всякого становления; несовершенный вид — действие в процессе совершения и на линии времени. Эти категории затрудняют француза, потому что в его языке их нет; если бы они были предустановлены логически, затруднения бы быть не могло. Во всех этих случаях мы, следовательно, наблюдаем вместо заранее данных идей значимости, вытекающие из самой системы. Говоря, что они соответствуют понятиям, следует подразумевать, что эти последние чисто дифференциальны, т. е. определены не положительно своим содержанием, но отрицательно своими отношениями с прочими элементами системы. Характеризуются они в основном именно тем, что они — не то, что другие» [5].

Итак, категория и форма как органические единства обозначаемого и обозначающего; форма как отдельный акт реализации категории; раскрытие «значимости» как главная предпосылка изучения категории — таковы те принципы, которые лежат в основе исследования.

[5] Ф. де Соссюр. Указ. соч., стр. 116.

Категория залога

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА

Среди многочисленных концепций залогов русских глаголов в настоящее время могут быть выделены две, которые резко противопоставлены друг другу — центр одной составляет оппозиция возвратность—невозвратность, центр другой — актив—пассив.

Принципиальные основы первой концепции были заложены в известной статье Ф. Ф. Фортунатова «О залогах русского глагола» [1], о которой С. Карцевский с полным основанием утверждал: «Статья Ф. Фортунатова, уточнившая идеи Н. Некрасова и показавшая, что актуальной функцией возвратной формы является интранзитивизация переходных глаголов, ознаменовала собой новый этап в изучении залогов» [2]. Концепция Ф. Ф. Фортунатова получила то или иное отражение в работах А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, С. Карцевского, Р. Якобсона. Нельзя согласиться с О. Паролковой [3], считающей теории Фортунатова и Шахматова антиподами, взаимно исключающими друг друга. В этих теориях содержится

[1] Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола. «Известия ОРЯС», т. IV, кн. 4. СПб., 1899.

[2] S. Karcevski. Système du verbe russe. Prague, 1927, стр. 82.— Ср. также другой отзыв: «Краткая статья (Ф. Фортунатова) богатством мыслей и убедительностью выделяется среди всего, что сказано в славистике о залоге» (Alf. Margulies. Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen. Heidelberg, 1924, стр. 19).

[3] O. Parolková. K problematice zvratných sloves a tzv. zvratného pasíva v současné spisovné ruštině a češtině. «Slavia», ročn. XXXVI. seš. I. Praha, 1967, стр. 33.

больше общего, чем различного. В. В. Виноградов справедливо отметил, что в очерке современного русского литературного языка «Шахматов очень близок к Фортунатову и его школе в понимании сущности залога и в определении значений возвратной формы» [4].

Несомненно, изучение многочисленных явлений, относящихся к кругу корреляций возвратности—невозвратности, весьма актуально и представляет важную часть проблемы залогов. Этот круг корреляций — основной объект изучения в разделе монографии, посвященном залогам.

Оппозиция действительного и страдательного залогов лежит в основе системы залогов, выступающей у различных авторов в ряде более или менее существенно различающихся между собой вариантов. Один из последних вариантов разработан Л. Л. Буланиным [5].

Основным отличием представленной Л. Л. Буланиным системы залогов является то, что здесь не выносятся за рамки категории залогов глаголы, не обладающие соотносительными залоговыми формами. Отстаивая свою позицию, Л. Л. Буланин указывает:

«У несоотносительных по залогу глаголов (activa tantum) отношение действия к подлежащему точно такое же, как и у глаголов, имеющих соотносительные формы обоих залогов. Ср., с одной стороны, *почтальон разносит письма*, с другой стороны — *почтальон идет*. В обоих случаях подлежащее обозначает субъект действия» [6]. Поэтому глагольная форма *идет* является формой действительного залога, так же как и форма *разносит*. Важно, что в языке, в системе глагола, есть противопоставление действительного и страдательного залогов, а то, что это противопоставление не проходит внутри каждого глагола, представляется второстепенным, обусловленным какими-то частными причинами» [7].

Об уязвимости этой аргументации, допускающей отсутствие единого принципа деления, довольно выразительно говорится в самой книге: «Если концепция залога стремилась охватить все

[4] В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 614.— Здесь автор развивает теорию Фортунатова — Шахматова в ряде ее существенных элементов.

[5] А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967.

[6] Автор следующим образом определяет залог: «Категория залога — это система грамматических форм глагола, устанавливающая отношение глагольного действия к субъекту» (указ. соч., стр. 150).

[7] А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Указ. соч., стр. 155—156.

или почти все явления, связанные с залогом, то в одном ряду оказывались разнородные языковые факты — морфологические, синтаксические, лексико-синтаксические, словообразовательные. При таком подходе, естественно, не получалось классификации залогов, основанной на едином принципе» [8].

Конечно, и та и другая концепция залогов требуют всесторонней разработки с привлечением большого круга языковых фактов.

Среди опубликованных сравнительно недавно работ, основу которых составляет оппозиция возвратность—невозвратность, должна быть отмечена насыщенная богатым материалом монография Н. А. Янко-Триницкой [9], где содержится иная, по сравнению с нашей, трактовка ряда явлений в сфере возвратности. Наиболее существенным является различие в трактовке вопроса о возвратных образованиях со страдательным значением. В монографии осуществлена одна из первых попыток (раздел о залогах представляет несколько сокращенный текст кандидатской диссертации, защищенной автором в 1937 г.) критического обозрения эволюции изучения залогов русских глаголов с древнейших пор, с учетом разнообразных форм изучения этой категории в далекой древности: у индусов, греков и римлян.

Изучение категории залога на конкретном языковом материале основано на следующих общих положениях:

1. Под категорией залога понимаются глагольные формы, обозначающие различия в отношении действия к субъекту и объекту.

2. Глагол имеет значение залога только при наличии в нем соотносительных форм, противопоставляющихся по залоговому значению и по своим синтаксическим связям.

3. При определении значимости тех или иных залоговых соотношений должна быть учтена их продуктивность и употребительность в данном языке.

Основная глава раздела о залогах посвящена анализу залоговых значений глагольных образований с *-ся*. В этой главе поставлены следующие задачи:

1. Дать классификацию залоговых значений глагольных образований с *-ся*.

2. Выяснить синтаксические условия, в которых реализуются конкретные залоговые значения глагольных образований с *-ся*.

Изучение значения различных групп глаголов проводилось

[8] А. Бондарко, Л. Л. Буланин. Указ. соч., стр. 156.
[9] Н. А. Янко-Триницкая. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

на материале художественной и научно-публицистической литературы.

Всего проанализировано в соответственных контекстах 7000 глаголов.

На этом же материале изучалась и употребительность каждой отдельной группы глаголов. Данные об употребительности в большинстве случаев сопоставляются с соответственными данными о продуктивности. Для изучения продуктивности был подвергнут анализу материал первого тома «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

В разделе о причастиях сделана попытка классификации причастий с точки зрения полноты проявления в них категории залога, поставлены также вопросы о связи между залоговым значением и так называемой «обособленностью» причастий и о влиянии потери причастием залогового значения на процесс его перехода в категорию прилагательных.

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ ЗАЛОГОВ В ДРЕВНОСТИ [10]

Древнеиндийские грамматисты добились значительных результатов в научной разработке проблемы залогов. С точки зрения залога они различали среди глаголов parasmāipada и atmanēpada.

Актив они называли parasmāipada, т. е. форма слова, относящаяся к кому-либо другому (die auf einen anderen bezügliche Wortform — Deldrück); медиум они называли atmanēpada, т. е. форма слова, относящаяся к самому субъекту. При этом ими обычно предполагались различные (активная и медиальная) формы одного и того же глагола, например, yájati — он приносил жертву за кого-то другого, yájatē — он приносил жертву за себя.

По поводу употребления залоговых форм Панини указывает, что флексии медиума употребляются только при глаголах, основы которых определенным образом обозначены. Кроме того, флексии медиума употребляются при безличных и страдательных оборотах, причем под последними понимаются выражения типа supyatē tvayā, mayā, которые соответствуют немецким «es wird von dir, von

[10] Для данного раздела использованы соответственные главы в кн.: B. D e l b r ü c k. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, 1897; H. S t e i n t h a l. Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern, 1863.

mir geschlafen». Наряду с этим флексии медиума употребляются для выражения взаимности действия. Панини установил целый ряд грамматических значений, характерных для медиума, и, останавливаясь в частности на пассиве, считал его (что заслуживает особого внимания) явлением, вторичным по отношению к медиуму.

Из анализа сказанного Панини о залогах явствует, что древнеиндийские грамматисты довольно четко определяли залог как грамматическую категорию. Они отделяли грамматическое (в данном случае залоговое) значение слова от его лексического значения и основное внимание уделяли выяснению морфологических и синтаксических форм, в которых залог проявляется, и анализу различных значений этих форм.

Давая общую оценку результатов, достигнутых древними индийцами в научной разработке проблемы залогов, Дельбрюк замечает:

«Индийские ученые, следовательно, уже в древности достигли приблизительно того же, чего мы достигли сейчас» [11].

Наиболее ранние высказывания о залогах в древнегреческом языкознании мы встречаем у стоиков (Хрисипп, Антипатр из Тарса). Стоики рассматривали залоги главным образом с синтаксической точки зрения; они различали залоги «прямой» (активный, нуждающийся в распространении каким-нибудь падежом, например: *он видит* — что?), «опрокинутый навзничь» (пассивный, сочетающийся со специфической конструкцией, например: *я видим* — кем?), «ни тот, ни другой» (средний, не нуждающийся в распространении, например: *он гуляет*). Таким образом, здесь залоги устанавливаются соответственно различным синтаксическим конструкциям, которые характерны для разных групп глаголов. У Дионисия Фракийского [12] мы встречаем следующее определение залогов:

Залогов три — действие, страдание, середина. Действие, например: τύπτω; страдание, например: τύπτομαι; середина — то, что являет иногда действие, иногда страдание, например: πέπηγα, διέφθορα, ἐποιησάμην, ἐγραφάμην.

Дельбрюк, цитируя приведенное положение из Дионисия Фракийца, указывает:

«Это означает, что одни формы выражают действие, другие — страдание, а в качестве среднего звена между этими двумя край-

[11] См. «Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen», т. IV, ч. 2, стр. 411.

[12] Дионисий Фракийский, ученик Аристарха, жил в конце II в. до н. э. Он — автор компендия, в котором, по словам Дельбрюка, объединены все древнегреческие грамматические теории.

ностями выступают такие формы, которые своей формой относятся к одной области, а значением — к другой. Так, πέπηγα и διέφθορα по форме активны, но по значению пассивны, а в ἐποιησάμην и ἐλραφάμην выступают обратные отношения. Таким образом, медиум самостоятельным значением не наделяется». (См. там же, стр. 412 и дальше.) Штейнталь также считает, что Дионисий Фракийский, как и другие древнегреческие грамматики, в общем не понимал собственного значения медиума. Он указывает, однако, что имеются некоторые данные, свидетельствующие о том, что в отдельных случаях греки устанавливали возвратное (reflexiv) значение медиума.

Думается, что к недостаткам приведенного положения Дионисия Фракийского надо отнести и то, что в нем нет единого критерия для определения категории залога. С одной стороны, противополагаются с точки зрения залога глаголы, имеющие общую основу и отличающиеся только различными формами (τύπτω — τύπτομαι), с другой стороны, в данное соотношение вводятся глаголы с различными основами (πέπηγα, διέφθορα). С этим непосредственно связано и то, что в приведенном положении Дионисия Фракийского не разграничены лексическое и грамматическое значения слов. «Середина», видимо, введена для того, чтобы в эту рубрику поместить все те глаголы, которые не подходят ни под «действие», ни под «страдание». Это свидетельствует о наличии у автора общей предпосылки о том, что категория залога должна охватывать все существующие в языке глаголы.

Составленный Дионисием Фракийским грамматический компендий пользовался огромным авторитетом не только в древнее время, но и в средние века. Разработанные им грамматические принципы получили очень широкое распространение. Этим объясняется тот факт, что установленное им понимание залогов получило свое дальнейшее развитие в трудах греческих и римских грамматиков, а также и то, что его схему деления залогов можно встретить и в средневековых грамматиках и в ряде грамматик нового времени.

Влияние этой схемы можно проследить и у многих русских грамматиков.

Обстоятельное изложение взглядов древнегреческих грамматиков на категорию залога мы встречаем у Макробия, римского грамматика, автора трактата «О различиях и сходствах греческого и латинского глагола». В этом трактате он следующим образом характеризует взгляды греческих грамматиков на залоги:

«Греки определяют залоги н и ж е с л е д у ю щ и м р а з л и ч и е м: те, которые оканчиваются на ω, имея действительное

значение, и соединяются с падежами — родительным или дательным, или винительным и помощью прибавления слога μαι переходят в страдательные, они называли д е й с т в и т е л ь н ы м и... Напротив, страдательными они называли те, которые оканчиваясь на μαι, означают страдание, необходимо должны присоединяться к родительному с предлогом ὑπό и могут при опущении вернуться в действительный залог. Тот, у которого не хватает какого-либо из упомянутых определений, не называется ни д е й с т в и т е л ь н ы м, ни с т р а д а т е л ь н ы м; но если он оканчивается на ω, он именуется ни тем, ни другим или абсолютным, например, *живу*. Среди них можно, с одной стороны, найти явное и безусловное действие, с другой стороны — обозначение страдания. Ибо *бегу*, *завтракаю*, *гуляю* говорится о действующем лице, а *болею* — несомненно, о страдании. Но ни те не называются д е й с т в и т е л ь н ы м и, так как не сочетаются с упомянутыми падежами и не принимают μαι ..., ни *болею*, хотя и является глаголом страдания, не может быть назван страдательным, так как не оканчивается на μαι, не указывает никакого источника страдания и к нему не присоединяется родительный с ὑπό, что свойственно страдательным. Ибо при действительном обязательно должны наличествовать два лица — в ы п о л н я ю щ е е и п е р е н о с я щ е е... И подобно тому, как у греков некоторые глаголы, оканчивающиеся на ω, означают страдание, так можно найти много оканчивающихся на μαι и имеющих одно лишь действительное значение. Есть у греков и общие, которые они называют с р е д н и м и, оканчивающиеся на μαι и с помощью одной и той же формы обозначающие и действие и страдание... Этим именем средних именуются только страдательные (формы), но греки назвали с р е д н и м и и некоторые, сходные с действительными, которые употребляются в равной мере для обозначения и действия и страдания».

Описанная система залогов вполне последовательна при установлении действительного и страдательного залогов. В определении этих залогов учитываются, во-первых, формы глагола: в активе — ω, в пассиве (медиуме) — μαι, во-вторых, конструкции, с которыми сочетаются глаголы различных залогов: при активе конструкции с родительным, дательным или винительным падежом, при пассиве конструкция с родительным падежом в сочетании с предлогом ὑπο. Здесь же подчеркивается в качестве необходимого признака соотносительность действительного и страдательного залогов при одной и той же глагольной основе. Так, при характеристике глагола действительного залога говорится: «помощью прибавления слога μαι переходит в страдательный»; по-

добное же указание делается и при характеристике глаголов страдательного залога: «... и могут при опущении μαι вернуться в действительный залог».

На совершенно иных основаниях определяются другие залоги. Все сказанное о других залогах представляет собой своеобразное описание случаев, составляющих исключения по отношению к правилу о залогах. Так, основанием для установления абсолютного залога служит следующее: «Тот (глагол.— *И. М.*), у которого не хватает какого-либо из упомянутых определений, не называется ни действительным, ни страдательным; но если он оканчивается на ω, он именуется ни тем, ни другим или абсолютным; например, *живу*».

При характеристике глаголов абсолютного и общего залогов справедливо указывается, что данные глаголы, хотя в одних случаях выражают «действие», а в других «страдание», не могут быть отнесены ни к действительному, ни к страдательному залогу, так как они не имеют соотносительных форм с противоположным залоговым значением.

Но из этого совершенно правильного положения следует также вывод, что данные глаголы находятся вне системы залоговых соотношений, а отнюдь не то, что они составляют особые залоги. У греческих и римских грамматиков, допускавших последнее, создавалась система залогов, состоящая из разнородных элементов: с одной стороны, залоги, соотносящиеся определенным образом между собой (актив и пассив), и, с другой стороны, залоги, находящиеся вне этих соотношений (абсолютный и общий).

У римских грамматиков мы находим классификацию залогов, почти вполне совпадающую с греческой. Так, римский грамматик Домед (IV в. н. э.) насчитывает всего пять залогов, причем основными он считает два — действительный и страдательный. «От них рождаются другие — средний (ни тот, ни другой), общий, отложительный». Таким образом, Домед, кроме четырех залогов, установленных греками, в латинском устанавливает и пятый залог — отложительный. При этом он добавляет, что «некоторые принимают и безличный залог».

Резюмируя высказывания греческих и римских грамматиков о залогах, необходимо подчеркнуть два характерных для них основных положения, оказавших большое влияние на всю дальнейшую разработку проблемы залогов:

1. Римские и греческие грамматики, определяя действительный и страдательный залоги на основе морфологической и синтаксической соотносительности глаголов, при построении системы

залогов в целом не придерживались принципа соотносительности глаголов, относимых к различным залогам.

2. При установлении системы залогов они исходили из общей предпосылки о том, что система залогов должна охватить все существующие в языке глаголы.

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМЫ ЗАЛОГОВ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

Мелетий Смотрицкий о залогах [13]. Первые славянские грамматики представляют собой весьма несовершенные попытки применения грамматических норм, установленных греко-римскими грамматиками к славянским языкам. Не удивительно поэтому, что первая цельно изложенная система славянских залогов, которую мы находим у Мелетия Смотрицкого, носит на себе печать непосредственного влияния охарактеризованных выше взглядов греко-римских грамматиков.

Смотрицкий предварительно до изложения системы залогов устанавливает два класса глаголов: п е р е х о д н ы х и н е п е р е х о д н ы х (последние Смотрицкий называет с а м о с т о я т е л ь н ы м и). Смотрицкий указывает по этому поводу [14]. «Вторым разделением глагол сугубь есть: П р е х о д и т е л ь н ы й и с а м о с т о я т е л ь н ы й. П р е х о д и т е л ь н ы й есть, иже без приложения падежа совершенного разума не творит: яко *люблю*, *творю* и прочая. С а м о с т о я т е л ь н ы й есть, иже о себе совершен разум, без приложения падежа творит: яко *стою*, *сижу*, *сплю* и прочая».

Затем Смотриций дает следующее определение залога: «З а л о г е с т ь с л у ч а й, и ж е г л а г о л о к о н ч а н и е с о з н а м е н о в а н и е м я в л я е т». Это определение содержит указание на то, что под залогом понимаются глагольные морфемы (окончания), выражающие определенные значения. Далее Смотрицкий вслед за латинскими грамматиками устанавливает пять залогов: действительный, страдательный, средний, отложительный и общий.

Каждый отдельный залог Смотрицкий определяет следующим образом:

[13] «Грамматика Славенская правильное Синтагма, потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого...», 1619.

[14] Цитаты из Смотрицкого приводятся в современной русской орфографии.

«Д е й с т в и т е л ь н ы й залог есть, иже действо знаменует и (за прибавлением?— *И. М.*) слога *-ся*, страдательный из себе творит: яко *бью*, *творю* и прочая. С т р а д а т е л ь н ы й есть, иже страдание знаменует, и за отложением *-ся* слога действительный бывает: яко *бьюся*, *творюся* и прочая. С р е д н и й есть, иже ни действо знаменует, ни страдание, и во страдательное не прелагается: яко *стою*, *здравствую*, *теплею* и прочая. О т л о ж и т е л ь н ы й есть, иже окончение убо страдательного имать, знаменование же или действительного самого яко *боюся* или самого среднего яко *труждлюся* и прочая. О б щ и й есть, иже окончение страдательного имать, знаменование же действительного вкупе и страдательного яко *касаюся* и прочая». Все эти определения представляют собой механическое перенесение греко-римской грамматической традиции на почву славянской грамматики. В данных Смотрицким определениях содержится ряд неясных мест. Непонятно, например, на каком основании автор считает, что *боюся* имеет действительное значение, а *касаюсь* имеет одновременно и действительное и страдательное значение.

Некоторый интерес представляют высказывания автора о различиях между отдельными залогами: «Различие между страдательным, отложительным и общим. Отъяту бо бывшу от страдательного *-ся* действительный глагол остает. Отъяту же бывшу от отложительного или общего не к тому славенское остает слово: яко от *бьюся* остает *бью*, действительное. От *боюся боюю*, от *ругаюся ругаю* (?) остают речения ничтоже славенски знаменующая. Между действительным же и средним различие есть: яко он убо восприятием *-ся* творит страдательный, ов же знаменованье губит: яко, от *клену* идет *кленуся* , от *лежю* нейдет *лежуся*».

Здесь автор пытается привести к единству построенную им систему залогов. Однако при установлении различий между залогами сопоставляются не все залоги между собой, а только отдельные залоги внутри двух групп: страдательный, отложительный и общий, с одной стороны, и действительный и страдательный залоги — с другой. Этим подчеркивается только несоотносительность всей системы в целом.

Установленная Смотрицким система залогов, отличаясь всеми недостатками, характерными для греко-римской классификации глаголов по залогам, в значительной мере уступает последней в отношении четкости и разработанности. Система Смотрицкого представляет все же большой интерес, потому что она послужила отправным пунктом для целого ряда авторов более поздних периодов при составлении ими раздела о залогах в своих грамматиках.

65804
БИБЛИОТЕКА
РУССКОГО ЯЗЫКА
www.ruslang.ru

М. В. Ломоносов о залогах [15]. Хотя и во взглядах Ломоносова на залоги заметно влияние греко-римской традиции, все же он подверг существенным изменениям систему Смотрицкого, приспособив ее в значительной мере к особенностям русского языка. Ломоносов не дает общего определения залога. Он устанавливает следующие шесть залогов: действительный, страдательный, возвратный , взаимный, средний и общий. В § 275—280 он дает следующие определения каждого отдельного залога: «Действительный глагол значит деяние, от одного к другому преходящее и в нем действующее: *возношу*, *мою*. Страдательный глагол значит страдание, от другого происшедшее: составляется из причастий страдательных и из глагола *есмь* или *бываю*... Возвратный глагол значит действие и страдание, от себя самого на себя же происходящее; составляется из действительного глагола и слога *-ся* или *-сь*: *возношусь*, *моюсь*. Взаимный глагол составляется из действительного или среднего глагола и *-сь* или *-ся*: значит взаимное двух деяние: *борюсь*, *знаюсь*, *хожусь*. Средний глагол кончится как действительный и значит деяние от одной вещи к другой не преходящее: *сплю*, *хожу*. Общий глагол кончится на *-сь* или *-ся* и имеет знаменование купно действительного и среднего глагола: *боюсь*, *кланяюсь*».

В отличие от Смотрицкого, указавшего только на один морфологический способ выражения залога — аффикс *-ся*, Ломоносов указывает и другую форму выражения залога — страдательное причастие. Исключив из системы Смотрицкого отложительный залог, он вводит два новых залога: возвратный и взаимный. Единого критерия определения залогов мы не находим, однако, и у Ломоносова. Так, действительный и средний залоги определяются только с точки зрения значения: в первом случае «деяние от одного к другому преходящее», во втором случае «деяние от одной вещи к другой не преходящее», все остальные залоги определяются и с точки зрения значения и с точки зрения внешнего выражения. У Ломоносова встречается целый ряд весьма важных указаний, способствовавших выяснению значений глаголов на *-ся*. Смотрицкий указал только на одно страдательное значение глаголов на *-ся*. Ломоносов на основе значений глаголов на *-ся* установил два самостоятельных залога: возвратный и взаимный. В §363 он, оспаривая существовавшие, видимо, тогда взгляды, что образования на *-ся* имеют одно страдательное значение, указывает: «Весьма обманывались многие, употребляя возвратный глагол

[15] Сочинения М. В. Ломоносова, т. IV. Изд. Академии наук. СПб., 1898.

вместо страдательного: ибо они думали, что *-сь* или *-ся* всегда ту же силу имеет, как латинское R, например: *слушаю*, *слушаюсь*, что весьма неправедно, ибо слушаю с приложением *-сь* не токмо страдательного знаменования не имеет, но и совсем в другом разуме употребляется. *Слушаю* значит audio, а *слушаюсь* obedio, *повинуюся*. Прямой страдательный залог состоит из причастий страдательных и глаголов вспомогательных. Прибавление *-сь* или *-ся* различие знаменования в глаголах производит: 1) Глаголы возвратные рождает: *мою*, *моюсь*, т. е. сам себя мою; *чешу*, *чешусь*, т. е. сам себя чешу. И ради того не свойственно и развратно такие глаголы вместо страдательных употребляют: *моюсь от слуги*, вместо *меня слуга моет*. 2) Происходят глаголы взаимные: от *бью*, *бьюсь*; *браню*, *бранюсь*; *бьюсь от учителя*, не страдательного знаменования, каково есть ferior a ludimagistro; но значит *я хочу отбыть от учителя дракою* pugnando recedo a ludimagistro. *Бьюсь с учителем* — pugno cum ludimagistro. 3) Переменяются знаменования глаголов в другие и часто в метафорические: от *пеку* происходит *пекусь*, т. е. стараюсь; от *вожу*, *вожусь*, т. е. *знаюсь*. 4) Не токмо действительные, но и средние глаголы, принимая *-сь*, переменяют первое знаменование на другое: от *стать* происшедшее *статься* значит: *воспоследовать*. Сии правила следуют и до второго спряжения и до глаголов сложенных».

Таким образом, у Ломоносова мы находим первое обстоятельное освещение значений глаголов на *-ся* и их развития, чем он, безусловно, дал большой толчок лингвистической мысли для работы в этой области. Несмотря на то, что в литературе преобладало тогда употребление возвратных глаголов в страдательном значении, Ломоносов совершенно конкретно указывает, что это не только не единственное значение глаголов на *-ся*, но и не основное. Наметив и другие значения глаголов на *-ся*, он указывает на большую их продуктивность.

Особо надо выделить указание Ломоносова на то, что многие глаголы на *-ся* разошлись по значению с соответственными формами без *-ся*. Устанавливая нормы различных стилей, Ломоносов опять возвращается к глаголам с аффиксом *-ся*. Так, в § 505 он указывает, что употребление этих глаголов в страдательном значении является особенностью высокого слога: «*он от нас превозносится*, для приближения к словенскому свойству, слуху не противно».

Далее говорится, что «славенские речения» для выражения страдательного залога больше позволяют употребление возвратных (глаголов), вместо страдательных» (т. е. вместо оборотов со страдательным причастием; как пример приводится: *ветром* или

от ветра колеблется море. Указание Ломоносова, что страдательное значение глагольных форм на *-ся* более характерно для «славенских речений», приобретает особенный интерес, если сопоставить этот факт с тем, как в современном языке распределяются отдельные значения форм на *-ся* между различными словарными группами. Как указано будет ниже (во второй части раздела), страдательное значение форм на *-ся* в современном языке особенно типично для иностранных заимствований.

А. Х. Востоков о залогах [16]. Востоков устанавливает в глаголах те же шесть залогов, что и Ломоносов. Но он делает при этом оговорку: «Из них главные суть два: действительный и средний. Прочие происходят от действительного». Востоков дает определения действительного, страдательного и взаимного залогов, по существу вовсе не отличающиеся от соответственных определений Ломоносова. Определения других залогов он пытается несколько более детализировать. Необходимо, однако, указать, что эта детализация наряду с тем, что привела к уточнению некоторых моментов, в значительной мере обнаружила также все те внутренние противоречия, которые, как уже указывалось выше, заложены в системе залогов, основанной на греко-римской традиции. У Востокова мы встречаем следующее определение «общего» залога: «Общий залог имеет значение возвратного и подобно оному кончится на *-ся*; но без приложения *-ся* неупотребителен, потому что означает действие внутреннего чувства, обращенное только на самого действователя, наприм.: *Бояться*, *надеяться*, *стараться*, *лениться*, *смеяться*, *резвиться*». И это определение содержит ряд существенных недостатков, но все же оно выгодно отличается от приведенных выше определений общего залога, которые представляют простое перенесение соответственного определения из греческих или римских грамматик.

Касаясь возвратного залога, Востоков дает определение, сходное с определением Ломоносова, и к этому добавляет: «Залог возвратный часто употребляется и в значении страдательного, особенно, когда речь идет о неодушевленных предметах, например: *дело делается*, *дом строится*». В этом добавлении содержится совершенно правильное указание на реальный языковой факт, заключающийся в том, что глаголы с формой *-ся* употребляются часто в страдательном значении. Но, не имея единого критерия для определения залогов, Востоков это указание сформулировал логически противоречиво. Действительно, как это может один

[16] «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная». СПб., 1831.

залог употребляться в значении другого? Это не есть простой дефект формулировки, а прямое следствие отсутствия четкого понимания сущности залога. Заслуживает также внимания подробное разъяснение автором среднего залога: «Средний залог имеет троякое значение и по оному троякий состав. 1. Показывая действие предмета, не переходящее на другой предмет, залог средний составом подобен действительному, например, *сидеть*, *стоять*, *ходить*, *плавать*. Сюда же относятся глаголы, означающие приобретение качества, напр., *белеть*, *жолкнуть*, *полнеть*, *сохнуть*, *крепчать* (т. е. становиться белым, желтым, полным, сухим, крепким). 2. Показывая состояние или качество предмета, независящее от действия, залог средний составом подобен страдательному; например: *Быть здорову. Быть веселу.* 3. Показывая способность к действию, также обнаруживание себя каким-либо действием или качеством, залог средний составом подобен возвратному и составляется из действительного или среднего простого, с местоимением *-ся. Крапива жжется. Нитки рвутся. Снег белеется.* Глагол взаимный, по отнятии вопроса с кем? обращается в залог средний третьего состава, например: *Воин сражается за отечество.* Напротив того некоторые глаголы средние первого состава, как-то: *играть*, *разговаривать*, *спорить*, на вопрос с кем? имеют значение глаголов взаимных».

При анализе сказанного о средних глаголах обнаруживается вся непоследовательность построенной Востоковым системы залогов в целом. Большая разнородность и по значению и по «составу» глаголов, объединенных в рубрике этого залога, объясняется, по-видимому, тем, что автор пытался здесь собрать все глаголы, не подходящие ни под один из намеченных ранее залогов. Но и эта задача автором не решена полностью. Так, остается неизвестным, к какому залогу отнести глаголы типа *завидовать*, *мешать*. К действительному залогу их отнести нельзя, так как при определении действительного залога было указано: «Действительный залог показывает действие предметов, обращенное на другой предмет, означаемый вопросами кого? или что?». Глаголы типа *завидовать* хотя и означают действие, обращенное на предмет, но вопроса «кого-что?» при них поставить нельзя.

Только затемняющим систему залогов надо считать второй раздел средних глаголов, объединяющий прилагательные с глаголом *быть*. Единственный raison d'être, который напрашивается для этого особого раздела «средних глаголов», по-видимому, заключается в том, что раздел средних глаголов, по мысли автора, охватывает глаголы всех тех «составов», которые характерны для всех других залогов: так, первый раздел средних глаголов (типа

сидеть) сходен по составу с действительными глаголами, третий раздел средних глаголов (типа *жечься*, *стучаться*) «составом подобен возвратному», а второй раздел средних глаголов (типа *быть здорову*, *быть веселу*) «составом подобен страдательному». (При определении страдательного залога даны примеры: *быть любиму*, *быть почитаему*, *дело сделано*).

Третий раздел средних глаголов интересен тем, что здесь указан ряд глаголов на *-ся*, которые не подходят ни под одно из значений глаголов на *-ся*, намеченных Ломоносовым. Однако вряд ли можно считать шагом вперед то, что Востоков объединяет в одном залоге (в данном случае среднем) глаголы с *-ся* и глаголы без *-ся*. У Ломоносова эти глаголы распределены по отдельным залогам.

Продуктивными представляются мысли Востокова о том, что залог глагола определяется в зависимости от его конкретных синтаксических связей. Сюда относятся его указания об изменении залогового значения глаголов типа *сражаться* в зависимости от контекста, а также упомянутое выше нечеткое указание, что «залог возвратный часто употребляется и в значении страдательного». Заключая раздел о залогах, Востоков указывает: «Вообще заметить должно обо всех залогах, что они различаются не по окончаниям, а по значению, какое глагол получает в употреблении с другими словами». Это положение Востокова не соответствует полностью его системе залогов, в основу построения которой наряду со значением кладется часто «состав» (форма).

На основе приведенного положения Востокова сложилось довольно распространенное в литературе воззрение, будто Востоков и все его предшественники грамматисты считали залог не грамматической категорией, а семантической. Такое воззрение вряд ли дает правильную оценку действительного положения вещей. Действительно, если исходить из того, что Востоков при установлении залогов учитывал только одно значение, тогда теряют смысл все его указания о «составе» отдельных залогов. Не нужно было бы тогда также особо выделять общий залог, все своеобразие которого заключается в том, что он «без приложения *-ся* неупотребителен». Совершенно бессмысленным тогда становится уже разбиравшееся указание Востокова, что «залог возвратный часто употребляется и в значении страдательного» (т. е., с охарактеризованной точки зрения, одно значение в другом значении). Эти доводы можно было бы умножить, но думается, что проделанный выше подробный анализ системы Востокова (а также сравнение с его предшественниками) показывает, что основной чертой, характеризующей систему Востокова, как и его предшественни-

ков, является не то, что в ее основу положен семантический принцип (она могла бы тогда представлять собой если не грамматически, то семантически выдержанную систему залогов); система Востокова в основном характеризуется тем, что в ней отсутствует единый принцип определения залога, который мог бы служить единым основанием для деления глаголов по залоговым группам.

В. И. Даль о залогах [17]. Существенную роль в процессе разработки проблемы залогов русских глаголов сыграли замечания, сделанные В. И. Далем по этому вопросу. Даль в своей работе над словарем практически столкнулся со всем несовершенством разработанной до него системы залогов. Он отмечает, что применение принятой системы залогов на практике приводит к невероятной путанице. Приведя целый ряд нелепостей, допущенных в Академическом словаре при указании залога глаголов, Даль указывает, что это не случайные ошибки, а вытекающие из самой сущности принятой системы. Затем он дает общую оценку всего, что сделано современной ему грамматикой. Эта оценка, относящаяся к грамматике в целом, направлена, однако, в первую очередь против принятой в то время и практически примененной в Академическом словаре системы залогов: «Грамматики, вроде «Общесравнительной», с ученым запросом, ничего не сделали для нашего языка; грамматика Востокова, а тем более Греча, сделали все, что на этом пути ум и дарованье могут сделать — и это огромная заслуга: они дошли до-нельзя и раскрыли всю наготу, всю несостоятельность положенных в основание начал; они прошли этот тяжкий путь до конца, стали лицом к тупику, который дотоле объезжали на кривых, и указали нам, что тут выхода нет».

Аналогичную критику ошибок Академического словаря дал Н. Некрасов в своей книге «О значении форм русского глагола» СПб, 1865, стр. 34—36. Далеко не во всем Даль прав в своей критике. Большая часть допущенных в словаре нелепостей объясняется тем, что составители словаря не учли детально разобранного выше указания Востокова о зависимости залогового значения глагола от его синтаксических связей и механически к каждому глаголу прикрепляли ярлычок какого-то залога. На это в свое время уже было указано Я. Гротом [18]. Однако не приходится

[17] «Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля». Изд. 2, СПб., 1880. Второе введение: О русском словаре. Читано в обществе любителей российской словесности в частном его заседании 25 февраля и в публичном — в марте 1860 г.

[18] См.: Я. Грот. Филологические разыскания, т. I. СПб., 1876, стр. 41 и далее.

сомневаться в том, что принятая в то время система залогов действительно давала большой простор для различных недоразумений и нелепостей.

Замечания Даля в данном отношении имеют только ту ценность, что они в очень обнаженной форме обнаружили несовершенство системы залогов, читавшейся тогда общепринятой. Но основное значение в замечаниях Даля принадлежит не этим критическим соображениям, а ряду положительных соображений, которые были им высказаны в связи с его критикой. Далю принадлежит заслуга, что он впервые указал на то, что русские глаголы по своему образованию делятся на два основных разряда: 1) прямые (невозвратные), 2) возвратные. Даль это выразил следующим образом: «Так называемые *залоги* для него (русского языка — *И. М.*) дело вовсе постороннее, случайное, переходчивое; они могут, хотя без всякой пользы, применяться только к каждому частному случаю. Окончание на *ть* и *чь* общее, коренное, прямое; ему отвечают в западных языках глаголы переходящие или действительные и непереходящие или средние; окончание на *-ся*, т. е. привеска сокращенного *себя*, образует возвратный или обратный глагол, не прямой, который может быть отнесен, если смысл речи позволяет, и ко всем прочим залогам. За сим очевидно, что распределение глаголов на залоги школярство, одно из тех пут, которые служат только для притупления памяти и понятий учеников; на каждый вопрос о залоге глагола ученик должен отвечать: в каком залоге вам угодно будет его употребить, в таком он, на сей раз, и будет числиться» (стр. XXVIII).

Мысль о двух разрядах глаголов, выраженная Далем довольно неопределенно и в самых общих чертах, оказалась, как это будет показано ниже, весьма продуктивной для всей дальнейшей разработки системы залогов русских глаголов. Даль, который, по его собственным словам, «искони был в каком-то разладе» с грамматикой, оказал ей большую услугу в разработке одной из ее основных проблем.

Ф. И. Буслаев о залогах[19]. Буслаев не внес принципиальных изменений в сложившуюся до него систему залогов. Однако в своей «Исторической грамматике» он собрал очень богатый фактический материал, освещенный с исторической точки зрения, чем значительно способствовал разрешению основных вопросов, связанных с проблемой залогов.

Буслаев занимается вопросом о залогах в обеих частях своей грамматики. В первой части (этимологии) он выясняет морфологи-

[19] Ф. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1863.

ческие элементы, выражающие залог, или, как выражается Буслаев, «важнейшие приметы» залогов.

Детальное освещение вопроса о залогах Буслаев дает в синтаксической части своей грамматики (§ 175—188). Здесь он следующим образом определяет значение залога:

«Залог означает деятельность предмета, или переходящую на другой предмет, напр., *читаю книгу*, *привыкаю к труду*, или не переходящую, напр., *стою*». Дав это определение, Буслаев называет глаголы первого типа переходящими, глаголы второго типа непереходящими. Далее Буслаев указывает, что в ряде случаев переходящие глаголы употребляются «в виде» непереходящих, т. е. без дополнения (*любит читать* в отличие от *читает книгу*) и в связи с этим устанавливает другое подразделение: «Глагол, употребленный без дополнения (будет ли переходящий, или непереходящий), именуется н е о п р е д е л е н н ы м в отличие от о п р е д е л е н н о г о, т. е. стоящего с дополнением».

Установив первоначальное деление глаголов на переходящие и непереходящие, Буслаев указывает: «Как переходящие, так и непереходящие по залогам делятся на действительные, страдательные, средние и возвратные». «Действительные глаголы» определяются следующим образом: «Действительный глагол означает действие предмета, переходящее на другой предмет, которого название ставится в винительном падеже». В виде отдельного разряда действительных глаголов Буслаев отмечает винословные глаголы, т. е. такие производные глаголы, которые приписывают подлежащему причину, заставляющую кого-нибудь производить действие, выраженное первообразным глаголом, от которого «винословный происходит». «Страдательные глаголы» Буслаев определяет следующим образом: «Страдательный глагол означает состояние предмета, произведенное действием другого. Напр., *любим отцом и матерью*». В качестве формы выражения страдательного залога указывается страдательное причастие. Далее автор определяет «средние глаголы». «Средний глагол означает состояние или действие предмета, не переходящее на другой предмет. Напр., *спать*, *ходить*». К этому залогу относятся, указывает Буслаев, и глаголы *быть*, *стать* как в значении самостоятельных глаголов, так и в значении вспомогательных. «Возвратные глаголы» определяются следующим образом: «Возвратный глагол означает действие предмета, обращенное на самого действователя, и состоит из глагола действительного с местоимением *-ся*, поставленным в винительном падеже, по требованию этого глагола. Напр. *умываться*, *одеваться* (т. е. умывать себя, одевать себя)». Дав определение возвратных глаголов, Буслаев указывает, что к ним принадлежат

также взаимные и общие глаголы. Тут же отмечается, что ряд глаголов, оканчивающихся на *-ся*, имеет значение средних глаголов, как, например, *радоваться*, *печалиться*, *стучаться* и др. Это же относится и к общим глаголам. В виде особого разряда возвратных глаголов Буслаев выделяет глаголы, оканчивающиеся на *-ся*, но «произведенные не от действительных, а от средних глаголов; напр., *белеть — белеться*, *краснеть — краснеться* и проч.».

Такова намеченная Буслаевым система залогов. В дальнейших параграфах Буслаев освещает ряд конкретных вопросов, относящихся к истории или кругу значений отдельных залогов. Совершенно естественно, что, поскольку изложенная Буслаевым система залогов принципиально не отличается от системы Востокова, все характерные для последней недостатки содержатся и в ней [20]. Однако основное значение в разделе о залогах «Исторической грамматики» Буслаева принадлежит не изложенной там общепринятой системы залогов, а дальнейшим высказываниям, пролившим свет на различные относящиеся к проблеме залогов явления, происхождение и сущность которых ранее были неясны.

Интересны приводимые Буслаевым данные из памятников, что переходный или непереходный характер глаголов изменяется в процессе исторического развития. Так, в качестве примера в современном языке непереходного, а в древности переходного приводится глагол *плакать*, который, по мнению Буслаева, первоначально имел смысл *полоскать*, *омывать*, *орошать*. Поэтому, указывает Буслаев, старинный и народный глагол *плакатися*, *плакаться* (в смысле нынешнего *плакать*) собственно значит: *омываться*, *орошаться* (слезами). Например, «плакася по мужи своем», Лавр. лет. 29; плачется мати Ростиславля по уноши», Слово о полку Игор. В качестве примера употребления глагола *плакать* как переходного в народном языке, Буслаев приводит следующее: «Не плачь своей красы, не плачь своих ясных очей».

Очень важным является также указание Буслаева, что основным средством, с помощью которого непереходные глаголы переходят в разряд переходных, является прибавление приставки (по выражению Буслаева: «приставка предлога»), например *лежать* и *от-лежать* бока, *спать* и *про-спать* обед. Касаясь глаголов с суффиксом *-ся*, Буслаев указывает, что «по первоначальному своему составу всякий глагол с *-ся* есть глагол возвратный, т. е. т а к о й, к о т о р ы й о б р а щ а е т д е й с т в и е н а с а м о г о

[20] Подробный анализ системы залогов, данной Буслаевым, см. в кн.: Н. Н е к р а с о в. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 38 и след.

действователя, означаемого этим местоимением в винительном падеже (разрядка моя.— *И. М.*), однако по употреблению в предложении форма возвратного залога получает различное значение: или собственно возвратного залога, или взаимного, или среднего, или страдательного». Таким образом, Буслаев категорически утверждает, что исконным значением глаголов на *-ся* является значение возвратного местоимения в винительном падеже. Касаясь таких глаголов, как *светится*, *смеется*, Буслаев указывает, что сочетание этих глаголов с возвратным местоимением в винительном падеже говорит о том, что древний язык мог каждому глаголу придать и переходный и непереходный характер. Другое мнение о первоначальном значении частицы *-ся* (в сочетании с глаголом) мы встречаем у современника Буслаева — К. С. Аксакова. Аксаков в своей критической статье на «Историческую грамматику» Буслаева (см. «Русская беседа», 1859 г. № 5, 6), разбирая различные глаголы с *-ся* типа *ругаться*, *слушаться*, *светиться*, где *-ся* не может быть объяснено как возвратное местоимение в винительном падеже, приходит к выводу, что исконное значение *-ся* в глаголах типа *ругаться* и глаголах типа *светиться* сводится соответственно к значениям возвратного местоимения в родительном и дательном падежах.

В непосредственной связи с определением Буслаевым древнего значения *-ся* находится его указание относительно того, что «все возвратные глаголы, в том числе и «общие», могли (в древности) обходиться без *-ся*». Таким образом, Буслаев и не ставил проблемы о так называемом reflexivum tantum [21].

У Буслаева мы встречаем указания, что частица *-ся* может быть и при страдательных причастиях. Так, он приводит пример: «как соглашенось, так и сделано» (Пересм. 3, 230).

Опираясь на это именно указание, Некрасов затем утверждал, что любой глагол в любой форме может сочетаться с *-ся*.

Разбирая значение возвратных глаголов, Буслаев значительно четче, чем все его предшественники, указывает, что «употребление возвратного глагола в значении среднего, взаимного, страдательного или собственно возвратного залога зависит от смысла, данного этому глаголу в предложении. Так, например, *драться* в предложении *больно дерется* (т. е. силен в драке) есть глагол средний, а в предложении *дерется с неприятелем* — глагол взаим-

[21] У Дельбрюка в основе изучения древних индоевропейских залогов — понятие о «medium tantum».

ный; *умываться* — в предложении *он каждое утро умывается* (т. е. умывает себя) — глагол возвратный, а в предложении *лицо умывается* (т. е. бывает умываемо) *холодной водой* — глагол страдательный».

Очень поучительным является указание Буслаева, что залоговые значения глаголов с *-ся* изменяются с течением времени. В качестве примера приводится глагол *посылаться* (*послаться*), который имеет более позднее страдательное значение и более раннее среднее значение, ср. в Ипатьевской летописи: «и послася (вместо послал.— *И. М.*) Изяслав к Ротиславу», 37; «Галичане же вси и Судислав послашася (т. е. послали.— *И. М.*) по Данила», 37.

Касаясь форм выражения собственно-возвратного значения, Буслаев указывает: «Собственно-возвратный глагол означает явственное обращение действователя на него самого и для того переносит ударение на возвратное местоимение: тогда вместо древнейшего и слитного *ся* требует при себе позднейшего и отдельного винит. пад. *себя*, чем и отличается от залога страдательного или среднего; напр., *называть себя* — глагол возвратный,— *называться* — страдательный, *жжет себя* — возвратный, *жжется* — средний» (§ 177). Неясно, однако, как Буслаев определяет глаголы типа *умываться*, *одеваться*,— относит ли он их к собственно-возвратным или также считает средними.

В разделе о взаимном залоге Буслаев указывает, что этот залог может быть выражен не только в форме «возвратного глагола», но и в форме действительного глагола, например, *сражаться* с кем, *разговаривать* с кем. Затем следует очень характерное добавление: «Собственная форма взаимного глагола есть возвратная. Действительный или средний глагол тогда только получает значение взаимного, когда по самому смыслу своему показывает взаимное действие двух или нескольких предметов; например: *воевать*, *спорить*. Но когда глагол в форме действительного залога сам по себе не означает взаимного действия, тогда для перевода такого глагола в залог взаимный присовокупляется к форме действительного залога местоимение *-ся*. Например, *бить* кого и *биться* с кем; *сходить* и *сходиться* с кем, с чем» (§ 178). Здесь Буслаев вплотную подходит к разграничению лексического и формального значения слова, однако мы не находим определенного указания о том, что в глаголах типа *спорить*, *разговаривать* взаимное значение морфологически не выражено, но определяется синтаксически.

Переходя к страдательному залогу, Буслаев отмечает, что основной формой выражения страдательного залога являются страдательные причастия. При этом указывается, что и в другие пе-

риоды и в современном языке многие страдательные причастия производятся от непереходных глаголов.

Всего у Буслаева три формы выражения страдательного залога: 1. Страдательные причастия. 2. Глаголы с *-ся*, «восполняющие недостаток самостоятельного спряжения страдательного глагола». 3. Глагол без *-ся* «при лице действующем, означенном или творительным падежом или предлогом от». Пример приводится из стих.: «Залегла та дорога тридцать лет от того Соловья разбойника».

Резюмируя все сказанное Буслаевым о залогах, необходимо повторить, что им освещены многочисленные факты древности и современного ему состояния залогов, чем он, безусловно, подготовил ту основу, на которой только и может быть построено правильное решение проблемы залогов в целом.

Н. Некрасов о залогах[22]. Некрасов вопросу о залогах уделил много места в своей книге. Все его высказывания можно разделить на две части: одна, бóльшая, посвящена критике помещенных в Академическом словаре указаний о залогах глаголов, а также раздела о залогах в «Исторической грамматике» Буслаева (попутно критикуется также ряд замечаний К. С. Аксакова о развитии значений глаголов с *-ся*); в другой — автор пытается наметить новую систему русских залогов. Наибольшего внимания заслуживает вторая часть.

Автор исходным пунктом своей системы залогов берет упомянутое деление Далем всех глаголов на два разряда. Приведя соответственную цитату из Даля, Некрасов добавляет: «Мы видим в этом делении простой, здравый научный смысл русского человека, не забитого теориею и школярством, и меткий взгляд на самую теорию русского глагола». Далее автор замечает: «Как ни справедливо деление глаголов, предложенное В. И. Далем, в научном отношении, однако оно требует объяснения, или лучше сказать, некоторого оправдания». Вот этому-то объяснению Некрасов и посвящает свои дальнейшие рассуждения. Первое положение, выставляемое Некрасовым, заключается в том, что все без исключения русские глаголы могут употребляться и в форме с *-ся* и в форме без *-ся*. В подтверждение приводятся примеры из народных песен, где даже глагол *быть* выступает в форме с *-ся*: *Будучись* Садко купец, богатый гость, Под славным Новым Городом... (Киреевский П, 2, стр. 34).

Затем автор задается целью выяснить общее значение аффикса *-ся* в глаголах. Приведя ряд глаголов типа *ругаться*, *жечься*

[22] Н. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865.

попасться, где *-ся* не имеет значения возвратного местоимения в винительном падеже, Некрасов указывает: «...с течением времени, получив в языке полную свободу присоединяться к каждому глаголу, она (частица *-ся*.— *И. М.*) обнаружила особенное свойство русского глагола, потеряла значение возвратного местоимения *себя*... и стала простою прибавкою в конце, сделалась чисто образовательной формой русского глагола (разрядка моя.—*И. М.*), разделив его на две категории: на глаголы с окончанием *-ть* без *-ся* и с окончанием *-ть* с *-ся*». Для уяснения значения этой образовательной формы приводятся опять примеры из народного языка:

Сколько видела молода (жена) Добрынюшку на добра коня *сядучись*. Уехал тут Добрынюшка во чисто поле. Тут не две утушки серые сплывалися, Не две белые лебедушки сплеталися: Садилася свекровушка да невестушка в одно место, Плачут обливаются, Да молода Добрынюшку из чиста поля дожидаются, *Приедучись не начаются*.

Анализируя последнее предложение *Приедучись не начаются*, Некрасов говорит: «...Формою *приедучись* обращается главное внимание на приезд Добрыни, а не на самого Добрыню. *Приедучись не начаются* — не дождутся *приезда его*...». Относительно формы *начаются* автор указывает: «...и в форме *не начаются* приставкою в конце *-ся* выражается самостоятельность действия, т. е. что действие, быв однажды возбуждено к проявлению, идет как бы само собою помимо даже воли действующего, которому оно приписывается» (стр. 73). Заключая анализ этих двух форм, автор замечает, что *-ся* прибавляется к глаголу во всех тех случаях, когда мысль сосредоточивается главным образом на проявлении самого действия, а не на отношении действия к действующему предмету.

Некрасов считает, что данное значение глагольных форм с *-ся* проявляется наиболее ярко в тех случаях, где частица *-ся* прибавляется к страдательным причастиям:

Ай же ты Иванушко Годинович! Ты почто у меня взял Настасью-то Дмитриевну? У меня три года как *сосватанось*. У меня замаленька да было хожено, У меня замаленька да было *боротось*; Горит душа, мне хочется С вашими братцами поборотися.

Для выяснения значения форм *сосватанось*, *боротось* автор на этот раз пользуется методом сопоставления. Сравнивая *сосватанось*, *боротось* с соответственными формами *сосватано*, *борото*, поместив их в этот же контекст, Некрасов указывает, что при формах без частицы *-ся* сразу же возникает вопрос: что

сосватано? что борото? Между тем формы *сосватанось*, *боротось* характерны именно тем, что здесь такого вопроса не возникает, так как эти формы, по выражению автора, «удаляют мысль о предмете, сосредоточивая ее на проявлении самого действия». Сравнивая частицу *-ся* с немецким sich и французским se, Некрасов указывает, что в то время, когда последние имеют только одно личное возвратное значение, частица *-ся* имеет общее возвратное значение, т. е. частица *-ся* в отличие от sich и se, относится не столько к лицу или вообще к действующему предмету, сколько к самому действию. В этом Некрасов и находит причину, того, что русские глаголы, изменяясь по лицам, не изменяют возвратной частицы *-ся*. Это формулируется следующим образом: «Возвратное *-ся*, утратив в соединении с глаголом свой определенный, ограниченный смысл личного возвратного местоимения, стало в русском языке простою приставкою возвратного значения при глаголах, сообщающего действию смысл самостоятельности проявления».

Резюмируя свои взгляды на залоги, Некрасов говорит: «Каждый русский глагол может быть употреблен в своей прямой первоначальной форме на *-ть* и в форме обратной, или возвратной, на *-ться*. В первом случае глагол имеет значение д е й с т в и я о т н о с и т е л ь н о г о, т. е. такого, которое представляется нашему сознанию исходящим и, следовательно, зависящим в своем проявлении от предмета действующего; во втором случае глагол получает значение действия самостоятельного, т. е. такого, которое представляется нашему сознанию проявляющимся в предмете как бы независимо от этого последнего.

Глаголы первого разряда можно назвать по форме прямыми, а глаголы второго разряда — возвратными, но не в том смысле, в котором они называются так в наших грамматиках. По нашему мнению, глагол имеет возвратное значение по отношению к тому действию, которое им выражается, а не по отношению действия к лицу, или к предмету действующему».

Таким образом, Некрасов считает, что общее значение глагольных форм с *-ся* заключается в самостоятельном проявлении действия. Иными словами, глагол в форме с *-ся* обозначает действие, которое мыслится независимо от его субъекта и объекта. Думаю, что это верно только в отношении таких своеобразных случаев, как *приедучись*, и то в соответственном стилистическом окружении. Однако достаточно сопоставить несколько обычных глагольных форм с *-ся* с соответственными формами без *-ся*, чтобы убедиться, что предлагаемое Некрасовым объяснение к подавляющему большинству глагольных форм с *-ся* неприложимо. Дей-

ствительно, чем в предложении *он моется* или *он кусается* действие проявляется более независимо от своего субъекта, чем в предложении *он моет* или *он кусает*?

Оценивая все сказанное Некрасовым о залогах, можно установить следующее. 1. Некрасов отчетливо показал, что аффикс *-ся* в глаголах имеет значение словообразовательного элемента, а отнюдь не значение возвратного местоимения в каком бы то ни было падеже. 2. Ценным является указание Некрасова, что подавляющее (все же не все) большинство русских глаголов может сочетаться с *-ся* и с этой точки зрения представляется возможность установить два основных разряда залогов — с формой с *-ся* и с формой без *-ся*. 3. В отношении определения формально-залогового значения аффикса *-ся* мы находим у Некрасова только отдельные правильные наблюдения. Однако эти наблюдения сыграли существенную роль для выяснения всего многообразия формально-залоговых значений глаголов с *-ся*, как и для правильного решения всей проблемы о залогах в целом.

Ф. Ф. Фортунатов [23] устанавливает категорию залога, как и другие грамматические категории, по принципу грамматической соотносительности слов. Анализируя многообразие глагольных форм с *-ся* в русском языке, Фортунатов в первую очередь выделяет такие глаголы с *-ся*, которые без *-ся* не существуют, и указывает, что они вследствие отсутствия соотносительности не имеют значения отдельной грамматической формы. Затем Фортунатов следующим образом классифицирует все глагольные формы с *-ся*: а) формы с *-ся*, образованные от переходных глаголов; б) формы с *-ся*, образованные от непереходных глаголов. Выясняя отдельные значения, которые имеют формы с *-ся*, образованные от переходных глаголов, Фортунатов указывает: «В форме возвратного залога от глаголов переходных различаются:

1. Значение возвратное, и притом прямое возвратное, от глаголов, обозначающих действия на внешнюю сторону объектов; следовательно, глаголы в возвратной форме с таким значением обозначают действия, направляемые на внешность (тело, части тела) лиц речи, являющихся производителями этих действий; например, *умываться*, *одеваться*, *мазаться*, *краситься*, *защищаться* и др.

2. Значение взаимное (взаимно-переходное); от глаголов, обозначающих в возвратной форме взаимные действия, т. е. такие, при которых каждый из двух или нескольких

[23] Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола.— «Известия ОРЯС», т. VI, кн. 4. СПб., 1899.

субъектов действия является вместе с тем объектом того же действия, производимого другим субъектом или другими субъектами; например: *любиться*, *целоваться*, *грызться*.

3. Значение изменения, происходящего в состоянии самого субъекта признака; от глаголов, обозначающих в невозвратной форме действия, производящие изменения в состояниях объектов, например: *сердиться*, *томиться*, *радоваться*, *мучиться*, *гнуться*, *вертеться*, *кидаться*, *литься* и многие другие, между прочим и *садиться*, *становиться* в их соотношении с *садить*, *становить*, между тем как *садиться*, *становиться* при *сесть*, *стать* в соотношении с *сидеть*, *стоять* имеет, понятно, другое значение, не связанное с формой залога.

4. Значение действия, рассматриваемого в отвлечении от объектов, т. е. по отношению лишь к субъекту действия: *кусаться*, *браниться*, *обещаться*, *проситься* и др.

5. Значение страдательное; возвратная форма с значением страдательным не употребляется или является неудобною в глаголах, имеющих возвратную форму с значениями 2—4, а при возвратной форме с возвратным значением допускается и возвратная форма с страдательным значением от того же глагола, так как здесь различие в значении глагола, получающего и ту и другую возвратную форму, определяется из различия в подлежащем к глаголу».

Здесь Фортунатовым определены наиболее важные значения глагольных форм с *-ся*, образованные от переходных глаголов. Можно, однако, указать, что Фортунатовым не исчерпаны все типичные значения глагольных образований с *-ся*. Так, ни в одну из рубрик установленных Фортунатовым значений нельзя поместить глаголы типа «Я *задаюсь* вопросом», «Они *запаслись* провиантом», «Он *кидается* камнями» и т. д. Глаголы типа «Я *советовался* с ним», «Я *делюсь* с ним всем, что у меня есть» довольно близки к взаимным глаголам, все же они не подходят под данное Фортунатовым определение взаимного значения.

Установив ряд отдельных значений, Фортунатов следующим образом определяет и общее значение форм с *-ся*, образованных от переходных глаголов: «Общее значение формы на *-ся*, образуемой от переходных глаголов, состоит в том, что она изменяет значение переходного признака (действия в его переходности) в значение признака непереходного, т. е. такого, который заключает в себе отношение только к предмету мысли, являющемуся субъектом этого признака.

Следовательно, форма на *-ся* от переходных глаголов, называемая нами по ее происхождению (засвидетельствованному об-

разованием) формою возвратного залога, представляет собой теперь по ее значению непереходную форму глагола и может быть определяема именно как форма непереходного залога; формами залога называются в грамматике те глагольные формы, которые обозначают различия в отношении признака, выражаемого глагольною основой, к его субъекту, а непереходность признака, обозначаемая формой на *-ся*, есть именно известное отношение данного признака к его субъекту» (стр. 1155).

Разбирая глагольные формы с *-ся*, образованные от непереходных глаголов, например, *хвастаться*, *краснеться* Фортунатов указывает, что данные формы с *-ся* не имеют значения непереходного залога, так как при них нет соотносительных форм без *-ся* с переходным значением. Грамматическое значение этих образований с *-ся* заключается только в усилении непереходности. К этой группе форм Фортунатов не относит глаголы типа *смотреться*, *стучаться*, так как эти глаголы, по мнению Фортунатова, разошлись по значению с соответственными *смотреть*, *стучать* и поэтому должны быть отнесены к группе «общих» глаголов; все глаголы с *-ся* составляют один синтаксический класс глаголов. Эти глаголы связываются между собой тем, что «присутствием *-ся* в образовании форм все эти глаголы обозначаются как непереходные, т. е. как не сочетающиеся с дополнением в винит. падеже, и как соотносительные поэтому с глаголами переходными, получающими дополнение в форме вин. падежа и обозначенными при посредстве этой падежной формы в качестве глаголов с переходным значением». К синтаксическому классу непереходных глаголов Фортунатов относит также и безличные образования с *-ся* типа *икается*, *спится*.

Построенная Фортунатовым система залогов основана на принципе соотносительности грамматических форм и соответственных значений. Отказавшись от прежней системы, насчитывавшей до шести залогов, и определяя залоги как глагольные формы, обозначающие различия в отношении действия к субъекту, Фортунатов в глаголах различал только два залога [24]: переходный залог — глагольные формы без *-ся*, имеющие переходное значение, и непереходный залог — соотносительные формы с *-ся*, имеющие непереходное значение.

Д. Н. Овсянико-Куликовский о залогах [25]. Система залогов, разработанная Овсянико-Куликовским и его учителем А. А. По-

[24] Фортунатов не касался в своей статье вопроса о залогах в причастиях.
[25] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.

тебней [26], существенно отличается от системы Фортунатова. Овсянико-Куликовский дает следующее определение залога: «Залогами называются те глагольные формы, в которых воспроизведено отношение подлежащего, как лица действующего, к сказуемому, как к действию, с точки зрения подлинности, фиктивности и мнимости роли подлежащего, как производителя признака, данного в лексическом значении глагола-сказуемого».

Это определение автор поясняет следующими примерами. В предложении *Я гуляю* подлежащее *я* «представлено» как подлинный производитель признака, данного в лексическом значении слова *гулять*; в предложении *Камень лежит* подлежащее *камень* «представлено» как фиктивный производитель признака, а в предложении *Крепость была взята* подлежащее *крепость* «представлено» как мнимый производитель признака. Далее автор дает определение «залогового значения» глагола: «Вот именно свойство глагола — представлять эту роль подлежащего так или иначе, изображать его деятельность либо как подлинную, либо как фиктивную или мнимую, и называться его «залоговым значением».

Несмотря на то, что Овсянико-Куликовский допускает три возможных способа представления подлежащего как производителя признака (подлинного, фиктивного и мнимого), он все же устанавливает только два основных залога: действительный и страдательный: «Действительный залог есть форма глагола, заставляющая нас мыслить подлежащее как лицо действующее, причем самая деятельность его может быть либо подлинною, либо фиктивною». В качестве примеров приводится: *Я говорю*, *Он заболел* и др. «Страдательный залог есть форма глагола, заставляющая нас мыслить подлежащее как недействующее или, лучше, мнимо действующее и только отвечающее на вопрос: «кто? что?»: Он *был избран* огромным большинством.

Установив действительный и страдательный в качестве основных залогов, Овсянико-Куликовский намечает в них ряд разновидностей. Глаголы действительного залога он делит на две группы: переходных и непереходных глаголов. Переходные в свою очередь подразделяются на: переходные в тесном смысле, требующие прямого дополнения и переходные в обширном смысле,— глаголы, не могущие иметь прямого дополнения, сочетающиеся с существительным в косвенных падежах. Значительно больше подразделений устанавливает-

[26] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. I—II — Харьков, 1888; III — Харьков, 1899; IV—1941.

ся среди непереходных глаголов. Здесь различаются: а) непереходные глаголы, могущие быть и переходными, например: красно *говорить*; б) непереходные глаголы, характеризующиеся частицей *-ся*, которую нельзя отделить (*скитаться*). По поводу глаголов этого типа указывается, что им «*-ся* придает особый оттенок, в силу которого действие (состояние), выражаемое лексическим значением глагола, представлено и как бы освещено с точки зрения действующего лица,— в особливом отношении к этому последнему...»; в) непереходные с *-ся*, после отделения которого получается переходный глагол; например, *возиться*, *рыться*, *носиться* и др.; г) возвратные (*мыться*, *чесаться*); д) взаимные (*драться*, *целоваться*); е) те же глаголы (типа *драться*), но без указания на взаимность. В качестве примера приводится: Что ты *дерешься*?; ж) непереходные, «имеющие этот характер в зависимости от самого лексического значения глагола» (*спать*, *летать*, *жить*, *умирать*, и др.). В отношении глаголов последней рубрики указывается, что в тех случаях, когда при них имеются важные дополнения, они могут быть поняты и как переходные. Приводятся примеры, где одни и те же глаголы выступают то как переходные, то как непереходные.

Глаголы *плакать* и *рыдать* понимаются как непереходные: — Где же он? — Он там! — Где там? — Не знаем! *Мы только плачем и рыдаем*: О, горе нам, рожденным в свет! (Державин).

Глагол *рыдать* понимается как переходный: *Не рыдай* так безумно над ним: Хорошо умереть молодым... (Некрасов).

Разъясняя понятие переходности и непереходности, Овсянико-Куликовский указывает: «Понятие переходности и непереходности как залогового значения глаголов (разрядка моя.— *И. М.*) может быть кратко выражено так: употребляя какой-либо глагол (в предложении), мы представляем себе его специальные отношения к действующему лицу, с одной стороны, и к внешним предметам (объектам) — с другой; если в нашем грамматическом ощущении перевешивают первые (отношения к действующему лицу), то это глагол непереходный; если перевешивают вторые (отношения к объектам), то это глагол переходный...— Так как отношение глагола-сказуемого к подлежащему выражается в согласовании, а его отношение к дополнению — в управлении, то непереходность есть перевес согласования (и сопутствующих ему ощущений) над управлением. Переходность — наоборот».

В страдательном залоге Овсянико-Куликовский выделяет две разновидности. Первая формально выражается сочетанием краткого причастия со вспомогательным глаголом. Залоговый

оттенок этой разновидности заключается, по словам автора, в полной мнимости подлежащего как производителя признака, например: *Подсудимый был оправдан.* Вторая разновидность формально выражается глаголами с *-ся.* Залоговый оттенок в данном случае заключается в неполной мнимости подлежащего как производителя признака: *Эта книга читается легко.* По поводу этой разновидности автор указывает: «Деятельность подлежащего и здесь, конечно, мнимая, но только степень этой мнимости уже не та, что в первой разновидности страдательного... Так, например, в выражении, «эта дверь плохо *запирается*» довольно ясно сквозит представление о двери, как о действующем лице, как будто дверь сама так делает, что ее трудно запереть. В других случаях, соответственно лексическому значению глагола, мнимость уже больше, например: книга *печатается*, обед *варится*... Но при всем том отсутствие страдательного причастия и действительная форма глагола в этом обороте обуславливает собой то, что подлежащее здесь не имеет столь яркого характера мнимости (в смысле производителя признака), каким оно отмечено в обороте с причастием страдательным».

В. А. Богородицкий о залогах [27]. Богородицкий в начале раздела о залогах конкретно определяет принцип, который кладется им в основу классификации глаголов по залоговым группам: «Соответственно различной природе действий и, следовательно, своему реальному значению, глаголы классифицируются на роды или залоги».

Богородицкий устанавливает два основных рода действий — переходные и непереходные. Переходные — это такие действия, которые представляются нами, как «совершаемые» над каким-либо объектом, а непереходные действия представляются «как просто проявляемые субъектом без отношения к какому-либо объекту». Глаголы, обозначающие действие первого рода, относятся к действительному залогу; глаголы, обозначающие действия второго рода, относятся к среднему залогу. Тут же указывается, что внешнее различие глаголов, означающих эти два рода действия, выражается в «присутствии или отсутствии при глаголе винительного падежа».

Далее Богородицкий указывает, что как физические, так и психические действия, обозначаемые непроизводными глаголами, распределяются среди указанных двух родов. Так, физические действия распадаются на два класса: а) действия, представляю-

[27] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, М., 1935.

щие собой определенные операции над внешним миром; они относятся к действительному залогу, б) действия, касающиеся состояния самого субъекта; они относятся к среднему залогу. Точно так же делятся на два класса психические действия: а) действия сенсорного характера, например, *вижу*, *слышу* относятся к действительному залогу; б) действия эмоционального характера, например, *скорблю*, относятся к среднему залогу. В этой связи автором указывается, что различная природа действий переходного и непереходного характера «рельефно отражается» в способе составления сложных глагольных форм в новых европейских языках; для сравнения приводятся, с одной стороны, j'ai lu le livre и, с другой стороны,— je suis venu. Установив в качестве основных действительный и средний залоги, Богородицкий указывает, что при действительном имеется параллельный страдательный залог, который употребляется тогда, когда действие представляется «со стороны испытывающего его объекта».

Все глаголы среднего залога подразделяются Богородицким на три группы: 1) собственно- или первично-средние (*иду*), 2) возвратно-средние (*бьюсь об стену*) и 3) взаимно-средние (*бьемся на шпагах*). По поводу возвратно-средних глаголов указывается, что они некогда принадлежали к действительному залогу, имея при себе в качестве дополнения возвратное местоимение. В результате произошедшего процесса опро́щения [28] эти глаголы потеряли возвратное значение и получили значение среднего залога. Относительно взаимно-средних глаголов (типа *драться*, *бороться*) Богородицкий высказывает преположение, что вначале они возникли в форме множественного числа (мы *боремся*) и только в дальнейшем образовалось и единственное число по «аналогии к другим глаголам». Для иллюстрации приводится следующая формула: «моемся: моюсь = боремся : х; х = борюсь».

А. А. Шахматов о залогах [29]. Шахматов в «Синтаксисе» намеревался дать всестороннее теоретическое освещение проблемы, а также обстоятельно разработанную систему залогов в русском языке. Как известно, Шахматову не удалось закончить свою работу над синтаксисом, и трудно судить, в какой мере в имею-

[28] Опро́щением Богородицкий называет «морфологический процесс, посредством которого слово с сложным морфологическим составом утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления».

[29] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. 1925; Он же. Синтаксис русского языка. Вып. 1 — 1925; вып. 2— 1927.

щемся там разделе о залогах осуществлена задача, поставленная перед собою Шахматовым. Исходя из этого, представляется более целесообразным выносить общее суждение о понимании Шахматовым вопроса о системе залогов глаголов русского языка на основе соответственного раздела не «Синтаксиса», а «Очерка», так как последний представляет собою законченный автором труд. Предварительно, однако, остановлюсь на отдельных высказываниях Шахматова в «Синтаксисе». Теоретически освещая вопрос о категории залога, Шахматов производит сопоставление категории лица с категорией залога. Он указывает, что в отличие от категории субъекта, нашедшей выражение в личных окончаниях глаголов, категория объекта (отношение признака к объекту) в ряде случаев морфологически обнаруживается в залоге. «Для теоретического освещения вопроса интересно сослаться на то, что в некоторых языках категория объекта находит себе выражение, сходное с выражением субъекта, т. е. обнаруживается в присоединяемых к глагольным формам окончаниях, соответствующих названию объекта, каковым может быть первое лицо ед. ч., 2-е лицо ед. ч., 3-е лицо ед. ч. и соответствующие лица мн. ч. Таковы языки венгерск., морд.».

Указывая, что в ряде языков категория залогов представляется весьма разветвленной, Шахматов замечает, что в славянских языках, как и во многих других индоевропейских языках, категория залога находит гораздо более ограниченное выражение. «В них формами залога выражается или только отношение субъекта к объекту действия, или же невозможность сочетать данный глагол с объектом».

Интересны рассуждения Шахматова о психологической природе процесса развития страдательного залога. Автор указывает, что обычная последовательность представлений такова: субъект коммуникации — предикат — объект. Так как обычно agens выступает в качестве субъекта коммуникации, а patiens — в качестве объекта, последовательность представлений может быть изображена и следующим образом: Agens — praedikat — patiens, например: *собака укусила мальчика*. В отдельных случаях, указывает Шахматов, словесные формы дают возможность видоизменять обычную последовательность без нарушения смысла, например: *мальчика укусила собака*. В данном случае объект коммуникации предшествует предикату, а субъект следует за предикатом. Это, по словам Шахматова, простая инверсия, которая зависит от преходящих психологических причин и не меняет форм сочетающихся при этом слов. Эта инверсия может, однако, «развернуться в особую психологическую картину, настолько устойчивую, что

она находит себе и особое выражение в слове». Так, если в вышеприведенном примере *мальчика укусила собака* patiens (мальчик) попадает на место субъекта коммуникации, то он видоизменяет этим самым психологическую природу предиката; сказуемое принимает форму страдательного залога, а agens, заняв место объекта, принимает форму косвенного дополнения: *мальчик укушен собакой*. «Отсюда следует,— заключает Шахматов,— что страдательный залог своей формой показывает, что сочетавшееся с ним название субстанции перестает быть производителем действия, agens, а превращается в его patiens».

Интересно сравнить приведенные рассуждения Шахматова с тем, как Пешковский объясняет страдательное значение глагольных форм с *-ся*: «Когда мы говорим *он убивается бандитом*, мы мыслим этот оборот, несомненно, иначе, чем, положим, *он закалывается кинжалом*, и это доказывает, что *бандитом* здесь не *простое орудие*, а что-то вроде действующего лица. Но, с другой стороны, это значение действующего лица здесь, конечно, гораздо бледнее, чем во фразе *его убивает б а н д и т*. Орудная природа формы *бандитом* не может до конца исчезнуть. Равным образом и *он*, даже когда он не сам *убивает*, а *убивается* кем-то, сознается совсем не так, как *его* во фразе *е г о убивает бандит*» [30].

В «Очерке» Шахматов дает следующее определение залога: «Формами залога называются те различные, произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту». Отметив, что морфология при изучении залогов занимается выяснением тех формальных средств, которыми выражается категория залога, Шахматов указывает, что в русском языке имеется два формальных способа выражения залога. К первому Шахматов относит исконно существующие различные формы причастий, образованных а) от глаголов, обозначающих действие или состояние, проистекающее от самого субъекта (причастие действительного залога), и б) от глаголов, обозначающих действие, переходящее с другого (психологического) субъекта на субъект предиката (причастия страдательного залога). Здесь же указывается, что «благодаря употреблению спрягаемых форм причастий» (краткие причастия с вспомогательным глаголом) могут быть образованы формы страдательного залога типа *я уважаем*, «которые противополагаются формам действительного залога».

[30] А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении, М., 1938, стр. 132.

В качестве примеров последних приводятся глаголы типа *я уважаю*.

Вторым способом выражения категории залога Шахматов считает прибавление частицы *-ся* и указывает, что их можно было бы в противоположность глаголам без *-ся*, относящимся к действительному залогу, считать глаголами недействительного залога, но в силу того, что некоторые из них имеют страдательное значение, а другие не имеют страдательного значения, они все обозначаются общим термином — глаголы среднего залога. После этих предварительных разъяснений Шахматов говорит, что он различает в русском языке три залога: действительный, страдательный и средний.

1. «Действительный, обозначающий действие или состояние, проистекающее от самого субъекта, производимое или осуществляемое им: *нести*, *ходить*, *глохнуть*, *богатеть*. Формально этот залог отличается от среднего отсутствием окончания *-ся* в произведенных от соответствующего глагола формах».

2. «Страдательный, обозначающий действие, переходящее на субъект с другого (психологического) субъекта. К страдательному залогу принадлежат причастия». К определению страдательного залога добавляется, что спрягаемые формы этого залога образуются спрягаемыми формами причастий и образованиями с *-ся* от переходных глаголов.

3. «Средний залог, обозначающий, что действие или состояние, выраженное глаголом действительного залога, подверглось тому или иному изменению в отношении его к субъекту, причем это изменение внесено в него частицей *-ся*: *моется*, *чешется*, *она оделась*, *они бранятся*, *ссорятся*». Те глаголы с *-ся*, в которых частица *-ся* неотделима, не имеют формы залога. В связи с этим Шахматов делит все русские глаголы на два класса: 1) глаголы, обозначающие залоговые различия, и 2) глаголы, такого различия не обозначающие. В отношении глаголов второго класса указывается, что среди них имеются такие, которые имеют ту же форму, что и глаголы действительного залога, но они не могут соединяться с частицей *-ся* (*идти*, *долженствовать* и т. п.). Другая группа глаголов этого класса имеет ту же форму, что и глаголы среднего залога, но без частицы *-ся* они не существуют. Глаголы последнего типа Шахматов называет отложительными.

С. Карцевский о залогах [31]. С. Карцевский считает залоги са-

[31] S. Karcevski. Système du verbe russe, Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.

мой «запутанной» проблемой русской грамматики. По его мнению, в традиции русской грамматики было принято называть залогами то, что в действительности представляло две разные системы отношений, из которых одна вращается вокруг понятия «объект», а центром другой является понятие «деятель». Последняя в свою очередь должна рассматриваться в двух планах: с точки зрения безличности процесса и с точки зрения отношений между деятелем и подлежащим. Таким образом, по мнению автора, надо различать три отдельных системы соотношений: а) переходность и непереходность, б) личное и безличное, в) актив и пассив. Далее Карцевский дает беглый обзор русской лингвистической литературы по вопросу о залогах, который имеет своей целью показать, что обычно грамматики не разграничивали четко перечисленные системы соотношений. Считая, что только отдельные авторы отделяли отношение действия к объекту от его отношения к деятелю, Карцевский говорит: «Мы отличаем систему отношений между процессом и деятелем от системы отношений между деятелем и подлежащим предложения; только последняя система отношений может быть точно определена как залоги» (подчеркнуто мной.— *И. М.*).

Исходя из такого понимания залогов, Карцевский отделяет вопрос о переходности и непереходности глаголов от вопроса о залогах, рассматривая переходность — непереходность в самостоятельной главе «Транзитивность», а залоги в разделе «Деятель и подлежащее» главы «Деятель». При освещении вопросов о переходности и непереходности глаголов, Карцевский основное внимание уделяет явлениям, которые он называет транзитивацией (изменение непереходного глагола в переходный) и нейтрализацией (изменение переходного глагола в непереходный). Он подробно пишет о префиксации глагола как средстве «транзитивации» непереходного глагола. Это явление и ранее привлекало внимание некоторых грамматиков. Выше приводились соответственные указания Буслаева. Значительно подробнее Буслаева этот вопрос осветил Некрасов. Разобрав ряд соображений, высказанных Некрасовым, Карцевский приходит к выводу: «Теоретически каждый непроизводный глагол транзитивируется посредством префиксации» и в качестве примеров приводит: *верить* > *уверить*, *проверить*, *заверить*, *доверить*, *сверить*; *ходить* > *исходить город*, *в ы х о д и т ь больного*, *у х о д и т ь кого-нибудь*; *сидеть* > *просидеть стул*, *подсидеть кого-нибудь*, *п е р е с и д е т ь кого-нибудь*, *о т с и д е т ь ногу*, *мухи в а с и д е л и зеркало*, *курица в ы с и д е л а цыплят*; *смеяться* > *высмеять*, *з а с м е я т ь кого-нибудь*; *лениться* > *разленили* (*вакации р а з л е н и л и*

его). И как яркий образчик того, что префиксация непереходного глагола совершенно определенно ассоциируется в сознании с транзитивацией этого глагола, приводит следующий диалог:

— Полноте! — промолвила она. Вы все смеетесь да шутите и *прошутите* так всю вашу жизнь.

— Гм! *прошутить* жизнь! Новое выражение. Ведь вы... употребили глагол шутить в смысле действительном (Тургенев, Затишье, IV).

Далее Карцевский, однако, указывает, что большое число непереходных глаголов, которые он называет непереходными по существу, «с трудом поддаются префиксации», а в тех случаях, когда префиксация возможна, она не сопровождается транзитивацией глагола. Сюда относятся многочисленные группы глаголов со словообразовательными суффиксами — *-ничать*: *разбойничать*, *либеральничать*, *полиберальничать*; *-еть*: *белеть*, *побелеть*; *-ать*: *ахать*, *заахать* и мн. др.

Затем Карцевский обращается к выяснению средств нейтрализации переходного глагола. Вначале он замечает, что по существу ничто не препятствует употреблению любого глагола как в переходном, так и в непереходном значении. Как характерный пример приводится созданный в Думе глагол *уйти* в переходном значении: *Не он ушел, а его ушли*. В качестве примеров, подтверждающих безразличное употребление всякого глагола и в переходном и в непереходном значении, приводятся переходные глаголы, не сочетающиеся в данном контексте с винит. пад.: *Этому ребенку всего пять лет, а он уже читает и пишет*. Карцевский замечает, что не все глаголы в одинаковой мере способны к безразличному употреблению в переходном и непереходном значении. Особенно это относится к префиксальным глаголам. Средством нейтрализации подобных глаголов является возвратная форма глаголов, которая приводит, по словам Карцевского, к сосредоточению процесса в самом себе применительно к лицу, заинтересованному в данном процессе. «Нет ни одного русского глагола,— говорит Карцевский,— как переходного, так и непереходного, который не мог бы быть употреблен в безличном обороте, чаще всего отрицательного характера, например, *мне не спится*, *не работается*; *ей взгрустнулось*; *надо было подсказать*, *да как-то не подсказывалось* и т. п.».

Другое средство нейтрализации заключается, по словам Карцевского, в ограничении процесса в сфере деятеля. Приводя возвратные формы различных глаголов: *я умываюсь*, *одеваюсь*; *я постучался*, *я отстряпалась* и т. д., автор указывает, что возвратная форма во всех этих случаях означает действие, совер-

шаемое самим субъектом для него самого. Карцевский полагает, что в таких случаях речь идет о действии, которое не имеет внешней цели. Действие носит внутренний характер, и в силу тенденции направлять действие на самого себя мы говорим: *Снег валится*, *Рыба берется*, *Парус белеется*, наряду с *Снег валит*, *Рыба берет*, *Парус белеет*.

Толкование Карцевским значения возвратных форм во многом сходно с толкованием Некрасова. Указывая, что частица *-ся* может присоединяться как к переходным глаголам, так и к непереходным, Карцевский не выделяет существенных отличий, характерных для возвратных форм в одном и другом случае. Если переходный глагол, присоединяя к себе *-ся*, действительно нейтрализуется, т. е. становится непереходным, то в отношении непереходных глаголов возвратная форма несет иные функции. Стирание Карцевским этих различий, конечно, не способствует выяснению всех реальных соотношений форм с -ся с соответственными формами без *-ся*. Карцевский, подобно Некрасову, сводит все значение возвратных форм к сосредоточению процесса в самом себе. Правильно указывая на «нейтрализующее» свойство возвратной формы в отношении всех переходных глаголов, Карцевский, однако, не вскрывает частных формально-залоговых значений, свойственных отдельным группам возвратных форм.

Значительный интерес представляют мысли Карцевского о значении префиксации как средства транзитивации непереходных глаголов. Думается, однако, что Карцевский несколько преувеличил значение префиксации в этом отношении. Во всяком случае, напрашивающаяся у автора аналогия между префиксацией как средством транзитивации, с одной стороны, и возвратной формой, как средством нейтрализации — с другой, представляется несостоятельной. Ведь эти явления существенно отличаются друг от друга. В то время как любой переходный глагол, сочетаясь с *-ся*, становится непереходным, очень многие непереходные глаголы (как это указано самим Карцевским), присоединяя к себе префикс, все же продолжают оставаться непереходными. Следовательно, по степени универсальности префиксация, как средство транзитивации, не сравнима с возвратными формами, как средствами нейтрализации. Кроме того, присоединение к непереходному глаголу префикса изменяет во всех случаях не только его грамматическое значение (транзитивация), но и лексическое (ср. приводимые автором: *верить*, *уверить*, *сверить*, *ходить*, *выходить* и т. д.). Между тем возвратные формы в страдательном значении не изменяют лексического значения слова: агент *отправляет* груз — груз *отправляется* агентом.

В разделе «Деятель и подлежащее» Карцевский, разъясняя понятие «деятель», указывает, что это именное понятие, которое соответствует субстанции, производящей действие (процесс). Роль этого представления (действующей субстанции) исключительно велика. Эта субстанция стремится всегда выступать в качестве подлежащего в предложении, и в зависимости от того, достигает она этого или нет, предложения выступают то как действительные, то как страдательные. Если действующая субстанция не утверждается в качестве подлежащего, наше лингвистическое сознание, по словам Карцевского, отказывается признать ее действительным деятелем. С другой стороны, подлежащее, не являющееся одновременно и деятелем, может быть легко опущено, и предложение становится тогда безличным. Своеобразие русского пассива, по мнению Карцевского, заключается в том, что он (пассив) представляет две разновидности. Одна является подлинным пассивом. Она выступает при сказуемом, выраженном страдательным причастием. Подобная страдательная конструкция близка к именному предложению, например: *Поле вспахано.* Этот тип пассива — полуглагольный и полуименной — соответствует идее состояния, являющейся результатом действия. К другой разновидности пассива Карцевский относит форму возвратного глагола в соответственном (страдательном) значении. Но эту разновидность Карцевский не считает пассивом в собственном смысле слова, а только имперфективной параллелью к первой разновидности, считая, что «гибридный» характер русского пассива полностью соответствует характеристике, данной Мишелем Бреалем индоевропейскому пассиву.

«Системе индоевропейских языков противоречит идея пассива, так как в этих языках фраза выступает в качестве маленькой драмы, где подлежащее всегда представлено как деятель (le sujet est toujours agissant)» [32]. Но это положение требует, конечно, подробного обоснования. Мы его не находим ни у Бреаля, ни у Карцевского.

[32] Michel Breal. Essai de sémantique (science des significations). Paris. 1897. стр. 95.

ЗАЛОГОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ С *-СЯ*

Глагольные образования с *-ся* являются основным средством выражения залогового значения в глаголах. Не все, однако, образования с *-ся* однородны с точки зрения категории залога. Наличие или отсутствие значения залога в том или ином образовании с *-ся*, а также конкретное содержание этого значения определяется характером соотношений между данной глагольной формой с *-ся* и соответственной формой без *-ся*. С этой точки зрения все образования с *-ся* могут быть разделены на три группы:

1. Образования с *-ся*, при которых имеются соответственные формы без *-ся*. Эта группа в свою очередь подразделяется на две подгруппы: образования с *-ся*, которым соответствуют формы без *-ся* с переходным значением (сочетающиеся с прямым дополнением). Например, *мыться — мыть* к о г о - л и б о, *сердиться — сердить* кого и т. д.; образования с *-ся*, которым соответствуют формы без *-ся* с непереходным значением (не сочетающиеся с прямым дополнением), например: *плеваться — плевать*, *хвастаться — хвастать* и т. д.

2. Префиксальные образования с *-ся*, в которых *-ся* представляет неразрывное единство с глагольным префиксом. В соответственных глаголах без *-ся* отсутствует и неотделимый от *-ся* префикс; эта группа подразделяется, подобно первой, на две подгруппы: префиксальные образования с *-ся*, которым соответствуют формы без *-ся* и префикса с переходным значением, например: *напиться — пить* что, *нахвалиться — хвалить* кого-что; префиксальные образования с *-ся*, которым соответствуют формы без *-ся* и префикса с непереходным значением, например: *сбежаться — бежать*, *разговорился — говорил*.

3. Образования с *-ся*, при которых нет соотносительных форм без *-ся*. И здесь выделяются две подгруппы: образования с *-ся*, которые разошлись по значению с соответственными формами без *-ся*, например: *отозваться* («Что тебе? — *отозвался* муж».— Чехов), *раздаваться* («И звон *раздавался* уже над самой головой».— Чехов) и т. д.; образования с *-ся*, при которых нет вовсе соответственных форм без *-ся*, например: *бояться*, *каяться* и т. д.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ С *-СЯ* ОТ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

1. Собственно-возвратное значение.

Кирила Петрович *оделся* и выехал на охоту; Маша *окуталась* шалью... (Пушкин). Вы... охотно бы *подверглись* опасности лишиться... ноги... (Тургенев). ... и дамы... *оправдывались* тем, что Володя маленький (Чехов). ... она *кинулась* в кресла и *залилась* слезами (Пушкин). *Воображаясь* героиней своих возлюбленных творцов, Кларисой, Юлией, Дельфиной, Татьяна в тишине лесов Одна с опасной книгой бродит (Пушкин). Меж тем, чтоб обмануть верней Глаза враждебного сомненья, Он, *окружась* толпой врачей, На ложе мнимого мученья Стоная молит исцеленья (Пушкин).

Из сравнения: Он *одел сына—Он оделся*; Маша *окутала ее шалью*— Маша *окуталась* шалью. Вы охотно бы *подвергли* его опасности — Вы охотно бы *подверглись* опасности — видно, что значение образований с *-ся* в соотношении с соответственными формами без *-ся* заключается в указании на то, что подлежащее, с которым сочетается глагол (сказуемое), является одновременно и субъектом и объектом действия, выраженного основой глагола. Данные образования содержат возвратное значение в собственном смысле слова: действие имеет в качестве объекта не какой-либо посторонний для деятеля предмет (как это обычно происходит), а самого деятеля. Такое возвратное направление действия может быть выражено и прибавлением к глаголу самостоятельного слова *себя*. Так, наряду с *вы охотно бы подверглись опасности* можно сказать *вы охотно бы подвергли себя опасности*. Разница между первым и вторым оборотами заключается в степени расчлененности представлений субъекта и объекта действий. Меньшая степень расчлененности в первом случае обусловлена морфологическим сращением возвратного местоимения с основой глагола. Это становится вполне наглядным из сравнения с аналогичными случаями в других языках, в которых вообще нет сращения возвратного местоимения с глаголом. Герман Пауль, освещая данный вопрос на материале немецкого языка, указывает: «В таком предложении, как er hat sich getötet, отношение подлежащего к дополнению такое же, как и в предложении ee hat ihn getötet. Здесь представление о действующем субъекте и представление об объекте, на который переходит действие, остаются обособленными друг от друга» [33].

В русском языке, где возможны параллельные варианты с *-ся* и *себя*, глагольные формы с *-ся* характерны именно указанием на

[33] Hermann Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte, 1909, § 195.

то, что представления субъекта и объекта не разграничены (gesondert) полностью.

А. М. Пешковский, останавливаясь на отличии между вариантами с *-ся* и *себя*, указывает: «... даже в таких случаях, как *он застрелился* и *Он застрелил себя*, где оба выражения вполне употребительны, разница значения ощущается достаточно ясно (первое более цельно, второе более расчленённо), так что, например, для нечаянного выстрела с выделением фактической стороны дела больше подходит *застрелил себя*, а для настоящего самоубийства, связанного с психологической цельностью акта, больше подходит *застрелился* [34]».

Таким образом, из общего числа глагольных форм с *-ся* выделяется группа форм, субъект и объект которых представляют определенное психологическое единство. Но это психологическое единство субъекта и объекта не означает полного поглощения представлением субъекта представления объекта. С этой точки зрения представляется нецелесообразным отнести в эту группу также глаголы типа *броситься*, *вертеться*, *садиться*, *вешаться* и т. п., как это делает Пешковский. Пешковский мотивирует объединение всех этих глаголов в одной группе тем, что «в них во всех, то с большей, то с меньшей натяжкой, надставка *-ся* могла бы быть заменена словом *себя* в значении винительного падежа: *умывается* = *умывает себя* и т. д.». Но вряд ли разница между *умывается* = *умывает себя* и *бросается* = *бросает себя* вмещается в рамки «степени натяжки» при замене *-ся* словом *себя*. Вообще положенный в основу выделения возвратных глаголов признак возможности замены *-ся* словом *себя* представляется несостоятельным. Среди вышеприведенных примеров также имеются глаголы, как, например, *оделся*, *обувается*, которые не допускают замены *-ся* словом себя: если в выражениях *вы... охотно бы подверглись опасности лишиться ноги* или *дамы оправдывались тем, что Володя маленький* вполне допустима такая замена, то вместо *он оделся* сказать *он одел себя* можно только действительно с большой натяжкой. Все же глаголы *одеться*, *обуваться* отнесены в группу глаголов с собственно-возвратным значением, так как эти глаголы обозначают действия, реальный субъект которых является одновременно их реальным объектом. По этой же причине глагол *залилась* в предложении *она кинулась в кресла и залилась слезами* отнесен к группе собственно-возвратных. Получается довольно живое представление о лице (объекте), залитом слезами.

[34] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 129.

Группа собственно-возвратных глаголов является очень малочисленной. Она также весьма неустойчива. В ряде глаголов, которые раньше имели яркое собственно-возвратное значение (*одеться*, *купаться*, *защищаться*), в процессе развития их лексического значения оно все более и более бледнеет. Ряд глаголов, которые раньше были способны выражать собственно-возвратное значение, сейчас эту способность потеряли. Так, сейчас вряд ли встретится глагол *воображаться* в собственно-возвратном значении. Говорят *он воображает себя гением*, а не *он воображается гением*. Между тем, употребление глагола *воображаться* в собственно-возвратном значении мы встречаем у Пушкина. То же относится и к глаголу *окружиться*: «*Воображаясь* героиней своих возлюбленных творцов» ... «Он, *окружась* толпой врачей...» Обращает на себя внимание тот факт, что образования с *-ся* в собственно-возвратном значении, которые сейчас уже являются своего рода грамматическими архаизмами, выступают только в деепричастной форме (*воображаясь* героиней, *окружась* толпой). Вряд ли это случайно. По-видимому, деепричастные формы представляют благоприятные условия для того, чтобы глагольные образования с *-ся* могли дольше сохранить собственно-возвратное значение. Это, вероятнее всего, объясняется тем, что глаголы с *-ся* в деепричастной форме не могут, как это указывается ниже, получить страдательное значение, которое вместе с многими другими значениями вытесняет собственно-возвратное значение из глагольных образований с *ся*.

Малочисленность собственно-возвратных глаголов, надо полагать, объясняется тем, что только в редких случаях одно и то же лицо (предмет) является одновременно и субъектом и объектом действия. Обычно субъектом и объектом действия являются различные лица (предметы). Другой причиной малочисленности разбираемых форм является то, что они все более и более заменяются сочетаниями глаголов с местоимением *себя*.

Во всех приведенных примерах подлежащим при собственно-возвратном глаголе является лицо. Это не случайно. В качестве подлежащего при собственно-возвратном глаголе чаще всего выступает лицо (человек), так как только человек — сознательно действующий субъект — способен производить в отношении себя различные действия не только физического, но и умственного характера. Поэтому при подлежащем-лице возможны самые разнородные собственно-возвратные глаголы: он *мылся*, *сдержался*, *оправдывался* и др. Кроме лица, подлежащим при собственно-возвратном глаголе могут быть и другие одушевленные предметы, например: кошка *умывается*, но количество таких случаев весьма

ограниченно. В метафорах при глаголах в собственно-возвратном значении подлежащим может быть и неодушевленный предмет, главным образом явления природы. Ср.: Заря алая подымается, Разметала кудри золотистые, *Умывается* снегами рассыпчатыми (Лермонтов).

Собственно-возвратные глаголы часто вступают в беспредложное сочетание с творительным падежом (орудия, средства). Ср.: «Маша окуталась шалью», и «дамы... оправдывались тем, что Володя маленький...»

2. Изменение в состоянии субъекта.

Значение — перемещение в пространстве: Андрей Гаврилович не *возвращался* в Покровское (Пушкин); В тот же день Дубровский *отправился* в город (Пушкин); В назначенный день она должна была не ужинать и *удалиться* в свою комнату, под предлогом головной боли (Пушкин).

Значение — изменение в положении: Андрей Гаврилович *прислонился* к стене (Пушкин); ... она *садилась* в сани (Пушкин); Он ... *нагнулся* и прищурил один глаз (Тургенев).

Значение — общее изменение в состоянии: Староста приподнял голову, *встряхнулся* (Тургенев); ... взойди *погреться* (Пушкин).

Сравнивая два ряда: Он *отправил* груз — Он *отправился* в путь; Он *прислонил* зеркало к стенке — Он *прислонился* к стенке; Он *повесил полотенце* на отдушине печи — Он *повесился* на отдушине печи — мы видим, что в левом ряду каждый глагол означает действие, связанное одновременно и с объектом и с субъектом, действие исходит от субъекта и переходит на объект, в правом же ряду присоединение аффикса *-ся* приводит к тому, что действие замыкается в пределах одного субъекта. Если все приведенные глаголы без аффикса *-ся* выступают в языковом сознании как действия, предполагающие обязательное наличие определенного объекта, на которое действие переходит от субъекта, то все соответствующие глаголы с аффиксом *-ся* в противоположность этому предполагают обязательное отсутствие подобного объекта. Когда один из собеседников произносит незаконченное предложение: *Он отправил сегодня на пароходе...*, слушающий ждет естественного развития предложения в виде названия объекта действия (он отправил... кого-что?), при произнесении же незаконченного предложения: *Он отправился сегодня на пароходе...*, для слушающего уже ясно, что, каковым бы ни

было продолжение этого предложения, в нем не может последовать название прямого объекта действия.

Сходство разбираемых глаголов типа *подняться*, *броситься* с глаголами типа *мыться*, *укрыться* заключается в том, что как те, так и другие относятся только к одному предмету. Но в то время, когда при глаголах *мыться*, *укрыться* этот предмет является одновременно и субъектом и объектом действия, при глаголах *подняться*, *броситься* он является только субъектом действия.

Сопоставление образований *отправиться*, *подняться* с глаголами *отправить*, *поднять*, с одной стороны, и с глаголами *мыться*, *укрыться* — с другой, обнаруживает залоговое значение, свойственное глагольным образованиям с *-ся* типа *отправиться*, *подняться*.

В отличие от глаголов *поднять*, *бросить*, означающих действие, переходящее на внешний объект, и глаголов *мыться*, *укрыться*, означающих действие, субъект которого является также его объектом, глаголы типа *подняться*, *броситься* означают действие, которое, не переходя на внешний объект и не имея в качестве своего объекта свой же субъект, заключается в соответственном изменении в состоянии субъекта. Вот пример, наглядно показывающий существующие в языковом сознании живые залоговые соотношения между разбираемыми формами с *-ся* и соответственными формами без *-ся*: «Патентованные пессимисты много говорят о провале Лиги наций... Провалилась не идея коллективной безопасности, как это торжественно оповещается фашистскими поджигателями войны. Идею коллективной безопасности проваливают те, кто не осмеливается по-настоящему организовать дело защиты мира и, делая в лучшем случае один шаг вперед, пятится тут же на три назад» («Известия», 6.I.1937).

Собственно-возвратное значение и значение «изменение в состоянии субъекта» тесно соприкасаются друг с другом. В ряде случаев глаголы того и другого значения столь сходны между собой, что трудно бывает их отличить друг от друга. Разбор таких случаев может в значительной мере способствовать выяснению особенностей каждого отдельного значения.

Конкретное залоговое значение глагольных образований с *-ся* определяется целым рядом условий, из которых основные следующие: 1. Значение (или значения, если слово полисемантично) основы (формы без *-ся*). 2. Синтаксические связи, в которые может вступать форма без *-ся*. 3. Наличие параллельных синтаксичес-

ких оборотов. 4. Синтаксические связи, в которые вступает форма с *-ся*.

В глаголах с *-ся* со значением «изменение в состоянии субъекта» аффикс *-ся* потерял полностью свое этимологическое значение возвратного местоимения: ся -себя. Все же некоторые следы собственно-возвратного значения аффикса *-ся* в отдельных глаголах этой группы проглядывают; особенно это заметно в глаголах, при которых имеются синонимы без аффикса *-ся*, ср.: *Он ежедневно встает в восемь утра — Он ежедневно поднимается в восемь утра.* Разумеется, и в этих случаях ассоциации возвратности весьма бледны. Со стороны лексического значения разбираемые глаголы составляют, как видно из установленной выше классификации, две довольно монолитные группы, из которых одна может быть объединена значением «перемещение в пространстве»: *удалиться*, *приблизиться*, *отправиться*, *отодвинуться*, *переселиться* и т. д., другая может быть объединена общим значением: «изменение в положении субъекта»: *нагнуться*, *садиться*, *прислониться* и т. д. Все остальные глаголы довольно разнообразны по своему лексическому значению. К синтаксической специфике глаголов этой группы относится то, что они не способны, как правило, к беспредложному управлению существительными.

3. Следственное изменение в состоянии субъекта

Следственное изменение во внутреннем состоянии субъекта: Гости почитали обязанностью *восхищаться* псарнею Кирилы Петровича (Пушкин); Все *удивлялись* смелости сего последнего (Пушкин); Пульхерия Ивановна совершенно *удовлетворялась* этим ответом (Гоголь); и он *радовался* на себя, гордился собой за то, что поступает так, как должно (Горький); Ну, не *сердись* ты на меня (Горький).

Следственное изменение в общем состоянии субъекта: ... один из способов, коими на Руси можем мы *лишиться* имения... (Пушкин); Судьи... не *удостоились* получить от него ни единого приветливого слова (Пушкин); Даже кучера *подчинились* его влиянию (Тургенев).

Соотношения глаголов *сердиться*, *радоваться* с глаголами *сердить*, *радовать* также содержат те элементы, из которых составляется разобранное выше значение «изменение в состоянии

субъекта». Поэтому в классификации залоговых значений глаголов с *-ся*, данной Ф. Ф. Фортунатовым, в одной группе объединены глаголы типа *кидаться*, *вертеться* и глаголы типа *сердиться*, *радоваться*. И Шахматов в «Синтаксисе» объединяет в одной группе «обще-возвратного залога» те и другие глаголы. В «Очерке» он дает иную классификацию глаголов с *-ся*: подобно Пешковскому, объединяет в одной группе «возвратно-переходного» значения глаголы типа *мыться* и глаголы типа *подняться*, а глаголы типа *радоваться* выделяются, как содержащие отдельное значение: «возвратно-общее, когда действие предмета видоизменяет внутреннее состояние субъекта» (см. «Очерк», стр. 167).

Однако при более дифференцированном анализе в залоговом значении глаголов типа *сердиться*, *радоваться* выявляются некоторые дополнительные элементы, кроме тех, которые объединяют их с глаголами типа *подняться*. Соотносящиеся с *сердиться*, *радоваться* глаголы *сердить*, *радовать* означают различные психологические действия, следовательно, значение глагольных форм с *-ся* в данном случае будет не общее «изменение в состоянии», а «изменение во внутреннем (психологическом) состоянии». Эта особенность разбираемых глаголов зависит, однако, всецело от значения соответствующих глаголов без *-ся*. Но в самом соотношении *сердить — сердиться* заключается специфическая черта, не присущая соотношению *поднять — подняться*.

А. М. Пешковский, выделив глаголы типа *сердиться*, *радоваться* в особую группу, следующим образом характеризует их особенности: «Пробуя изменить *-ся* в *себя*, мы получаем здесь не только те несообразности, которые получались в первом разряде (глаголы типа *мыться*, *подняться*.— *И. М.*), но еще и *новое значение*, не заключающееся в этих глаголах. В конце концов можно «сердить» самого себя, и это будет значить либо искусственно возбуждать себе «сердце», либо совершать поступки, которые сердят самого совершающего (*я сам себя сержу*, по аналогии с *он меня сердит*). Но в глаголе *сержусь* сказано совсем другое» [35]. Здесь довольно наглядно показано, что соотношение глаголов *сердить — сердиться* иное, нежели соотношение *поднять — подняться*, однако не выявлено, в чем именно заключается это различие [36].

[35] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 130.

[36] Переходя в дальнейшем к положительному определению залогового значения глаголов типа *сердиться*, *радоваться*, Пешковский приводит, по существу, те же соображения, которые развил Фортунатов, когда определял значение более широкой группы глаголов, включающей и глаголы типа *подняться*, и глаголы типа *сердиться*, и тем самым в значительной мере стирает грани между этими типами глаголов.

Продолжая анализ приведенного Пешковским сопоставления *сержу себя — сержусь* (*сержу себя* в отличие от *бросаю себя* употребительно, так как имеет вполне определенный смысл), можно заметить, что *сержу себя* и *сержусь* относятся, как причина и следствие. *Сердить* (кого-то) обозначает определенное действие, являющееся причиной другого действия (или состояния) — *сердиться* (на кого-то), относящегося к первому, как следствие; соотношение *сердить — сердиться* аналогично соотношению *вешать — висеть*, *гноить — гнить* и т. д. Таким образом в рядах *сердить — сердиться*, *удивлять — удивляться* и др. содержится каузативно-следственное соотношение, чего нет в рядах *поднять — подняться*, *отправить — отправиться*. Сопоставляя те и другие ряды глаголов, получаем следующую схему соотношений:

поднять *согнуть*	*подняться* *согнуться*	*сердить* *удивлять*	*сердиться* *удивляться*
Действие, производящее изменение в состоянии объекта	В состоянии субъекта происходит соответственное изменение	Действие, производящее изменение в состоянии объекта	В состоянии субъекта происходит изменение, являющееся следствием соответственного действия

Таким образом, залоговое значение глаголов типа *сердиться*, *удивляться* может быть определено как следственное изменение в состоянии субъекта. Подобное значение разбираемых глаголов подтверждается также тем, что большая часть из них сочетается с существительными, указывающими носителя причины данного «изменения в состоянии субъекта», так: Все *удивлялись смелости* сего последнего (смелость удивляла); Андрей Гаврилович мало *о нем беспокоился* (он беспокоил); Гости почитали обязанностью *восхищаться* псарнею Кирила Петровича (псарня восхищала).

В литературе можно встретить указания на наличие каузативно-следственных соотношений между возвратным и соответственным невозвратным глаголом. Так, Герман Пауль, продолжая частично цитированные выше высказывания о немецких возвратных глаголах, указывает: «... В других случаях, однако, оба представления сливаются воедино, вследствие чего рефлексив обозначает процесс, замыкающийся в самом субъекте, ср.: sich regen, stellen, setzen, legen, heben, senken, drehen, wenden, schwingen, nähern, entfernen, klären, lösen, versuchen, freuen, verwundern, irren и многие другие. Отношение этих возвратных глаголов к со-

ответствующим действительным по существу аналогично отношению выше приведенных интранзитивных глаголов к соответствующим каузативным».

Таким образом, Пауль усматривал каузативно-следственные соотношения не только между глаголами типа regen — sich regen, verwundern — sich verwundern, но и между глаголами heben — sich heben, legen — sich legen и т. д. Вызывает недоумение, в чем усматривает Пауль каузативно-следственные отношения между глаголами последнего типа. По своим синтаксическим связям разбираемые глаголы отличаются от глаголов типа *подняться* тем, что многие из них могут входить в беспредложную связь с существительными в косвенных падежах (см. приведенные выше примеры). Как правило, подлежащим при данных глаголах является лицо (человек), только в отдельных случаях в качестве подлежащего выступают другие одушевленные предметы. Степень употребительности этих глаголов также довольно значительна. Они составляют третью по многочисленности группу после глаголов типа *подняться*, *бросаться*.

Особо выделены глаголы типа *лишиться*, *удостоиться*. Эти глаголы, будучи полностью сходны по залоговому значению с глаголами типа *сердиться*, отличаются от них тем, что образуются от основ (формы без *-ся*), которые не обозначают изменения психического состояния. Степень употребительности этих глаголов весьма незначительна.

4. Действие в отвлечении от объекта

1. ... Но то-то счастье Охотнику! Не зная нег, В отъезжем поле он гарцует, Везде находит свой ночлег, *Бранится*, мокнет и пирует Опустошительный набег. (Пушкин); ... то есть отдавал, например, серебряный четвертак за шесть медных пятаков, причем, однако, сильно *ругался* (Тургенев); Андрей Гаврилович не *послушался* и не хотел воротиться (Пушкин); Кто из тогдашних офицеров не *сознается*, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой (Пушкин); Аркадий Павлыч любил, как он *выражался*, при случае побаловать себя (Тургенев).

Он *ругает товарища* — Он *ругается*; Собака *кусает прохожих* — Собака *кусается*; Он точно *выражает* свои мысли — Он точно *выражается*.

Приведенные параллельные ряды показывают, что глагольные образования типа *ругаться*, подобно образованиям типа *подняться*, характеризуются тем, что обозначаемые ими действия замкну-

ты в пределах одного субъекта. Однако, в отличие от *подняться*, *бросаться*, где подобная замкнутость действия создает значение «изменение в состоянии субъекта», залоговое значение залоговых образований типа *ругаться* заключается в указании на то, что действие, реально переходящее на объект, мыслится в отвлечении от него. В соответствии со своим значением «действие в отвлечении от объекта» глаголы данного типа, как правило, не имеют при себе дополнения.

Поскольку всякое переходное действие обычно мыслится в двусторонней связи с субъектом и объектом, отвлечение такого действия от объекта приводит к установлению более тесной связи между ним и субъектом. Этим объясняется тот факт, что в ряде случаев разбираемые глаголы означают не действия, а как бы имманентные свойства субъекта. Ср.: *Эта собака кусается*, *Он ругается* и т. д. Приобретению подобного значения разбираемыми глаголами способствует также употребление формы настоящего времени со значением постоянного настоящего. В некоторых из приведенных глаголов (сознаться, выражаться) значение «действие в отвлечении от объекта» не столь очевидно, как в глаголах, подобных *ругаться*, *кусаться*, являющихся наиболее типичными представителями этой группы глагольных образований. Однако сопоставление *сознаться* с *сознать* (вину, необходимость и т. д.), *выражаться* и *выражать* (мысли, мнение) вскрывает, что и эти глаголы содержат те элементы, из которых складывается значение «действие в отвлечении от объекта»: действие а) отвлекается от объекта и б) рассматривается лишь в связи с его субъектом. Количественно эта группа глаголов является одной из самых малочисленных среди всех групп глагольных образований на *-ся*, имеющих соответственные формы без *-ся* с переходным значением.

5. Сдвиг в связях действия с субъектом и объектом

Но чай несут: девицы чинно Едва за блюдечко *взялись*, Вдруг из-за двери в зале длинной Фагот и флейта раздались (Пушкин); Дубровский видел и решился, вопреки всем понятиям о праве войны, проучить своих пленников прутьями, коими *запаслись* они в его роще (Пушкин); Мы у него лошадьми *раздобудемся* (Тургенев); Элдар... *уставился*... своими глазами на лицо разговорившегося старика (Толстой); ...И много дней Прошло, и добрая рука Печально *тронулась* цветка, И был он в сад перенесен В соседство роз (Лермонтов).

Они *запасли* большое *количество* прутьев — Они *запаслись* большим количеством прутьев; Он взял ружье — Он *взялся* за ружье. И для данных глагольных образований характерно некоторое нарушение прямой связи между действием и его объектом. Однако вместо полного отвлечения от объекта здесь имеет место только определенный сдвиг в связях между действием и его субъектом и объектом. На основе некоторого отделения объекта устанавливается более тесная связь между действием и субъектом. *Они запаслись прутьями* по сравнению с *Они запасли прутья* означает, что предмет, являющийся при глаголе без *-ся* прямым объектом действия, при форме с -ся представляет собой только средство для совершения действия, которое мыслится главным образом в его связи с субъектом.

Данные глаголы сочетаются с существительными в косвенных падежах. Численно эта группа глагольных образований также незначительна.

6. Значение совместности

А. Значение простой совместности: Так! Было время: с Кочубеем Был друг Мазепа: в оны дни, Как солью, хлебом и елеем, *Делились* чувствами они (Пушкин); ... и похоже на то, как будто старость и младость *поменялись* своими ролями (Чехов); И снова я к земле припал, И снова вслушиваться стал К волшебным, странным голосам; Они *шептались* по кустам, Как будто речь свою вели О тайнах неба и земли (Лермонтов).

И когда в ее душе торжество и любовь к мужу *мешались* с чувством унижения и оскорбленной гордости... (Чехов); В гремучий говор все *слилось*: Крик женский, брань, и смех, и ропот (Пушкин).

Б. Взаимное значение: Кто не проклинал станционных смотрителей, кто не *бранивался* с ними (Пушкин); Он (репей) был так странно крепок, что я *бился* с ним минут пять (Л. Толстой); Как бы они были рады, если бы ты *повидалась* с ними (Чехов); *Целуется* она со мной и все такое — женщина как женщина (Горький); Между прочим, он мне дал заметить, что посещает иногда соседних помещиков, и в город ездит в гости, и в преферанс играет, и с столичными людьми *знается* (Тургенев).

Приведенные в группе А глагольные образования означают действие, производимое при совместном участии двух или нескольких лиц (предметов). Совместность в данном случае заключается в том, что участие одного лица (предмета) обусловлено

и дополняется участием других лиц (предметов) — участников данного действия. Значение совместности, свойственное разбираемым формам с *-ся*, в большей мере, чем какое-либо другое значение форм без *-ся*, обусловлено лексическим значением соответственных форм без *-ся*. Об особенностях лексического значения этих глаголов мы встречаем у Есперсена ряд интересных замечаний: «Некоторые глаголы в силу своего значения допускают взаимообратимые отношения между субъектом и объектом. Если А встречает В, то В также встречает А (заметьте, в том случае, когда англичане говорят I met an old man 'Я встретил старика', немцы обычно, не изменяя порядка слов, делают подлежащим слово «старик»: Mir begegnete ein alter Mann 'Мне встретился старик'). Когда в геометрии одна линия пересекает другую, то и другая линия пересекает первую...» (O. Jespersen. The Philosophy of Grammar. New Jork, 1924, Chapter XII).

В дальнейшем тексте приводится предложение с глаголом to marry, который также допускает взаимообратимость отношений: If Jack marries Jill, Jill also marries Jack. Русский глагол *жениться*, однако, этим свойством не обладает, ср.: *Джек женился на Мери*, но *Мери вышла замуж за Джека*.

Значение совместности образуется двояким путем: 1) формой отдельного слова: они *меняли* — они *менялись*, они *мирили* — они *мирились*. Значение совместности образуется здесь аффиксом *-ся* вместе с формой множественного числа глагола и 2) формой слова в сочетании с конструкцией предлога с творительным падежом: *я менялся с ним*, *я мирился с ним*. Грамматическое различие между этими двумя способами образования значения совместности заключается в том, что при первом все реальные субъекты действия выступают в качестве подлежащего предложения, при втором же способе один (или несколько) из реальных субъектов выступает в качестве косвенного дополнения: *я шептался с ним*.

В зависимости от особенностей соответственных форм без *-ся* глаголы группы А могут быть подразделены на: а) глаголы типа *делиться*, *меняться*. Эти глаголы и в формах без *-ся* обычно сочетаются с творительным падежом, который можно определить, как творительный сопровождающего субъекта действия — *делю* заработок *с товарищем*. В формах с *-ся* эти синтаксические связи форм без *-ся* усиливаются; б) глаголы типа *объединиться*, *мириться*. Эти глаголы в форме без *-ся* означают действия, одновременно совершающиеся над несколькими предметами: *я объединяю кого с кем*, *мирю кого с кем*. Этим именно объясняется то, что в данных образованиях с *-ся* значение совместности совпадает с значением «изменение в состоянии субъекта».

В приведенных в группе Б примерах значение глагольных образований с *-ся* содержит, кроме элементов, из которых складывается охарактеризованное выше значение совместности, и некоторые дополнительные элементы. Эти образования означают действия, производимые при участии двух или нескольких лиц, из которых каждое является одновременно и субъектом и объектом действия. Так, в предложениях «муж бранится с женой» или «муж и жена бранятся» муж (точно так же, как и жена) является, с одной стороны, субъектом действия (он бранит жену) и, с другой — объектом действия, производимого вторым субъектом (его бранит жена). Подлежащее при этих глаголах является носителем и действительного и страдательного действия, следовательно, эти глаголы содержат в себе элементы страдательного значения. Такая взаимная направленность действия может быть выражена также путем прибавления к глагольной форме без *-ся* во множ. числе слов *друг друга*. И совершенно аналогично тому, как из двух параллельных вариантов *Он застрелился* и *Он застрелил себя* первый отличается большей цельностью, а второй — большей расчлененностью, так и выражение *Они бранили друг друга* более расчленено, чем выражение *Они бранились*. Интересно, что у Лермонтова под эпиграфом из Гейне: Sie *liebten sich beide*, doch keiner Wollt'es dem andern gestehn дан первый стих: *Они любили друг друга* так долго и нежно.

И у Гейне и у Лермонтова подчеркнуто взаимное значение. Гейне этого достиг путем прибавления слова beide к liebten sich, а у Лермонтова этому соответствует сочетание *любили друг друга*. Для образований с *-ся* с взаимным значением в отличие от образований со значением совместности характерно то, что они могут иметь также значение «действия в отвлечении от объекта». Ср.: *он бранится с ним* и *он бранится*, *он обнимается с ним* и *он крепко обнимается* и т. д. Каждое из этих двух значений получает свое реальное выражение путем отдельных, свойственных только ему, синтаксических связей. Так, в отличие от глаголов со значением «действие в отвлечении от объекта», характерных тем, что не допускают при себе дополнения, синтаксическим выражением взаимного значения является сочетаемость глагола с конструкцией предлога *с* в сопровождении творительного падежа.

7. Страдательное значение

А. Конструкция с творительным реального субъекта.

Глагол в форме несовершенного вида: Недостаток смелости менее всего *извиняется* молодыми людьми, которые в храбрости видят обыкновенно верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков (Пушкин); Чины людьми *даются*, А люди могут обмануться (Грибоедов); Стулья в комнате были деревянные, массивные, какими обыкновенно *отличалась* старина... (Гоголь); Продолговатое... лицо *освещалось* голубыми глазами... (Горький).

Глагол в форме совершенного вида: Все эти давние, необыкновенные происшествия давно *заменились* спокойною и уединенной жизнью (Гоголь).

Б. Конструкция без творительного реального субъекта.

Глагол в форме несовершенного вида: Владимир Дубровский *воспитывался* в кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию (Пушкин); ... ключи *хранились* у Кирилы Петровича (Пушкин); Так помню, помню: песня эта Во время наше сложена, Уже давно в забаву света *Поется* меж людей она (Пушкин); ... и никогда почти не *снимался* с железного треножника котел или медный таз... (Гоголь); Вообще Аркадий Павлыч *считается* одним из образованнейших дворян; ... репей..., который у нас *называется* «татарином» (Л. Толстой); К этой чинаре *высылался* обыкновенно секрет (Л. Толстой).

Глагол в форме совершенного вида: Пульхерия Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потом *употребится* (Гоголь); Захваченная... высотка *подверглась* внезапному обстрелу легкой артиллерией (Федин).

В. Конструкции с дательным субъекта

Глагол в форме несовершенного вида: Их лица мне *представляются* и теперь иногда в шуме и толпе среди молодых франтов (Гоголь).

Глагол в форме совершенного вида: ... сельцо Кистеневка *досталось* ему по смерти покойного его родителя (Пушкин); *Припомнились* ей опять притвор и темные фигуры (Чехов).

А. 1) Агент *отправляет* (груз); 2) Агент *отправляется* (в путь); 3) Груз *отправляется* (агентом).

Б. 1) Он *моет* (пол); 2) Он *моется*; 3) Пол *моется*.

Рассматривая приведенные ряды с точки зрения переходности или непереходности действия, т. е. переходит ли действие от субъ-

екта на какой-либо объект, можно заключить, что образования с *-ся* во втором и третьем предложениях в обоих рядах (А и Б) совершенно одинаковым образом отличаются от форм без *-ся*: и в том и в другом случае действие непереходно. Однако, при рассмотрении приведенных образований с точки зрения отношения субъекта предложения (подлежащего) к реальному субъекту действия (деятелю), выявляется существенное различие между вторыми и третьими образованиями: в то время как вторые образования обозначают действие, совершаемое подлежащим, т. е. подлежащее и реальный субъект действия совпадают, третьи образования обозначают действия, совершаемые над подлежащим, т. е. подлежащее является реальным объектом действия.

Страдательное значение связано с коренным изменением всех грамматических связей, наличных при соответственных глаголах без *-ся*. Из сопоставления *Чины людьми даются* с *Люди дают чины* видно, что при глагольном образовании с *-ся* со страдательным значением перемещается центр предложения от реального субъекта к реальному объекту действия. Реальный объект действия, являющийся при соответственной форме без *-ся* дополнением, выступает здесь в качестве подлежащего. Наоборот, реальный субъект действия здесь является дополнением.

В ряде приведенных примеров страдательное значение тесно соприкасается с другими значениями глагольных образований с *-ся*. Так, глагол *отличалась* в предложении: *Стулья в комнате были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличалась старина* может восприниматься и в страдательном значении и в значении «изменение в состоянии субъекта». Это же относится и к *освещалось* в предложении: Продолговатое... лицо *освещалось* голубыми глазами. В совершенно аналогичном предложении: «*Улица освещалась фонарями*» глагол *освещалась* воспринимается, пожалуй, только в страдательном значении. Показательно также сопоставление страдательного значения приведенного глагола «*подверглась*» в предложении: *Захваченная... высотка подверглась внезапному обстрелу легкой артиллерией* с возвратным значением того же глагола в приведенном в разделе о собственно-возвратном значении предложении: *Вы... охотно... бы подверглись опасности лишиться ноги* (Тургенев).

Поскольку одни и те же образования с *-ся* могут часто выступать и в значении «изменение в состоянии субъекта» и в страдательном значении (путешественник *отправляется*, груз *отправляется*), большое значение приобретает сравнительный анализ тех конкретных условий, в которых реализуется то или иное значение. Обращает на себя внимание тот факт, что почти все

приведенные выше глагольные образования с -ся со значением «изменение в состоянии субъекта» могут употребляться при соответственном изменении контекста и в страдательном значении. С другой стороны, среди приведенных в настоящем разделе глагольных образований с *-ся* (со страдательным значением) значительное количество не могут употребляться в значении «изменение в состоянии субъекта» (ср.: ключи *хранились*, пол *содержался*, секрет *высылался* и др.).

Отсюда следует, что образования с *-ся* в страдательном значении охватывают значительно большее количество глагольных основ по сравнению со значением «изменение в состоянии субъекта».

Дело в том, что ряд глаголов в силу своего реального значения не могут в формах с *-ся* приобретать значения изменения в состоянии субъекта, независимого от д е й с т в и я какого-либо другого лица (предмета), обусловливающего данное «изменение в состоянии». Основное же различие между значением «изменение в состоянии» и страдательным значением заключается именно в том, что первое представляет «изменение в состоянии субъекта», независимое от действия других лиц (предметов), а второе представляет изменение в состоянии субъекта, так или иначе обусловленное действием другого лица или предмета (реального субъекта).

Аналогичное явление соприкосновения значений в одних и тех же глагольных образованиях с *-ся* мы наблюдали и выше, когда разбирали взаимное значение и значение «действие в отвлечении от объекта». Однако последние довольно четко различаются по своему ближайшему синтаксическому окружению: для взаимного значения характерно сочетание глагола с существительным в творительном падеже, для значения отвлечения от объекта — несочетаемость глагола с дополнением. Но в приведенных случаях различие в значении не отражается на ближайшем окружении глагола. Страдательное или возвратное значение глагола *подверглись* в каждом из приведенных выше случаев определяется в зависимости от того, воспринимается ли подлежащее как действующий предмет (agens) или как предмет, подвергающийся действию (patiens).

Все же, разбирая всю совокупность приведенных примеров, можно наметить отдельные синтаксические приметы страдательного значения. В ряде случаев (примеры в группе А) страд. значение глагола сопровождается творительным реального субъекта. Надо, однако, сказать, что численно эта группа значительно меньше другой группы страдательных образований с *-ся*, не сопровож-

дающихся творит. падежом (группа Б). В романе «Евгений Онегин» и в ряде других произведений не нашлось ни одного такого случая. Характерной синтаксической приметой глаголов со страдательным значением, при которых нет творительного реального субъекта, является наличие при них подлежащего — неодушевленного предмета. В отношении тех случаев, когда при глаголах со страд. значением без творит. падежа подлежащим является одушевленный предмет, можно указать, как на возможную синтаксическую примету, на сочетание глагола с причастием страдательного залога посредством союза *и*: *воспитывался* и *был выпущен* (см. пример I в группе Б).

Тот факт, что в одних и тех же образованиях с *-ся* могут совпасть страдательное значение и значение «изменение в состоянии субъекта», свидетельствует о своеобразном характере страдательных конструкций, содержащих глагольные формы с *-ся*. Это своеобразие обусловлено тем, что в глагольных формах с *-ся* в страдательном значении перекрещиваются два ряда ассоциаций: переходности и непереходности, с одной стороны, и активности и пассивности, с другой. Так, глагол *отличалась* в предложении: «Стулья... какими обыкновенно *отличалась* старина», ассоциируется двусторонне: 1) Стулья, *какие отличают старину — какими отличается старина*; ассоциация: активность — пассивность. 2) Старина отличает (кого-то, что-то) — старина *отличается* (чем-то); ассоциация: переходность — непереходность.

Большинство глагольных образований с *-ся* со страдательным значением выступает в форме несовершенного вида. Одни и те же глагольные образования с *-ся* в одном и том же контексте в форме несовершенного вида имеют страд. значение, а в форме соверш. вида имеют значение изменения в состоянии субъекта. Ср. Лавки *закрываются* в восемь часов вечера — Лавки *закрылись* в восемь часов вечера. В первом случае форма несовершенного вида обусловливает ассоциацию действия (длительного) с каким-либо его реальным субъектом, во втором случае форма совершенного вида, указывающая на то, что действие не протекает длительно во времени, никаких ассоциаций о реальном субъекте действия не вызывает.

Все приведенные образования со страдательным значением имеют форму третьего лица. Это полностью согласуется с тем, что в подавляющем большинстве случаев подлежащим при этих глаголах является неодушевленный предмет. При подлежащем — неодушевленном предмете глагольные образования с *-ся* в страдательном значении, естественно, не охватывают всей личной системы спряжения, а ограничиваются только одним третьим ли-

цом. Не будучи соотносимой с формами других лиц, форма третьего лица также теряет значительную степень своей четкости. Все это говорит о том, что в образованиях с -ся в страдательном значении категория лица выражена весьма бледно.

Ограниченность разбираемых образований только формой несовершенного вида в некоторой мере объясняет большую несоразмерность между словарной продуктивностью этих образований и их фактической употребительностью в языке. Так, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова среди рассмотренных 2779 образований с *-ся* 1461 могут иметь страдательное значение. Между тем среди рассмотренных в разных текстах 1255 образований с *-ся* встретилось только 100 образований со страдательным значением.

Столь большой процент встречающихся в словаре глагольных образований с *-ся* в страдательном значении объясняется тем, что почти при всех глаголах иностранного происхождения могут создаваться параллельные формы с *-ся* в страдательном значении.

Степень употребительности образований с *-ся* со страдательным значением резко меняется в зависимости от характера литературного текста. Так, в художественной литературе эти образования встречаются крайне редко (у Гоголя они встречаются значительно чаще, чем у других писателей), в научно-публицистической литературе они встречаются значительно чаще.

Особо среди примеров выделены конструкции типа: «И мне *вспомнилась* одна давнишняя кавказская история», которые объединены в рубрике: «конструкции с дательным реального субъекта». На первый взгляд может возникнуть сомнение, имеется ли в данном случае страдательное значение. Однако при сопоставлении: *Я вспомнил давнишнюю кавказскую историю* и *мне вспомнилась давнишняя кавказская история*, значение страдательности выступает довольно определенно.

К особенностям страдательного значения глагольных форм с *-ся* относится также то, что они не образуются от глаголов в деепричастной форме.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ С *-СЯ* ОТ НЕПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ

В его голубых, ясных глазах *светилась* печаль (Горький); Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая *похвастаться* оным перед своими гостями (Пушкин); Сколько ты ни *стучись* природе в дверь, не отзовет-

ся она понятным словом (Тургенев); Вдруг увидел я что-то черное. «Эй, ямщик!— закричал я.— Смотри: что там такое *чернеется*? (Пушкин); Что *белеется* на горе зеленой? Снег ли то, али лебеди белы? (Пушкин).

Приведенные глагольные образования двояко отличаются от всех разобранных выше образований с *-ся*:

1. В отличие от всех предыдущих образований синтаксические связи разбираемых форм с *-ся* аналогичны синтаксическим связям соответственных форм без *-ся*: и те и другие не сочетаются с винительным падежом, как прямым дополнением, ср.: *хвастать чем — хвастаться чем*, *целить в кого — целиться в кого* и т. д.

2. Вторая отличительная черта, тесно связанная с первой, заключается в следующем: в то время как ранее разбиравшиеся образования с *-ся* составляют в соотношении с формами без *-ся* целую гамму залоговых значений, определяющих отношение действия к субъекту и объекту, данные образования отличаются от соответственных форм без *-ся* только незначительными оттенками значения, а в отдельных случаях и не отличаются по значению вовсе. Так, *светиться* по сравнению с *светить* содержит, как кажется, дополнительный оттенок значения, заключающийся в том, что данное действие является как бы имманентным свойством деятеля. Даль, толкуя слова *светить* и *светиться*, указывает: «*Светить*: освещать... издавать, разливать свет..., *светиться*: ... светить собою, издавать свет». *Целиться* по сравнению с *целить* означает значительно большую «поглощенность» субъектом своим действием. Это, пожалуй, относится и к *стучаться*, *хвастаться*, *грозиться*, поскольку вообще ощущается какая-то разница между *стучаться*, *хвастаться*, *грозиться*, с одной стороны, и *стучать*, *хвастать*, *грозить*, с другой стороны. Таким образом, в данных образованиях содержатся те дополнительные оттенки значения, которые в образованиях типа *ругаться*, *кусаться*, *раздобыться* являются производными по отношению к их основному залоговому значению «действие в отвлечении от объекта» или «сдвиг в связях действия с субъектом и объектом».

В этих глаголах, как уже указывалось выше, упомянутые значения обусловливают более тесную связь действия с субъектом. Необходимо, однако, указать, что и эти производные оттенки в некоторых из разбираемых глаголов чрезмерно бледны или же отсутствуют вовсе. Так, Даль не находит никакой разницы между *целиться*, *грозиться*, с одной стороны, и *целить*, *грозить*, с другой.

В словаре под редакцией Ушакова указывается, что *грозиться* это то же, что *грозить*, *белеться* то же, что *белеть*.

Рассмотренные отличительные черты глагольных образований типа *грозиться* — 1) отсутствие синтаксической соотносительности с формами без *-ся* по признаку сочетаемости и несочетаемости с винительным падежом и 2) отсутствие четко выраженной разницы значения между формами с *-ся* и формами без *-ся* — приводят к выводу, что данные образования с точки зрения залога существенно отличаются от всех ранее разобранных образований.

Ф. Фортунатов по поводу этих образований указывает в своей статье следующее:

«В тех редких случаях, где глагол непереходный (не соединяющийся с дополнением в винительном падеже) получает образование формы возвратного (непереходного) залога, это образование усиливает существующее уже в глаголе значение непереходности признака, и поэтому в этих случаях форма возвратного (непереходного) залога не имеет значения залога».

А. Пешковский, имея, по всей вероятности, в виду приведенное место из статьи Фортунатова, указывает: «Приходится признать, что здесь, действительно, как было уже указано в литературе, значение надставки *-ся* состоит только в усилении оттенка непереходности. Но нам думается, что на основании этого еще нельзя изгонять эти глаголы из возвратно-залоговой категории, так как сама «непереходность»-то и есть ведь не что иное, как полная замкнутость процесса в субъекте его».

Основной вопрос заключается в том, однотипны ли с точки зрения залоговой категории глаголы типа *светиться*, *грозиться* с другими образованиями с *-ся*, имеющими соответственные формы без *-ся* с переходным значением.

А. Пешковский, видимо, этот вопрос разрешает положительно, мотивируя исключительно тем, что данные образования содержат тот оттенок значения, который «выражает во многих случаях разбираемая категория» (залог). Но, трактуя таким образом этот вопрос, Пешковский не учитывает в данном случае принципа соотносительности противоположных грамматических значений, как основы всякой грамматической категории. Непереходность формы с *-ся* имеет значение залога в том случае, когда она соотносится с переходностью формы без *-ся*: *кусаться — кусать*, *отправиться — отправить*. В соотношении же *плакать — плакаться*, где оба глагола непереходны, непереходность формы с *-ся* не имеет значения залога.

Интересно сопоставить количество непереходных глаголов с количеством глаголов с *-ся*, образованных от них. Всего в первом томе словаря насчитывается непереходных глаголов без *-ся* (так называемых «средних») 1841, а глаголов с *-ся*, образо-

ванных от непереходных глаголов,—38. Совершенно иные соотношения представляют переходные глаголы. Их насчитывается 3350, а форм с *-ся*, образованных от них, —2770.

Префиксальные глагольные образования с *-ся*, в которых *-ся* представляет неразрывное единство с глагольным префиксом

Группа А. Сложные формы, образованные от глаголов с переходным значением

Сдвиг в связях действия с субъектом и объектом: «И охота было не слушаться,— говорил он сердито,— воротился бы на постоялый двор, *накушался* бы чаю...» (Пушкин); Аркадий Павлыч дал ей *нацеловаться* вволю... (Тургенев).

Группа Б. Сложные формы, образованные от глаголов с непереходным значением

Значение совместности: Есть место: влево от селенья, Где жил питомец вдохновенья, Две сосны корнями *срослись* (Пушкин); Сторожа *сбежались* на шум (Пушкин); Поблагодарив Анну Павловну за ее charmante soiree, гости стали *расходиться* (Л. Толстой).

Поглощенность субъекта (его) действием: Татьяна *вслушаться* желает в беседы, в общий разговор (Пушкин); *Насмотрятся* на жизнь и затоскуют (Горький); Я *отработался* и лег спать (Горький).

Своеобразие приведенных образований с *-ся* заключается в том, что в них аффикс *-ся* представляет неразрывное единство с глагольным префиксом. В образованиях *разрыдаться*, *напиться* не могут быть выделены порознь ни аффикс *-ся* (*разрыдать*, *напить* не существует), ни префиксы *раз* или *на* (*рыдаться*, *питься* тоже не существует),— выделяется только совокупность обоих морфологических элементов: *разрыдаться* — *рыдать*, *напиться* — *пить*. При анализе данных образований задача заключается в отделении значения, вносимого аффиксом *-ся*, от значения, вносимого глагольным префиксом, с учетом, что эти два значения находятся в тесном взаимодействии между собой.

Разбираемые образования подразделяются на две группы: В группе А объединены сложные префиксальные формы с *-ся*, образованные от глаголов с переходным значением: *накушаться*—*кушать*, в группе Б объединены формы, образованные от глаголов с непереходным значением: *наплакаться* — *плакать*. Анализ значения глагольных образований, составляющих группу А, в сравнительном плане с соответственными простыми формами (без гла-

гольного префикса и *-ся*): *накушаться — кушать*, выявляет в сложных образованиях с *-ся* то залоговое значение, которое было ранее определено, как «сдвиг в связях действия с субъектом и объектом». Ведь это значение заключается в некотором ослаблении связей действия с объектом и установлении за счет этого более тесной связи между действием и субъектом. При приведенном выше сравнении *я раздобылся лошадьми* с *Я раздобыл лошадей* указывалось, что предмет, являющийся во втором случае прямым объектом действия, в первом случае представляет собой только средство для совершения действия, которое мыслится главным образом в его связях с субъектом. Совершенно аналогичные отношения, думается, мы находим в *Я ел перец* и *Я наелся перцу*, *Я слушал его речи* и *Я наслушался его речей* и т. д.

Данные образования, аналогично разобранным выше образованиям типа *уставиться*, *задаться* (вопросом), обычно сочетаются с существительным в косвенных падежах. В подавляющем большинстве случаев эти образования содержат префикс *на-*, в отдельных случаях префиксы *до-*, *об-* (*ждать — дождаться*, *есть — объесться*).

В глагольных образованиях, входящих в состав группы Б, можно выделить два различных оттенка залогового значения, которыми отличаются префиксальные формы с *-ся* от соответственных форм без *-ся* и префикса: а) значение совместности — *сходиться*, *сбежаться*, б) значение «поглощенность субъекта действием» — *наплакаться*, *разгуляться*.

Образования типа *срастись*, *сходиться*, *расходиться* содержат все элементы, из которых складывается выше охарактеризованное значение совместности (они не содержат тех дополнительных оттенков, которые создают на основе значения совместности значение взаимности). Эти образования в большинстве случаев содержат префикс *с-*, реже префикс *раз-* (*рас-*).

Синтаксические связи этих образований полностью совпадают с синтаксическими связями глагольных образований с *-ся*, рассмотренных выше в разделе «Значение совместности».

Группа Б отличается большим разнообразием префиксов, входящих в состав глагольных образований: *в-*, раз- (*рас-*), *на-*, *от-*, *за-* и др. Поскольку каждый отдельный префикс привносит в значение какой-то особый, свойственный только ему оттенок, трудно отделить от всего множества этих дополнительных оттенков общий для всех разбираемых образований оттенок значения, вносимого формой с *-ся*. Все же, как кажется, такое общее значение у них имеется, и оно может быть определено, как «поглощенность субъекта действием». Для внесения большей ясности целе-

сообразно привести из словаря под редакцией Д. Н. Ушакова толкования отдельных префиксов, составляющих одно морфологическое целое с *-ся*: «*за-* вместе с окончанием *-ся* образует глаголы, означающие доведение действия до крайних пределов или всецелую погруженность в действие (подчеркнуто мною.—*И. М.*), долго продолжающееся, например: *заглядеться*, *завраться*, *заесться*; *в-* вместе с *-ся* (означает) предельную исчерпанность действия, направленного во что-нибудь, внутрь чего-нибудь, например, *всмотреться*, *внюхаться*».

«*из-* от непереходных глаголов несов. вида вместе с окончанием *-ся* образует глаголы, означающие приобретение какого-нибудь качества в высшей степени (подчеркнуто мною.— *И. М.*), например, *изовраться*, *изолгаться*, *изнервничаться*, *избюрократиться*; или же наоборот,— глаголы, означающие окончательную утрату какого-нибудь свойства, способности, например, *исписаться* (о писателе, от «писать» в непереходном значении «быть писателем»)».

Приведенные значения объединяются одной общей для них чертой: во всех случаях подчеркнута тесная связь действия с его субъектом или же поглощенность субъекта его действием. Это пожалуй, то же значение, которое было выявлено в глаголах типа *светиться*, *хвастаться*, *белеться*, однако в разбираемых образованиях оно выступает значительно ярче и полнее.

Большинство префиксальных глаголов с *-ся*, в которых *-ся* неотделимо от префикса, образуется от глаголов с непереходным значением. Этот факт представляет собой очень интересное явление. Он проливает свет на многообразие средств, которые используются в языке для выражения различных оттенков значения, содержащихся в глагольных образованиях с *-ся*. Как уже указывалось выше, почти все глаголы с переходным значением имеют соотносительные формы с *-ся*. Этим самым данные глаголы могут выражать всевозможные значения, свойственные данным образованиям. Иначе обстоит с глаголами (без *-ся*) с непереходным значением. Образования с *-ся* при них, как известно, весьма редки. И вот для того, чтобы и эти глаголы могли выражать отдельные оттенки значения, свойственные образованиям с *-ся*, в языке используются некоторые вспомогательные средства. Процесс создания форм с *-ся* от непереходных глаголов представляется в данном случае в следующем виде. К непереходному глаголу предварительно прибавляется префикс, и этим самым он приобретает некоторый минимум переходности, например: *плакал* и *наплакал* ведро, и, соединившись с префиксом, глагол уже свободно сочетается с аффиксом *-ся*.

Образования типа *насидеться*, *наплакаться*, образованные от непереходных глаголов (*сидеть*, *плакать*), не имеют значения залога, так как соответственные формы без *-ся* также непереходны.

В этой связи приобретает большое значение тот факт, что большинство разбираемых форм с *-ся* представляет собой более поздние образования (*начитаться*, *изнервничаться* и т. д.). Это свидетельствует о том, что количество глаголов, способных сочетаться с аффиксом *-ся* в современном языке, увеличивается.

Образования с -ся, при которых нет соотносительных форм без -ся

Группа А: Марья Гавриловна долго *колебалась*; множество планов было отвергнуто (Пушкин); Камердинер *смешался*, остановился, как вкопанный, и побледнел (Тургенев).

Группа Б: Там они *клялись* друг другу в вечной любви (Пушкин); Кирила Петрович сел ужинать и только тогда, не видя Дубровского, *хватился* о нем (Пушкин); Пение дверей *раздавалось* по всему дому (Гоголь); В самом деле, тотчас после обеда *явились* землемер Шмит в усах и шпорах и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати (Пушкин); Лошадь... поминутно то *въезжала* в сугроб, то *проваливалась* в яму (Пушкин); ... другие безобразные, бессмысленные видения *неслись* перед нею одно за другим (Пушкин); Даже курицы *стремились* ускоренной рысью в подворотню (Тургенев); Она *прощалась* с ними в самых трогательных выражениях (Пушкин); Да знает ли он, с кем *связывается?* (Пушкин).

Образования с -ся, при которых нет вовсе соответственных форм без -ся

Группа А: Шабашкин *поклонился* почти до земли... (склонить) (Пушкин); ... его хладнокровие, с каким он обыкновенно *уклоняется* от платежа по ресторанным счетам... (отклонять) (Чехов); *Любоваться* мило-дорого... (облюбовать) (А. Островский).

Группа Б: Кирила Петрович *гордился* сим прекрасным заведением (Пушкин); Афанасий Иванович сидел согнувшись и всегда почти *улыбался* (Гоголь); Сам теперь *кается*, да уже поздно (Чехов).

Более поздние образования: ... отделение, где благородные суки *ощенялись*... (Пушкин); И Софрон, и Аркадий Павлыч — оба *не чуждались* нововведений (Тургенев); Пи-

терцы /все еще/ всем на радость/ лобзались, /скакали детишками малыми, /но в красной ленточке, /слегка *припарадясь*, /Невский/ уже/кишел генералами (Маяковский).

Все приведенные образования с *-ся* объединяет одна общая черта: отсутствие при них соотносительных форм без *-ся*. И при образованиях, вовсе не имеющих соответственных форм без *-ся*: *каяться*, *гордиться* и т. п., и при образованиях, расходящихся с соответственными формами без *-ся* по значению: *прощаться*, *связываться* и т. п., нет парных, однородных по лексическому значению, форм без *-ся*, из сопоставления с которыми могло бы выясниться залоговое значение образований с *-ся*. Однако дифференцированный анализ этих образований показывает, что, кроме указанной общей черты, в них содержится и ряд других черт, которыми отдельные группы образований отличаются друг от друга. Образования с *-ся*, расходящиеся по значению с соответственными формами без *-ся*, могут быть разбиты на две группы. В группе А объединены образования с *-ся* (типа *расклеиться*), содержащие кроме прямого также и переносное значение. Эти образования, соотносясь в своем прямом значении с соответственными формами без *-ся*, изолировались от них в своем переносном значении. Так, *расклеиться* в прямом значении (конверт *расклеился*) соотносится с *расклеить* (он *расклеил* конверт), но в переносном значении форма с *-ся* уже лишилась непосредственной соотносительности с формой без *-ся*, так как последняя содержит только прямое значение, а переносного не получила. Однако, учитывая тесную связь между прямым и переносным значением разбираемых образований с *-ся*, можно прийти к выводу, что эти образования и в переносном значении не изолированы полностью от соответственных форм без *-ся*, а сохраняют, правда, не непосредственную, соотносительность с ними. Опосредствующим звеном являются в данном случае прямые значения форм с *-ся*. Схематично можно изобразить эту связь следующим образом:

Расклеиться ——————→ расклеить
(образование с *-ся* в прямом значении)
↑
расклеиться
(образование с *-ся* в переносном значении)

В группе **Б** объединены все другие образования с *-ся*, расходящиеся по значению с соответственными формами без *-ся*. Однако и по степени и по характеру процесса расхождения по зна-

чению объединенные в группе Б образования с *-ся* отнюдь не единообразны. Здесь содержатся образования типа *неслись*, *стремились*, которые еще не изолировались полностью по значению от соответственных форм без *-ся*. Следовательно, они по степени расхождения отличаются от других, которые изолировались полностью, напр., *прощаться*. С точки зрения характера того процесса, который привел к расхождению по значению форм с *-ся* и без *-ся*, надо различать образования типа *прощаться* и образования типа *провалиться* (см. приведенные примеры). Процесс расхождения по значению *прощаться* и *прощать* представляется в следующем виде: *прощаться* первоначально означало *прощать* во взаимном значении (ср. произносимое при расставании: *прощай*). В дальнейшем *прощаться*, получив новое, свойственное ему сейчас, значение, изолировалось от *прощать*, сохранившего старое значение. Иначе обстоит с *провалиться*. При *провалиться* (в значении: упасть, опрокинуться) имеется *провалить*, содержащее только переносное значение (*провалить* кого-то на экзамене). Здесь, в противоположность предыдущему случаю, форма без *-ся* не сохранила прямого значения, а содержит только одно, приобретенное ею, переносное значение. Естественно, при форме с *-ся* в прямом значении нет уже соотносительной формы без *-ся*. Многообразие форм, в которых проявляется процесс расхождения по значению форм с *-ся* и без- *ся*, свидетельствует о наличии в языке значительной тенденции, ведущей к изоляции по значению образований с *-ся* от соответственных форм без *-ся* и этим самым лишающей образования с *-ся* их грамматического (в данном случае залогового) значения. Здесь наблюдается своеобразный стык двух различных процессов развития в языке: лексического и грамматического; в данном случае развитие лексического значения слова затушевывает его грамматическое значение, так как лишает слово присущей ему формальной соотносительности с другими словами. Необходимо отметить, что в большинстве случаев изолируются образования с *-ся* содержащие либо взаимное значение, либо значение «Изменение в состоянии субъекта» (ср. приведенные: *прощаться*, *связываться*, *пуститься*, *провалиться*, *нестись* и т. д.). Рассмотренный процесс отделения по значению форм с *-ся* от соответственных форм без *-ся* не захватывает вовсе образований с *-ся* в страдательном значении.

Отдельно надо остановиться на приведенном среди примеров весьма употребительном образовании *являться*. В данном случае формы с *-ся*, расходясь по значению, размежевались также и стилистически. Форма без *-ся* встречается только в условиях несколько возвышенного стиля. Ср. у Пушкина: Не в первый раз

он тут *явил* Души прямое благородство, Хотя людей доброхотство В нем не щадило ничего. Или у него же: Хоть не *являла* книга эта Ни сладких замыслов поэта... И сейчас можно встретить *явить* в соответствующем стилистическом окружении: «Все проверить, проанализировать, *явить* перед судом ума и подвергнуть истинной критике — вот к чему стремился Маркс» (из газет).

У Пушкина встречается форма *являться*, соотносящаяся с формой без *-ся* в рассмотренном значении: В те дни в таинственных долинах, Весной при кликах лебединых, Близ вод, сиявших в тишине, *Являться* муза стала мне. Здесь *являться* выступает не в значении приходить, а в значении *являть себя* (собственно-возвратное значение). В современном языке формы с *-ся* (*являться*) вступают в двух значениях: а) в значении п р и х о д и т ь, о ч у т и т ь с я, п р и б ы т ь,— он *явился* ко мне; ... и на столе вдруг *явилась* скатерть с пирожками и рыжиками (Гоголь); и б) в значении вспомогательного глагола. Само собою разумеется, в обоих этих значениях формы *явиться*, *являться*, не соотносятся с формами без *-ся* (*явить*, *являть*). Степень употребительности образования с *-ся* в том или ином из указанных значений резко видоизменяется в различных литературных жанрах. В научно-публицистической литературе оно встречается довольно часто и в первом и во втором значении. В художественной литературе не встретилось ни одного случая употребления формы *явиться* в значении вспомогательного глагола.

В значении вспомогательного глагола образование *являться* в большинстве случаев встречается в форме настоящего времени. Это объясняется, по всей вероятности, тем, что основной вспомогательный глагол *быть* в форме настоящего времени не употребляется, и в ряде случаев, где он мог бы употребляться, он заменяется образованием *являться*.

Значительной употребительностью отличается образование *иметься* и *находиться* (в экзистенциальном значении параллельно глаголу *быть*). Образование *иметься* встречается только в научно-публицистической литературе. В словосочетании «имеется в виду» образование *имеется* воспринимается часто в страдательном значении. Ср. следующее предложение: «Что под этими странами в первую очередь *имелись* в виду Англия и Франция, разумелось само собой и было немедленно расшифровано на столбцах англо-французских газет» (из газет). Однако, поскольку *иметься в виду* является цельным фразеологическим сочетанием, страдательное значение и здесь выступает недостаточно четко.

Образования с *-ся*, при которых нет вовсе соответственных форм без *-ся*, также разделены на две группы. В группе А объеди-

нены формы с *-ся*, при которых, хотя и нет соответственной формы без *-ся*, имеются, однако, близкие по значению и образованию формы без *-ся*. Так, при *смеяться* нет *смеять*, но есть *осмеять*, при *любоваться* нет *любовать*, но есть *облюбовать и т. д. Само собою* разумеется, различие в образовании форм с *-ся* и форм без *-ся* (прибавление или изменение префикса) обусловливает и некоторое различие в их лексическом значении, поэтому собранные в группе А образования характеризуются только частичной соотносительностью с формами без *-ся*. Все же это является положительной характеристикой, отличающей их от глаголов, объединенных в группе Б, не имеющих при себе и близкой по образованию формы без *-ся*. Таковы образования с *-ся* типа *гордиться*, *каяться*, *толпиться* и т. д. Эти образования по продуктивности и употребительности значительно превосходят образования, объединенные в группе А. Те и другие образования во многих случаях представляют продукт рассмотренного выше процесса, ведущего к разрушению соотносительности формы с *-ся* и без *-ся*. Так, при глаголе *каяться*, как свидетельствуют памятники, раньше существовала форма *каять*, в более древнем значении *бранить* и в более позднем значении *исповедовать*. В народных поговорках такая форма встречается и поныне, ср. «старого не бьют, мертвого не кают». Форма *каяться* в настоящее время является «отложительной» (verbum deponentium), так как в современном литературном языке форма *каять* уже не встречается вовсе.

От образований типа *каяться*, *гордиться* отделены образования типа *удосужиться*, *толпиться*, *хорохориться*.

В то время как изолированность первых является результатом исчезновения соответственных форм без *-ся*, изолированность вторых, надо полагать, объясняется тем, что они являются более поздними образованиями в языке, параллельно которым не образованы формы без *-ся*.

ИРЯ
Институт русского языка
www.ruslang.ru

О ЗАЛОГАХ ПРИЧАСТИЙ

Причастия, не сочетающиеся с творительным реального субъекта

А. Необособленные [37]

α Реальный субъект неизвестен или не представляет актуального интереса: Дорога к дому шла паровыми, только что *вспаханными* черноземными полями (Л. Толстой); ... на одном недавно *починенном* мостике... (Тургенев); Между ними стояла *перерезанная* поперек бочка. (Горький); ... после чего Пульхерия Ивановна приносила *разрезанный* арбуз и говорила... (Л. Толстой).

β) Реальный субъект ясен из контекста: Кирила Петрович без него скучал, и досада его громко изливалась в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского *исправленные* и *дополненные* (Пушкин); Шабашкин... с того же дня стал хлопотать по *замышленному* делу (Пушкин); ... пока женщины... устанавливали *принесенное* перед гостями... (Л. Толстой); ... он посмотрел на меня широко *раскрытыми* глазами (Горький).

γ) Реальный субъект по специальным мотивам не указывается: Из наиболее крупных статей Маркса в «Рейнской газете» Энгельс отмечает, кроме *указанных* ниже (см. литературу), еще статью о положении крестьян-виноделов в долине Мозеля (из газет).

δ) Причастия, полностью отвлеченные от реального субъекта; ... просторный двор с низенькою, свежею травкою, с *протоптанной* дорожкою... (Гоголь); На столе стояло множество горшочков с *замазанными* крышками... (Гоголь); Солдаты... остановились у *сломанной* чинары (Л. Толстой).

Б. Обособленные

α) При сем ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, *приговоренный* к смерти (Пушкин); Будучи ровесниками, *рожденные* в одном сословии, воспитанные

[37] При делении на группы α, β, γ, δ частично использована намеченная Есперсеном классификация случаев употребления страдательных конструкций (см.: J e s p e r s e n. Philosophy, of grammar). Особо выделены: α) причастия, при которых отсутствие творительного субъекта объясняется тем, что реальный субъект в данном случае неизвестен или не представляет интереса, β) причастия, реальный субъект которых выясняется из контекста, γ) причастия, при которых реальный субъект не называется по специальным мотивам (авторская скромность и пр.), и δ) причастия, которые полностью отвлечены от их реального субъекта (причастия, в значительной мере или полностью превратившиеся в прилагательные).

одинаково, они сходствовали отчасти и в характерах и наклонностях (Пушкин); ... и никогда не снимался... котел или медный таз с вареньем, желе, пастилою, *деланными* на меду... (Гоголь).

β) ... немало стариков теперь восполняет пробелы молодости, суровой молодости, *проведенной* при капитализме, державшем трудовые массы в цепях невежества (из газет); ... Тов. Ворошилов выступил здесь с теплой, прочувствованной речью, *обращенной* к краснофлотцам и командирам корабля (из газет).

δ) ... то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, *окровавленного* (Пушкин); ... один бойкий петух с ... красным хвостом, *закрученным* на самый гребень (Тургенев).

Причастия, сочетающиеся с творительным реального субъекта

А. Необособленные

С своей стороны Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им *затеянного* дела (Пушкин).

Б. Обособленные

Предмет, *избранный* ею, был бедный армейский прапорщик (Пушкин); Кирила Петрович, по обыкновению своему *разгоряченный* наливками... (Пушкин).

Причастия, не сочетающиеся с творительным реального субъекта

А. Необособленные

β) ... и я свободно мог понимать *рассказываемые* мне истории (Лесков); Приглашая его подписать *предлагаемую* бумагу... (Пушкин).

δ) ... *видимый* резон, что вы не хотите моего счастья (А. Островский).

Б. Обособленные

β) Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах и в проказах, ежедневно притом *изобретаемых* и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец... (Пушкин).

Причастия, сочетающиеся с творительным реального субъекта

А. Необособленные

Признаваемая даже противниками Маркса замечательная последовательность и цельность его взглядов... (из газет).

Б. Обособленные

Он расхаживал..., *сопровождаемый* Тимошкой и главными псарями (Пушкин); ... бас шмеля, иногда *сопровождаемый* пронзительными визжаниями ос... (Гоголь).

Краткие причастия, не сочетающиеся с творительным реального субъекта

α) Реальный субъект неизвестен или не представляет актуального интереса: Марья Гавриловна *была воспитана* на французских романах (Пушкин); Между тем война со славой *была кончена* (Пушкин); Под яблонею вечно *был разложен* огонь... (Гоголь); Иногда, если *было* ясное время и в комнатах довольно тепло *натоплено* (Гоголь).

β) Реальный субъект ясен из контекста: Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега *было отвергнуто* (Пушкин); Раз, в начале осени, Кирила Петрович собрался в отъезжее поле. Накануне *был отдан* приказ псарям и стремянным быть готовыми к пяти часам утра (Пушкин).

γ) Реальный субъект по специальным мотивам не указывается: Нельзя не заметить, что этот прием грешит той же абстрактностью, которая *была отмечена* с самого начала, как основной недостаток разбираемой книги (Ленин); В этом беглом перечне *указаны* далеко не все литературные влияния (Брюсов).

δ) Причастия, полностью отвлеченные от реального субъекта действия: Светлорусые волосы на голове *были спутаны*...(Горький); ... спина *была сгорблена*... (Короленко); Но опять и тут настоящая жизнь для бродяги *была закрыта* (Короленко).

Причастия, сочетающиеся с творительным реального субъекта

Таким образом, тайна *была сохранена* более чем полдюжиною заговорщиков (Пушкин); ... весь кустик *был переехан* колесом... (Л. Толстой); Дальнейшая нить размышлений молодого человека *была прервана* окриком арестантского старосты (Короленко).

Конструкции с краткими причастиями настоящего времени

После чего все это немедленно *было приносимо* и, как водится, *было съедаемо* (Гоголь); В первой своей молодости медвежата *приводимы были* ежедневно в гостиную... (Пушкин).

Причастные образования с *-ся* с точки зрения выражения категории залога не отличаются от других глагольных образований с *-ся*. Однако причастия, кроме образований с *-ся*, обладают и другими морфологическими средствами для выражения категории залога: суффиксами *нн*, *м*, *т* (читанный, читаемый, мытый). Сравнивая соотношения:

1) Агент, *отправивший* груз — Груз, *отправленный* агентом

2) Ученик, *читающий* книгу — Книга, *читаемая* учеником

3) Мальчик, *закрывший* дверь — Дверь, *закрытая* мальчиком, видим, что во всех случаях левого ряда предмет, к которому относится причастие, является реальным субъектом действия, во всех случаях правого ряда он является реальным объектом действия. Следовательно, эти соотносящиеся причастные формы выступают в качестве причастий действительного или страдательного залога. Вводя в это соотношение и причастные образования с *-ся*: *отправляющий*, *отправляемый*, *отправляющийся*, можно установить, что причастия с точки зрения категории залога подразделяются на три группы: 1) причастия действительного (переходного) залога), 2) причастия страдательного залога и 3) причастия непереходного залога (образования с *-ся*). Стык между причастными образованиями с *-ся* и страдательными причастиями представляют причастные образования с *-ся*, имеющие страдательное значение. Совершенно естественно, поскольку причастия обладают специальными формами для выражения страдательного залога, причастные образования с *-ся* в страдательном значении встречаются крайне редко.

Морфологически причастия страдательного залога разделяются на две группы: 1) причастия с суффиксом *-мый*, являющимся формой настоящего времени, и 2) причастия с суффиксами *-нный*, *-тый* — формы прошедшего времени. В соответствии со своими синтаксическими особенностями причастия страдательного залога также разделяются на две группы: а) сочетающиеся с творительным реального субъекта: *приведенный нами отрывок иллюстрирует...*; б) не сочетающиеся с творительным субъекта: *между ними стояла перерезанная поперек бочка*; эти группы подразделяются в свою очередь на подгруппы обособленных и необособленных причастий.

Группа причастий, не сочетающихся с творительным падежом, была подвергнута дальнейшей дифференциации с точки зрения выяснения причин отсутствия творительного реального субъекта. Проведенный анализ показывает, что причастия настоящего времени отличаются несравненно меньшей употребительностью, чем причастия прошедшего времени. Среди последних причастия, не сочетающиеся с творительным падежом, значительно более употребительны, чем причастия, сочетающиеся с творительным падежом. Среди общего числа причастий страдательного залога причастия, сочетающиеся с творительным падежом, составляют 31%. Между тем, значение страдательного залога в причастиях, сочетающихся с творительным падежом, выражено ярче, чем в первых. Ведь «страдательность» причастия значительно нагляднее, когда тут же указывается ее источник, т. е. при наличии творительного реального субъекта. Анализ показывает, что имеется определенная зависимость между так называемой обособленностью причастий и их сочетаемостью с творительным реального субъекта. Так, если обособленные причастия приблизительно равномерно распределяются среди групп причастий, сочетающихся и не сочетающихся с творительным падежом, то подавляющее большинство необособленных причастий относится только к группе причастий, не сочетающихся с творительным падежом. Следовательно обособленность является одним из условий, в которых реализуется (но не с необходимостью) сочетаемость причастия с творительным реального субъекта. Если принять обособленное причастие, сочетающееся с творительным падежом, за степень, наибольшей полноты выражения причастием залогового значения, то можно расположить другие причастия по степени выражения залогового значения в следующем порядке.

1. Необособленные причастия, не сочетающиеся с творительным падежом,— первая (наименьшая) степень выражения залогового значения (см. примеры).

2. Обособленные причастия, не сочетающиеся с творительным падежом,— вторая степень.

3. Необособленные причастия, сочетающиеся с творительным падежом,— третья степень.

4. Обособленные причастия, сочетающиеся с творительным падежом (наивысшая степень).

Все же и в необособленных причастиях, не сочетающихся с творительным реального субъекта, залоговое значение часто бывает довольно четко выражено. В этом можно убедиться, если вникнуть в значения причастий, объединенных в группах α, β, γ. Так, в группах β, γ реальный субъект подсказывается контекстом, а в группе

α опущение творительного падежа указывает только на то, что конкретный реальный субъект неизвестен и отнюдь не на то, что его нет вовсе. Совершенно иной характер носят причастия, сгруппированные в группе δ; это причастия, которые мыслятся вне всякой связи с соответственным реальным субъектом действия; так, в предложении *Просторный двор с низенькою*, свежей травкой, с протоптанной дорожкой «протоптанность» дорожки полностью абстрагирована от представления о том, кто именно протоптал.

Отсюда следует, что потеря причастием категории залога является важной причиной превращения его в прилагательное.

Краткие причастия страдательного залога по своей синтаксической функции существенно отличаются от полных; они всегда выступают в предикативной роли в предложении. Это и является основной причиной того, что краткие причастия страдательного залога соотносятся не с полными причастиями действительного залога (которые, как правило, не выступают в предикативной роли в предложении), а с соответственными глагольными формами. Так, *письмо им написано* соотносится с *Он написал письмо.*

Члены данного соотношения различаются также по своей грамматической природе. В отличие от латинских laudo — laudor где соотносящиеся члены однородны грамматически: и в одном и в другом случае личный глагол,— в разбираемых соотношениях, с одной стороны, выступают личные глаголы, с другой стороны, причастные конструкции. Последние по своей природе полуглагольные и полуименные. Краткие причастия ассоциируются двусторонне: *закрыт* соотносится, с одной стороны, с *закрыл* — с другой, с *закрытый* (где проявляет тенденцию к превращению в прилагательное).

Приведенные примеры страдательных конструкций с краткими причастиями также разделены на две основные группы: конструкции с творительным реального субъекта и без него. Среди кратких причастий процент сочетающихся с творит. реального субъекта значительно ниже, чем среди полных. Среди приведенных примеров имеются также некоторые страдательные причастия настоящего времени (После чего все это немедленно было *приносимо*...) (Гоголь). Эти причастия хотя и встречаются редко, но все же, видимо, составляют живой факт языка. В отношении употребительности страдательных причастий необходимо дополнительно указать, что она, аналогично употребительности возвратных форм глаголов со страдательным значением, резко видоизменяет-

ся в зависимости от характера литературного текста: в художественной литературе те и другие встречаются очень редко, в научно-публицистической литературе — значительно чаще.

* * *

В истории разработки вопроса о залогах русских глаголов можно установить два основных периода:

П е р в ы й охватывает всех авторов до Востокова (включительно), которые, продолжая греко-римскую традицию, не придерживались единого принципа в определении залога. При установлении системы залогов они исходили из общей предпосылки, что система залогов должна охватить все существующие в языке глаголы.

В т о р о й характеризуется все более развивающейся тенденцией к построению системы залогов на основе признаков морфологической и синтаксической соотносительности глаголов, противополагающихся по залоговому значению.

Исходя из принципиальных положений о том, что под категорией залога понимаются формы глаголов, означающие отношения действия к субъекту и объекту, и что глагол имеет залоговое значение только при наличии в нем соотносительных форм, противопоставляющихся по залоговому значению и по своим синтаксическим связям, можно определить следующие типы: залоговых соотношений:

а) *мою — моюсь*, *мыл — мылся* и т. п. Это соотношение распространяется на личные глагольные формы. 1. Соотносительность в залоговом значении: переходность и непереходность действия. 2. Морфологическая соотносительность: наличие и отсутствие суффикса *-ся*. 3. Синтаксическая соотносительность: сочетаемость и несочетаемость с винит. объекта.

б) *умывающий — умываемый*, *забывший — забытый* и т. п. 1. Соотносительность в залоговом значении: в одном случае предмет, к которому относится причастие, является реальным субъектом действия, во втором случае он является объектом действия. 2. Морфологическая соотносительность: с одной стороны, суффиксы: *-ащ*, *-ущ*, *-вш*, *-ш* — с другой, суффиксы: *-нн*, *-м*, *-т*. 3. Синтаксическая соотносительность: сочетаемость с винительным объекта — сочетаемость с творительным реального субъекта.

в) *Он украшает — Он украшаем*; *Он оправдал — Он оправдан* и т. п. 1. Соотносительность в залоговом значении: в одном случае подлежащее является реальным субъектом, во втором случае

оно является реальным объектом действия. 2. Морфологическая соотносительность: спрягаемые формы глагола и формы прошедшего времени на *-л*, с одной стороны, и предикативные причастия с суффиксами *-н*, *-м*, *-т*, с другой стороны. 3. Синтаксическая соотносительность та же, что и во втором соотношении.

Залоговые значения в глагольных образованиях с *-ся*, кроме указанных в литературе, установлены следующие: следственное изменение в состоянии субъекта; сдвиг в связях действия с субъектом и объектом. Соответственно указанному в литературе взаимному значению установлено более широкое значение — «значение совместности». Из группы глаголов со значением совместности выделяется частная группа глаголов со значением взаимности.

Потеря причастием залогового значения является одной из основных причин его перехода в прилагательное.

Так называемая «обособленность» является одним из условий, в которых реализуется сочетаемость причастия с творительным реального субъекта, в результате чего достигается бóльшая полнота выражения причастием залогового значения.

К ВОПРОСУ О ЗАЛОГАХ СЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛОВ

Наиболее полное решение проблемы залогов современных русских глаголов может быть достигнуто только на основе всестороннего исследования исторического процесса развития данной грамматической категории как в русском, так и в других славянских языках.

Значительным фактом в сравнительно-историческом изучении славянских залогов надо считать вышедшую в 1924 г. в Гейдельберге книгу Маргулиеса «Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen»[38].

Работа А. Маргулиеса представляет обстоятельную монографию, занимающуюся сравнительно-историческим исследованием возвратных глаголов в славянских языках. При выборе материала автор не ставил перед собой цели вовлечь в круг своего исследования все существующие в славянских языках возвратные глаголы, однако, стремился охватить все основные типы этих глаголов. Монография состоит из десяти глав. В первой, вводн-

[38] Sammlung slavischer Lehr und Handbücher, herausgegeben von A. Leskien und E. Berneker. III Reihe: Texte und Untersuchungen; Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen, von Dr. phil. Alfons Margulies. Heidelberg, 1924.

ной главе автор, характеризуя важнейшие взгляды по исследуемому вопросу, имеющиеся в основных трудах языкознания, формулирует ряд принципиальных положений о генезисе, сущности и системе залогов в славянских языках.

Во второй и третьей главах освещаются морфологические явления из области возвратных местоимений и возвратных глаголов. Во всех остальных главах, которые автор называет синтаксическими, ставится задача раскрытия всего многообразия залоговых значений, присущих возвратным глаголам в славянских языках, а также взаимодействия и исторических взаимопереходов, наблюдающихся между отдельными группами возвратных глаголов.

Первая глава содержит удачно построенное сжатое изложение эволюции взглядов по вопросу о залогах в индоевропейском и славянском языкознании. Однако некоторые высказанные там принципиальные положения вызывают возражения.

Маргулиес считает основоположниками изучения проблемы залогов в индоевропейских языках, по крайней мере, в той части, в которой это относится к возвратным глаголам, Дельбрюка и Бругмана. Автор останавливает свое внимание на том, что отправным пунктом Бругмана и Дельбрюка при исследовании залогов были Aktiva и Media tantum [39].

Маргулиес считает это значительным достоинством исследования, так как благодаря такому подходу, полагает он, исследователям удалось выявить «имманентное» каждой отдельной глагольной форме залоговое значение, не прибегая при этом к сопоставлению соотносительных форм.

Маргулиес противопоставляет указанную точку зрения Дельбрюка и Бругмана другой, ошибочной, по его мнению, точке зрения Поржезинского, указавшего в своей книге «Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках», что Reflexivum tantum (Reflexivum tantum балтийско-славянских языков соответствует Medium tantum) вообще не обладает формой залога.

Нельзя согласиться с Маргулиесом в этом вопросе.

Вопрос о наличии залога в Reflexiva и Media tantum прямо связан с вопросом о сущности категории залога.

[39] Ср. у Дельбрюка: «...затем совершенно очевидно, что отправным пунктом должны являться не те глаголы, которые имеют как активную, так и медиальную форму, так как противоположность обоих глаголов у этих глаголов, вероятно, несколько обострилась, а Aktiva и Media tantum» (B. D e l b r ü c k. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, ч. 2, стр. 415).

Во всех индоевропейских языках категория залога создается наличием в глаголах, обозначающих переходное действие,— в отличие от глаголов, обозначающих непереходное действие или состояние,— соотносительных форм, выражающих различные отношения этого действия (активное — медиальное — пассивное) к субъекту, ср.: отправляю — отправляюсь, laudo—laudor, τύπτω — τύπτομαι и т. д.

Данная соотносительность не сводится к одной морфологической корреляции, т. е. наличию параллельных морфологических форм. Эта соотносительность зиждется в первую очередь на взаимообусловленности различных залоговых значений.

Следовательно, при отсутствии соотносительных форм нет необходимых условий, в которых создается категория залога. Отдельные элементы залогового значения могут, конечно, быть в этих глаголах. Эти значения, чаще всего возникающие на основе аналогии, анализируются в ряде разделов книги Маргулиеса. Однако отсутствие грамматической соотносительности создает существенную ущемленность этих глаголов, и поэтому категория залога в полном ее проявлении им не присуща. Заслуживают внимания содержащиеся в книге высказывания о генезисе отдельных залогов. Вопреки традиционному мнению о вторичности пассива по отношению к медиуму, Маргулиес вслед за Ernst Cassirer (см. Ernst Cassirer, Philosophie der symbolischen Formen, Band 1) считает пассив древнейшим залогом, а медиум — вторичным по отношению к нему.

Приводятся следующие доводы в пользу первичности пассива: 1. Пассивные отношения встречаются и в других, неиндоевропейских языках. 2. Многообразие способов выражения, имеющихся в отдельных индоевропейских языках для выражения пассива, а также множество случаев использования специальных образований для оформления пассива (уа — формы в арийском или формы — ην, θη страдательного аориста в греческом и общеиндоевропейские причастные перифразы) дают основание считать, что пассив стремился больше, чем любой другой неактивный залог, к созданию собственных форм. 3. Тот факт, что в языках, где искони унаследованные так называемые медиальные формы отмирают, как, например, в готском, сохранившиеся обломки этих форм выступают либо в пассивном значении, либо в значении, развившемся из пассива, свидетельствует о глубоких корнях, заложенных пассивом в языковом сознании. Маргулиес намечает следующую картину древнейшего употребления различных залоговых форм в разных группах индоевропейских языков. В греческом и индийском языках так называемые медиальные формы

исконно служили для выражения пассива; для выражения же возвратности употреблялись возвратные глаголы, причем круг употребления последних был шире, чем в настоящее время. В дальнейшем ходе развития медиальные формы стали употреблять ся и в иных залоговых функциях, а употребление возвратных глаголов значительно сузилось.

Иные соотношения намечаются для северных индоевропейских языков, в частности, для славянских. В славянских языках сфера употребления возвратных глаголов в древности была несколько у́же, чем сейчас. Пассив выражался особыми формами. С течением времени возвратные глаголы стали употребляться и для выражения пассива в силу близости пассива к некоторым залоговым значениям, искони выражавшимся возвратными глаголами. Свои предположения Маргулиес обосновывает рядом довольно убедительных доводов, вытекающих из сравнения между собой различных фактов отдельных современных славянских языков и сопоставления их с древнеболгарским языком. Его аргументация не может, однако, считаться исчерпывающей (особенно в части, касающейся древних эпох), так как нельзя устанавливать значительные этапы в историческом ходе развития языковых категорий без привлечения соответственного материала о развитии категорий сознания.

Систему залогов в славянских языках Маргулиес устанавливает под значительным влиянием Я. Сталя, давшего, по мнению Маргулиеса, наиболее полную классификацию греческих Media [40], а также под влиянием Фортунатова.

Маргулиес дает следующее определение залога: «Залог глагола обозначает отношение глагольного действия к производящему его субъекту и одновременно с этим отношение обоих факторов к объекту, на который субъект направляет глагольное действие».

Считая, что основное деление глаголов по залогам заключается в отделении активных глаголов от неактивных и рассматривая в качестве основного морфологического средства выражения залога в славянских языках возвратные глаголы, автор в последних различает: 1) пассивный залог; 2) объективный залог (в основном соответствует собственно-возвратному значению в классификации Фортунатова [41]); 3) эвентивный (результативный) залог (соответст-

[40] См.: I. M. S t a h l. Kritisch-historische Syntax des griechischen Verbums der klassischen Zeit. Heidelberg. 1907, стр. 42 и след.

[41] См.: Ф. Ф о р т у н а т о в. О залогах русских глаголов. «Изв. ОРЯС Имп. Акад. наук», т. IV, 1899, стр. 1153—1158.

венно значению «изменение в состоянии субъекта»); 4) динамический залог (охватывает среди других и глаголы со значением, определенным Фортунатовым, как «действие в отвлечении от объекта»); 5) взаимный залог; 6) залог заинтересованности (Genus der Beteiligung), например, др.-болг. isprosite u boga pišto sebě [42] — Psalt. Sin. (227).

Особо выделяются безличные возвратные глаголы, отличительной чертой которых, как указывает автор, является отсутствие у них собственно-залогового значения вследствие отсутствия грамматического подлежащего. Данная классификация залогов славянских глаголов очень близка к классификации залоговых значений русских возвратных глаголов, данной Фортунатовым в упомянутой статье «О залогах русских глаголов».

Основное отступление классификации Маргулиеса от классификации Фортунатова заключается в различном определении залоговой природы группы глаголов, относимых Маргулиесом к динамическому залогу, а Фортунатовым — к группе глаголов со значением «действие в отвлечении от объекта». Критический анализ этого вопроса будет дан ниже, здесь же необходимо отметить, что вряд ли автор целесообразно поступает, когда он рассматривает различные залоговые значения возвратных глаголов, как отдельные залоги. Нецелесообразность этой системы классификации заключается в том, что она в значительной мере стирает то общее, которое имеется между залоговыми значениями отдельных групп возвратных глаголов. Точно так же, как отдельные значения несовершенного и совершенного вида представляют собой только модификации (особенные проявления) единых значений совершенного и несовершенного вида, так и различные значения возвратных глаголов представляют собой в своем большинстве только модификации единого медиального (непереходного) залога. Все эти отдельные значения объединяются общим значением медиальности (непереходности) и своей общей противопоставленностью глаголам действительного (переходного) залога.

В главе «Das objektive Reflexivum» автор дает оригинальную классификацию возвратных глаголов, относимых им к объективному залогу, который определяет следующим образом: «Объективный залог обозначает выполнение субъектом глагольного действия над собой или самим собой». Исходя из этого определения, автор выделяет две разновидности объективного залога: 1) Субъект производит действие над собой. 2) Субъект производит действие самим

[42] Иллюстративный текст всех славянских языков, кроме русского и украинского, приводится в латинской транскрипции автора.

собой (mit sich selbst). Обе разновидности объективного залога могут быть выражены двояко: простыми формами возвратных глаголов и «усиленными» (verstärkte) формами возвратных глаголов. Средствами усиления являются: 1) замена частицы *ся* местоимением *себя* (или его эквивалентами в других славянских языках); 2) прибавление местоимения *сам* к форме с *-ся* (sę); 3) совокупность обоих указанных средств. Маргулиес считает, что подобное сочетание глагола с местоимением (или местоимениями) настолько внутренне цельно, что его можно назвать усиленным возвратным глаголом (verstärktes Verbum reflexivum). Таким образом, всего различаются четыре группы возможных форм объективного залога. Установленная классификация заполняется обширным иллюстративным материалом из разных славянских языков. Приводим некоторые примеры по отдельным рубрикам.

А. Субъект производит действие над собой

1. Простая форма возвратного глагола
Др.-болг.: imiže sę krasętъ (Supr. 335, 15);
Польск: Ewa zaczyna się czesać (Sienkiewicz).
Русск.: Царь ест и облизывается (Афанасьев).
Укр.: роздягся на камені (Шевченко).
2. Усиленная форма возвратного глагола
Др. -болг.: jegda samъ sę pogubi (Supr. 415, 19).
Серб.: da ubije sama sebe.
Чеш.: neb swym meczem sam sye klati.
Русск.: Если бы он ранил себя серьезно (Чехов).

Б. Субъект производит действие самим собой

1. Простая форма возвратного глагола
Др.-болг.: rastite sę i množite sę (Cloz. I, 421); i ne prěměni sę otъ božiję nadeždę (Supr. 105, 5).
Болг.: i zašto šte se lišavat ot edno takova udovolstvie.
Польск.: Kto się chwali, ten się gani.
Русск.: Сережа углубился в размышления (Толстой).
2. Усиленная форма возвратного глагола
Др.-болг.: ukrěpite sami sę (Supr. 570, 27).
Болг.: pak ukori sebe si (Elin-Pelin).
Серб.: koji se sam kara.
Русск.: и сам ни в чем не величайся (Домострой).
Русск.: за что так мучить себя и меня (Толстой).

Маргулиес устанавливает следующие условия появления усиленных форм объективного залога — а) необходимость отличить объективный залог от других: серб.— potkrijepiti sebe-sich selbst stärken, potkrijepiti se-stark werden; русск.— губит себя — sich selbst zugrande richten, губиться — zugrunde gehen, *слов.*— prevariti sebe-sich selbst täuschen, prevariti se-sich täuschen; б) противопоставление факта выполнения действия над собой или собой выполнению его в отношении других; *др.*- болг.— trudivъ sebe i slugujǫštęję tebě-Supr. 49, 3; чеш.— že vesvobodi sama sebe a jo také. Первое и второе условия могут выступать совместно, ср. русск.— Бурлак оборотил себя волком, а старика медведем (Афанасьев); в) для выражения необычных действий: *др.-болг.*— ubiti sę samъ и др.

Сравнивая древне-болгарские и греческие тексты, Маргулиес устанавливает в греческом следующие соответствия древне-болгарским простым и усиленным формам объективного залога: простой форме соответствует медиум, усиленной соответствует греческий возвратный глагол. На основе этих сопоставлений и ряда других показательных примеров автор делает вывод о наблюдающемся единообразии во всех славянских языках в употреблении простых и усиленных форм объективного залога. При этом он отмечает, что чаще всего к усиленной форме прибегает русский язык, наоборот, меньше всего к ней прибегает сербский язык. Это, указывает автор, объясняется тем, что в сербском языке и простая форма довольно четко выражает значение объективного залога, так как она значительно реже выступает в других залоговых функциях по сравнению с другими славянскими языками, главным образом, русским. Маргулиес, оперируя всем этим многообразным и интересным материалом, все время исходит из общей предпосылки о том, что обе эти формы отличаются внутренней цельностью, следовательно, они грамматически однородны. Это вызывает ряд принципиальных возражений. Думается, что здесь нельзя говорить о двух однородных формах, из которых одна синтетическая, а другая аналитическая, но имеющих в основном одно и то же грамматическое содержание. Наоборот, эти образования глубоко различны по их залоговой природе. *Мыться* от *мыть себя* отличается тем, что первое выступает медиально (непереходно), оно исключает всякий посторонний объект. Между тем, в сочетании *мыть себя* значение медиальности у глагола отсутствует, наоборот, в этом сочетании глагол выступает как немедиальный, переходный, действие здесь вовсе не исключает, а предполагает посторонний объект, но в данном случае этот посторон-

ний объект, вопреки обыкновению, совпадает с субъектом, чем, собственно, объясняется то, что данное сочетание слов обычно несколько выделяется в речи. Отсюда же следует, что сочетание *мыть себя* не отличается внутренней цельностью. В отличие от *мытья*, *застрелиться*, которые соответствуют одному акту грамматической мысли, *мыть себя* не является внутренне цельной грамматической формой. Это видно хотя бы из того, что в сочетаниях *мыть самого себя*, *убить самого себя* — слово *самого* относится не ко всему сочетанию в целом, а, конечно, только к дополнению; ср. *он убил его самого*, *а не его сына* [43].

Необходимо также остановиться на различиях между приведенными Маргулиесом сочетаниями из различных славянских языков. Сравнивая др.-болг.— kogo sę samъ tvoriši, Mar. 352,4; серб.— ko se ti sam gradiš,, польск.— czem się sam czynisz, русск.— чем ты себя делаешь, Маргулиес считает, что усиление формы в этих случаях в русском языке создается словом *себя*, а в других языках словом *сам*. Вряд ли это так.

Сравнение русских сочетаний *сам вылечился* и *вылечил себя* показывает, что слово *сам* не нарушает возвратной цельности глагола. Здесь в какой-то мере ущемляется только слитность представлений о субъекте и объекте действия, так как привлечение посредством выделительного *сам* внимания к субъекту (который в данном случае является и объектом) создает слабо ощутимую расчлененность представлений о субъекте и объекте. Все же сочетание *сам вылечился* в этом отношении существенно отличается от сочетания *вылечил себя*, полностью раскалывающего цельность формы и четко противопоставляющего представление о субъекте представлению об объекте. В этой связи уместно отметить следующую характерную черту книги Маргулиеса: при сравнении фактов разных славянских языков основное внимание уделяется выявлению моментов, общих для всех славянских языков

[43] Ср. у Овсянико-Куликовского: «И если вместо *он застрелился* мы скажем *он застрелил себя*, то это будет уже другое выражение, другой оборот; оба выражения могут иметь один и тот же смысл, одно и то же материальное содержание, но они различны грамматически, синтаксически, и поэтому их нельзя отождествлять. Разумеется, иногда представляется возможным взять одно выражение вместо другого, но в большинстве случаев этого сделать нельзя, или, по крайней мере, это неудобно. Так, например, мы скажем: *от стыда и горя он решил расстаться с жизнью и повесился*, но не скажем: *от стыда и горя он решил расстаться с жизнью — и повесил себя*, можно сказать: *играя пистолетом, который он считал незаряженным, он застрелил себя*, но уже неловко было бы сказать: *потеряв все, он впал в отчаяние и застрелил себя*. Здесь напрашивается возвратный глагол *застрелился* («Синтаксис русского языка», стр. 129—130).

и объединяющих славянские языки с другими индоевропейскими языками, и сравнительно мало уделяется внимания фактам, составляющим специфику отдельных славянских языков.

Кроме раздела об объективном залоге (который в значительной мере типичен для системы и метода в целом), необходимо еще осветить раздел о динамическом залоге, главным образом вследствие его спорности. Иллюстративный материал по динамическом залогу классифицируется по значению.

Динамические глаголы.

a) Verba «fassen, halten» и т. д.

Др.-болг.— kosnǫchъ sę dvьrechъ (Supr. 297,18); ср. в активе: i prosterъ rǫkǫ Jsusъ kosnǫ i (M. 8,3); русск.— притрагиваясь губой к его щеке (Толстой).

b) Verba «schlagen, beissen» и т. д. Серб.— a ja se počeo gristi; *русск.* — когда комары кусаются (Чехов).

c) Verba dicendi. Др.-болг.: molitъ sę o mirě (Mar, 266); серб.: obeća mu se, da će mu dati; польск.: wygadał się (Sienkiewicz); русск. вот когда вы проговорились! (Тургенев); что так раскричались? (Афанасьев).

Полемизируя с Фортунатовым, который определил залоговое значение ряда возвратных глаголов, относимых Маргулиесом к динамическому залогу, как «действие в отвлечении от объекта», Маргулиес развивает следующую аргументацию: «... здесь у Фортунатова произошло недоразумение; отношение к объекту или отвлечение от него не может служить признаком, характеризующим только одни неактивные залоги, потому что отвлеченные от объекта глаголы, грамматически называемые средними, встречаются и среди активых глаголов, причем именно среди последних они выступают особенно часто и четко. В следующих параграфах будет показано, что переходные глаголы также могут употребляться как средние, например, *читать*, *писать* и т. д., точно так же, как, естественно, каждый непереходный глагол безусловно является средним, так как отвлечение от объекта составляет сущность непереходности. Фортунатов правильно утверждает, что все возвратные глаголы являются непереходными, но, с другой стороны, он суживает это утверждение, относя его только к одной группе возвратных глаголов. На самом деле мы имеем здесь дело с динамическими возвратными глаголами; возможные же колебания в степени интенсивности, динамичности действия легко объясняют, почему этот оттенок, искони являющийся основным для этих глаголов, ускользнул от внимания Фортунатова». Относя глагол типа *ругаться*, *кусаться*, наряду со многими другими, к динамическому залогу, Маргулиес дает

следующее определение этого залога. «Динамический залог обозначает не отклонение в направлении действия, выраженного активным глаголом, а усиление этого действия».

Основное возражение Маргулиеса против Фортунатова заключается в том, что поскольку все возвратные глаголы отличаются общим значением непереходности, поэтому нельзя определять значение одной частной группы этих глаголов, как «действие в отвлечении от объекта», сводящееся будто бы, по существу, к общему значению непереходности. Думается, однако, что Маргулиес в данном случае не учитывает того, что основной смысл данной Фортунатовым классификации значений форм с *-ся* заключается именно в том, чтобы показать, как общее значение непереходного медиального залога проявляется в различных случаях в виде конкретных (особенных) значений этого залога. Так, в отличие от глаголов типа *мыться*, где общее значение непереходности (медиальности) проявляется в виде переходности действия на его субъект, и различных других групп глаголов с *-ся*, где непереходность проявляется в форме других конкретных значений, в глаголах типа *ругается*, *кусается* особенная форма проявления общего значения непереходности заключается в указании на то, что действие, фактически переходящее на какой-либо предмет (он *кусался* — обозначает, что он кого-то *кусал*), мыслится в отвлечении от соответственного объекта. Что же касается выдвигаемой автором в качестве особенного оттенка глаголов типа *кусаться*, *ругаться* определенной степени интенсивности (Intensitätsgrad), то, как кажется, в современном русском языке этот оттенок почти что неощутим вовсе. Ощущается ли в *кусаться* большая степень интенсивности, чем в *кусать*? Ср. также в польском языке kąsać—kąsać się, lajać—lajać, się и т. п. В некоторых случаях ощущается некоторый оттенок интенсивности действия, однако, этот оттенок является, по-видимому, производным от значения «действие в отвлечении от объекта». В самом деле, фиксация внимания на самом действии с отвлечением его (внимания) от наличного объекта, естественно, должна создать представление о некотором усилении интенсивности действия. Динамический залог занимает изолированное место в системе залогов, намечаемой Маргулиесом. Он отличается своей несоотнесенностью со всеми другими залогами. Раскрывая подробнее в дальнейшем своем изложении содержание этого залога, Маргулиес указывает: «Динамический залог, в отличие от других глагольных залогов, от актива отличается не по существу, а только в отношении *интенсивности*, т. е. с динамическим залогом не связано изменение в направлении действия, выраженного

активным глаголом; можно сказать, что динамический залог *количественно* отличается от актива, тогда как все остальные залоги отличаются от него *качественно*» (курсив автора). В то время, указывает далее Маргулиес, как все рефлексивы других залогов (за исключением части глаголов, относящихся к Genus der Beteiligung, не играющему значительной роли в системе Маргулиеса), образуются только от переходных глаголов, рефлексивы динамического залога могут образоваться и от непереходных глаголов. Совершенно очевидно, все это лишает систему залогов, намеченную Маргулиесом, единого основания деления. В данном разделе содержится очень много интересных наблюдений над генезисом различных возвратных глаголов. В ряде случаев встречается много дополнений к соответственным высказываниям Мейе и Фортунатова [44]. Необходимо, однако, указать, что объединение в рубрике единого залога возвратных глаголов самого различного залогового содержания может только в сильной мере затруднить выяснение их залоговой природы.

Собранные в данном разделе возвратные глаголы составляют несколько резко отличающихся с точки зрения залога групп. Во-первых, необходимо отделить возвратные глаголы, образованные от переходных глаголов, от тех возвратных глаголов, которые образованы от непереходных.

Среди первой группы выделяются глаголы с двумя различными залоговыми значениями: а) глаголы типа *грызться*, *кусаться* отличаются значением «действие в отвлечении от объекта» и б) глаголы типа *держаться*, *схватиться*, значение которых может быть определено как «сдвиг в связях действия с субъектом и объектом» [45]. Что же касается глаголов типа *грозиться*, *стучаться*, *белеться*, то эти глаголы, как это подробно указывается в работе, и в др.-болг. и в различных славянских языках в своих возвратных формах могут содержать по сравнению с невозвратными формами разнообразные оттенки динамичности, субъективности и т. п. Эти значения, часто создающиеся под влиянием собственно-залоговых значений, сами, однако, не являются собственно-залоговыми, так как последние, как это уже указывалось выше, создаются только на фоне соотносительности.

Отдельно надо остановиться на глаголах типа *наесться*.

[44] См.: Meillet Ant. Sur l'emploi de sę près de verbes slaves. Mémoires de la Société linguistique 19(1916), 290—298; Ф. Фортунатов. Разбор сочинения Г. К. Ульянова. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. «Сб. отд. русск. яз.». 64, 1897, № 11.

[45] См. об этом значении выше, стр. 56—57.

Маргулиес относит префиксальные глаголы с *-ся* типа *досидеться*, *наесться*, *раскричаться* (особенно глаголы с префиксами на -, *до-*) к «динамическому» залогу. Он считает вполне естественным, что глаголы «динамического залога» содержат приставки *на-*, *до-*, так как эти приставки в соответствии со значением данного залога подчеркивают интенсивность действия. В противовес Миклошичу, который в своем синтаксисе допускает, что разбираемые формы с *-ся* представляют с момента своего возникновения префиксальные Reflexiva tantum [46], Маргулиес считает, что при всех префиксальных формах с *-ся* первоначально были соответственные формы без *-ся*, но они с течением времени исчезли. В качестве примера, подтверждающего, что ранее существовавшие при префиксальных формах с *-ся* формы без *-ся* выходят из употребления, приводится: «*приказал себя дожидаться*». Маргулиес указывает, что если бы *дожидать* не выходило из употребления, оно в данном контексте было бы значительно более уместным, чем *дожидаться*.

Полемизируя с Миклошичем, Маргулиес приходит к общему заключению, что между префиксацией и возвратной формой нет необходимой связи. Основной аргумент, приводимый при этом Маргулиесом, заключается в том, что значение префикса не выходит за рамки лексического значения глагола, в то время как значение возвратной формы (формы залога), являясь синтаксическим по своей природе, выходит за рамки лексического значения глагола. Думаю, что подобный взгляд Маргулиеса основан на недооценке транзитивирующего значения (изменение непереходного глагола в переходный) префиксации. Ведь префиксация очень часто изменяет непереходный глагол в переходный; ср.: *идти — обойти*, *сидеть — отсидеть* и т. д. Но, изменяя непереходный глагол в переходный, префиксация создает предпосылки, которые необходимы для того, чтобы глагол получил форму непереходного залога. Все это, думается, говорит с достаточной полнотой о том, что между префиксацией глагола и возвратной формой имеется внутренняя связь.

Представляется целесообразным привести данные автором определения других залогов, а также некоторый иллюстративный материал из славянских языков по кажому отдельному залогу.

Эвентивный залог «обозначает состояние, вызванное действием, или же включенную в какое-либо действие, следовательно, вторичную деятельность». Смысл термина «eventiv» выясняется

[46] См. M i k l o s i c h. Syntax der slavischen Sprachen, стр. 268 и след.

из следующих слов автора: «das eventive Genus den aus einer Handlung erwachsenen Zustand, also den eventus bezeichnet.» Классификация этих глаголов дана по значению.

а) Глаголы движения: др.-болг.— stavi sę korabь posrědu rěky (Supr. 151,2); болг.— i se pokači v vagona; польск.— łzy się sączą; русск.— тихо склонялась и поднималась его голова (Тургенев).

б) Глаголы, обозначающие психические действия: др.-болг.— pokori mi sę člověče (Supr. 60, 25); болг.— pa mi se haresa (Elin-Pelin); польск.— zachwycił się jej pięknością; русск.— Мария Дмитриевна вся всполошилась (Тургенев); укр.— умудрітеся, немудрі; не хоче журитися (Шевченко).

Взаимный залог «обозначает взаимность глагольного действия, выполняемого несколькими субъектами». Взаимно-возвратные формы, как и объектно-возвратные формы, делятся на две группы: простые формы и усиленные формы.

а) Простые взаимно-возвратные формы; др.-болг.— vьsi kristijani sъbirali sę sotъ (Supr. 221, 15), dьnesь angeli sъ člověky razměsišę sę (Supr. 486, 29); польск. — ludzie się z karczmy rozchodzą; русск.—Левин сошелся опять близко с бывшим товарищем (Толстой).

б) Усиленные взаимно-возвратные формы: др.-болг.— drugъ druga rěję i drugъ druzě prětykajię sę (Supr. 466, 6); болг.— drezgavitě im glasove prělěha se edin v drugi (Elin—Pelin); серб.— pošto se između sebe izgrliše i izljubiše; чеш.— zabilo by jedno druhé, a tak by se spolu zabijeli; русск.— он первый раз в жизни лицом к лицу так грубо столкнулся с ложью (Чехов); укр.— дівчата грались між собою (Шевченко).

Страдательный залог «представляет собой грамматическую противоположность актива в том смысле, что дополнение актива становится подлежащим пассива, причем логические соотношения агенса и патиенса остаются совершенно неизменными». Из страдательно-возвратных форм подвергнуты семантической классификации только формы древнеболгарского языка.

Страдательно-возвратные формы древнеболгарского языка: а) Глаголы *убивать*, *наказать* и т. д.: i prěda sę voinu prigvozditi sę (Supr. 141,2); běsi izgonętъ sę (Supr. 136, 18). б) Глаголы *спасать*, *исцелять* и т. д.: otъpuštajǫtъ sę grěsi tvoi (Мар. 25,9); evъga svobaždaetъ sę — (Euch. Sin. 1b). в) Различные глагольные действия: i pogribajetъ sę — (Supr. 11, 15); da vьpišǫtъ sę grěsi ichъ (Supr. 484,24); kako plьti tvoę nyńě trošętъ sę ogńemъ (Supr. 231,20). г) Глаголы движения — krestъ vъdrąžaase sę (Cloz. I,608); zapovêdь posъla sę po vьsej vьseleně (Supr. 145,1).

Страдательно-возвратные формы других славянских языков:

серб. — sad se nanovo učini veselje; mjesto gdje se bijeli platno; чеш.— ty sye pokrasnem stytye znagy; všecky stroje se rozpracovaly (Svoboda); польск.— przejęli się taką żarliwością religijną; zrobiła się nazajutzz z tego anegdota. (Mickiewicz), русск.— Любовью все покупается, все спасается (Достоевский); Как он мерзко воспитывается (Чехов); укр.: На віки прокленетесь своїми синами (Шевченко).

Залог заинтересованности «обозначает, что глагольное действие совершается субъектом в его интересах, поэтому ему сопутствует в славянских языках падеж заинтересованности, дательный падеж возвратного местоимения». Дательно-возвратные формы подразделяются на две группы:

а) Дательно-возвратные формы со значением заинтересованности: др.-болг.— isprosite u boga pištą sebě (Psalt. Sin. 227); болг.— sъstavil si tam bogatstvo; серб.— nađe sebi prolazka; чеш.— aby sobě i jiným potřebu vydělal; луж.— som sebje kónja a wóz pśepił; польск.— upatruję sobie żony; русск.— посоли себе суп (Чехов).

в) Дательно-динамические возвратные формы: болг.— mislja si az; серб.— vrnuše si se; чеш.— já vice teskliti a hořekati sobě nechci; польск.— potem zrobisz sobie ze mną co zechcesz (Mickiewicz); русск.— покою себе не знал (Чехов); укр.— царствуе собі молодий цар.

Вторые формы отличаются от первых тем, что они точно так же, как и «динамические» рефлексивы, не отличаются в отношении направления действия от соответственных глаголов без *-ся*. Они образуются как от переходных глаголов, так и от непереходных. Маргулиес считает, что формы второго типа представляют собой вторичное явление, так как они развились из форм первого типа. Значительная часть из них образовалась по аналогии.

Категория вида

О ЗНАЧЕНИЯХ ВИДОВ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

Виды — одна из важнейших грамматических категорий в системе глагола. В своей работе «О характере глагола» А. Мейе, освещая в общелингвистическом плане вопрос о категориях, присущих глаголу, указывает на категорию времени как на важнейшую глагольную категорию и к этому прибавляет: «Сущность категории вида отвечает в такой же мере (если не в большей), как и сущность категории времени, существу глагола» [1]. Останавливаясь в дальнейшем изложении на вопросе о значении категории видов в славянском глаголе, А. Мейе говорит: «В славянском глаголе полностью господствует понятие вида. Значимость и постоянство противопоставленности двух видов является характерной особенностью славянских языков; эта противопоставленность хорошо сохранилась во всех славянских языках, больше же всего в русском, польском и чешском»[2].

В русской лингвистической литературе очень много внимания уделялось категории видов и всячески подчеркивалась ее особая роль в грамматической системе русского языка. Так, Н. П. Некрасов в своей книге «О значении форм русского глагола» считает виды «одной из замечательных особенностей русского языка» (стр. 119), а А. М. Пешковский дает следующую характеристику категории видов: «Виды — главное грамматическое и стилистическое богатство нашего языка, и сознательное пользование ими, во-первых, обогатит и утончит стиль учащегося и понимание им литературного текста, а, во-вторых, поднимет его на такую грам-

[1] «Linguistique générale et linguistique historique». Paris, 1926, стр. 183.
[2] Там же, стр. 184.

матическую высоту, с которой все остальные грамматические различия будут ему казаться элементарными, ибо виды, несомненно, труднейшие из них» [3]. Хотя проблема видов привлекала к себе внимание русских лингвистов в большей мере, чем любое другое явление русской грамматики, целый ряд относящихся сюда вопросов нельзя считать окончательно решенным, и в первую очередь это относится, пожалуй, к вопросу о значении видов.

В процессе исторического развития русского языкознания возникло большое число различных теорий по вопросу о значениях видов. Каждая теория кладет в основу различий видовых значений иные признаки действия (процесса). Абстрагируясь от всевозможных деталей, не затрагивающих существа проблемы, можно указать на шесть признаков действия, которые разными теориями в тех или иных комбинациях были положены в основу видовых различий: 1) законченность действия, 2) длительность действия, 3) непротяженность (или недлительность) действия, 4) предельность действия, 5) определенность действия по отношению к существованию во времени, 6) результативность действия [4]. Последние три признака в наиболее существенном сходны между собой; поэтому теории, полагающие в основу видовых различий любой из этих трех признаков, представляют собой по существу разновидности одной и той же теории.

В дальнейшем изложении содержится попытка критически разобрать некоторые теории о значениях видов, опирающаяся на исследование конкретного языкового материала, и на этой основе сформулировать некоторые положения о смысловом содержании категории видов. Для полного раскрытия смыслового содержания категории видов представляется существенно необходимым выяснить, выступает ли каждый вид как носитель отдельного значения или же только один из видов обладает значением, а другой вид конструируется негативно, в силу отсутствия этого значения; иными словами, являются ли оба вида положительными катего-

[3] Методическое приложение к кн.: «Наш язык». М., 1923, стр. 85.

[4] Наиболее полное обоснование первых двух признаков как сущности видовых различий дал Миклошич («Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV, Syntax»), третьего — А. М. Пешковский («Русский синтаксис в научном освещении»), четвертого — Л. П. Размусен («О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках».— «Журнал Министерства народного просвещения», 1891, июнь-июль) и В. В. Виноградов («Современный русский язык», вып. II), пятого — Ф. Ф. Фортунатов («Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1910 г.») и шестого — С. Карцевский («Système du verbe russe»).

риями или же только один из них представляет собой положительную категорию, а другой — отрицательную (нулевую) категорию.

Теория, считающая законченность действия значением совершенного вида, имеет очень большую традицию, поддерживается рядом теоретиков и особенно большое распространение получила в школьных пособиях по грамматике. Эта теория была наиболее отчетливо обоснована Миклошичем. В своем «Синтаксисе» Миклошич указывает: «Действие либо может быть представлено как продолжающееся (als dauernd dargestellt), либо же может быть выражено как законченное (als vollendet ausgesagt), первое осуществляется с помощью несовершенных глаголов, второе — с помощью совершенных глаголов» [5]. Таким образом, по Миклошичу, каждый из видов выступает как носитель особого значения. Это является положительной стороной данной концепции. Однако определение значения глаголов совершенного вида, данное Миклошичем, представляется неприемлемым, так как анализ значения глаголов в форме совершенного вида не оставляет сомнений в том, что считать законченность действия значением совершенного вида нет объективных оснований.

Рассмотрим под углом зрения подобной трактовки характерные особенности действия (процесса), выраженного глаголами совершенного вида в ниже приводимых предложениях, взятых из различных источников: *Парторганизация о т м е т и л а тех агитаторов, которые п р о я в л я л и большую активность во время предвыборной кампании*; *Студент к у п и л книгу, которую долго искал*; *Он вчера с д а л экзамен, к которому готовился несколько месяцев*; *Из автомобиля в ы ш л и двое и медленно приближались к толпе*; *Собрание, вероятно, з а т я н е т с я до десяти часов вечера*; *Василий з а д у м а л с я...*; *А как ты давеча з а в е р т е л с я п е р е д ним...*; *Собеседник в з д р о г н у л от неожиданности*; *С т р е л ь н у л о в ухе*; *Когда я о ч н у л с я, никого в комнате не было.*

В первом предложении глагол *отметила* относится к совершенному виду, глагол *проявляли* — к несовершенному виду. Следовательно, с разбираемой точки зрения, первый глагол указывает на законченность действия, а второй подобного указания не содержит. Пытаясь выявить, насколько значения разбираемых глаголов подтверждают правильность подобной трактовки их, мы тут же встречаемся с затруднением, заключающимся в том,

[5] «Syntax», стр. 274.

что «законченность» может двояко пониматься: в том смысле, что действие «пришло к концу», прекратилось, и в том смысле, что действие «доведено до конца», завершено. Обращаясь ко всему контексту определения Миклошича и учитывая, в частности, его противопоставления «законченного» действия действию «продолжающемуся» (dauernd), следует заключить, что Миклошич понимал законченность в первом смысле. Это вытекает также из следующих замечаний Потебни по поводу текста Миклошича: «Названное выражение — eine Handlung wird entweder als dauernd dargestellt oder als vollendet ausgesagt следует по-русски передать: «действие может быть представлено или продолжающимся, или совершенным (оконченным), а не длительным, ибо длительность совместна с совершенностью» [6]. Но при таком понимании «законченности» мы не обнаруживаем никакой разницы в этом отношении между разбираемыми нами глаголами *отметила* и *проявляли*, точно так же, как между другими глаголами в парах *отметила — отмечала*, *проявил — проявлял*, *купил — покупал*, *сдал — сдавал*, *подготовился — готовился* и т. п.; в каждой паре оба глагола обозначают действие, которое уже закончилось, больше не продолжается, прекратившееся действие. Наличие значения законченности (в смысле «прекращенность») как у глаголов совершенного вида, так и у глаголов несовершенного вида объясняется тем, что таким образом понимаемая «законченность» представляет собой не видовое значение, а значение прошедшего времени.

Законченность, понимаемая именно в таком смысле, уже подверглась критике в лингвистической литературе. Так, Размусен, разбирая в своей статье «О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком, французском языках» приведенное выше положение Миклошича, указывает: «Прежде всего выражение als vollendet не вполне удачно вследствие своего временного характера; в предложении «он вчера покупал железо» глагол, стоя в прошедшем времени, означает же, что действие теперь вполне окончено, vollendet; а в предложении «он завтра купит железо» глагол, стоя в будущем времени, означает же действие как noch nicht vollendet» [7]. В. В. Виноградов присоединился к этой критике, распространив ее и на некоторые другие концепции, близкие к концепции Миклошича и отличающиеся от нее только по форме, а не по существу [8].

[6] «Записки по русской грамматике», т. IV, стр. 64.
[7] «Журнал Министерства народного просвещения», 1891, июнь, стр. 378.
[8] См.: В. В. Виноградов. Современный русский язык, вып. II, 1938, стр. 391—392.

Раскрывая неприемлемость разбираемой трактовки значения совершенного вида, нельзя не взглянуть на дело с точки зрения учебной практики. Как часто слышим мы во время грамматического разбора в средней (иногда и в высшей) школе следующие рассуждения: «... *писал* — это глагол совершенного вида. Как же? Ведь человек уже писал, действие закончено, следовательно, это глагол совершенного вида». В свете всего сказанного повинным в этом надо считать не ученика, а толкование глагола совершенного вида как выражающего «законченное» действие. Но «законченность», как уже указывалось выше, может быть и иным образом истолкована, а именно: действие завершено, оно закончилось не в том смысле, что прекратилось, а в том смысле, что доведено до конца. Став на такую точку зрения, мы с первого взгляда обнаруживаем определенные различия между *отмечали* и *отметили*, *покупали* и *купили*, *сдавали* и *сдали* и т. д. В самом деле, про все вторые глаголы можно сказать, что они обозначают доведенное до конца действие, про первые этого сказать нельзя. Но в этом ли состоит видовое своеобразие глаголов совершенного вида? Целый ряд существенных фактов приводит к отрицательному ответу.

Рассмотрение встречающихся в наших примерах глаголов *завертелся*, *задумался* показывает, что к этим глаголам, обозначающим начало действия, неприложима «законченность» в смысле завершенности, доведенности действия до конца [9]. В. В. Виноградов критически указывал по этому поводу: «... понятие оконченности приходится диалектически переносить и на начало действия в глаголах совершенного вида с начинательным значением, вроде: *заговорить*, *защелкать*, *засвистать*, *побежать* и т. п.» [10] Но дело не только и не столько в этой группе глаголов. Углубляя анализ видовых различий между глаголами всех приведенных выше пар: *отметить* — *отмечать*, *сдать* — *сдавать*, *купить* — *покупать* и т. д., мы замечаем, что во всех формах совершенного вида мысль сосредоточена не на доведенности действия до конца, а на достигнутом результате. Когда мы говорим: *он купил книгу*, *сдал экзамен*, мы меньше всего думаем о законченности действия («долго сдавал и в конце концов сдал»); нас занимает результат действия; поэтому слово «законченность», конечно, не выражает специфики значения глаголов совершенного вида. К аналогичным выводам, хотя и в ином аспекте, приводит анализ приведенных

[9] См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 124.
[10] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 391.

последними в наших примерах глаголов *вздрогнуть*, *очнуться*, *стрельнуло*. Эти глаголы, обозначающие так называемое м г н о в е н н о е действие, в силу своей семантики не сочетаются с понятием законченности. Нельзя же в самом деле рассматривать *вздрогнуть*, *очнуться* как действия, доведенные до конца. «Мгновение» ведь мыслится вне понятий о начале, середине и конце. Но легко заметить, что к этим глаголам неприложимо понятие о законченности в силу того, что им чуждо понятие о длительности. А отсюда следует заключить, что к любому глаголу совершенного вида, поскольку ему также в силу грамматической соотносительности чуждо понятие о длительности, как об этом будет указано ниже, неприложимо понятие о «законченности». Таким образом, «законченность», понимаемая во втором смысле, находится во внутреннем противоречии с подлинной природой глаголов совершенного вида, так как она не только не исключает длительность, а прямо ее предполагает. Подробный критический разбор приводит к выводу, что учение о законченности как по теоретическим, так и по практическим соображениям должно быть отвергнуто. Теория, выдвигающая непротяженность (недлительность) действия в качестве значения глаголов совершенного вида, возникла в процессе исследования категории вида в общеиндоевропейском языке. Попытку принципиального объяснения этой теории на материале русского языка мы находим у Пешковского: «Значение категории совершенного вида сводится к непротяженности, недлительности того процесса, который обозначен в корне глаголов, причем эту непротяженность приходится понимать не как отрицательный признак, а как положительный, потому что несовершенный вид является только отрицанием этого «отрицательного признака» [11]. Следовательно, несовершенный вид выступает в качестве отрицательной (нулевой) категории, и только глаголам совершенного вида присуще положительное значение, заключающееся в непротяженности, недлительности действия. Изучение материала приводит к заключению, что эта теория, содержащая ряд правильных положений, все же в целом должна быть признана несостоятельной. Выдвигаемое этой теорией различение глаголов совершенного и несовершенного видов по признаку соответственно недлительности и длительности действия представляется соответствующим объективному положению вещей. Анализируя все вышеприведенные глаголы совершенного вида на основе сопоставления их с другими глаголами, составляющими с ними видовые корреляции (соотношения), мы видим, что, действительно,

[11] А. М. П е ш к о в с к и й. Указ. соч., стр. 125.

во всех парах: *отметить — отмечать*, *купить — покупать*, *сдать — сдавать*, *затянуться — затягиваться*, *задержаться — задерживаться* и т. д. первые члены характеризуются недлительностью, непротяженностью действия, в то время как соотносительные глаголы несовершенного вида обозначают длительное, протяженное во времени действие. Однако более обстоятельный сравнительный анализ видовых пар глаголов приводит к заключению, что указанные моменты не исчерпывают полностью всех смысловых различий между глаголами совершенного и несовершенного видов. Во всех глаголах совершенного вида явственно выступает значение р е з у л ь т а т и в н о с т и действия, чего нет в соответственных глаголах несовершенного вида. Результативность и является положительным оттенком глаголов совершенного вида, а недлительность в них выступает только как отрицательный признак на фоне их соотносимости с глаголами несовершенного вида, в которых длительность действия выступает как их положительное характерное видовое качество.

Положение о результативности действия как характерном признаке глаголов совершенного вида подробно осветил С. Карцевский: «Смысловое содержание видов находит свою точку опоры в понятии о результате» [12]. А далее, в разделе Perfectivation мы находим следующие очень содержательные рассуждения: «Перфективация (переход из несовершенного вида в совершенный) процесса не представляет собой чего-либо иного, чем сосредоточение нашего внимания на одном из конкретных моментов процесса с исключением всех остальных, отчего и получается иллюзия, что перфективному процессу вовсе не присуща длительность, мы говорим, иллюзия, так как всякому процессу с необходимостью присуща определенная длительность. Каков бы ни был этот момент: финальный *спеть*, начинательный *запеть* или другой, он мыслится как р е з у л ь т а т и в н ы й (разрядка моя.— *И. М.*) момент: в *запел* действие столь же результативно, как и в *спел*, потому что наше внимание сосредоточено именно на исходном пункте процессов. Совершенно иные отношения получаются при употреблении глаголов *стать*, показывающего начало развивающегося процесса: «Он *стал* работать, мы *станем* петь» [13].

[12] См. «Le système du verbe russe», стр. 95.— Нельзя, однако, согласиться, с Карцевским, когда он природу понятия результативности считает семантической, а не грамматической. Такой взгляд Карцевского объясняется тем, что он всю систему видовых соотношений рассматривает только как участок системы глагольного словообразования.

[13] Там же, стр. 98—99.

При анализе очень длинного ряда глаголов, составляющих грамматические видовые корреляции в чистом виде (без каких бы то ни было семантических различий) типа *получать — получить*, *выходить — выйти*, мы не нашли ни одного случая, где глагол совершенного вида не отличался бы от соотносительного глагола несовершенного вида положительным оттенком результативности, а глагол несовершенного вида в свою очередь не отличался бы от своего коррелята положительным оттенком длительности действия. Таким образом, оба члена корреляции выступают в качестве положительным образом обозначенных, в качестве носителей различных видовых значений. Для сравнительного анализа значения различных видов весьма поучительны следующие высказывания Мейе. В уже цитированной выше статье он говорит: «Славянский глагол не является простым как французский глагол. Он всегда состоит из пары форм, из которых одна указывает на процесс, факт в чистом и простом виде (*indiquant le procès, le fait pur et simple*) и, следовательно, обычно завершенный процесс, другая указывает на развитие процесса. Та из двух глагольных форм, которая указывает на процесс в чистом виде, называется совершенной, таково *пасти* (*tomber*), другая, которая называется несовершенной: *падати*, *être en train de tomber* («быть в процессе падения»). Так, в старославянском языке умрѣти (mourir) противопоставляется *умирати*, *être en train de mourir* («быть в процессе умирания») [14]. Следовательно, по мнению Мейе, глагол несовершенного вида обладает определенным видовым значением, т. е. выступает, как и глагол совершенного вида, в качестве положительной категории.

Признаки результативности и длительности процесса, являющиеся положительными признаками соответственно глаголов совершенного и глаголов несовершенного видов, представляют собой, на наш взгляд, соотносительные грамматические понятия, тесно связанные между собой, причем их связанность заключается в том, что они взаимно исключают друг друга. Результативность выступает на фоне отсутствия длительности, длительность — на фоне отсутствия результативности. Исходя из этого, значение каждого отдельного вида следовало бы определять и положительно и отрицательно. В этом аспекте определения значений видов могут быть сформулированы следующим образом: глаголы совершенного вида обозначают действие результативное и недлительное, глаголы несовершенного вида

[14] «Linguistique générale et linguistique historique», стр. 184.

обозначают действие длительное и нерезультативное. Думается, что это определение по своему существу находит опору в замечательной характеристике значений отдельных видов, которую дал Размусен: «Глагол совершенного вида, мне кажется, означает первоначально действие, как достигающее своей цели [15] (своего предела), а затем вообще действие, рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец — совокупно). Глагол несовершенного вида означает первоначально действие, как приготовление к достижению цели, а затем вообще действие, рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения целости действия. При употреблении последнего вида пределы не отвлекают нашего внимания от спокойного созерцания этих свойств самого действия, таким образом увеличивается прежде всего реальность, наглядность образа, а через это мы, конечно, будем и более ощущать продолжительность» [16].

Квинтэссенция этого столь глубокого анализа значений видов заключается в указании на продолжительность действия, как на характерный признак глаголов несовершенного вида, и на достижение цели (предела) действия, т. е. его результативность, как характерный признак глаголов совершенного вида, а также в установлении тесной и сложной взаимной обусловленности видовых значений.

К выводу о том, что глаголы совершенного и несовершенного видов различаются по признакам результативности или длительности процесса, приводит также анализ взаимовлияния и взаимоопосредствования категории вида с другими категориями в системе глагола. В отношении методологии изучения грамматических категорий хотелось бы в этой связи указать, что для установления смыслового содержания той или иной грамматической категории представляется недостаточным имманентный анализ этой категории самой по себе, без привлечения смежных категорий. Ведь каждая грамматическая категория всегда выступает в языке на фоне ее органического взаимодействия с лексическим значением слова и с другими грамматическими категориями. Это взаимодействие часто определенным образом окрашивает или даже модифицирует смысловое содержание анализируемой категории и в некоторой мере затрудняет выделение смысловой сущности изучаемой категории в ее «чистом», немодифицированном виде. Поэтому

[15] Подчеркнуто мною.— *И. М.*
[16] «Журнал министерства народного просвещения», 1891, июнь, стр. 379.

представляется целесообразным в качестве дополнительного и в какой-то мере контролирующего метода анализировать те влияния, которые оказывает изучаемая категория на другие категории, и только на основе выявления природы этих влияний делать необходимые заключения о сущности влияющей категории. Взаимодействующие категории представляют собой своеобразные объективные призмы, в которых преломляется изучаемая категория, и поэтому, с одной стороны, расширяют возможность наблюдения сферы проявления данной категории, а с другой стороны, ограждают в какой-то мере от возможных в данном случае субъективных отклонений. Категория вида находится в тесном взаимодействии с категориями времени, залога и наклонения поэтому выяснение процесса этого взаимодействия проливает много света на природу и значение видов.

Из всей системы глагольных категорий категория времени, несомненно, теснее всего связана с категорией вида. Для категории времени в большей мере, чем для любой другой категории, важно то, что она конструируется на фоне видового значения, поэтому выяснение смысловых различий между формами одинакового времени, но разных видов дает очень веские данные об особенностях значения разных видов. Сравнение формы прошедшего времени глаголов противоположных видов в предложениях: «Ты *написал* письмо? — Нет, я *не писал*. Ты *пошел* туда? — Нет, я туда не ходил» или любых других соотносительных видовых форм в прошедшем времени с предельной очевидностью показывает, что у форм прошедшего времени совершенного вида очень ярко выступает оттенок результативности, а у форм прошедшего времени несовершенного вида этот оттенок отсутствует, и на этом фоне отчетливо выступает оттенок длительности.

По поводу оттенков, которыми отличается прошедшее совершенное от прошедшего несовершенного, имеется полное единство суждений. Сформулированное в свое время Потебней положение, что формы прошедшего совершенного служат для обозначения «факта совершившегося и пребывающего доныне», нашло полное одобрение у лингвистов, придерживающихся самых разных точек зрения по вопросу о значениях видов. Это положение в очень яркой и убедительной форме подтверждается следующими рассуждениями В. В. Виноградова: «Даже в таких предложениях, как «Пушкин родился в 1799 году», с грамматической точки зрения результат прошедшего действия мыслится пребывающим доныне. Только в таком сочетании: «Пушкин родился в 1799 году и умер в 1837 году» — результат, выражаемый первым глаголом, отодвинут в план прошлого, потому что его место на линии настояще-

го времени занято результатом действия, обозначенного следующим глаголом — *умер*» [17].

Не менее поучительный материал для выяснения особенностей значения разных видов дает сравнительный анализ так называемых форм настоящего—будущего времени.

Самый механизм образования различных временных значений (значение настоящего и будущего времени) личных глагольных форм на *-у*, *-ешь—-ишь*, *-ет— -ит* и т. д. основ совершенного и несовершенного видов, например: *пишу—напишу*, *пишешь—напишешь* и т. д. может быть объяснен (и в действительности так и объясняется многими лингвистами) только при условии, когда мы оперируем признаком результативности процесса в качестве значения основ совершенного вида.

Особенно показательны в этом отношении те отдельные случаи, когда префиксальные глаголы с основами совершенного вида и в современном русском языке выступают в значении настоящего времени, т. е. обозначают, что момент действия совпадает с моментом речи. Таков, например, вопрос, часто задаваемый экзаменатором и относимый, конечно, к настоящему времени:

— Этого раздела вы не *припомните*?

Таково выражение: — Я *пойду*, *спрошу*... (часто произносимые говорящим лицом в момент осуществления действия).

Другие выражения: — А я вам *скажу*, что ... — Я *позволю* себе сказать, что... — Я *доложу* вам, что... — *Попрошу* вас зайти... (врач говорит в дверях кабинета очередному больному).

Или: — Посмотрите, что делает заяц: то *вскочит*, то *ляжет*, то *перевернется*, то *подымет* их, то *прижмет* их.

Ср. другие примеры: — Варвара вам не пара, извините, прямо *скажу* (Сологуб). — В именины и в праздники дают ему 50, а иногда 100 рублей. Ну, вот тогда и посмотрите на него. *Придет* в клуб, садится в конце стола. Прислугу всю с ног *собьет*, человек пять так и бегают около него (А. Островский).

Все эти глаголы отличаются очень большой экспрессивностью. Все они отчетливо воспринимаются в значении настоящего времени, и поэтому создается объективное основание для сравнения их с соответственными формами настоящего времени несовершенного вида.

Я у тебя *спрошу*: что у тебя под тележкой лежит?	Я у тебя *спрашиваю*: что...
Я вам *доложу*, что...	Я вам *докладываю*, что...

[17] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 439.

Во всех предложениях, содержащих основы совершенного вида, внимание в минимальной мере сосредоточено на самом процессе спрашивания или докладывания, а в основном на том, что представляет собой предмет, содержание этого процесса, т. е. опять-таки на результате процесса. Особенно ярко это выступает в примере из Островского, где последовательно чередуются основы совершенного и несовершенного видов. Этот анализ в значительной мере подводит нас к пониманию того, почему личные формы на *-у*, *-ешь*, *-ет* основ совершенного вида получили значение будущего времени. Поскольку они ориентированы не на само действие, а на его результат, т. е. то, что в плане временной последовательности наступает после действия, они, вполне естественно, осмысливаются как формы будущего времени.

Итак, мы констатируем, что представление результативности вызывает последовательную перестановку временных планов: результативное действие, имевшее место в прошлом, воспринимается как актуальное для плана настоящего времени (в этом и заключаются особенности значения прошедшего совершенного), а результативное действие, которое относится к моменту речи, передвигается в план будущего времени.

Связь между категорией вида и категорией залога не выступает столь явственно и непосредственно, как разобранные выше связи между видами и временами, но и они в ряде случаев представляют совершенно реальные грамматические факты. Первым делом надо указать на определенную взаимосвязанность транзитивности (переходности) и перфективности глаголов. В самом деле, префиксация является одновременно способом изменения видового значения (перехода несовершенного вида в совершенный, т. е. перфективации), а также изменения залогового значения (превращения непереходного глагола в переходный, т. е. транзитивации). Так, присоединение приставок *про-*, *вы-*, *от-* к глаголам несовершенного вида *сидеть*, *лежать* превращает эти глаголы одновременно и в переходные и в совершенные, ср. *просидеть*, *отсидеть*, *отлежать*, *вылежать* и т. д. Заслуживает быть отмеченным и то, что префиксальные переходные глаголы совершенного вида обладают в более полной мере переходностью, чем соответственные глаголы несовершенного вида, ср. *читать — прочитать*, *писать — написать*, *петь — спеть* и т. д. Глагол *читать* может выступать и как переходный глагол и как непереходный; глагол *прочитать* может выступать только в качестве переходного, и переходность выступает здесь значительно рельефнее, чем в глаголе *читать*, воспринимаемом даже в переходном значении. Очень тонко было по этому поводу указано Кар-

цевским, что префиксация, придавая значение результативности действия, создает также представление о прямом объекте действия; так, *выиграть*, образованное от *играть*, обозначает не только «приобрести путем игры», но «приобрести н е ч т о путем игры», *выходить* обозначает «сделать здоровым к о г о - л и б о» и т. д. Связь между категорией залога и категорией вида проявляется и в иных, еще более показательных в аспекте нашей проблемы фактах.

Только глаголы несовершенного вида, соединенные с частицей *-ся*, могут выступать в страдательном значении. Соответствующие глаголы совершенного вида не могут выступать в страдательном значении. Ср.: «Груз *отправляется* агентом, магазин *закрывается* продавцом, дом *строится* плотником» и т. д. Соответствующие глаголы совершенного вида выступают в особом залоговом значении: изменения в состоянии субъекта. Эта связь между видами и залогами получает удовлетворительное объяснение только при условии, если мы исходим из того, что глаголы несовершенного вида выражают длительность действия, а глаголы совершенного вида — результативность действия.

Так, сравнивая: «Лавки *закрываются* в 8 часов вечера» и «Лавки *закрылись* в 8 часов вечера», мы замечаем, что в первом случае длительность действия создает предпосылки для ассоциации действия с реально действующим лицом, что приводит к образованию страдательного значения, во втором же случае недлительный, результативный характер действия никаких ассоциаций с реальным действующим лицом не может вызвать: поэтому здесь конструируется не страдательное значение, а значение «изменения в состоянии субъекта».

В отношении взаимодействия видов и наклонений необходимо указать на тот факт, что императивы совершенного вида обычно (кроме случаев предостережения) не сочетаются с отрицанием. Мы не говорим *не сядь*, а говорим *не садись*, мы не говорим *не стань*, а говорим *не становись*, не говорим *не удивись*, но говорим *не удивляйся*, и т. д.

И эти факты могут получить удовлетворительное объяснение, когда результативность действия рассматривается как значение глаголов совершенного вида. В силу того что здесь связь между сказуемым и подлежащим мыслится не в положительной а в отрицательной форме, сюда не подходит форма совершенного вида, сосредоточивающая внимание на результате действия; в самом деле, поскольку отрицается само действие, в сознании говорящего и не может возникнуть представление о его результате; совсем другая ситуация имеется в случаях предостережения — здесь

мысль ориентирована именно на ограждение от возможного результата, поэтому форма совершенного вида в этом случае вполне уместна, ср.: *не упади*, *не поскользнись* и т. д.

Таким образом, как непосредственный анализ видовых значений глаголов, так и косвенный анализ, осуществляемый посредством выявления некоторых фактов взаимодействия видов с другими категориями, настойчиво ведут к мысли о том, что смысловое содержание категории видов зиждется на двух соотносительных грамматических значениях: 1) результативность действия (и сопутствующее ему негативное значение недлительности) и 2) длительность действия (и сопутствующее ему негативное значение нерезультативности).

О ВИДОВЫХ КОРРЕЛЯЦИЯХ В СИСТЕМЕ СПРЯЖЕНИЯ ГЛАГОЛА

Вопрос о видовых корреляциях — важная составная часть проблемы глагольных видов в славянских языках вообще, в русском в особенности. Для правильной постановки и решения этого вопроса представляется совершенно необходимым условием строгое разграничение фактов словообразования и фактов формообразования. В свое время игнорирование данного принципа многими авторитетными языковедами, несомненно, отрицательно отразилась на разработке вопроса о видах.

А. А. Шахматов, в частности, выстраивая глаголы в соотносительные видовые пары, не отделял во многих случаях видовые значения от лексических значений глаголов, по поводу чего В. В. Виноградов с полным основанием замечает: «... большая часть указанных Шахматовым приставочных глаголов совершенного вида по своим значениям вовсе несоотносительна с соответствующими бесприставочными, основными глаголами несовершенного вида. Иными словами: перед нами — новые производные глаголы, отличающиеся от основных не только своими видовыми, но и реальными значениями» [18].

Недооценка качественных отличий между видовыми корреляциями типа *перестраивать—перестроить*, *сделать—делать* и такими глагольными парами, как *переделать—делать*, *записать—писать*, лишила многих языковедов возможности правильно ориентироваться в количественном соотношении глаголов, обладающих соотносительными видовыми формами, и глаголов, ими не

[18] В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., 1947, стр. 514.

обладающих. Априорно предполагалось, что число глаголов, не обладающих соотносительными видовыми формами, чрезвычайно невелико. Так, А. А. Шахматов считал, что «при данном глаголе совершенного вида существует о б ы к н о в е н н о соответствующий глагол несовершенного вида; глагол несовершенного вида о б ы к н о в е н н о имеет при себе соответствующий глагол совершенного вида» (разрядка моя.— *И. М.*)[19]. Значительно более категорично высказался по данному поводу А. М. Пешковский: «Все русские глаголы, за ничтожными исключениями, распределяются п о п а р а м, причем в каждой паре одна форма по оттенку значения принадлежит к тому, что называется совершенным видом, а другая — к тому, что называется несовершенным видом» [20].

Проведенные в последние годы исследования разнообразных явлений, относящихся к категории видов [21], показали необоснованность подобных представлений о количественных соотношениях глаголов, которые обладают и не обладают соотносительными видовыми формами. Большое значение имеет вопрос о специфических особенностях различных групп глагольных корреляций, имеющих прямое или косвенное отношение к категории вида. Обстоятельное и всестороннее изучение этих особенностей является поистине conditio sine qua non для установления всех подлинных связей и отношений категории видов с деривационной (словообразовательной) системой русского глагола, с одной стороны, и, с другой, с его грамматическим строем, прежде всего с категориями времени, залога и наклонений.

Как известно, русские глаголы обладают большими словообразовательными возможностями; сочетаясь с многочисленными

[19] А. А. Ш а х м а т о в. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 187.

[20] А. М. П е ш к о в с к и й. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 123.

[21] См.: Б. Н. Г о л о в и н. Проблемы взаимодействий лексических и грамматических значений в приставочных видовых формах современного русского глагола. М., 1949; С. С. Г р и г о р я н. Несоотносительные приставочные глаголы совершенного вида в современном русском языке. М., 1951; Е. А. З е м с к а я. Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов в современном русском языке. М., 1952; М. Ф. С у д а р ч и к о в. К вопросу о категории вида глагола (Суффиксальный способ выражения видового значения). Л., 1953; М. А. Т е л е н к о в а. К вопросу о несоотносительных глаголах несовершенного вида в современном русском языке. М., 1955. См. также: М. А. Ш а п и р о. Видовые пары глаголов в русском языке. («Уч. зап. Тираспольского гос. пед. ин-та», вып. 1. Кишинев, 1956).

приставками, а также с некоторыми суффиксами, они приобретают различные деривационные значения. Каждый глагол, входящий в состав таких рядов, как *выносить — вносить — уносить — сносить — обносить — доносить — поносить*; *вписать — дописать — отписать — исписать — пописать*, представляет сложную семантическую структуру. Все глаголы на фоне их соотносительности, кроме основного элемента лексического значения, общего для всего ряда в целом, содержат еще дополнительные деривационные элементы значения, уточняющие их общее семантическое ядро. Структурный характер значения этих глаголов выступает наглядно при сопоставлении их с соответственными глаголами других языков, не обладающих подобными словообразовательными возможностями:

Русск.	Англ.	Франц.
вписать	*to write in*	*inscrire*
дописать	*to finish writing*	*achever d'écrire*
отписать	*to write off*	*transmettre par écrit*
исписать	*to fill in writing*	*remplir en écrivant*
пописать	*write for a while*	*écrire quelque temps à autre.*

И деривационные значения глаголов также образуют определенные корреляции. В соотношении *переписать — писать*, включившемся в ряд: *перечитать — читать*, *переиграть — играть*, *переспросить — спросить*, выделяется обобщенное значение, охватывающее и оформляющее определенное число лексических значений. Однако эти корреляции в связи с ограниченностью охватываемого ими словарного материала, а также — и это главное — в связи с тем, что лежащие в их основе деривационные значения обычно достигают невысокой степени абстрагированности и поэтому не вступают в органическое взаимодействие с центральными категориями грамматической системы данного языка, не являются подлинно грамматическими корреляциями. Эти корреляции составляют область словообразования — область, занимающую промежуточное место между грамматикой и словарем.

Категория видов играет значительную роль в формировании не только грамматических, но и деривационных корреляций глаголов. Хотя целью теории видов является изучение этой категории во всех ее проявлениях, основное внимание должно быть сосредоточено на том, чтобы отделить корреляции, основанные на видовых значениях, представляющих подлинные грамматические абстракции, не только от корреляций, зиждущихся на пространственных и других мало абстрагированных значениях, но

и от корреляций более абстрагированного, временно́го характера, какими являются *запрыгать — прыгать*, *запеть — петь* (так называемые инхоативные), *дочитать — читать*, *отзвонить — звонить* (финитивные), *полежать — лежать*, *поиграть — играть* (детерминативные) и некоторые другие подобные. Последние пары глаголов представляют ближайшую периферию чистовидовых корреляций, однако и эти корреляции, осложненные абстрактно-деривационными элементами значения, не идентичны с ними.

Собственно видовую корреляцию составляют две соотносительные формы глагола, которые при полной лексической тождественности отличаются тем, что одна выражает длительность и нерезультативность процесса, другая — результативность и недлительность процесса, например: *раскрашивать — раскрасить*; *делать — сделать*.

Для выяснения степени распространенности в языке видовых корреляций, представляемых подобными парами глагольных форм, и специфических особенностей различных групп этих корреляций было подвергнуто анализу большое число словарных статей из материала словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, а также разнообразные факты литературного языка разных жанров. Изучаемые глаголы, около девяти тыс., были распределены по следующим рубрикам:

1. Глаголы, образующие соотносительные видовые корреляции, причем соотносительность обнаруживается как в отношении видовых значений, так и в отношении постоянно противополагающихся морфологических средств выражения этих значений: *бросал — бросай — буду бросать* и т. д.; *бросил — брось — брошу* и т. д.; *рассказывал — рассказывай — буду рассказывать* и т. д.; *рассказал — расскажи — расскажу* и т. д.

2. Глаголы, выступающие в различных видовых значениях, но не обладающие морфологическими средствами для обнаружения во всех случаях видовых различий: *телеграфировал* в значении прошедшего несовершенного и прошедшего совершенного вида, но *буду телеграфировать* в значении будущего несовершенного при *телеграфирую* в значении будущего совершенного вида.

3. Глаголы, не образующие соотносительных видовых корреляций: а) только совершенного вида: *очутился*, *возгордился*; б) только несовершенного вида: *вращался*, *бездействовал*.

По этим трем группам изученные глаголы распределяются следующим образом: первая группа — 64%, вторая группа — 5, третья группа — 31%.

Эти цифровые данные (поскольку из-за ряда обстоятельств распределение глаголов по группам в некоторых случаях было зат-

руднено) надо считать только ориентировочными, однако и в данном виде они отчетливо показывают, насколько неточно отражают объективное положение вещей приведенные выше высказывания Пешковского о том, что все русские глаголы, за ничтожными исключениями, распределяются по видовым парам.

На самом же деле глаголы, не входящие в видовые корреляции, составляют 31%, так что «ничтожными исключениями» назвать их никак нельзя [22].

Отдельные группы суффиксальных корреляций в свою очередь выступают в своем соотношении следующим образом (%):

Корреляции с суффиксом *-и/а-(-ыва-)* в несовершенном виде	60
Корреляции с суффиксом *-а-*	31
Корреляции с суффиксом *-ва-*	9

Следовательно, наиболее распространенными видовыми корреляциями в современном русском языке являются те, в которых значение несовершенного вида выражается суффиксом *-ива* (*-ыва*), а значение совершенного вида — отсутствием этого суффикса: *обмазывать — обмазать*, *вкачивать — вкачать*, *обыгрывать-обыграть*, *пересиливать — пересилить*, *склеивать — склеить*, *разрисовывать — разрисовать*, *обворовывать — обворовать*, *подтрунивать — подтрунить*, *оказывать — оказать*, *оказёнивать — оказёнить*, *ознаменовываться — ознаменоваться* и многие другие.

Следует отметить, что и в других славянских языках корреляции с аналогичными суффиксами также многочисленны. Ср. в польском языке: *odłupać — odłupywać* ‘откалывать’; *wyotpować — wyotpowywać* ‘откачивать’; *odkomenderować — odkomenderowywać* ‘откомандировывать’; *przeskoczyć — przeskakiwać* ‘перескакивать’; *przebudować — przebudowywać* ‘перестраивать’ и т. д. Ср. также в чешском языке: *ohlásiti — ohlašovati* ‘объявлять’; *obhajiti — obhajovati* ‘защищать’; *rozloučiti — rozlučovati* ‘раз-

[22] С этой точки зрения требует значительного уточнения и следующее положение: «Наличие двух соотносительных рядов глагольных форм — несовершенного и совершенного вида — при сохранении одного и того же лексического значения — является общим правилом в системе русского глагола. Каждый глагол, употребляющийся в русском языке, имеет определенное видовое значение и в соответствии с этим значением образует свои формы» («Грамматика русского языка», т. I. М., 1952, стр. 427).

лучать'; *doručiti — doručovati* 'вручать'; *ubližiti — ubližovati* 'обижать'; *vyhoditi — vyhazovati* «выбрасывать» и т. д.

Подобные же факты наблюдаются и в южнославянских языках. Л. Андрейчин в своей «Грамматике болгарского языка», анализируя способы образования форм несовершенного вида, указывает: «Суффикс *-вам* в настоящее время — самый распространенный». Примерами, говорит он, могут служить *ка́жа — ка́звам* 'говорить'; *прекопа́я — прекопа́вам* 'перекапывать'; *разпиле́я — разпиля́вам* 'рассыпать'; *сме́ся — смя́свам* 'смешивать'; *ядо́сам — ядо́свам* 'сердиться'. В глаголах, имеющих в своей основной форме ударение на последнем слоге, этот суффикс принимает вид *-я́вам*, *-а́вам*: *изора́ — изора́вам* 'вспахивать'; *подаря́ — подаря́вам* 'дарить'; *претърпя́ — претърпя́вам* 'перетерпевать'; *разреша́ — разреша́вам* 'разрешать' и др. [23]

И в сербохорватском языке важным способом выражения видовой корреляции является аналогичный суффикс, выступающий здесь в вариантах *-ava-*, *-iva-*. Примеры: *обо̀рати — обора́вати* 'обпахивать'; *опла́кати — оплаки́вати* 'оплакивать', *засу́кати — засуки́вати* 'отворачивать'; *дчистити — очишћа́вати* 'очищать'; *уда́љити — удаља́вати* 'удалять'; *захва́лити — захваљи́вати* 'благодарить' и др.

Распространенность фактов подобного способа образования видовых форм в разных славянских языках свидетельствует о значительном единстве внутренних тенденций развития категории видов в славянских языках. Суффикс *-а-* охватывает по сравнению с суффиксом *-ива(-ыва)* почти вдвое меньшее число корреляций, однако существенных качественных различий между этими двумя суффиксами как средствами формообразования нет. Суффикс *-а-*, как и *-ива-(-ыва)*, служит живым способом образования форм несовершенного вида от префиксальных глагольных форм совершенного вида, способом так называемой «вторичной имперфективации», по выражению С. Карцевского. Он совершенно правильно указал, что источником жизненной силы суффиксов *-ива-*, *-а-*, *-ва-* является сам процесс вторичной имперфективации, «потребность придать новую длительность (новое развитие) уже перфективированному процессу...» [24]. Изучение материала показывает, что между этими двумя суффиксами нет семантических различий, которые носили бы грамматический характер.

[23] См.: Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. Пер. с болг. М., 1949, стр. 141.

[24] S. Karcevski. Autour d'un problème de morphologie. «Annales Academiae scientiarum fennicae», Serie B, t. XXVII. Helsinki, 1932, стр. 89.

Замечания Ф. Ф. Фортунатова о различиях между формами на *-ать* и *-ивать* в оттенках длительности и повторяемости[25] не получают широкого подтверждения при анализе большого языкового материала. Об отсутствии четких различий между этими суффиксами как видовыми формантами свидетельствует наличие большого числа глаголов, которые совершенно одинаково образуют формы несовершенного вида при помощи обоих суффиксов: *накалить — накалять, накаливать*; *обмерить — обмерять, обмеривать*; *накопить — накоплять, накапливать*; *затопить — затоплять, затапливать*; *простудить(ся) — простужать(ся), простуживать(ся); опорожнить — опорожнять, опоражнивать* и многие другие.

Отмечавшиеся ранее оттенки в отношении длительности и повторяемости таких форм, как *умалять — умаливать, надламлять — надламывать*, все более и более перерастают из грамматических в лексико-стилистические особенности глаголов. Суффикс *-ива-* охватывает вдвое большее число глагольных основ и все более расширяет сферу своего употребления, так как он представляет собой яркий и однозначный показатель несовершенности в отличие от *-а-*, который встречается и в ряде глаголов совершенного вида: *разбросáл, раскидáл, отрéзал* и т. д.

Вместе с тем суффикс *-а-* прочно удерживает большое количество глагольных основ и вытесняется суффиксом *-ива-* в обстановке сложных и противоречивых взаимоотношений между ними. Суффиксу *-а-* еще присуща значительная сила продуктивности. Об этом свидетельствуют такие новые факты формообразования, как *выявить — выявлять, укрупнить — укрупнять, разукрупнить — разукрупнять, уплотниться* (в новом значении) *— уплотняться, приземлиться — приземляться, разграфить — разграфлять, утеплить — утеплять, прикрепиться* (в новом значении) *— прикрепляться, открепиться — открепляться* и другие. Интересные факты обнаруживаются при рассмотрении взаимоотношений суффиксов *-а-* и *-ива-(-ыва-)* за период с начала XIX в. Оказывается, не всегда суффикс *-ива-* вытеснял суффикс *-а-*; были, хотя и редко, обратные случаи. Так, в «Словаре Академии Российской» 1806—1822 гг., в словарной статье *Выпадать* дается параллельная форма *выпадывать* и в иллюстративном материале приводится: *зубы выпадывают*. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. дана отдельная статья *Выпадывать* с указанием: «То же, что *выпадать*».

[25] См.: Ф. Ф. Фортунатов. Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г.: «Сб. ОРЯС», т. LXIV, № 11. СПб., 1897, стр. 121—123.

В словаре Ушакова форма *выпадывать*, естественно, отсутствует. В словаре 1806—1822 гг. приводится форма *выкликать*, в словаре 1847 г. даются параллельно: *выкликать — выкликивать*. В словаре Ушакова указана только форма *выкликать*. В словаре 1806—1822 гг. даны параллельно *вставлять*, *вставливать*, то же в словаре 1847 г.; в словаре Ушакова указана только форма *вставлять*.

В словаре 1806—1822 гг. даны параллельно *засланивать*, *заслонять*. То же и в словаре 1847 г. В словаре Ушакова дана одна форма *заслонять*. В словаре 1806—1822 гг. к глаголу *загромоздить* не указывается форма несовершенного вида. В словаре 1847 г. дана форма *загромазживать*, в словаре Ушакова дана форма *загромождать*. Подобные случаи, конечно, составляют меньшинство, но довольно значительное.

Случаи такого параллелизма суффиксов отмечаются и в грамматиках других славянских языков. Так, Л. Андрейчин, описывая факты болгарского языка, указывает: «У глаголов с ударением на внутреннем слоге идет борьба между суффиксами *-ям-* и *-вам-*... но чаще побеждает суффикс *-вам*...» [26]

В сербохорватском языке наблюдается параллельное употребление с суффиксом *-a-ti* суффиксов *-ова-ti — -iva-ti*. Примеры: *раскро́јити — раскрајáвати — раскрајáти* (разрезывать), *захва́лити — захваљи́вати — захва́љати* (благодарить) и др. А. Лескин указывает по данному поводу: «Нельзя строго разграничить употребление этих форм: иногда употребляется только одна форма, иногда же — разные формы, причем у одного и того же писателя разные формы встречаются непосредственно одна рядом с другой» [27]. И здесь, следовательно, выступают поучительные факты проявления единых тенденций развития видовых форм в разных славянских языках.

Что касается суффикса *-ва-*, то его сфера употребления, как известно, строго ограниченна: он служит средством видового формообразования только в малочисленных группах глаголов с инфинитивом на *-а-*, *-у-*, *-и-* [*-ы-*], *е-*; *выдать — выдавать*; *надуть — надувать*; *избить — избивать*; *разрыть — разрывать*; *овладеть — овладевать*.

Проведенный анализ показывает, что в суффиксальных видовых корреляциях проявляется полностью абстрагированный и унифицированный грамматический процесс.

[26] Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 144.
[27] A. Leskien. Grammatik der serbo-kroatischen Sprache. T. I. Heidelberg, 1914, стр. 490—491.

Столь высокой степени грамматической унифицированности, как внутренней, так и внешней, мы не находим в префиксальных видовых корреляциях. Сходство префиксальных корреляций типа *писать — написать*, *богатеть — разбогатеть* с суффиксальными типа *разрисовывать — разрисовать*, *объявлять — объявить* в том, что и те и другие, сохраняя лексическое значение, выражают разные видовые значения: совершенного и несовершенного вида. Эта важная черта общности дает основание данные два типа корреляций отграничить от всех деривационных корреляций. Имеется, однако, и ряд существенных различий, которые требуют надлежащего раскрытия.

1. В префиксальных корреляциях наблюдается ряд обстоятельств, нарушающих четкость соотносительности грамматических значений различных видовых форм при их лексическом тождестве. Во многих случаях глагол, которому присуще не одно, а несколько лексических значений, в некоторых из них образует корреляции при помощи разных префиксов, а в других случаях он может и не входить вовсе в видовую корреляцию. Так, глагол *бить*: а) в первом из указанных в словаре Д. Н. Ушакова значений «наносить кому-либо удары, колотить кого-нибудь» образует форму совершенного вида при помощи префикса *при-* или *по-*: *Он больно бил* (*прибил*, *побил*) *мальчика*; б) во втором значении «умерщвлять» — при помощи *у-*: *Рыбу били* (*убили*) *острогой*; в) в третьем значении «побеждать кого-нибудь» — при помощи приставки *по-*: *Мы били* (*побили*) *неприятеля*; г) в шестом значении «раздроблять, разбивать» — при помощи приставки *раз-*: *Он бил* (*разбил*) *стекла*; д) в десятом значении «давать сигнал ударами» — посредством приставки *про-*: *Часы били* (*пробили*) *шесть*; е) в одиннадцатом значении «ударять по чему-нибудь или бросать что-нибудь с целью попасть» — при помощи приставки *про-*: *Они били* (*пробили*) *в ворота*.

В остальных пяти значениях, присущих глаголу *бить*, он выступает в качестве глагола, обладающего только формой несовершенного вида. Так, ж) в четвертом значении «направлять удары на кого-нибудь» (ср. *Эта статья била по бюрократизму*) невозможны: *побила*, *прибила*, *убила*, *пробила*; то же з) в пятом значении «стреляя в кого-нибудь, попадать»: *Он бьет птицу на лету*; и) в седьмом значении «ударять, стучать»: *Он бил кулаком по столу*; к) в восьмом значении «трясти, приводить в дрожь»: *Лихорадка его била всю ночь*; л) в девятом значении «вытекать стремительной струей»: *Кровь била ключом*.

Для выяснения всей сложности взаимоотношений лексических и грамматических значений в подобных корреляциях необ-

ходимо ещё учесть то, что многозначность присуща часто не только одному члену корреляции. Так, в рассматриваемом случае многозначными являются и вторые члены корреляции: *побить*, *прибить*, *убить*, *пробить*, которые в одних своих значениях коррелируют с глаголом *бить*, а в других значениях — с другими глаголами или же вовсе не вступают в корреляции. Так, глагол *побить* в первом и втором из своих значений коррелирует с глаголом *бить*, в третьем значении при нем нет соотносительной формы несовершенного вида, а в четвертом своем значении он соотносителен с глаголом *побивать*.

Подобные осложненные взаимоотношения корреляций встречаются у значительного числа многозначных глаголов. Весьма редки случаи, когда многозначный глагол всеми своими значениями вмещается в одну видовую корреляцию. Характерны в этом отношении глаголы *строить* и *ставить*.

Глагол *строить* в восьми из десяти своих значений вступает в корреляцию при помощи одного и того же префикса *по-*: 1) «сооружать»: *строить — построить дом*; 2) вычерчивать»: *строить — построить треугольник*; 3) «ставить в строй»: *строить — построить полк*; 4) «делать, производить»: *строить — построить планы*; 5) «организовывать»: *строить — построить новый быт*; 6) «основывать, базировать»: *строить — построить расчеты*; 7) «формулировать»: *строить — построить фразу*; 8) «шить»: *строить — построить сапоги*. Но в девятом значении «настраивать» соотносится и с «настроить»: «Ай, ребята, пойте, только гусли стройте» (Лермонтов), а в десятом значении «настраиваться» не имеет соотносительной формы совершенного вида: *Кларнет из плохого материала совсем не строит*.

Глагол *ставить* в семнадцати своих значениях образует корреляции при помощи префикса *по-* и только в одном (шестнадцатом, по нумерации словаря Д. Н. Ушакова) образует параллельные корреляции при помощи префиксов *по-*, *вы-*: *ставить — поставить/выставить разные вина*. Такие случаи весьма малочисленны.

Чаще всего встречаются в подобных корреляциях глаголы со значительно меньшим числом значений, которые образуют корреляции при помощи двух, реже трех префиксов, а в остальных значениях не имеют при себе соотносительных форм.

Сравнение приведенных словарных статей с соответствующими статьями в «Словаре Академии Российской» 1806—1822 гг. и в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. показывает, что в отличие от лексических значений, претерпевших за этот период весьма существенные изменения, в грамматической структуре глаголов, в частности в характере образования

видовых корреляций, произошли весьма незначительные сдвиги. Это яркая иллюстрация различий в темпах развития словаря и грамматического строя. Количество значений слов *бить*, *строить*, *ставить* в трех названных словарях соответственно выступает следующим образом: *бить*: 4—7—11; *строить*: 4—4—10; *ставить*: 4—6—18. С точки зрения образования видовых корреляций здесь может быть отмечено только следующее: *бить* в первом значении в словаре 1806—1822 гг. соотнесено с *побить*, в словаре 1847 г.— с *прибить*, в словаре Ушакова с *побить* и *прибить*. В словаре 1847 г. в слове *бить* выделяется новое значение, соотносящееся с *вбить* (гвоздь). В словаре Ушакова это значение не выделяется, а соотносительно с формой *вбить* дана форма *вбивать*. В словаре 1806—1822 гг. второе значение слова *строить* толкуется следующим образом: «Относительно к мусикийским орудиям значит: в согласие *приводить*, *налаживать*: *строить скрипку*, *гусли*». Соотносительная форма здесь не указывается. В словаре 1847 г. дается к этому значению соотносительная форма *настроить*, а в словаре Ушакова к соответствующему значению слова *строить* (девятому) дается помета: «редко». В словаре 1847 г. к третьему значению слова *строить* (ставить в строй) указывается соотносительная форма *выстроить*. В этих, казалось бы, весьма незначительных фактах проявляется важная тенденция процесса развития видовых корреляций, а именно, беспрефиксные коррелянты несовершенного вида заменяются префиксальными: *вбивать*, *настраивать* вместо *бить*, *строить*.

2. Префиксальные корреляции не обладают во многих случаях той полнотой абстрагированности от деривационных оттенков, которая присуща суффиксальным корреляциям. Именно этим обусловлено возникновение в языке многочисленных суффиксальных корреляций, которые как бы надстраиваются над соответственными префиксальными. Наряду с префиксальными корреляциями типа *дурманить — одурманить*, *морочить — обморочить*, *графить — разграфить*, *паковать — упаковать*, *готовить — приготовить*, *палить — опалить*, *читать — прочитать*, *гнить — сгнить*, *кровавить — окровавить*, *порочить — опорочить* и т. д. имеются и корреляции типа *одурманить — одурманивать*, *обморочить — обморочивать*, *разграфить — разграфлять*, *упаковать — упаковывать*, *приготовить — приготавливать* (*приготовлять*), *опалить — опалять*, *прочитать — прочитывать*, *сгнить — сгнивать*, *окровавить — окровавливать*, *опорочить — опорочивать* и т. д.

В словаре Ушакова встречаются такие указания, как «сгнивать то же, что гнить»; «опорочивать то же, что порочить». Это

нельзя считать адекватным отражением объективных фактов. Если *сгнивать — сгнить* воспринимается только в плане видовых корреляций, то *гнить — сгнить* воспринимается как в плане видовых, так и в плане деривационных корреляций, что создает различные нюансы в смысловом содержании слов *гнить — сгнивать*. Свидетельством того, что эти нюансы представляют собой существенные языковые факты, является их продуктивность и значительная употребительность префиксальных форм несовершенного вида. Вот некоторые иллюстрации: *Как видно, «таланты» людей, р а с т р а н ж и р и в а ю щ и х народные деньги, находят своих поклонников в министерстве* (Из газет); *Перед многими советскими людьми в этих же низменных целях о п о р о ч и в а л он честных, ничем не запятнанных работников* (Из газет); *В Чикаго / такой свирепеет грохот / — что грузовоз / с тыщесильной машиною — / казался, / что ветрится тихая кроха, / что он / п р о ш е л ё с т ы в а л тишью мышиною* (В. Маяковский, 150 000 000); *«Но это так называемое «вынашивание» замысла происходит совсем не так, как это представляют себе наивные люди. Оно не выражается в том, что писатель сидит, стиснув голову руками, или бродит — одинокий и дикий, — в ы б о р м а т ы в а я свои думы»* (К. Паустовский, Золотая роза).

3. Префиксальные корреляции характеризуются чрезвычайным разнообразием средств своего выражения. Они образуются при помощи следующих 13 префиксов: *вз-, вы-, за-, из-, на-, о-, от-, по-, при-, про-, раз-, с-, у-*. Число корреляций, образующихся отдельными префиксами, далеко не одинаково. Оно колеблется в пределах от единицы до 245. Необходимо иметь в виду, что некоторые из приводимых ниже корреляций относятся не ко всем, а только к одному или нескольким лексическим значениям данных глаголов. В ряде случаев корреляции, как, например, *дубасить — отдубасить, мчаться — промчаться*, находятся на грани между чисто видовой и деривационной сферами языка; они все, однако, приводятся нами, поскольку отражены в наиболее распространенном из современных словарей. Следует вместе с тем добавить, что подобное «балансирование» ряда корреляций между словообразованием и грамматикой обусловлено, на наш взгляд, спецификой префиксальных корреляций, уступающих суффиксальным в степени грамматической абстрагированности. Все префиксальные корреляции, содержащиеся в словаре Ушакова, между отдельными префиксами распределяются следующим образом:

1) *при-*. При помощи этого префикса образуются следующие 5 корреляций: *-бить*, *-видеться*, *-готовить*, *-мирить-*, *-сниться*;

2) *из-*. При помощи префикса *из-* образуются 7 корреляций: *-бороздить*, *-ваять*, *-мельчать*, *-расходовать(ся)*, *-уродовать(ся)*;

3) *от-*. При помощи префикса *от-* образуются 15 корреляций: *-бузовать*, *-дубасить*, *-колошматить*, *-лупить*, *-лупцевать*, *-никелировать*, *-мстить*, *-пазанчить*, *-печатать*, *-полировать*, *-праздновать*, *-редактировать*, *-сыреть*, *-тузить*, *-чураться*;

4) *раз-*. При помощи префикса *раз-*(*рас-*) образуются 22 корреляции: *-бередить*, *-благовестить*, *-богатеть*, *-будить*, *-вередить*, *-гневаться*, *-горячить*, *-графить*, *-громить*, *-добреть*, *-дробить(ся)*, *-мякнуть*, *-каяться*, *-квитаться*, *-пороть(ся)*, *-пушить*, *-пялить*, *-толочь*, *-транжирить*, *-трезвонить*;

5) *у-*. При помощи префикса *у-* образуются 23 корреляции: *-баюкать*, *-венчать(ся)*, *-видеть(ся)*, *-врачевать*, *-вянуть*, *-жалить*, *-зреть*, *-лицезреть*, *-множить(ся)*, *-наследовать*, *-паковать*, *-регулировать*, *-слышать*, *-совершенствовать(ся)*, *-совестить*, *-тонуть*, *-топить(ся)*, *-трамбовать*;

6) *вз-*. При помощи префикса *вз-*(*воз-*) образуются 25 корреляций: *-баламутить*, *-беситься*, *-бороздить*, *-боронить*, *-будоражить(ся)*, *-бунтовать(ся)*, *-волновать(ся)*, *-дорожать*, *-лохматить(ся)*, *мутить*, *-ерепениться*, *-мужать-*, *противиться*, *-кипятить*, *-петушиться*, *-потеть*, *-топорщить(ся)*, *-тревожить(ся)*;

7) *вы-*. При помощи префикса *вы-* образуются 26 корреляций: *-белить*, *-бучить*, *-валять*, *-гладить*, *-дрессировать*, *-дудить*, *-желтить*, *-клянчить*, *-конопатить*, *-купать*, *-лепить*, *-мочить*, *-муштровать*, *-пороть*, *-потрошить*, *-рвать*, *-ругать*, *-сечь*, *-сморкать(ся)*, *-стирать*, *-сушить*, *-тошнить*, *-травить*, *-утюжить*, *-холостить*;

8) *за-*. При помощи префикса *за-* образуются 54 корреляции: *-арканить*, *-балластировать*, *-баррикадировать*, *-бинтовать*, *-браковать*, *-бронировать*, *-бутить*, *-вербовать*, *-вуалировать*, *-вянуть*, *-гвоздить*, *-гипнотизировать*, *-гипсовать*, *-глохнуть*, *-гримировать(ся)*, *-грунтовать*, *-должать*, *-душить*, *-журить(ся)* (обл.), *-жухнуть*, *-индеветь*, *-интриговать*, *-клеймить*, *консервировать(ся)* *-копить*, *-коченеть*, *-латать*, *-марать(ся)*, *-мариновать(ся)*, *-маскировать(ся)*, *-маять*, *-мутить(ся)*, *-мытарить(ся)*, *-пеленговать*, *-плесневеть*, *-плеснеть*, *-пломбировать*, *-пятнать*, *-ржаветь*, *-ржавить*, *-скирдовать*, *-слюнявить*, *-фиксировать*, *-хлороформировать*, *-хотеть*, *-чахнуть*, *-черстветь*;

9) *про-*. При помощи префикса *про-* образуются 55 корреляций: *-гневить*, *-голосовать*, *-громыхать*, *-грохотать*, *-грохотить*, *-гудеть*, *-декламировать*, *-демонстрировать*, *-диктовать*, *-длить(ся)*.

-звучать, -зевать, -зимовать, -компостировать, -конспектировать, -контролировать, -корректировать, -кричать, -метать, -мотать, -мурлыкать, -мчаться, -мяукать, -номеровать, -петь, -пиликать, -пищать, -пыхтеть, -реветь, -резинить, -ржать, -рычать, -скрежетать, -скрипеть, -слабить, -спрягать, -стонать, -стучать, -трещать, -трубить, -трусить, -храпеть, -хрипеть, -хрустеть, -хрюкать, -цитировать, -читать, -шептать, -шипеть, -шнуровать, -штудировать, -шуметь, -экзаменовать(ся));

10) *на-*. При помощи префикса *на-* образуются 86 корреляций: *-бальзамировать, -барахлить, -бедокурить, -белить(ся), -ваксить, -ворсить, -ворсовать, -вощить, -вьючить, -гадить, -гофрировать(ся), -гофрить(ся), -гримировать(ся), -грубить, -грубиянить, -грузить, -дрызгать, -душить(ся), -дымить, -именовать, -канифолить, -клеветать, -клепать, -коксовать, -кормить, -крахмалить, -кренить(ся), -линовать, -лощить, -ляпать, -магнитить, -мазюкать, -малевать(ся), -марать, -мелить, -мельчить, -метать, -метить(ся), -мозолить, -морщить(ся), -мусорить, -мылить(ся), -одеколониться, -пакостничать, -печатать, -писать, -пичкать, -порошить, -проказить, -проказничать, -пророчить, -пудрить(ся), -пыжиться, -пылить, -рисовать, -румянить(ся), -скандалить, -сквернословить, -следить, -солодеть, -солодить, -сплетничать, -тосковать, -тренировать(ся), -трусить* (обл.), *-фабрить(ся), -хмурить(ся), -чёркать, -черкать, -чернить, -шпиговать*:

11) *о-*. При помощи префикса *о-* (об-) образуются 98 корреляций: *-банкротиться, -ветшать, -бледнеть, -беспокоить(ся), -бесславить, -бесчестить, -лупить(ся), -лущить, -лысеть, -наглеть, -кантовать, -найтовить, -нищать, -злить(ся), -радовать(ся), -ремизить(ся), -брюзгнуть, -брюхатить, -стрекать(ся), -глохнуть, -деревенеть, -дичать, -дряхлеть, -вшиветь, -дряхнуть, -дуреть, -жеребиться, -животворить, -звереть, -знаменовать, -золотить(ся), -каменеть, -кольцевать, -корнать, -котиться, -коченеть, -крепнуть, -крестить, -криветь, -кровавить, -леденеть, -леденить, -мертветь, -мертвить, -палить, -паршиветь, -паршивить, -паскудить, -печалить(ся), -плешиветь, -позорить, -пороситься, -порочить, -пошлеть, -прыщаветь, -псоветь, -пьянеть, -пьянить, -сатанеть, -свежевать, -свидетельствовать, -свирепеть, -седлать, -серчать, -скалить(ся), -скандалить(ся), скоромить(ся), -слепнуть, -советь, -соловеть, -солодеть, -стервенеть, -столбенеть, -стрековить, -студить, -телиться, -трезветь, -трухляветь, -футеровать, -хулить, -цепенеть, -червиветь, -черстветь, -шелудиветь, -шельмовать, -штрафовать, -штукатурить*;

12) *с-*. При помощи префикса *с-* образуются 139 корреляций: *-бондить, -брошюровать, -булгачить, -валить, -валять, -варга-*

нить, -вековать, -великодушничать, -верстать, -вершить, -воровать, -глупить, -гноить, -гоношить, -горбить(ся), -готовить, -группировать, -делать(ся), -дрейфить, -дрейфовать, -жать, -жечь, -жулить, -жульничать, -каламбурить, -калькировать, -калькулировать, -киксовать, -комбинировать, -компенсировать, -компилировать, -комплектовать, -компоновать, -компрометировать, -конструировать, -конфузить(ся), -концентрировать(ся), -копировать, -корежить(ся), -корчить(ся), -косить, -кроить, -крючить(ся), -кукситься, -кушать, -лавировать, -лепить, -лимонить, -ловить, -ломать(ся), -лукавить, -лузгать, -лупить(ся), -лямзить, -ляпать, -маклерить, -мастачить, -мерить, -месить, -молотить, -монтировать, -моргнуть, -морщить(ся), -мошенничать, -врать, -грешить, -жрать, -озорничать, -лгать, -преть, -сватать, -острить, -строить, -стряпать, -путать(ся), -считать, -творить, -ткать, -палить, -парить, -пеленать, -переть, -петь, -печь, -планировать, планировать (на аэродром), *-плоить, -плошать, -плутовать, -подличать, -политиковать, -понтировать, -прессовать, -проверить, -прясть, -прятать(ся), -работать, -роднить, -сутулить(ся), -сучить(ся), -тасовать, -тибрить, -тихнуть, -торговать(ся), -труситъ, фальшивить, -фантазировать, -формировать(ся), -формовать(ся), -фотографировать(ся), -формулировать, -фуговать, -хапать, -хоронить(ся), -шить, -есть, -ехидничать, -играть, -экономить.*

13) *по-*. При помощи прєфикса *по-* образуются 245 корреляций: *-алеть, -багроветь, -балагурить, -балакать, -белеть, -белить, -бить, -благодарить, -бледнеть, -блекнуть, -брататься, -брезгать, -брить, -буреть, -валить(ся), -везти, -венчать(ся), -верстать, -вечереть, -вечерять, -вздорить, -видаться, -виниться, -влиять, -вредить, -гасить, -гаснуть, -гладить, -глумиться, -глупеть, -глядеть(ся), -гнушаться, -голубеть, -грешить, -грозить(ся), -грузиться, -грузнуть, -губить, -дарить, -ехать, -жалеть, -жалиться, -желать, -желтеть, -жертвовать, -живиться, -жиреть, -журить, -жухнуть, -заботиться, -зариться, -звать, -здороваться, -здороветь, -зеленеть, -знакомить(ся), -золотить, -интересоваться, -казаться, -калякать, -карать, -каяться, -клясться, -колебать(ся), -коробить(ся), -коситься, -красить, -краснеть, -крупнеть, -крыть, -кумиться, -лакировать, -лакомить(ся), -ласкаться, -полдничать, -леветь, -леденеть, -лениться, -линять, -любоваться, -мазать(ся), -манить, -мериться, -меркнуть, -мертветь, -мешать(ся), -милосердствовать, -мириться), -молиться, -молодеть, -молотить, -морить, -мочиться, -мрачнеть, -муравить, -мутить(ся), -мыть(ся), -надобиться, -нюхать, -обедать, -обещать, -плакаться, -платиться, -плотнеть, -полнеть, -потчевать, -пра-*

веть, *-пробовать*, *-просить(ся)*, *-простеть*, *-прощаться*, *-пытаться*, *-пятить(ся)*, *-радеть*, *-радовать(ся)*, *-редеть*, *-роднить(ся)*, *-розоветь*, *-русеть*, *-рыжеть*, *-рябеть*, *-рядить(ся)*, *садить-*, *сватать(ся)*, *-светлеть*, *-светлить*, *-седеть*, *-сечься*, *-сеять*, *-сиветь*, *-синеть*, *-скупиться*, *-слушаться*, *-слюнить*, *-слышаться*, *-сметь*, *-смотреть(ся)*, *-совеститься*, *-советовать(ся)*, *-содействовать*, *-солить*, *-соловеть*, *-спеть*, *-спорить*, *-способствовать*, *-ссорить(ся)*, *-стараться*, *-стареть*, *-стесняться*, *-стлать*, *-сторониться*, *-страдать*, *-строить(ся)*, *-сулить(ся)*, *-темнеть*, *-теплеть*, *-тереть(ся)*, *-терять(ся)*, *-теснить(ся)*, *-тонуть*, *-тончать*, *-топить*, *-торопить(ся)*, *-трапезовать*, *-тратить(ся)*, *-трафить*, *-требовать(ся)*, *-тревожить(ся)*, *-трепаться*, *-трескать(ся)*, *-трясти*, *-тускнеть*, *-тухнуть*, *-тучнеть*, *-тушить*, *-тянуть(ся)*, *-ужинать*, *-умнеть*, *-утюжить*, *-хвалить(ся)*, *-хвастать(ся)*, *-херить*, *-хлопать*, *-ходатайствовать*, *-холодеть*, *-хорошеть*, *-хоронить*, *-храбреть*, *-христосоваться*, *-худеть*, *-хужеть*, *-целовать(ся)*, *-церемониться*, *-чернеть*, *-чернить*, *-черстветь*, *-чесать(ся)*, *-чинить*, *-чувствовать(ся)*, *-чуять*, *-шабашить*, *-шевелить(ся)*, *-шутить*, *-щадить*, *-щупать*.

Для раскрытия всех особенностей префиксов как видовых формантов необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что обозначение вида есть не единственная и не основная функция данных морфем, которые в несравненно большем числе случаев выступают как носители деривационных значений: *с-* кроме видового значения выражает пять деривационных, *раз-* — десять деривационных значений, *за-* — семь и т. д. Сравнительная частота употребительности приставочных морфем в грамматической и деривационной функциях выясняется из следующих фактов: глаголов с выделяющейся приставочной морфемой *от-* всего 1260, среди них с видовым префиксом только 15, с приставкой *из-* —457, с видовым префиксом — семь. С другой стороны, из 1260 глаголов с приставкой *от-* 895 образуют суффиксальные корреляции, из 457 с приставкой *из-* —337.

Из изложенного следует, что хотя префиксальные корреляции способны, подобно суффиксальным, выражать абстрагированные от лексических значений видовые различия глаголов, между обеими группами корреляций имеется существенная разница в характере и способах выражения этих видовых различий. В отличие от суффиксальных, префиксальные корреляции не обладают строго ограниченным числом единообразных, полностью выделившихся из области словообразования средств, что является характерным качеством подлинно грамматических категорий.

Это, однако, не имеет определяющего значения для характера

проявления категории вида в целом. Характер и структура видов как подлинно грамматической категории определяется ведущей группой суффиксальных корреляций, где полностью абстрагированные грамматические значения выражаются минимальным числом средств, единообразных как по своему внешнему облику, так и в своем соотношении со всеми другими словообразовательными и грамматическими средствами языка.

Следует отдельно упомянуть об относительно немногочисленной группе глаголов, которые способны в некоторых из своих форм сочетать различные видовые значения: *телеграфировать, телеграфировал* в значениях обоих видов. Не подвергая анализу характерные черты этой группы глаголов [28], отмечу, что наблюдающиеся у этих глаголов активные тенденции образовать видовые корреляции, аналогичные господствующим в языке (ср. *атаковать — атаковывать, откомандировать — откомандировывать, расформировать — расформировывать* и под.), свидетельствуют о выдающейся организующей роли в системе языка категории вида и ее основных структурных моделей.

Если учесть, с одной стороны, что наибольшая часть глаголов образует строго грамматические видовые корреляции, получающие единообразное морфологическое выражение, и, с другой стороны, что видовое значение глагола тесно связано с другими грамматическими категориями,— можно с полным основанием считать соотносительные глаголы совершенного и несовершенного видов не разными словами, а разными формами одного и того же глагольного слова. В. В. Виноградов безусловно прав, когда указывает: «Одним из доказательств того, что формы совершенного и несовершенного вида объединяются в составе одного и того же слова, является наличие глаголов, имеющих общие формы для обоих видов. Таковы, например, глаголы: *велеть, женить(ся), казнить, крестить, ранить, родить....*» [29]

Показательны в этом отношении ошибки, которые часто наблюдаются как в средней, так и в высшей школе: от инфинитивов несовершенного вида учащиеся образуют причастные и деепричастные формы совершенного вида и наоборот. Это свидетельствует, конечно, о том, что те и другие формы выступают в языке как единая структурно-семантическая система форм слова.

[28] Ряд интересных соображений о природе этих глаголов см.: Н. С. Авилова. Вопросы глагольного суффиксального словообразования в современном русском литературном языке. Глаголы с суффиксом *-ова-*. М., 1953.

[29] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 498.

Следует указать на существенные противоречия, к которым неизбежно приводит противоположная трактовка рассматриваемого вопроса. Как уже указывалось выше, глагол *бить* в значении «наносить поражение» соотносится с *побить*, а в значении «раздроблять» — с *разбить*. Если считать *бить* и *побить*, *бить* и *разбить* различными словами, получается парадоксальное положение: варианты лексической семантики вмещаются в рамки одной лексемы *бить*, а грамматические варианты при лексическом тождестве формируют две разные лексемы. Несостоятельность подобного допущения очевидна.

Аргументацию, приводимую в защиту другой точки зрения, нельзя считать убедительной. Так, П. С. Кузнецов указывает: «Одной семантической близости для отнесения различных образований к одной лексеме недостаточно. Необходимы основания структурно-грамматические. Между тем каждый из членов видовой пары образует всю систему форм, ему свойственную (времена, наклонения, лица, залоги, причастия, деепричастия), точно так же, как образует ее каждый из двух глаголов, несомненно различающихся в лексическом отношении (например, *нести — принести*)» [30].

Что нужно учитывать структурно-грамматические основания, абсолютно неоспоримо. И все же аргументация П. С. Кузнецова несостоятельна. Это можно доказать на приведенном им же примере *нести — принести*, дополнив его только одним словом *приносить*. *Нести* и *принести* обладают двумя системами форм, разъединенных различием их лексических значений. В *принести — приносить* обе эти системы форм соединяются в целостную систему форм, взаимно дополняющих друг друга.

Исторически категория видов коренится в значительной мере в словообразовании; она и сейчас находится в органическом взаимодействии с системой глагольного словообразования. Но своей грамматической абстрагированностью и универсальностью она поднялась над частностями словообразования и превратилась в важнейшую структурную черту русского глагола.

С этой точки зрения представляется целесообразным осветить некоторые полемические высказывания о природе видов, имевшие место в литературе. С. Карцевский в своей работе «Система русского глагола» говорит: «Введя термин „степень“, Павский лишний раз проявил тонкое чутье грамматиста: он чувствовал словообразовательные (деривационные) связи, которые связывают меж-

[30] «Современный русский язык. Морфология (Курс лекций)», под ред. В. В. Виноградова. М., 1952, стр. 323.

ду собой все русские глаголы и без которых была бы невозможна система видов. Он, однако, ошибался в отношении характера этого словообразования. Для него вид выступает на первом плане, меж тем как роль собственно словообразования заключается только в выражении тройного видового изменения (la triple transformation aspective) глаголов. Так воздвигаются три видовых степени Павского, а именно: «Первая степень: глаголы однократные, к которым относятся мгновенные (например, *мелькнуть*), решительные (например: *прочитать*) и частью однообразные (например: *лететь*). Вторая степень: глаголы многократные неопределенные, к которым причисляются продолжительные неопределенные (например: *мелькать*), прерывистые (например: *почитывать*) и разнообразные (например: *летать*). Третью и последнюю степень занимают глаголы многократные дальние. Сюда причисляются продолжительные дальние (например: *читывать*) и разнообразные дальние (например: *хаживать*)»[31].

Вот почему Павский нашел возможным провести параллель между глагольными степенями и степенями сравнения прилагательных: «в прилагательных именах три степени означают сравнительную меру качеств, в глаголах степенями означается мера продолжительности и объем действия» (стр. 205).

«Наша точка зрения,— говорит Карцевский,— совершенно иная. Вид, по нашему мнению, явление, до некоторой степени (en quelque sorte) вторичное, которое присоединяется к явлению словообразования. Глаголы образуются одни от других и в своем движении выстраиваются как степени одной шкалы или как этажи одного здания. Каждый глагольный этаж имеет свои собственные особенности и отличается ими от других глагольных этажей. На основе семантических и морфологических различий возникают различия в транзитивной (переходность и непереходность) природе глаголов и, что особенно важно, происходит регулярное чередование различных видов»[32]. Несколько ниже, в разделе «Глагольное словообразование», Карцевский указывает: «Игра видов (le jeu des aspects) является частным случаем более обширной и более сложной игры, которую представляет собой глагольное словообразование во всей его совокупности».

Карцевский, считая видовые формы частным случаем глагольного словообразования, недооценивает роль категории вида —

[31] Г. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 3. О глаголе. СПб., 1850, стр. 4—5.

[32] S. Karcevski. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927, стр. 94—95.

этого важнейшего элемента грамматической структуры русского глагола. Видовые формы глагола и различные участки глагольного словообразования — явления, принципиально отличающиеся друг от друга. Любые факты глагольного словообразования, будучи связаны с теми или иными изменениями лексических значений слов, обособляют одни образования от других, между тем как видовые формы, опираясь на лексическую тождественность, только расширяют единую систему грамматических форм одного глагольного слова. Видовые формы глагола, которые органически взаимно связаны с грамматическими категориями времени, залога (переходности и непереходности), наклонения, никак не могут быть рассматриваемы как проявления процесса словообразования.

Определение категории видов как категории в своей основе формообразовательной делает актуальным вопрос об объединении в одной системе спряжения различных видовых форм глаголов. Ведь спряжение глаголов распалось на обособленные видовые части главным образом под влиянием справедливых возражений против объединения в одном спряжении глаголов различных лексических значений. Так, А. Болдырев в свое время писал, выступая против Академической грамматики, объединившей в одну систему спряжения глаголы *дуть*, *дунуть*, *сдуть*, *дувать*: «*Дунул* не значит просто: «il souffla», но «il souffla une fois». *Сдул* получает также новую идею, которая не была заключена в значении глагола «дуть»; ибо он значит: «il souffla de dessus», «il emporta en soufflant» или, как немцы говорят: «et hat weggeblasen». Форма *дувал* не значит: «il avait soufflé», но «souffla plusieurs fois à plusieurs reprises» [33].

Эти по существу справедливые возражения теряют свою силу, когда в видовую корреляцию выстраиваются глагольные формы с совершенно тождественным лексическим значением. Вопрос об объединении в одном спряжении глагольных форм, соотносительных по виду, имеет большое принципиальное значение, так как только в этой объединенной системе полностью выявляются связи между видами и временами, и значение каждой отдельной формы времени проявится во всей своей полноте.

Конечно, введение видовых форм в единую систему спряжения возможно только на основе максимальной абстрагированности видовых корреляций; но, как мы видели, такие максимально абстрагированные корреляции представляют собой суффиксальные корреляции, так что именно они должны составлять основу спря-

[33] См.: Болдырев. Рассуждение о глаголах. «Труды О-ва любителей российской словесности», ч. II. М., 1812, стр. 73—74.

жения русского глагола. Разумеется, для решения этой сложной проблемы требуются еще дополнительные исследования многочисленных относящихся сюда фактов. Но нет сомнения, что проблема весьма актуальна и требует своего разрешения.

СИСТЕМА ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛОВ И ЕЕ РАЗВИТИЕ

Так называемые двувидовые глаголы выделяются в глагольной системе современного русского языка своими особенностями в реализации основных норм выражения видовых различий. Как известно, господствующей нормой у глаголов, обладающих способностью выражать значения как совершенного, так и несовершенного вида [34], является наличие соотносительных по значению и морфологическому выражению видовых форм.

Своеобразие рассматриваемых глаголов в выражении видовых различий процессов, обозначаемых глаголами, заключается в значительном сокращении аффиксальных средств. В отличие от основной массы русских глаголов, обладающих для выражения видовых противопоставлений морфологически различающимися соотносительными формами инфинитива, прошедшего и будущего времени, повелительного и сослагательного наклонения, а также причастия прошедшего времени действительного залога (таковы: *дать—давать*, *дал—давал*, *дам—буду давать*, *дал бы—давал бы*, *дай—давай*, *давший—дававший*), у двувидовых глаголов все эти формы, кроме формы будущего времени, омонимичны, т. е. они могут, не меняя своего внешнего облика, выражать значения как совершенного, так и несовершенного вида. Ср. *Мы в течение ряда лет механизировали наши предприятия* (несов. вид) и *Мы уже полностью механизировали наши предприятия* (сов. вид). А форма так называемого настоящего-будущего омонимична не только в отношении видовых, но и временных значений: *Мы уже ряд месяцев реконструируем наш завод* (наст. время несов. вида) — *К концу года мы окончательно реконструируем наш завод* (буд. время сов. вида).

Видо-временное своеобразие двувидовых глаголов наглядно выступает при сопоставлении обладающего всеми морфологически

[34] Этой способностью не обладают глаголы, ограниченные либо одним значением совершенного вида: *очнуться*, *опомниться*, либо значением несовершенного вида: *идти*, *разговаривать* (perfectiva tantum и imperfectiva tantum).

различающимися соотносительными формами глагола *восстановить — восстанавливать* с двувидовым глаголом *реставрировать*.

Из таблицы (стр. 131) видно, что у двувидового глагола морфологически дифференцированным является минимальное число видовых форм. Сюда относятся соотносительные формы будущего времени *реставрирую — буду реставрировать* и несоотносительные формы: причастие настоящего времени действительного и страдательного залога, деепричастие настоящего времени и деепричастие прошедшего времени. Таким образом, название «двувидовые» в применении ко всей системе рассматриваемых глаголов является условным. Поэтому как характеристика С. Карцевского, рассматривающего двувидовые глаголы как «глаголы неопределенного вида» [35], так и характеристика А. Белича, считающего, что «каждый из этих глаголов имеет при определенном употреблении определенный вид» [36], нуждаются в существенном уточнении. Действительно, ряд форм двувидовых глаголов выражает определенное видовое значение непосредственно своим морфологическим обликом; что же касается морфологически недифференцированных форм, то они большей частью приобретают в силу синтаксических или общих контекстных условий определенное видовое значение, но в ряде случаев им присуща и видовая неопределенность, например: «Если ты выйдешь замуж только потому, что *велит* отец, это будет ужасно. Это будет страшно и безрассудно» (Федин, Первые радости); «Никто из родных не спал в эту ночь. Да и не только родные не спали: все знали, что в эту ночь *казнят* «молодогвардейцев» (Фадеев, Молодая гвардия).

Что касается всех морфологически омонимичных форм, то в качестве средств выражения их видовых значений выступают окружение каждой отдельной формы, т. е. ее контекст, в котором наибольшую роль играют поясняющие ее обстоятельства, временно́е значение формы, а также субституируемые аффиксы. Как это символически обозначено в таблице стрелками, каждая омонимическая форма двувидового глагола в системе видов стоит в одном ряду с соответственными двумя морфологически обозначенными формами и в той или иной степени, следовательно, этими аффиксальными формами субституируется. Так, например, форма прошедшего времени *реставрировал* в функции несовершенного вида субституируется аффиксальной формой *восстанавливал*, а в

[35] С. К а р ц е в с к и й. Указ. соч., стр. 114—115.

[36] См.: А. Б е л и ч. О глаголима са два вида.—«Јужнословенски филолог», XXI, кн. 1—4, 1955—1956, стр. 7.

Форма	Соверш. вид	Соверш. вид	Несоверш. вид	Несоверш. вид
Инфинитив	*восстановить*	← *реставрировать* →		*восстанавливать*
Прошедшее время	*восстановил*	← *реставрировал* →		*восстанавливал*
Сослагат. наклонение	*восстановил бы*	← *реставрировал бы* →		*восстанавливал бы*
Повелит. наклонение	*восстанови*	← *реставрируй* →		*восстанавливай*
Причастие прош. вр. действ. залога	*восстановивший*	← *реставрировавший* →		*восстанавливавший*
Будущее время	*восстановлю*	*реставрирую*	*буду реставрировать*	*буду восстанавливать*
Настоящее время	—	—	*реставрирую*	*восстанавливаю*
Причастие наст. вр. действит. залога	—	—	*реставрирующий*	*восстанавливающий*
Причастие прош. вр. страдат. залога	*восстановленный*	*реставрированный*	—	—
Деепричастие наст. вр.	—	—	*реставрируя*	*восстанавливая*
Деепричастие прош. вр.	*восстановив*	*реставрировав*	—	—

функции совершенного вида — формой *восстановил* (содержащей нулевой видовой аффикс).

Характер выражения видовых значений у двувидовых глаголов складывался как результат сложного взаимодействия внутренних и внешних факторов. Для обстоятельного выяснения современного состояния и тенденций развития двувидовых глаголов они рассматриваются с учетом основных вех их исторической эволюции и в сопоставлении с параллельными явлениями в других славянских языках.

В составе двувидовых глаголов в современном русском языке — как и в других славянских языках — существенно различают две группы. В первую, чрезвычайно малочисленную, группу входят разнородные по своему морфологическому оформлению глаголы русского и старославянского происхождения, такие, как *венчать*, *велеть*, *казнить*, *наследовать*. Вторая группа, несравненно более многочисленная, состоит в своем подавляющем большинстве из глаголов, заимствованных из западноевропейских языков. Сюда относятся такие глаголы, как *импортировать*, *схематизировать*, *военизировать*.

Первая группа искони существует в русском языке. Значительная часть относящихся сюда глаголов являются устаревшими и редко употребительными. Вследствие своей непродуктивности данная группа мало показательна с точки зрения развития двувидовости в современном русском языке. До настоящего времени в лингвистической литературе как научной, так и учебной не приводилось полного списка двувидовых глаголов первой группы. Так, А. А. Шахматов перечисляет только около десятка глаголов данной группы, и при этом из текста можно сделать вывод, что перечень этот является исчерпывающим [37]. По указанию Карцевского, глаголов первой группы около 15 [38]. Точнее ориентирует в этом вопросе В. В. Виноградов, который дает перечень, содержащий 27 глаголов с указанием, что перечень не является исчерпывающим [39]. Ниже приводится, на основе материалов «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, перечень двувидовых глаголов первой группы (в этот перечень включаются и те глаголы, которые сочетают два видовых значения в меньшем по сравнению с другими двувидовыми глаголами

[37] См.: А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., Учпедгиз, 1941, стр. 185.
[38] С. Карцевский. Указ. соч., стр. 114.
[39] В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.— Л., 1947, стр. 498.

количестве форм): *бежать*, *велеть*, *венчать*, *голосовать*, *даровать*, *женить(ся)*, *живописать*, *заимствовать*, *известковать*, *исповедовать(ся)*, *использовать*, *исследовать*, *казнить*, *колесовать*, *кольцевать*, *крестить(ся)*, *миновать*, *напутствовать*, *наследовать*, *ночевать*, *обещать(ся)*, *оборудовать*, *образовать(ся)*, *опосредствовать*, *ответствовать*, *отвечать*, *пасынковать*, *переоборудовать*, *переосвидетельствовать(ся)*, *перерасследовать(ся)*, *перерасходовать*, *поведовать*, *полонить*, *поспрошать*, *приветствовать*, *прозакладывать*, *проповедовать*, *ранить*, *расследовать*, *родить(ся)*, *рушить*, *сбоить*, *соборовать(ся)*, *совершенствоваться*, *согласоваться*, *содействовать*, *сонаследовать*, *сообразовать(ся)*, *сочетать(ся)*, *стекловать(ся)*, *стяжать*, *четвертовать*.

Двувидовость перечисленных глаголов не одинакова по своему объему и характеру. В наибольшем объеме двувидовость выступает у таких глаголов, как *казнить*, *женить(ся)*, *воздействовать*, которым присущи все возможные двувидовые формы. Значительно у́же двувидовость выступает у таких глаголов, как *велеть*, *образовать*, *приветствовать*.

Двувидовость глаголов обусловлена действием различных факторов, из которых одни воздействовали на все глаголы первой группы, другие — только на ту или иную ее часть. К числу факторов первого рода надо отнести семантическое своеобразие этих глаголов, заключающееся в некоторой слитности представления о процессуальности называемого глаголом действия с представлением о его результате (ср.: *казнить*, *женить*, *венчать* и т. п.), что ставит те или иные препятствия строгому разграничению (морфологическими средствами) значений совершенности и несовершенности и замыканию формы в рамки того или иного отдельного вида [40].

Другим фактором, также распространившим свое действие на все или почти все глаголы данной группы, является их лексико-стилистическая специфика. Большинство из них носят отвлеченно книжный характер. Стилистическая и грамматическая обособленность, по-видимому, взаимно обусловлены в этих глаголах и дополняют друг друга. По отношению к большому числу глаголов данной группы, имеющих в своем составе суффикс *-овать*, значительную роль в формировании двувидовости сыграл морфологический фактор. Многие глаголы с суффиксом *-овать* являются

[40] А. Белич в названной выше статье считает, что основную роль в возникновении двувидовости сыграло то, что данные глаголы включают в свое значение внутренний объект действия. С этим объяснением, однако, не согласуется то, что среди двувидовых имеются и непереходные глаголы.

префиксальными образованиями, и это в значительной мере поддержало у них способность употребляться как в форме совершенного вида, так и в форме несовершенного вида. Когда другие условия способствовали выдвижению на первый план перфективности, наличие приставки, как чисто внешнего показателя совершенного вида, этому существенно содействовало. Когда же все другие условия конструировали значение имперфективности, приставка, в силу своего конкретного значения или же, наоборот, в силу полной утраты ею значения в результате опрóщенья морфологического состава слова, не препятствовала глаголу проявлять свою имперфективность. Ср. следующие тексты: «Через три месяца мы *переоборудуем* нашу лабораторию на основе новейших достижений техники». «Уже третий месяц мы *переоборудуем* нашу лабораторию, вводя в строй новые машины отечественного производства».

В первом случае контекст формирует перфективность, чему в значительной мере способствует наличие в глаголе приставки, столь часто выступающей в качестве единственного показателя значения сов. вида; во втором случае контекстом формируется имперфективное значение, и приставка этому не препятствует, так как из двух потенциально присущих ей функций — словообразовательной и грамматической — действует только первая.

Так, из разных элементов того сложного семантико-грамматического целого, каким является префиксальное образование, в каждом отдельном случае активизируется тот, который соответствует общему смыслу данного высказывания. Такими представляются условия, предопределившие возникновение двувидового характера рассматриваемых глаголов, однако господствующая видовая норма русского глагола оказывала свое влияние и на них, в результате чего они обнаружили различные, подчас противоположные тенденции функционирования и развития. В этом можно убедиться при анализе отдельных подгрупп этих глаголов.

У ряда глаголов рассматриваемой группы отчетливо обнаруживается тенденция морфологического разграничения видовых значений. В большинстве случаев эта тенденция реализуется при помощи приставок, в некоторых случаях — при помощи суффиксов.

Как и все другие глаголы русского языка, многозначные двувидовые глаголы образуют для разных значений видовые пары при помощи разных приставок. Например, глагол *венчать*, обладая четырьмя различными значениями, только в одном из своих значений выступает в качестве двувидового, в других же значениях образует префиксальные формы совершенного вида, соотносительные по виду с беспрефиксными. Так, в значении «возло-

жить (возлагать) на кого-нибудь венец или венок в знак присвоения почетного звания или почетной награды» этот глагол может выступать в обоих видовых значениях. Ср. в значении несовершенного вида: «Все их громко величают И царевича *венчают* Княжей шапкой, и главой Возглашают над собой» (Пушкин, Сказка о царе Салтане); в значении совершенного вида: «На быстрой колеснице, *Венчанный* лаврами, в блестящей багрянице, Спесиво развалясь, Ветулий молодой В толпу народную летит по мостовой» (Пушкин, Лицинию). В других значениях глагол *венчать* образует форму совершенного вида при помощи префиксов *у-*, *об-*.

Аналогичен глагол *крестить*. В первом своем значении «производить обряд крещения над кем-нибудь» этот глагол выступает в качестве двувидового, но в совершенном виде встречается и параллельное префиксальное образование — *окрестить*; во втором значении «быть крестным отцом, крестной матерью, чьих-н. детей» данный глагол не может вовсе выступать в форме совершенного вида; в третьем значении «делать правой рукой знак креста над кем-чем-н.» образуется форма совершенного вида при помощи приставки *пере-*; наконец, в значении «перечеркивать, вымарывать» могут образовываться формы совершенного вида с помощью двух приставок: *пере-*, *за-*.

В тех случаях, когда существуют параллельные (приставочная и бесприставочная) формы совершенного вида, между ними обычно имеются некоторые стилистические различия. Чаще всего именно префиксальные формы характеризуют живые разговорные, менее связанные нормами («правилами») стили речи. Ср. *оженить* по сравнению с *женить*: «Решили *женить* Анисима.— Ох-тех-те..! Младшего брата давно *оженили*,— говорила Варвара,— а ты все без пары, словно петух на базаре» (Чехов. В овраге).

Аналогичные стилистические различия, связанные подчас с такими семантическими оттенками, которые трудно поддаются определению, так как относятся к субъективно-эмоциональной сфере речи, выявляются и при сопоставлении таких параллельных форм, как *обещал — пообещал*, *заимствовал — позаимствовал*, *приветствовал — поприветствовал*, *наследовал — унаследовал* и т. д. Особенно большую стилистическую роль играют параллельные префиксальные образования совершенного вида в тех случаях, когда при бесприставочной форме несовершенного вида также имеется параллельная форма, образованная при помощи суффикса. Так, у глагола *родить*, могущего выступать в формах прошедшего времени в значении обоих видов, имеется также параллельная форма несовершенного вида *рождать* (или

рожать); этим самым в отношении видовой семантики бесприставочная форма уже морфологически отграничена от соотносительной формы несовершенного вида. Вполне естественно, что приставочная форма совершенного вида здесь приобретает особую выразительность. Ср. форму *породил* у Н. В. Гоголя: «Я тебя *породил*, я тебя и убью».

Глаголы *образовать*(*ся*), *сообразовать*(*ся*), обычно сочетают два видовых значения только в формах настоящего — будущего времени. Так, в предложении «Его накопления *образуют* солидную сумму» глагол *образуют* может пониматься как в значении совершенного вида, так и в значении несовершенного вида. В формах инфинитива и прошедшего времени эти глаголы для выражения значения несовершенного вида приобретают суффикс *-ывать*. Ср.: «В северной части [Тифлиса] возвышаются дома европейской архитектуры и около них начинают *образовываться* правильные площади» (Пушкин, Путешествие в Арзрум); «В углах рта Долохова *образовывалось* постоянно что-то вроде двух улыбок, по одной с каждой стороны» (Л. Толстой, Война и мир).

Образования с суффиксом *-ыва-* проникают и в формы настоящего времени. Возникают параллельные формы — бессуффиксные и суффиксные, которые в ряде случаев размежевываются семантически и стилистически. Так, в значении «составлять», «представлять собой» выступает только бессуффиксальная форма. Ср.: «Перпендикуляр, опущенный на прямую, *образует* с нею прямой угол». В значении же «учреждать», «формировать», наряду с бессуффиксными, употребляются и формы с суффиксами: «На узенькой спиральной лестнице», с крошечным окном в безвоздушный канал, *образовываемый* тремя сходящимися острым углом стенами, стояла очень маленькая, но преоригинальная фигура» (Лесков, Шерамур);

Незначительное число глаголов, образующих формы несовершенного вида при помощи суффикса *-ыва-*, хотя этот суффикс, как известно, является весьма продуктивным средством имперфективации, объясняется специальными причинами. Дело в том, что, согласно отчетливо выявившейся закономерности, имперфективизироваться при помощи суффикса *-ыва-* могут только глаголы с ударенным *а* в исходе; ср.: *образовать* — *образовывать* и т. д. В силу этого было отвергнуто, как не соответствующее нормам русского языка, широко распространившееся одно время образование *использовывать* в качестве парной видовой формы к *использовать* [41]. Это образование было в свое время подвергнуто очень

[41] См.: Е. С. Истрина. Нормы русского литературного языка и культура речи. М., 1948, стр. 21—22.— С. П. Обнорский посвятил этому гла-

выразительной критике В. В. Маяковским: Разлазится все, / аппарат — вразброд,/ а этот,/ куря и позевывая, / с достоинством / мямлит / во весь свой рот: / *Использовываем* (Маяковский, Искусственные люди).

Вторая группа двувидовых глаголов, претерпевшая в советкую эпоху значительные сдвиги в своем развитии, во много раз превышает первую группу по количеству входящих в ее состав глагольных слов. В современных словарях зафиксировано свыше 600 глаголов этой группы; в нашей картотеке отмечен ряд новообразований этого типа, не вошедших ни в один из современных словарей.

В отличие от двувидовых глаголов первой группы, характеризующихся чрезвычайной пестротой своего морфологического оформления, все глаголы рассматриваемой группы объединены наличием у них всех суффиксального элемента *-ова*. Однако только у незначительного числа глаголов суффикс *-ова-* выступает в неосложненном виде, например: *атаковать*, *стартовать*, у подавляющего же большинства глаголов данной группы суффикс, кроме элемента *-ова-*, содержит еще другие морфемные элементы — интерфиксы, своеобразные прокладки между основным ядром суффикса *-ова-* и корнем слова: *-из-*, *-ир-*, *-изир-*, *-фицир-*. Будучи осложненным этими интерфиксами, суффикс *-ова-* выступает, таким образом, в следующих своих разновидностях: *-изова-* (*авторизовать*, *моторизовать*), *-ирова-* (*аннексировать*, *ампутировать*), *-изирова-* (*автоматизировать*, *активизироваться*), *-фицирова-* (*классифицировать*, *модифицировать*). Конкретная форма проявления двувидовости рассматриваемых глаголов в значительной мере зависит от того, осложнен ли элемент *-ова-*, являющийся ядром суффикса, интерфиксом и каким именно. Дело в том, что из пяти разновидностей *-ова-*, *-изова-*, *-ирова-*, *-изирова-*, *-фицирова-* первые две отличаются тем, что в них, как правило, ударе-

голу статью «Глагол *использовать* — *использовывать* в современном русском языке («Язык и мышление», т. 3—4, 1935). Приведя ряд доводов против употребления формы *использовывать*, С. П. Обнорский заключает: «Глагол *использовывать*, *использовываться* составляет балласт нашего языка. Как балласт языка, он по экономическим тенденциям, в известных отношениях заправляющим нашею речью, подлежит устранению из языка. И можно сказать, что этот глагол, действительно, на наших глазах незаметно сходит на нет, все реже давая о себе знать в изустной речи и почти не отражаясь последнее время на столбцах печати» (стр. 168). В настоящее время формы *использовывать(ся)* в результате активного влияния печати и учебных пособий почти полностью вышли из употребления. Это поучительный факт с точки зрения возможностей регулирующего воздействия на ход языкового развития.

ние падает на последний гласный *-а-*, между тем как в суффиксах *-изирова-*, *-фицирова-* этот гласный не является ударенным вовсе, а в суффиксе *-ирова-* это наблюдается только в отдельных случаях. Влияние этих обусловленных наличием (или отсутствием) того или иного интерфикса [42] акцентных различий суффиксов заключается в том, что при конечном ударенном *-а-* двувидовой глагол способен образовать видовые корреляции с помощью суффиксов и приставок, ср. *организовать — организовывать — сорганизовать*, при безударном же гласном *-а-* эти корреляции могут образовываться только при помощи приставок, ср. *концентрировать — сконцентрировать*, *классифицировать — расклассифицировать*.

Соответственно своему суффиксальному и акцентному облику двувидовые глаголы данной группы подразделяются, следовательно, на пять подгрупп, из которых две — с суффиксами *-ова-*, *-изова-* противопоставляются остальным в отношении своих возможностей образовывать видовые корреляции. По числу охватываемых глаголов подгруппы отнюдь не одинаковы. По проведенным подсчетам соответственные цифровые данные ориентировочно выступают в следующем виде: в подгруппе с суффиксом *-ова-* — 40 глаголов, с суффиксом *-изова-* — 35, с суффиксом *-фицирова-* — 35 (из возвратных образований учитывались только самостоятельные глаголы, формы же страдательного залога, например *редактироваться*, в расчет не принимались).

Принято считать, что большинство этих глаголов принадлежит к специальной лексике, главным образом научно-технической и профессиональной терминологии. Проведенный анализ показал, однако, что специальная лексика составляет только 35% глаголов этой группы. Около 50% общего числа составляют глаголы общелитературного языка, около 15% составляют глаголы, стоящие на грани между общелитературной и специальной лексикой.

Ниже приводятся классифицированные по отдельным акцентно-суффиксальным подгруппам двувидовые глаголы; подгруппы с суффиксами *-ова-*, *-изова-*, *-фицирова-*, *-изирова-* приводятся полностью, а из более многочисленных подгрупп с суффиксами *-ирова* и *-изирова-* приводятся только глаголы общелитературной лексики как представляющие наибольший интерес.

[42] Эти факты показывают, что интерфиксы, сфера действия которых ограничена вообще морфонологическими особенностями слова, как это обстоятельство показано в статье Е. А. Земской «Интерфиксация в современном русском словообразовании» (сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964), могут оказывать определенное влияние на важные грамматические свойства глаголов.

1. К глаголам с неосложненным суффиксом *-ова-* относятся: а) [43] *адресовать(ся)*, *арендовать*, *арестовать*, *ассигновать*, *атаковать*, *аттестовать(ся)*, *конфисковать*, *короновать(ся)*, *рапортовать*, *ревизовать*, *рекомендовать(ся)*, *салютовать*, *силосовать*, *стартовать*, б) *иллюминовать*, *кредитовать(ся)*, *оркестровать*, *патентовать*, *презентовать*, *ретироваться*, *титуловать(ся)*, *шлюзовать*; в) *аккредитовать*, *акцентовать*, *бункеровать*, *конфирмовать(ся)*, *пудлинговать*, *репетовать*, *селитровать*, *фрезеровать*, *шредеровать*.

2. К глаголам с суффиксом *-изова-* относятся: а) *демобилизовать(ся)*, *деморализовать*, *мобилизовать(ся)*, *моторизовать*, *организовать(ся)*, *парализовать*, *паспортизовать*, *реализовать(ся)*, *реорганизовать(ся)*, *стерилизовать*, *характеризовать*, *электризовать(ся)*, б) *авторизовать*, *децентрализовать*, *материализовать(ся)*, *натурализовать(ся)*, *стилизовать*, *централизовать*, *цивилизовать(ся)*, в) *бактеризовать*, *денатурализовать(ся)*, *пастеризовать*, *поляризовать(ся)*, *ренатурализовать(ся)*.

3. К глаголам с суффиксом *-фицирова-* относятся: а) *газифицировать(ся)*, *дисквалифицировать(ся)*, *звукофицировать*, *квалифицировать(ся)*, *кинофицировать*, *классифицировать(ся)*, *переквалифицировать(ся)*, *радиофицировать(ся)*, *русифицировать(ся)*, *тарифицировать*, *теплофицировать*, *фальсифицировать*, *электрофицировать(ся)*, б) *идентифицировать(ся)*, *мистифицировать*, *модифицировать(ся)*, *персонифицировать*, *унифицировать(ся)*; в) *кодифицировать*, *мумифицировать(ся)*, *нотифицировать*, *нуллифицировать*, *ректифицировать*.

К группе глаголов с суффиксом *-ирова-* относятся следующие глаголы общелитературного языка: *абонировать(ся)*, *абстрагировать(ся)*, *авансировать*, *акцентировать*, *амнистировать*, *аккумулировать*, *ампутировать*, *анализировать*, *аннулировать(ся)*, *аппелировать*, *аппробировать*, *аргументировать*, *ассимилировать(ся)*, *ассоциировать(ся)*, *асфальтировать*, *атрофироваться*, *блокировать(ся)*, *бойкотировать*, *гарантировать*, *датировать*, *деградировать*, *дезертировать*, *дезинфицировать*, *дезориентировать*, *деклассироваться*, *декларировать*, *декорировать*, *декретировать*, *делегировать*, *демаскировать(ся)*, *демонтировать*, *декламировать*, *дискредитировать*, *дисциплинировать(ся)*, *изолировать(ся)*, *иллюстрировать(ся)*, *иммигрировать*, *импортиро-*

[43] В рубрику а) входят глаголы общелитературной лексики, б) глаголы, стоящие на грани общелитературной и специальной лексики, в) глаголы специальной лексики. Рубрикация сделана на основе данных опроса группы носителей литературного языка.

вать(ся), *инструктировать*, *инсценировать*, *интервьюировать*, *информировать(ся)*, *капитулировать*, *кастрировать*, *компенсировать(ся)*, *лидировать*, *ликвидировать*, *манкировать*, *меблировать*, *мотивировать*, *оккупировать*, *оперировать(ся)*, *парировать*, *перефразировать*, *плиссировать*, *премировать*, *протезировать*, *радировать*, *районировать*, *реабилитировать(ся)*, *реваншировать*, *резервировать*, *резюмировать*, *реквизировать*, *реконструировать(ся)*, *репатриировать(ся)*, *репрессировать*, *реставрировать(ся)*, *реформировать(ся)*, *реэвакуировать(ся)*, *реэмигрировать*, *санкционировать*, *синтезировать(ся)*, *стимулировать*, *суммировать*, *телеграфировать*, *телефонировать*, *торпедировать*, *транслировать*, *узурпировать*, *финишировать*, *форсировать*, *эвакуировать(ся)*, *экипировать(ся)*, *экспедировать*, *экспортировать(ся)*, *экспроприировать(ся)*, *эмигрировать*.

К группе глаголов с суффиксом *-изирова-* относятся следующие глаголы общелитературного языка: *автоматизировать(ся)*, *акклиматизировать(ся)*, *активизировать(ся)*, *американизировать(ся)*, *большевизировать(ся)*, *бюрократизировать(ся)*, *витаминизировать(ся)*, *вульгаризировать(ся)*, *госпитализировать(ся)*, *демилитаризировать(ся)*, *денационализировать(ся)*, *детализировать*, *драматизировать*, *европеизировать(ся)*, *инвентаризировать(ся)*, *индивидуализировать(ся)*, *интернационализировать(ся)*, *капитализировать(ся)*, *коллективизировать(ся)*, *колонизировать*, *конкретизировать(ся)*, *машинизировать(ся)*, *механизировать(ся)*, *модернизировать(ся)*, *милитаризировать(ся)*, *монополизировать(ся)*, *национализировать(ся)*, *политехнизировать(ся)*, *популяризировать(ся)*, *пролетаризировать(ся)*, *революционизировать(ся)*, *рационализировать(ся)*, *систематизировать(ся)*, *специализировать(ся)*, *советизировать(ся)*, *социализировать(ся)*, *стабилизировать(ся)*, *стандартизировать(ся)*, *схематизировать*, *телефонизировать(ся)*, *терроризировать*, *украинизировать(ся)*, *утилизировать(ся)*, *фашизировать(ся)*, *химизировать*, *яровизировать*.

Наличие 600 двувидовых глаголов, из которых половина является словами общелитературного языка, свидетельствует о том, что двувидовость составляет весомый компонент видовой системы современного русского глагола. На значение двувидовости как важного средства выражения видовых значений у глаголов рассматриваемой словообразовательной модели указывает и то, что только около 150 глаголов данной модели образуют аффиксальные видовые корреляции, в подавляющем большинстве случаев префиксальные.

В пределах синхронного анализа подобный вывод вытекает и из сопоставления фактов русского языка с фактами других сла-

вянских языков, прежде всего польского. Большое число параллельных глаголов русского и польского языка в русском языке выступает в качестве двувидовых, а в польском образуют префиксальные пары. Вот ряд таких глаголов, который легко может быть значительно расширен: *адресовать — za-adresować*, *акклиматизировать(ся) — za-aklimatyzować(się)*, *апеллировать — za-apelować*, *автоматизировать — z-automatyzować*, *авансировать — za-awansować*, *демаскировать — z-demaskować*, *демократизировать — z-demokratyzować*, *деморализовать — z-demoralizować*, *дискредитировать — z-dyskredytować* и много других подобных.

Для уяснения внутреннего механизма современного функционирования этих глаголов, сдвигов, которые они претерпели в советскую эпоху, тенденций их дальнейшего развития необходимо охарактеризовать основные этапы эволюции этой новой формы выражения категории вида с момента ее возникновения до наших дней.

Проникновение иноязычных глаголов из западноевропейских языков в русский литературный язык стало ощутимым процессом на рубеже XVII и XVIII вв., когда система видовых форм уже сложилась в основных своих чертах. Поэтому вполне естественно, что освоение грамматическим строем этих глаголов заключалось в попытках подчинения их основным нормам этой системы, т. е. для выражения совершенного вида к ним присоединялись приставки, несовершенного вида — суффиксы. Характерно, что действию этого процесса подвергся в XVIII, а также в XIX в. ряд глаголов, ныне являющихся двувидовыми. Так, в сочинениях того времени встречаются многочисленные, ныне не присущие литературному языку приставочные и суффиксальные образования: *заарестовать*, *заарендовать*, *заатаковать*, *ометаллизировать*, *окритиковать*, *отретироваться*, *проманкировать*, *сконкретовать*, *отпрепаровать*, *отгравировывать*, *зарекомендовывать*, *отпрепаровывать* и т. д.[44] Однако эволюция этих глаголов уже с середины XVIII в. отчетливо обнаруживает сложные процессы борьбы и взаимодействия аффиксальных и безаффиксных способов введения заимствованных глаголов в систему видовых форм. Закреплению за этими глаголами специфических, безаффиксных, способов вхождения в видовую систему способствовали следующие факты.

[44] Много образований этого типа с соответствующими иллюстрациями в контекстах приводятся Н. С. Авиловой в книге: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол. Наречие. Предлоги. Союзы. М., 1964, стр. 39—44.

1. Их специфическая словообразовательная структура, наличие в них явно выделявшихся своей иноязычностью суффиксов *-изова-*, *-ирова-*, *-изирова-*. Да и суффикс *-ова-*, искони свойственный русскому языку, в этом лексическом слое выступал как «полузаимствованный». По справедливому указанию В. В. Виноградова, «... суффикс *-ба́ть*, *-ова́ть*, *-ева́ть* расширил (в конце XVII— в начале XVIII в.) свои функции под влиянием польского языка, где был широко распространен глагольный суффикс *ować*. В результате этого толчка, произведенного воздействием польского языка, суффикс *-ова́ть*, *-ова́ть*, *-ева́ть* (*-ую*, *ю*; *уют*, *-ют*) сделался активным средством приспособления к русской глагольной системе именных и глагольных основ, заимствованных из других языков...»[45]

2. Определенную роль в этом процессе сыграла длина суффиксов, осложненных интерфиксами. Трех- и даже четырехсложные суффиксы представляли определенные препятствия для дальнейшего увеличения состава слов, необходимого для придания ему той или иной видовой формы (прибавление приставки для перфективации и суффикса для имперфективации).

В такой чрезвычайно сложной форме выступают в данном случае связи словообразовательной и грамматической линий развития заимствованных глаголов. Есть основания полагать, что если бы данные глаголы оформлялись суффиксом *-ова-*, не осложненным интерфиксами, то это значительно облегчило бы процесс введения их с помощью обычных аффиксальных средств в систему видов. Но в длительной борьбе различных способов суффиксального оформления заимствуемых глаголов — с помощью интерфиксов или без них — верх взяли осложненные суффиксы.

В разные периоды эта напряженная борьба получала свое отражение в лингвистической литературе. Так, в семидесятых годах XIX в. Я. К. Грот, отметив, что «в старину» иноязычные глаголы оформлялись с помощью суффикса *-ова-*, указывал: «Но при позднейших заимствоваииях слог *-ир-* сделался обычным, если не всегдашним спутником русского суффикса: *абонировать*, *гравировать*.... Впрочем и в новейшее время некоторые иностранные глаголы переходят к нам без помощи слога *-ир-*, по крайней мере многие стараются их вводить в этой простейшей форме, например, *формуловать*, вм. *формулировать*, *цитовать*, вм. *цитировать*. Такие попытки, конечно, заслуживают одобрения, но не всегда бывают удачны»[46].

[45] См.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 435.
[46] Я. Грот. Филологические разыскания, II. СПб., 1876, стр. 354.

Настойчивые призывы отказаться от осложненных суффиксов раздавались и в XX в. Так, академик Л. С. Берг [47] считает, что глаголы типа *игнорировать* «неправильным образом» оформлены осложненным суффиксом *-ировать* вместо *-овать*. «Вполне соответствовало бы духу русского языка сказать *игноровать*, как говорят украинцы (*игноровати*) и поляки (*ignorować*)». Несколько ниже образования с *-ировать* автор называет «уродливыми формами». Особенно отрицательными фактами Л. С. Берг считает глаголы с суффиксами *-изировать*. Автор предлагает ввести некоторые преобразования: «Думаю, что все глаголы, оканчивающиеся на *-изировать*, можно свободно писать через *-изовать*. Возможно ли, вообще, совершенно изъять суффикс *-ировать* из русского языка, заменив его суффиксом *-овать*? Лично я думаю, что это для весьма многих глаголов вполне осуществимо в русском языке, как оно осуществлено в польском и украинском. Но установить новый грамматический порядок могло бы, понятно, только авторитетное научное учреждение. Однако многие глаголы такого рода настолько укоренились в русском языке, что изъять их было бы невозможно. Приходится пользоваться ими».

Выбор определенного пути словообразовательного оформления заимствованных глаголов и связанного с ним способа введения их в видовую систему определялся многими факторами, внутренними и внешними. Конечно, здесь, как и в процессе освоения неизменяемых существительных, немаловажную роль сыграло то, что основные слои носителей русского литературного языка того времени, владевшие западноевропейскими языками, максимально старались сохранять внешний облик заимствуемых глаголов. Вместе с тем принятый способ словообразовательного оформления глаголов и возникшие в результате новые формы введения их в систему видов — с минимальным использованием аффиксальных средств — тесно связаны с наличием общих тенденций в грамматическом строе к аналитизму, к использованию наряду с аффиксами и других, аналитических, средств выражения видовых значений. Совокупность этих факторов привела к тому, что уже к началу XX в. отчетливо обозначились и упрочились, хотя и на лексически ограниченном материале, новые, более аналитические, элементы в плане выражения категории видов.

В советский период процесс развития двувидовости активизировался под воздействием социального фактора. Соответственные изменения социальной среды придали большую весомость много-

[47] См.: Л. С. Берг. Бережно относиться к русскому литературному языку. «Вестник ЛГУ», 1947, № 3, стр. 107—108.

численным явлениям, обозначавшимся двувидовыми глаголами. В дореволюционную эпоху число более или менее широко распространенных, выходящих за пределы специальных сфер речи двувидовых глаголов было чрезвычайно незначительным (например: *телеграфировать*, *атаковать*, *арендовать*, *гарантировать* и некоторые подобные). В годы же революции и в послереволюционное время довольно большое число актуальных явлений обозначалось глаголами этой словообразовательной модели, ставшими вследствие этого частотными; вот некоторые глаголы этого типа: *национализировать*, *экспроприировать*, *конфисковать*, *реквизировать*, *индустриализировать*, *организовать*, *реорганизовать*, *реконструировать*, *революционизировать*, *демократизировать*, *советизировать*, *большевизировать*, *делегировать*, *рационализировать*, *коллективизировать*, *машинизировать*, *электрифицировать*, *радиофицировать*. Эти и другие подобные глаголы чрезвычайно часто встречались в газетах и журналах, их часто употребляли в различных устных выступлениях, а под влиянием последних и в обиходном разговоре. Как известно, в послереволюционное время влияние публицистического и газетного жанров литературного языка на разговорную литературную речь в целом чрезвычайно расширилось, что, конечно также в большой мере способствовало увеличению сферы обращения перечисленных выше глаголов и именно в тех формах их видовременно́го употребления, которые уже закрепились за ними раньше в литературном языке (т. е. с сокращенным применением аффиксальных средств).

Вот некоторые иллюстрации употребления двувидовых глаголов в контексте различных жанров, более или менее близких к разговорно-литературному стилю: ...казалось, что кто-то явственно шепчет: «растем», «индустриализируемся» («Смехач», 1928, 9); Мы прекрасно понимаем, что никто из спекулянтов по твердой цене продавать не станет. Попрячут. Тогда мы произведем обыски и *реквизируем* у шкуродеров все товары (Н. Островский, Как закалялась сталь); Так кого же мы *делегируем* на юбилейное торжество минеральных вод? («Смехач», 1928); А свиней *реквизируем* за столовую шрапнель, каковую ты повинна кушать сама... (Гладков, Цемент); На юге банки *национализированы*: сведены воедино, без всякого замешательства (Серафимович, Юг и Север);... И ни малейшей попытки *коллективизировать* быт (Шагинян, Дневники 1917—1931, стр. 120); (Победоносиков): Я говорю, канцелярию он *рацианализировал*? Нет! (Маяковский, Баня).

Большая употребительность двувидовых глаголов привела к значительно возросшей продуктивности этой модели. Об этом убе-

дительно свидетельствует большое число новообразований данного типа, возникших в послереволюционные годы. В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова зафиксированы в качестве неологизмов советской эпохи следующие двувидовые глаголы: *активизировать(ся)*, *большевизировать(ся)*, *военизировать(ся)*, *дисквалифицировать(ся)*, *квалифицировать(ся)*, *звукофицировать*, *кинофицировать*, *коллективизировать(ся)*, *коренизировать*, *машинизировать*, *молнировать*, *озимизировать*, *оптировать(ся)*, *политехнизировать(ся)*, *радиофицировать(ся)*, *радировать*, *районировать*, *рационализировать(ся)*, *репатриировать(ся)*, *переквалифицировать(ся)*, *саботировать* (в значении: *устроить — устраивать саботаж*), *складировать*, *советизировать(ся)*, *теплофицировать*, *тракторизовать(ся)*-*украинизировать(ся)*, *фашизировать(ся)*, *фордизировать(ся)*, *хи*, *мизировать(ся)*, *экранизировать(ся)*, *яровизировать(ся)*. Относительный вес перечисленных 50 новообразований очень значителен: они составляют около половины всех глагольных неологизмов, отмеченных в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова. Не менее веским доказательством роста продуктивности рассматриваемой глагольной модели является то, что часть приведенных новообразований содержит не заимствованные, а исконно русские основы, ср. *большевизировать*, *военизировать*, *советизировать* и др. Особенно существенно возросла продуктивность образований с суффиксом-*фицирова-*: таковы *электрифицировать*, *газифицировать*, *кинофицировать* и др.

Продуктивность словообразовательной модели двувидовых глаголов сохраняет свою силу на протяжении всего советского периода, она отчетливо выступает и в наши дни. Ниже приводится ряд содержащихся в различных источниках новообразований, не зафиксированных ни в одном из современных словарей.

Комбайнировать: [Комбайнер Жилин] прямо сказал: — Тут один выход — раздельная уборка. Если сразу *комбайнировать*, то с Кураем не справишься, забьет молотилку («Изв.», 9 VIII 1956);

портретировать: Если есть в *портретируемом* пусть самая малая интересинка ... («Юность», 1963, 4);

профессионализироваться: ... т. е. не спешат особенно *профессионализироваться* как литераторы («Изв.», 7 V 1963);

склерозировать: Глаз очень *склерозирован* («Новый мир», 1962, 11);

героизировать: Он *героизировал* все подряд (Л. Леонов, Скутаревский);

локировать: Особенно интересно устроены у некоторых животных органы ориентации и локации. Бурые дельфины могут «локировать» сто рыб на расстоянии трех километров («Изв»., 2 II 1963);

катапультировать(ся): ... или *катапультируя* подопытных животных из кабины на специальных тележках подобно тому, как *катапультируются* пилоты из самолетов (сб. «Медицина». М., 1961);

атомизировать, *коммунизировать*: ... один английский лорд, как пишет в своей недавно вышедшей книге Джон Бернал, даже избрал специальную формулу на этот счет: «Лучше быть *атомизированным*, чем *коммунизированным*» (Из речи А. А. Громыко на XXI съезде КПСС);

вьетнамизироваться: Одна из французских газет писала на днях, что положение в Конго стало «вьетнамизироваться» («Лит. газ». 18 VIII 1964);

глинизировать: Глинистый раствор ... прочно *глинизирует* стенки скважины и предотвращает обвал их (из технической инструкции);

телевизировать: Последних наставлений шум: *Телевизируй* о прилете! «(Крокодил», 1958, 12).

Другие зафиксированные аналогичные новообразования: *вакционировать*, *вакуумировать*, *кинематографировать*, *агрегатировать*, *пластифицировать*, *федерализировать*, *десантировать*, *таблетировать*, *пикетировать* и др.

В настоящее время подобных новообразований встречается значительное число в разного рода источниках, больше всего, конечно, научно-публицистического и газетного жанра. Многие из них относятся к специальной лексике, некоторые представляют собой только окказиональные слова, но все они свидетельствуют о продуктивности той словообразовательной модели, которая создает определенные предпосылки для двувидовости. Вместе с тем данные предпосылки отнюдь не предрешают всего содержания и особенно исхода процесса грамматического развития этих новообразований, конкретной формы их вхождения в систему глагольных видов.

Конечно, наиболее естественным был бы обычный аффиксальный путь введения глагола в систему видов, и именно к этому сводится главным образом давление системы на каждое новообразование. Однако в различных группах этих новообразований, прежде всего в силу особенностей их реальной семантики, являющейся здесь фактором первостепенной важности, а также в силу упоминавшихся выше различий акцентно-морфологического облика процесс преодоления препятствий к образованию обычных аффиксальных корреляций складывается по-разному. В этом сложном и противоречивом процессе, развивающемся под перекрестным влиянием различных факторов, могут быть выделены два

круга явлений: а) протекающие в первых двух группах глаголов, т. е. содержащих суффиксы-*ова-*,- *изова-*, б) протекающие в остальных трех группах глаголов, т. е. содержащих суффиксы-*изирова-*, *ирова-*, *фицирова-*.

1. Первые две группы обладают как суффиксальными, так и префиксальными средствами образования видовых корреляций. Поэтому здесь давление аффиксальной парадигмы видов могло бы проявляться особенно сильно. Между тем присущая этим глаголам способность образовывать наиболее продуктивные в современном русском языке суффиксальные видовые корреляции реализуется только у некоторых из них. В словарях зафиксированы формы несовершенного вида с суффиксом-*ыва-* у следующих глаголов: *арестовать*, *ассигновать*, *атаковать*, *организовать*(*ся*), *реорганизоваться*. Однако эти формы встречаются и у глаголов *аттестовать*, *реализовать*. Ср.: «Там (в Ярославле) в день продают всего 10 тонн помидоров по цене 40 копеек, хотя город мог бы *реализовывать* гораздо больше» («Неделя», 16 VIII 1964).

Большинство же глаголов этих групп не образуют формы несовершенного вида с помощью суффикса-*ива*-(-*ыва*-). Это, вероятнее всего, объясняется тем, что лексическая семантика этих глаголов ближе к значению совершенного вида. Из двух элементов значения, которые конструируют семантику видов — длительность и результативность — в лексической семантике рассматриваемых глаголов преобладает результативность, а в тех немногих случаях, когда они должны выражать видовое значение длительности, они довольствуются теми возможностями, которые представляют для этой цели соответственные формы двувидовых глаголов.

Таким образом, в глаголах рассмотренных групп обнаруживается особый тип двувидовости. Формы прошедшего времени у них, как правило, только перфективны. Сложной формы будущего времени у большинства этих глаголов также не образуется. Не говорят: *буду конфисковать*, *буду арестовать*; *буду организовать* и т. д.

Нетрудно заметить, что данные глаголы по характеру своего отношения к видам очень близки к глаголам только совершенного вида (perfectiva tantum), типа *возненавидеть*, *застрелить*, *воспрянуть* и т. д. Однако в отличие от последних они могут выступать в форме настоящего времени.

Данная особенность, характерная для большинства глаголов с суффиксами-*ова*, -*изова*-, присуща и некоторому числу двувидовых глаголов с другими суффиксами. Сочетание значения перфективности в качестве доминирующего элемента семантики данного глагола со способностью выступать в форме настоящего времени

составляет принципиально новую черту, расширяющую видовые возможности глагольной лексемы.

В прошлом некоторые из глаголов рассматриваемых групп образовывали формы совершенного вида при помощи приставок. В словарях XIX в., частично и в современных словарях приводятся приставочные формы: *заадресовать*, *заарестовать*, *заарендовать*, *заатаковать*. Вполне естественно, что в силу названных особенностей лексической семантики этих глаголов в настоящее время приставочные образования для выражения значения совершенного вида не используются. В современном литературном языке подобные приставочные формы выполняют определенные стилистические функции, для стилизации под народно-разговорную речь, для характеристики персонажей. Ср.:— Нету денег ... не торговал ... — Мирон рот разинул: А мыши? — Полицейский *заарестовал* (Серафимович, Мышиное царство),— Я как выстрелю, раз, другой.— Больше, говорю, не попадайся, прямо *заарестую* (Караваева, Лесозавод); Ночью надо уезжать в Калинов, а то тут *замобилизуют* (М. Шолохов, Рассказы).

В некоторых случаях подобные приставочные образования сочетают со стилистической функцией и некоторые оттенки значений, относящихся к сфере подвидовых значений (так называемых Aktionsarten): «Это уже результат головокружения от успехов. Пильник надеется *заатаковать* противника и создает в своей позиции новые слабости» («Физкультура и спорт», М., 1958).

В современном языке только приставочные образования *запатентовать*, *отрапортовать*, *отсалютовать*, *охарактеризовать*, *наэлектризовать(ся)* могут рассматриваться как подлинно соотносительные формы совершенного вида (видовые корреляты) к соответственным бесприставочным глаголам (*патентовать*, *рапортовать* и др.). Надо, однако, иметь в виду, что у этих глаголов и бесприставочные формы могут выступать в качестве носителей значения совершенного вида. Ср.: На другой день утром капитан Струков *рапортовал* Ковалевскому, что в его батальоне много больных (Сергеев-Ценский, Лютая зима); Медленно спустился до половины флагштока кормовой флаг. Теплоход *салютовал* могиле маленького хлопчика (К. Паустовский, Рождение моря).

Особое место в рассматриваемых группах занимают глаголы *организовать* и *организоваться*. Эти два глагола обладают всеми существующими в языке средствами образования видовых корреляций: суффиксальными, префиксальными и безаффиксными: а) *организовать — организовывать*, б) *организовать — сорганизовать*, в) *организую* в значении то совершенного, то несовершенного вида. Вот соответственные иллюстрации в источниках разных жанров:

организовать в значении несовершенного вида: «В разные эпохи литература выполняла разные функции, но всегда литература была *организующим* началом» (А. Н. Толстой, Больше творческого дерзания);

организовать в значении совершенного вида:— Сама понимаешь, гость приехал. Ты уж *организуй* закуску (Чаковский, У нас уже утро);

организовывать: «Союзы молодежи *организовывали* клубы, кружки текущей политики, посылали тысячи людей на ликвидацию неграмотности среди населения» (Безыменский, Встречи комсомольцев с В. И. Лениным);

сорганизовать: «Пусть рабочий класс *сорганизует* производство, как сорганизовал он Красную Армию» (В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 488).

Аналогичным образом может быть иллюстрирована парадигматическая разветвленность вида, граничащая с избыточностью, глагола *организоваться* (в обоих видовых значениях) — *организовываться — сорганизоваться — сорганизовываться*. В сложном комплексе причин, обусловивших максимальные возможности образования видовых корреляций у глаголов *организовать — организоваться*, наибольшее значение, надо полагать, имеет выдающаяся актуальность обозначаемых этими глаголами явлений resp. понятий в общественной жизни революционной эпохи. Частое употребление этих слов с разными оттенками и в разных контекстах породило разнообразие их видовых форм.

Вся совокупность явлений, составляющих содержание процесса развития в современном языке двувидовых глаголов со словообразовательными суффиксами-*ова-*, *-изова-*, обнаруживая существенные сдвиги, вызванные давлением аффиксальной структуры видов на эти глаголы, отчетливо показывает вместе с тем, что у большинства глаголов этих групп двувидовость занимает важное место в системе средств, используемых для выражения видовых значений.

2. Глаголы с суффиксами-*изирова-*, *ирова-*, *-фицирова-*, составляющие подавляющее большинство двувидовых глаголов (около 85% их общего числа), не обладают в силу рассматривающихся выше причин способностью образовывать суффиксальные корреляции. Их развитие в направлении обычных аффиксальных корреляций осуществляется лишь путем префиксации. Конкретная реализация этого процесса сводится к следующему: непроизводная (бесприставочная) форма первоначально двувидового глагола, утратив значение совершенного вида, выступает в качестве носителя одного только значения несовершенного вида, а в качестве

соотносительной формы (коррелята) со значением совершенного вида выступает вновь возникшее образование с приставкой. Так, на базе первоначально двувидового глагола *стенографировать* возникла корреляция *стенографировать — застенографировать*[48].

Путь развития, пройденный некоторыми двувидовыми глаголами, получил свое отражение в различиях соответственных помет в словарях, вышедших в советский период: в толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, с одной стороны, и в академических четырех- и семнадцатитомном словарях — с другой [49]. Так, глагол *конструировать* в СУ характеризуется как двувидовой с дополнительным указанием, что параллельной формой совершенного вида является также *сконструировать*, в СА17 при этом глаголе дана помета «несов. и (устар.) сов.», в СА4 — помета «несов.». Глагол *стенографировать* в СУ охарактеризован как двувидовой, в СА4 при нем дана помета «несов. и (устар.) сов.», а в СА17 он отнесен к глаголам несовершенного вида. Аналогичная эволюция двувидовых глаголов с теми или иными частными модификациями прослеживается и у глаголов *регулировать*, *регистрировать* и некот. др. В качестве форм совершенного вида, параллельных или основных, выступают образования с приставками *у-*, *за-*. Показательны в этом отношении и следующие факты: глаголы *инструктировать(ся)*, *информировать*, *иллюстрировать*, *дезертировать* как в СУ, так и в академических словарях охарактеризованы как двувидовые, однако в академических словарях содержатся еще дополнительно (в виде отдельных словарных статей) приставочные образования *проинструктировать(ся)*, *проинформировать*, *проиллюстрировать*, *сдезертировать* [50], которые в СУ не зафиксированы вовсе. Хотя эти префиксальные образования в академических словарях не определяются как корреляты совершенного вида к соответственным бесприставочным формам, сопоставление приводимых в словарях в качестве видовых корреляций *демонстрировать — продемонстрировать*, *брошюровать — сброшюровать* с приведенными выше *инструктировать — проинструктировать*, *дезертировать — сдезертировать* отчетливо выявляет идентичность соотношений членов тех и других пар. Дополнительное подтверждение этому дает сравнительный анализ

[48] О процессе трансформации отдельных глагольных приставок в «чисто видовые» префиксы («Les préverbes vides») см.: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 533—537.

[49] В дальнейшем словарь под ред. Д. Н. Ушакова будет условно обозначаться СУ, а академические словари соответственно — СА4 и Са17.

[50] Последнее образование приведено только в СА17.

всего объема семантики (лексической и грамматической) приставочных образований и бесприставочных форм в приводимых контекстах.

Лубенцов думал: надо еще поговорить с разведчиками, *проинструктировать* Оганесяна насчет допроса местных жителей (Казакевич, Весна на Одере); — Я забежал пожать всем руку и *проинформировать* о тех делах, которые оставлю, так сказать, на ходу (Караваева, Огни); Необходимо было ... подчеркнуть роль ученых в Советской стране и *проиллюстрировать* примерами, как всякий приходит к социализму через данные своей науки (Леонов, Скутаревский); — Соскучилась я по спокойной работе.— По спокойной работе? сощурила глаза Марья.— *Сдезертировать*, стало быть, надумала (Медынский, Марья).

Конечно, префиксальные видовые корреляции не могут быть отождествлены с суффиксальными. Между ними имеется ряд существенных различий: 1. Префиксальные корреляции ряда многозначных глаголов не характеризуются столь четкой соотносительностью значений различных видовых форм при лексическом тождестве, которая присуща суффиксальным корреляциям. 2. В префиксальных корреляциях нет в ряде случаев полной абстрагированности от деривационных (словообразовательных) оттенков, характерной для суффиксальных корреляций. 3. В то время как суффиксальные корреляции образуются минимальным количеством внешних показателей (десигнаторов), префиксальные характеризуются большим разнообразием средств своего выражения, так как в качестве средств видового различения используются многие приставки [51]. Однако значение этих различий отнюдь не следует переоценивать, как это делают некоторые авторы, которые ставят в один ряд корреляции, образуемые с помощью чисто видовых приставок типа *делать — сделать*, *формировать — сформировать* с деривационными (словообразовательными) корреляциями типа *петь — запеть*, *мобилизовать — отмобилизовать*. Эти авторы считают, что обе разновидности префиксальных корреляций в одинаковой мере относятся к деривационной сфере способов глагольного действия. Важная черта сходства обоих типов видовых корреляций заключается в том, что и в префиксальных корреляциях выступает, хотя и не с такой степенью полноты, как в суффиксальных, лексическое тождество противопоставленных видовых форм глагола. Именно эта черта объединяет в качестве грамматикализованных суффиксальные и префик-

[51] Подробное раскрытие этих пунктов дано в разделе «О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в современном русском языке».

сальные *видовые* корреляции, принципиально отделяя их от деривационных и деривационно-лексических корреляций. Ср., с одной стороны, *организовать — организовывать*, *информировать — проинформировать* и, с другой стороны, *протестовать — запротестовать и баллотировать — забаллотировать*.

В целом под влиянием аффиксальных средств выражения видов в рассматриваемых трех группах двувидовых глаголов происходят двоякого рода сдвиги: 1. Вместо двувидового глагола возникает префиксальная видовая корреляция. Так, первоначально двувидовой глагол *конструировать* заменен префиксальной корреляцией: *конструировать* (несов. вид) — *сконструировать* (сов. вид). 2. При глаголе, сохраняющем свою двувидовость, возникает приставочное образование, которое выступает в качестве параллельной — наряду с бесприставочным образованием — формы совершенного вида. Так, при *рецензировать* в значении совершенного вида возникает *прорецензировать* в качестве параллельной формы с тем же видовым значением.

Наряду с этим комплексом явлений, свидетельствующих о сложных процессах развития многих двувидовых глаголов рассматриваемых групп по направлению к аффиксальным видовым корреляциям, в них имеется также большое число глаголов, не обнаруживающих никаких признаков — ни реальных, ни потенциальных — утраты двувидовости. Вот довольно длинный, но далеко не исчерпывающий перечень этих глаголов, большая часть которых относится к группе вполне освоенных и довольно широко распространенных слов русской литературной лексики.

Абонировать, авансировать, автоматизировать, акклиматизировать(ся), активизировать(ся), американизировать(ся), амнистировать, амортизировать(ся), анатомировать, англизировать, аннексировать, анонсировать, аннулировать, апеллировать, ассимилировать(ся), большевизировать(ся), бюрократизировать(ся), витаминизировать(ся), военизировать(ся), вульгаризировать, газифицировать, гарантировать, госпитализировать(ся), датировать, дезертировать, дезинфицировать, декларировать, деколонизировать, декретировать, делегировать, демаскировать(ся), демилитаризировать(ся), демобилизовать, деморализовать, денационализировать, детализировать, деформировать, децентрализовать, дисквалифицировать(ся), дискредитировать, дисциплинировать, европеизировать(ся), изолировать(ся), иммигрировать, импортировать, индустриализировать, инкубировать, инсценировать, интервьюировать, интернационализировать, интернировать, канализировать, капитулировать, кастрировать, квалифицировать(ся), коллективизировать(ся), колонизировать, компенсиро-

вать, *конвейеризировать(ся)*, *кооперировать(ся)*, *ликвидировать*, *локализировать*, *машинизировать*, *механизировать*, *милитаризировать*, *модернизировать*, *монополизировать*, *национализировать*, *нокаутировать*, *озимизировать*, *оккупировать*, *оперировать(ся)*, *переквалифицировать(ся)*, *переориентировать(ся)*, *политехнизировать(ся)*, *популяризировать*, *премировать*, *протезировать*, *радиофицировать*, *радировать*, *рационализировать*, *реабилитировать(ся)*, *реваншировать*, *революционизировать(ся)*, *рекламировать*, *реконструировать*, *репрессировать(ся)*, *реставрировать*, *реформировать(ся)*, *реэвакуировать(ся)*, *реэмигрировать*, *санкционировать*, *систематизировать(ся)*, *советизировать(ся)*, *социализировать*, *специализировать(ся)*, *стабилизировать(ся)*, *стандартизировать(ся)*, *субсидировать*, *схематизировать*, *тарифицировать*, *территоризировать*, *торпедировать*, *транспортировать*, *узурпировать*, *утилизировать*, *фашизировать(ся)*, *финансировать*, *финишировать*, *химизировать*, *эвакуировать(ся)*, *экипировать(ся)*, *экспортировать*, *экспроприировать*, *электрифицировать(ся)*, *эмансипировать(ся)*, *эшелонировать(ся)*.

Суммарный обзор процессов, составляющих содержание современной эволюции всех групп двувидовых глаголов, приводит к заключению, что двувидовость представляет собой хотя и лексически ограниченный, но немаловажный компонент категории видов в русском языке. При этом совершенно очевидно, что двувидовость отнюдь не исключает соответствующие глаголы из сферы категории видов, а только определенным образом модифицирует план ее выражения, расширяя круг аналитических средств и соответственным образом сокращая ее аффиксальные средства. Двувидовость как форма выражения категории видов в наибольшей мере подходит для той группы глаголов, в семантической структуре которых нет явного преобладания одного из двух значений, составляющих в своей противопоставленности семантику видовой категории: длительности и результативности; сюда относятся такие глаголы, как *электрифицировать*, *механизировать*, *советизировать* и подобные. Реальное значение этих глаголов в одинаковой мере может сочетаться и с тем и с другим значением, и только в зависимости от временны́х или модальных форм, а также общих контекстных условий одно из них становится единственным в данной коммуникации. Большой интерес в этом отношении представляет тот факт, что даже в родственных языках глаголы одинаковой лексической семантики по-разному распределяются среди тех групп, на которые подразделяется вся видовая структура: а) глаголы, образующие аффиксальные видовые корреляции, б) одновидовые глаголы (perfectiva tantum и imperfectiva

tantum) и в) двувидовые глаголы. Так, хотя в русском языке двувидовость значительно более развита по сравнению с чешским, глаголы improvisovati и formulovati в чешском языке являются двувидовыми, а русские глаголы *импровизировать*, *формулировать* — это глаголы несовершенного вида; с другой стороны, глагол *аргументировать* в русском языке двувидовой, а в чешском образуется префиксальная корреляция: *argumentovati — zargumentovati*. По-видимому, каждый язык имеет свою «шкалу измерений», в соответствии с которой и происходит распределение глаголов по указанным группам. Это один из ярких случаев проявления видовой асимметричности разных славянских языков.

При характеристике двувидовых глаголов с точки зрения связей развития языка с развитием общества следует особо обратить внимание на то, что эти глаголы принадлежат к интернациональной лексике, возникновение которой в значительной мере предопределено особенностями современной эпохи. Характерно, что именно в советский период резко возросла продуктивность модели с суффиксом-*фицирова-*, который В. В. Виноградов назвал интернациональным (*интенсифицировать* и т. п.) [52]. Выстраиваются ряды глаголов в разных языках с отчетливо выступающей интернациональной структурой, ср.: *электрифицировать* — нем. *elektrifizieren* — франц. *électrifier* — англ. *electrify*; *идентифицировать — identifizieren — identifier — identify*; *классифицировать — klassifizieren — classifier — classify*; *модифицировать — modifizieren — modifier — modify* и т. д. Отчетливо выступает интернациональный характер структуры и у глаголов с суффиксом *-ирова-*, ср.: *аргументировать — argumentieren — argumenter — argue*; *рекламировать — reklamieren — reclamer — reclame* и др.

Для сохранения интернационального характера структуры глаголов отнюдь не безразличны пути их видового оформления. Очевидно, что присоединение к глаголу приставки отводит его в сторону от интернациональной лексики. Конечно, при нормативной оценке параллельно выступающих вариантов — приставочного и бесприставочного — образования видовой корреляции это должно служить только одним из принимаемых во внимание обстоятельств, но нельзя не учитывать его вовсе.

Таким образом, современная эволюция всех групп двувидовых глаголов приводит к тому, что двувидовость становится существенной, хотя и лексически ограниченной формой проявления категории видов в русском языке. С этой точки зрения необходимо кри-

[52] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 131.

тически оценить некоторые суждения на эту тему, высказанные в лингвистической литературе. С. О. Карцевский, касаясь вопроса о двувидовых глаголах, указывал: «Подобное двойное видовое значение находится в вопиющем противоречии с духом русского языка, который требует, чтобы каждый глагол имел только одно видовое значение». И несколько далее: «... народный язык, поскольку он употребляет подобные глаголы, немедленно их руссифицирует и создает перфективные префиксальные *заангажеваться*, *заарестовать*, *заатаковать* и соответствующие имперфективные *заарестовывать* или *арестовывать*, *организовывать* и т. п. [53]

Анализированные выше факты отчетливо показывают, что приведенные суждения С. О. Карцевского нуждаются в значительных коррективах. В самом деле, явление, вопиющим образом противоречащее духу языка (по мнению С. О. Карцевского, грамматический строй составляет «дух языка»), не могло бы в течение столетий в нем развиваться, обнаруживая в своей эволюции не только тенденции сужения, но и тенденции расширения.

Такой характер эволюции присущ тем грамматическим явлениям, которые стали уже в той или иной степени органическим элементом языковой системы, ее грамматического строя. Нет сомнения, что аффиксальный аппарат является основной и ведущей формой плана выражения категории видов. Вместе с тем, двувидовость выступает как порожденная категорией вида своеобразная ее модификация, вызванная необходимостью включения в систему видов большой группы глаголов со специфической структурой основ и специфической семантикой. Двувидовые глаголы, несмотря на все свои особенности, представляют собой подсистему, подчиненную основным закономерностям развития системы видов во всем ее объеме.

Процесс возникновения и эволюции двувидовых глаголов, приведший к современному их состоянию, содержит много поучительного с точки зрения взаимодействия внутренних и внешних факторов развития языка. Существовавшая уже в древности небольшая группа глаголов с ограниченным числом аффиксальных показателей (типа *родить*, *обещать*) представляла собой в течение веков непродуктивную модель выражения видовой категории. Эта непродуктивность была предопределена неограниченно господствовавшими в грамматическом строе тенденциями синтетизма.

В новое время условия развития существенно изменились. Значительный рост экономических и культурных связей с западноев-

[53] См.: С. О. Карцевский. Язык, война и революция. Берлин, 1923, стр. 56.

ропейскими народами, явственно обнаружившийся с начала XVIII в., привел к проникновению значительной струи глагольной лексики, в процессе видового освоения которой возник ряд новых явлений. Специфика семантики и особенно строения основ новых глаголов, а также усилившиеся в то время тенденции аналитизма создали предпосылки для относительной продуктивности двувидовых глаголов как новой модели видового оформления части новых глаголов. Ряд общественных явлений, возникших после Великой Октябрьской революции, новые условия развития языка создали немаловажный стимул для роста продуктивности новой модели.

Категория наклонения

СИСТЕМА КАТЕГОРИЙ НАКЛОНЕНИЯ

Повелительное наклонение является составной частью системы наклонений; поэтому анализу повелительного наклонения необходимо предпослать некоторые теоретические положения о значении категорий наклонения и о характере взаимоотношений отдельных составных частей внутри всей системы наклонений в целом.

Категория наклонения отличается наибольшей универсальностью среди всех категорий, формирующих предикативные свойства глагола.

У отдельных форм глагола, выступающих в предикативной роли, как, например, в предложениях: *жизнь прожить — не поле перейти*; *волков бояться — в лес не ходить*; *он — бежать*; *быть бычку на веревочке* и т. п., мы не находим категорий времени и лица, но категория наклонения им присуща.

Будучи отчетливо выступающей формообразовательной категорией и укладываясь полностью в рамки одной только области модально-реляционных отношений, наклонения вместе с тем представляют собой весьма сложную по своей структуре грамматическую категорию. Это обусловлено тем, что в повелительном наклонении, представляющем собой составную часть системы наклонений, получают свое выражение не только элементы мысли, но и разнообразные проявления воли. Нельзя считать адекватно отражающим реальные факты языка мнение О. Есперсена, противопоставляющего в своей The Philosophy of Grammar повелительное наклонение как «наклонение воли» («will mood») сослагательному как «наклонению мысли» («thought mood»). В повелительном наклонении, поскольку оно является языковой катего-

рией, также выступает единство языка и мышления, и в этом смысле его, как и другие наклонения, надо относить к «наклонениям мысли».

Вместе с тем углубленное изучение существа форм повелительного наклонения требует подробного выяснения всех особенностей, обусловленных их отношением к области воли. Язык связан со всеми областями человеческой деятельности; в нем получают выражение все сферы человеческой психики. Вполне естественно, что средства и формы языка, с помощью которых выражается столь своеобразная сфера человеческой психики, как волевые процессы, характеризуются рядом особенностей. Именно этим и определяется наличие довольно разветвленной языковой категории повелительности (императивности), проявляющейся довольно разнообразно: посредством различных типов повелительных предложений, повелительных вводных словосочетаний, повелительно-модальных слов и частиц, междометий повелительного характера и др. Нет, однако, сомнения в том, что наиболее важным средством выражения этой категории являются формы повелительного наклонения глагола. Специфика этих глагольных форм заключается в том, что они, наряду с интеллектуальными элементами, содержат также элементы волевых движений и аффектов. В. В. Виноградов дал следующую характеристику повелительного наклонения: «Кроме особенностей морфологического строя, повелительное наклонение отличается экспрессивностью, аффективностью своих грамматических значений. В категории повелительного наклонения экспрессивные смысловые оттенки господствуют над отвлеченными, интеллектуальными значениями форм» [1]. Конечно, не во всех случаях экспрессивные элементы в категории повелительного наклонения господствуют над отвлеченными, однако не подлежит сомнению, что эти элементы играют существенную роль в значениях форм повелительного наклонения. Именно этим ведь определяется столь важное значение интонации в образовании повелительных форм. Этим, надо полагать, объясняются также наблюдающиеся случаи нарушения общих норм грамматической организации слов и, в частности, нарушение правил согласования в предложениях, содержащих глаголы в императивной форме. В лингвистической литературе указанные особенности повелительного наклонения освещены в совершенно недостаточной мере. Между тем эти факты имеют первостепенное значение для понимания всей системы наклонений в целом. Нетрудно заметить,

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., 1947, стр. 596.

что в системе глагольных наклонений содержатся, по существу, два отдельных, хотя и во многом соприкасающихся и перекрещивающихся ряда соотношений. С одной стороны, повелительные формы, выражающие волевые движения, противопоставляются всем остальным неповелительным формам наклонения. Это одна область корреляций, отличающаяся рядом специфических особенностей. С другой стороны, изъявительные (индикативные) формы глагола, как формы реального действия противопоставляются всем остальным формам наклонения, как формам ирреального действия. В научной литературе только второй ряд корреляций подвергнут всестороннему анализу. Надо считать весьма актуальным изучение и первого ряда корреляций; восполнение этого пробела является важным условием всестороннего освещения системы наклонений русского глагола в целом и специфики повелительного наклонения в частности.

О ЗНАЧЕНИЯХ ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Формы повелительного наклонения выражают сопровождаемое волевым движением значение побуждения к совершению действия (процесса). Как и всякая другая грамматическая категория, значение побуждения — это обобщенное, абстрагированное от конкретного содержания слова грамматическое значение.

Своеобразие значения формы повелительного наклонения кладет свой отпечаток на структуру предложения, в состав которой данная форма входит.

— Идти-то можешь? *Скажи, можешь*? — срывавшимся на плач голосом спрашивал Ковалев жену, которая, держась рукой за сердце, хватала ртом воздух, как рыба.

— *Оставь, оставь* нас ... беги ... они убьют тебя ... — лепетала она, задыхаясь.

— Да что, что случилось? — спросил Ваня.

— Немцы! — сказал Ковалев.

— *Беги, беги, оставь* нас! — повторяла Клавина мама.

Ковалев, брызнув слезами, схватил Ваню за руку.

— Ваня! — сказал он плача.— *Спаси* их, *не бросай* их. Будете живы — в Нижнюю Александровку ... (А. Фадеев).

Во всех приведенных повелительных предложениях отсутствие подлежащего является языковой нормой. Это полные односоставные предложения. Спецификой структуры повелительного предложения обусловлено то, что подлежащее, являющееся обычно в двухсоставных повествовательных предложениях источником ак-

тивного действия, в данном случае представляет собой только потенциального исполнителя действия, выраженного сказуемым повелительного предложения. Вполне естественно, что на первом плане грамматического сознания выступает здесь сказуемое, которое полностью оттесняет подлежащее.

С. Карцевский, анализируя роль подлежащего в повелительном предложении, указывал: «Говорящее лицо находится на первом плане и, так сказать, затмевает исполнителя действия (l'exècuteur de l'acte[2])». Представляется, что речь здесь должна идти не только о соотношении подлежащего с говорящим лицом, но и о соотношении подлежащего со сказуемым. На самом деле, в центре повелительного предложения не подлежащее и не говорящее лицо (квалифицируемое С. Карцевским как вдохновитель, или инициатор, действия), а сказуемое, содержащее волеизъявление, грамматически оформленное в виде обобщенного значения побуждения к совершению действия. Именно эти особенности форм повелительного наклонения в свое время побудили Некрасова писать: «Русский язык выразил в этой форме (идет речь о форме повелительного наклонения.— *И. М.*) самостоятельную личность глагола, как действия» [3]. В формах повелительного наклонения составляют сложное и противоречивое единство волевые движения и элементы организованной грамматической структуры языка. Вполне естественно, что значительное усиление первых может привести к некоторым фактам нарушения грамматической организованности языка, что проявляется, в частности, в уже упомянутых выше отступлениях от обычных правил согласования сказуемого с тем словом, к которому оно относится.

Морфологические средства выражения категории повелительного наклонения весьма ограниченны: сюда относятся аффикс- *и*, присоединяемый к основе настоящего времени (*лежи*, *сиди*) или же нулевая форма при той же основе (*играй*, *рисуй*, *сядь*). Вместе с тем категория наклонения, обладая крайне ограниченным морфологическим механизмом, отличается сложной гаммой разнообразных оттенков и разновидностей своего проявления. Это полностью соответствует общему характеру грамматического строя русского языка. Ведь флективность грамматического строя русского языка характеризуется не только тем, что один аффикс является одновременно носителем множества различных категориальных значений, но и тем, что один и тот же аффикс в различном лекси-

[2] S. Karzevski. Systéme du verbe russe. Prague, 1927, стр. 137.
[3] Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола. СПб., 1865, стр. 109.

ко-грамматическом и фразеологическом окружении выступает в качестве выразителя различных — то более сближающихся, то более отдаляющихся друг от друга — разновидностей одного и того же категориального значения. Взаимоотношения внешнего и внутреннего, выражающего и выражаемого в сфере повелительного наклонения выступают очень сложно, подчас весьма опосредствованным образом. В ряде случаев различные оттенки значения повелительного наклонения выражаются только одними нюансами интонации; срвн. различия в интонировании слова *скажи* для выражения просьбы, мольбы. приказания и т. д. Более существенные различия в смысловом значении повелительного наклонения выражаются разнообразными изменениями в синтаксическом окружении глагола или же предложения, в состав которого данный глагол входит.

Одна из характерных особенностей повелительного наклонения заключается в том, что формы этого наклонения часто выражают модальные значения, стоящие на грани между повелительным и другими наклонениями. Собственно императивные формы (мы сюда не включаем таких случаев, как *пойдем*, *идемте*, *пусть* он *сделает* и подобные, требующие отдельного освещения) в соответствии с различными способами проявления в них категориального значения данного наклонения могут быть подразделены на три группы: 1) синтаксически не связанные формы, выражающие значение повелительного наклонения в «чистом», немодифицированном виде; 2) синтаксически связанные формы, выражающие те или иные видоизменения значения повелительного наклонения, вмещающиеся в рамки данной категории; 3) синтаксически связанные формы, выражающие модальные значения, сочетающие элементы повелительного и других наклонений.

Обобщенным значением всех синтаксически не связанных форм повелительного наклонения является побуждение к совершению действия (процесса). Это обобщенное значение, в зависимости от характера волевого движения, выражаемого повелительной формой, в каждом отдельном случае приобретает различные оттенки простого побуждения, просьбы, приказания, мольбы и т. п. Все эти оттенки выражаются соответственными изменениями интонации.

А. М. Пешковский («Русский синтаксис в научном освещении») устанавливает следующие восемь оттенков значения форм повелительного наклонения: простое побуждение, просьба, мольба, позволение, увещание, предостережение, приказание, шутливое или ироническое побуждение. В процессе изучения материала, сверх указанных А. М. Пешковским оттенков, отчетливым обра-

зом выделились еще следующие четыре оттенка: наказ, команда, запрещение, пожелание.

Ниже приводятся иллюстрации ко всем двенадцати разновидностям обобщенного значения побуждения, присущего синтаксически несвязанным формам повелительного наклонения.

а) Простое побуждение: *Скажи*, ворон-птица, отчего живешь ты на свете триста лет, а я всего-на-всего только тридцать три года? (Пушкин);
Сами *посудите*, Антон Иванович, один сын, и тот с глаз долой: умру — некому и похоронить (Гончаров).

б) Просьба: Не спится, няня: здесь так душно;
Открой окно, да *сядь* ко мне! (Пушкин).

в) Мольба: *Вставай*, *сплесни*, ненаглядный, руками,
Сокольим глазком *посмотри*! (Некрасов).

г) Увещание:
Попроси, мой друг! Ведь, ежели отцу и лишний раз поклониться, так, ведь, голова не отвалится; отец он. Ну, и он со своей стороны увидит... *сделай-ко* это! право! (Салтыков-Щедрин).

д) Позволение: Ну мой друг, бог с тобой! *поезжай*, уж если тебя так тянет отсюда! Я не удерживаю (Гончаров).

е) Предостережение: Няня кричит: «*Не убейся*, родная!». Саша, салазки свои погоняя, весело мчится (Некрасов).

ж) Приказание: Полно врать,— прервал я строго,— *подавай* сюда деньги или я тебя взашей прогоню (Пушкин); Вперед вам говорю, беспременно *сыщите* (Островский).

з) Шутливое или ироническое побуждение: *Кричи* еще шибче, чтобы соседи услыхали, коли стыда в тебе нет (Островский).

и) Наказ: Нам критика из года в год нужна, *запомните*, как человеку — кислород, как чистый воздух — комнате (Маяковский).

к) Команда: *Слушай* мою команду! Постройся! (Фадеев); *Шагай* круче, *Целься* лучше! (Маяковский).

л) Пожелание: *Крепни*, Союз трудовых народов, *Ширься*, *цвети* и *расти*!— *Крепни* и *славься*! — говорит народ своей Советской Армии в канун ее славного юбилея (Вершигора).

м) Запрещение: По шкурке, так и быть, возьмите: А больше их *не троньте* волоском (Крылов); — На замужних жен *не зарься*, спешила она досказать,— это великий грех! (Гончаров).

Разнообразные видоизменения значения повелительного наклонения возникают в ряде случаев: а) когда при глаголе в форме повелительного наклонения употребляется слово *ты*, выступающее в самых разнообразных функциях; б) когда повелитель-

ные формы имеют обобщенно-личное значение; в) когда при форме повелительного наклонения выступают личные местоимения *я*, *он* или же какое-либо существительное; г) когда предложение, содержащее глагол в повелительной форме, агглютинирует в себе синтаксические условия прямой и косвенной речи.

Некоторые из формируемых данными синтаксическими фактами видоизменений вмещаются в рамки категории повелительного наклонения, другие представляют собой модальные значения переходного типа. Здесь анализируются видоизменения первой группы. Наибольшая часть изученного числа повелительных форм не имеет при себе местоимения *ты* (или во множественном числе: *вы*). Это и надо считать нормой. Но встречается и немалое число форм, которые употребляются со словом *ты*. На основе ряда подсчетов можно полагать, что такие случаи составляют около 20% общего числа форм повелительного наклонения. При этом местоимение может стоять рядом с повелительной формой или же отделяется от нее; другими словами, может находиться препозитивно по отношению к ней или постпозитивно: И они словно говорили всем видом своим, отец и мать: «Да *ты вглядись* в нас, *ты вглядись*, *вглядись* в нас, кто мы, какие мы! (Фадеев); — Да *вы не беспокойтесь*! Не надо! А впрочем, можно и позавтракать (М. Шолохов);— Нет, *ты* только *посмотри*, Валя, что это за чудо! Прелесть! Точно изваяние... (Фадеев); *Приезжай* ты к нам, соколик мой ясный ... (Пушкин); — *Скажи ты* ему, Яша ... Христа ради, *скажи ты* ему — отец мой! ... (Горький); Он стал одеваться, говоря: «Я на минуту ... выйду ... *Ставь* самовар *ты*» [4] (Горький).

Как показывает приведенный материал, местоимение *ты* при повелительной форме выступает в разнообразных функциях. Оно может употребляться для постановки логического ударения на названии действующего лица и противопоставления его говорящему лицу. В этой функции местоимение может выступать в одинаковой мере и препозитивно и постпозитивно. Ср. с последним примером: Я иду на работу, а *ты* пока *отдохни*.

Значительно чаще слово *ты* выступает в иных функциях: для усиления или смягчения повеления. Шахматов считал, что постпозитивное употребление местоимения вносит в приказание оттенок смягчения, а препозитивное употребление (если только нет специального оттенка пожелания или заклинания) усиливает категоричность приказания. Эти положения Шахматовым иллюстрируются следующими фактами: Не *сокрушай ты* меня, старуху (Тур-

[4] Случаи последнего типа крайне редки.

генев); *Помилуйте вы* меня, ведь это невозможно! (Лесков) и, с другой стороны: *Ты* у меня *пикни* только (А. Н. Островский).

Изучение значительного материала приводит к выводу, что данные положения подтверждаются во многих случаях. однако далеко не всегда. Так, оттенки смягчения мы находим и при препозитивном употреблении местоимения, например: *Ты приляг* тут, Яшутка, пока до чаю ... а там мы тебя разбудим (Горький). Ср. также приведенный выше пример из Шолохова.

Вполне естественно, что устанавливаемые правила употребления повелительных конструкций обладают только относительной устойчивостью и общеобязательностью. Волевой спецификой императива объясняются всевозможные отступления от данных правил.

Случаи нарушения согласования форм повелительного наклонения со стоящим при нем местоимением или обращением, обозначающим действующее лицо, могут быть объяснены только при учете специфики повелительного наклонения: Смотрите же,— кричит один осел: не унывай! Я затяну, а *вы* не *отставай* (Крылов); *Прощай*, хозяйские *горшки* (Крылов); Нечего делать, *ломай* дверь, *ребята*! (Чернышевский); *Пожарные*, *лей*! (Чехов); — *Слушай*, *бабы*! С завтрашнего дня вам будут строить печи и покроют ваши бараки тесом. *Слышали*? (Куприн).

Особенности существа императива выступают очень ярко. Во всех случаях волевой, аффективный элемент весьма значителен. Поэтому здесь не режет уха нарушение элементарных норм «поведения», строго обязательных для глагольных форм в изъявительном наклонении. Ср., какой грамматической несуразностью представляются такие сочетания, как «вы читаешь книгу» или «пожарные льет воду». Наибольшая степень волевой экспрессивности выступает в первом примере, где резко контрастируют форма единственного числа глагола и форма множественного числа местоимения, а также в последнем примере, где столь же резко контрастируют формы числа у глаголов в повелительном и изъявительном наклонениях: *слушай*! *слышали*?

Некоторые модификации модального значения встречаются у повелительных форм с обобщенно-личным значением в специальных синтаксико-стилистических условиях. Здесь надо четко отличать случаи следующих трех типов: 1) — Ах, убег! *Лови*, *лови* его! — выскочив из коморки, кричала хозяйка (Слепцов); 2) Не в свои сани *не садись*; Куй железо, пока горячо! 3) Безумец я. Чего ж я испугался? На призрак сей *подуй* — и нет его (Пушкин).

В случаях первого типа мы обнаруживаем такое же непосредственно выраженное волевое движение, как, скажем, в выражении:

Иван, *лови*, *лови* его. Разница, очевидно, только в том, что здесь имеется в виду не отдельное, а любое лицо. Следовательно, данные формы характеризуются дополнительными оттенками личного, а отнюдь не модального значения.

Иначе обстоит дело в случаях второго типа. Анализируя их в отношении других глагольных категорий, обнаруживаем здесь, кроме отмеченных особенностей, относящихся к категории лица, также и некоторые другие особенности, относящиеся к категории времени. Есть основание сказать, что данная повелительная форма относится к предыдущей так же, как форма «расширенного» настоящего времени к форме настоящего времени в узком смысле слова. Ведь эта форма побуждает к совершению действия (процесса) не в момент речи или не только в момент речи, но вообще, всегда [5]. Наличием этих тесно сочетающихся одна с другой особенностей лица и времени в разбираемых формах обусловлены некоторые сдвиги и в их модальном значении. Эти формы, наряду с отчетливо выступающим в них значением побуждения, содержат также оттенок значения долженствования. Данные факты убедительно подтверждают взаимосвязанность и взаимодействие различных глагольных категорий.

Случаи третьего типа отличаются от случаев второго типа еще бóльшими сдвигами в модальном значении. Здесь степень перевода побуждения из сферы воли в сферу мысли больше, чем в предыдущих случаях. Это объясняется тем, что данная обобщенно-личная повелительная конструкция введена в рамки интеллектуального, логически расчлененного контекста. В результате на непосредственно выступающее побудительное значение здесь как бы наслаивается другое значение: «на призрак сей *надо* и *стоит* только подуть». Разбираемые синтаксические условия употребления повелительной формы создают некоторую ее синкретичность: наряду с преобладающими в ней элементами повелительности, в ней отчетливо проглядывают другие модальные элементы долженствования и условия. Эта синкретичность модального значения выступает во всех случаях агглютинации (в определенных стилистических целях автора) в одном синтаксическом плане повелительных и неповелительных конструкций: И я бы, признаюсь, больше бы ничего не требовал, как только *оказывай* мне преданность и уважение, уваженье и преданность (Гоголь); Пальца ей в рот не *клади* — она этого не любит (Тургенев); Ну, я допускаю, *руби* леса из нужды, но зачем истреблять их? (Чехов).

[5] Как видим, формы повелительного наклонения в контексте пословиц и поговорок не лишены некоторых оттенков категории времени.

Несмотря на отчетливо выступающие в приведенных формах сдвиги модального значения, они все же сохраняют характерные для данного наклонения элементы значения, поэтому нет объективного основания выносить повелительные формы в данных синтаксических условиях за рамки категории повелительного наклонения.

В некоторых случаях при формах повелительного наклонения встречаются местоимения третьего или первого лица; вместо местоимений третьего лица могут быть и существительные. Среди последних особую группу составляют случаи, где императив соотнесен со словами *бог*, *господь*, *черт* и т. д.: Вези ее куда хочешь, и *дай* вам *бог* любовь и совет! (Пушкин); Дитя мое, ты не здорова; *Господь помилуй и спаси*! (Пушкин); — Я загуляю, я? — начал Евсей.— Да *разрази* меня на этом месте *господь*, *лопни* мои *глаза*! (Гончаров).

Как видно из данного материала, существительное может выступать здесь и препозитивно и постпозитивно. Все приведенные выше конструкции представляют собой ныне в значительной мере архаизированную фразеологию; поэтому в данном случае выяснение синтаксических отношений между отдельными компонентами будет несколько искусственным. Ниже приводим ряд других предложений, в которых анализ синтаксически аналогичных отношений не затрудняется условиями фразеологии: Лишь мне бы ладно было, А там весь *свет гори* огнем (Крылов); *Минуй* нас пуще всех печалей, И барский *гнев*, и барская *любовь*! (Грибоедов); Его *пример будь* нам наукой (Пушкин); Пред вами *суд* и *правда*, все молчи (Лермонтов), Слышу я конское ржанье, Слышу волков завыванье, Слышу погоню за мной,— *Зверь* на меня *не кидайся*! Лих человек *не касайся*, Дорог наш грош трудовой (Некрасов); Измывается надо мной барин ... *пес его возьми* (Горький); Будет наша душа Любовных Волг сияющим устьем. Будешь — *любой приплыви* — глаз сияньем облит. По каждой тончайшей артерии пустим / Поэтических вымыслов феерические корабли (Маяковский).

Соотнесенность повелительной формы с местоимением третьего лица: Дадут ему лошадь дрянную, спотыкливую, то и дело шапку с него на земь бросают, арапником задевают, а *он* все *смейся* да других *смеши* (Тургенев); Вот *он* теперь *поговори* со мной. Я его ... (А. Островский).

Какова грамматическая природа этих форм? Являются ли они формами повелительного наклонения или же их следует отнести к сфере других наклонений? В лингвистической литературе нет единого решения этих вопросов. Ряда второв не считают эти формы

повелительными, рассматривают их в качестве особой модальной категории — оптатива. Так, Карцевский, разбирая аналогичные конструкции, замечает: «Акт проявления воли, соотнесенный с третьим лицом (visant une tierce personne) с необходимостью превращается в выражение простого желания, совета или согласия. Говорящее лицо отступает на свое обычное место, действующий субъект вновь появляется, и таким образом, мы переходим либо к изъявительному, либо к гипотетическому наклонению: *Пропадай моя телега*! восходящее к интеллектуальному типу: *Пусть пропадает моя телега*! *Пострел тебя возьми. Пострел бы тебя взял*! или: *Пусть пострел тебя возьмет*! ... Это, по существу говоря, только различные синонимические варианты для выражения оптатива, и нельзя говорить об императиве в третьем лице» [6].

Шахматов обнаруживает некоторые колебания при анализе рассматриваемых случаев. Так, дав следующее определение повелительного наклонения: «Говорящий посредством этого наклонения, устанавливая в своей мысли связь между личностью своего собеседника, или 3-м лицом, или группой лиц, в составе которых находится сам говорящий, и называнием действия — состояния, требует, чтобы собеседник (2-е лицо) или данное 3-е лицо стал производителем, носителем этого действия — состояния, стал его субъектом. Иначе — говорящий, выдвигая название действия, состояния, ставит своему собеседнику или данному третьему лицу (разрядка моя.— *И. М.*) обязанность стать его субъектом», отмечает тут же на полях: «Точно ли при 3-ем единств. возможен императив? Не желательное ли это?» [7].

Обстоятельный анализ разбираемых форм приводит к мысли о том, что нет основания выводить их за пределы императива. В самом деле, формам повелительного наклонения и в этом синтаксическом окружении присущи все те черты, которые создают существо императива как глагольной категории. Эти формы выступают как выражение волевых движений, тяготеющих к значению побуждения. Ведь и пожелание может быть частным оттенком повелительного значения. Срвн. приведенную выше сложную гамму разнообразных оттенков значения, присущих обычным формам повелительного наклонения. Этим формам свойственна также характерная для императива специфическая экспрессия. Наконец, впечатление некоторой синтаксической дезорганизованности, произ-

[6] S. Karcevski. Указ. соч., стр. 138.
[7] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 483.

водимое данными конструкциями, может также служить доводом в пользу отнесения этих форм к сфере императива. Нельзя согласиться с С. Карцевским в том, что говорящее лицо здесь занимает свое обычное место, а деятель-субъект вновь появляется. Когда вникаешь в существо таких конструкций, как: *Минуй нас... и барский гнев...*, *Его пример будь нам наукой*, волеизъявление само по себе наглядно выступает на первый план, и отношения между глаголом и существительным или местоимением третьего лица отнюдь не воспринимаются как обычные отношения между сказуемым и подлежащим. Это особый тип синтаксических отношений, создаваемой императивной модальностью.

В условиях соотнесенности форм повелительного наклонения с местоимением первого лица формируются иные модификации данной категории: — Вам хорошо, а *я* сына в университете *содержи*, малых в гимназии *воспитывай*, так мне першеронов не купить! (Л. Толстой); — Поедет по магазинам, наберет товаров, не спрашивая цены, а потом *я* по *счетам* и *расплачивайся* (А. Островский);— Зачем ты, Нина, убежала от танцев? — сказала она тоном выговора,— стала где-то в темноте и болтаешь ... Хорошее, нечего сказать, занятие... А *я* тебя *ищи* по всем закоулкам (А. Куприн);

— *Я* — *терпи*, а мироед да барин как сыр в масле катаются, да на мне ездят (Гладков);

Ну, можно ль / позволить / низам, подряд / всем / заниматься критиканством?! / О мерзостях / наших / трубим и поем. / *Иди* / и в газетах *срамись я.* / Ну, я ошибся ... / Так в тресте же/в моем / имеется ревизионная комиссия (Маяковский).

В приведенных конструкциях мы находим некоторые черты, не свойственные императиву: *а я сына содержи*, *иди и в газетах срамись я* — это, конечно, не волеизъявление. Об этом в первую очередь свидетельствуют факты интонации. Хотя и в разбираемых случаях интонация аффективно окрашена, но ею выражаются протест, недовольство. Однако и этим формам присущи некоторые черты, роднящие их с повелительными. Это выявляется из анализа следующего текста: — Помню это, вызывает меня раз учитель к черной доске и диктует ... Через неделю опять к доске, опять *пиши* (Чехов). В приведенном тексте слово *пиши* можно произнести с типичной императивной интонацией, и в этом случае оно будет представлять собой простое воспроизведение чужого повеления, то есть это будет фактом прямой речи. Но это же слово может быть произнесено с интонацией протеста или недовольства, типичной для рассматриваемых глагольных форм. Это уже не про-

стое воспроизведение чужого повеления, а воспроизведение, трактующее его с точки зрения лица, к которому императив адресован. Думаю, что последнее и составляет существо разбираемых форм. Нетрудно заметить, что перед нами как бы перевернутый наизнанку императив. Ведь характерной чертой императива является то, что он реализуется только при наличии двух участников: говорящего, или «волеизъявляющего», и слушающего или адресата волеизъявления. При этом содержание императива отнюдь не тождественно как для волеизъявляющего, так и для объекта волеизъявления. Разбираемые нами формы именно и представляют собой случаи употребления императива не с «распорядительным», а с «исполнительным» содержанием и в этом смысле являются особыми разновидностями императива.

Анализ форм императива в некоторых синтаксических условиях обнаруживает в этих формах чрезвычайно сложное сцепление элементов различных наклонений. Определение этих элементов, их удельного веса и взаимоотношений в составе целостного грамматического значения представляет, естественно, большие трудности. А. А. Потебня, касаясь данного вопроса, указывал в свое время: «Весь ряд значений, принимаемых в славянских наречиях такими формами, как *веди* и пр., выводится из их повелительности. Другие модальные значения рассматриваемых форм п р е д с т а в л я ю т с я (или изображаются) их повелительным значением. Таких производных значений в русском языке два: а) условное и б) изъявительное. Хотя каждое из этих значений представляет особенности в русском литературном языке и русских наречиях, однако особенности эти, как и во множестве других случаев, весьма тонки и отделить их с плеча, как топором, невозможно»[8].

Анализ соответствующих грамматических фактов, который в той или иной мере способствовал бы разрешению столь трудного вопроса, представляется весьма актуальной задачей.

В зависимости от характера условия, которое выражается разбираемыми формами императива, последние могут быть подразделены следующим образом:

А. Ф о р м ы, в ы р а ж а ю щ и е р е а л ь н о е у с л о в и е и п р и м ы к а ю щ и е п о э т о м у к и з ъ я в и т е л ь н о м у н а к л о н е н и ю: Так души низкие, *будь* знатен, силен ты, *Не смеют* на тебя поднять и взгляды; Но *упади* лишь с высоты, От первых жди от них обиды и досады (Крылов);

[8] А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, т. IV. Харьков, 1899, стр. 178.

Да *накупи* я всех этих, которые вымерли ..., *Приобрети* их, положим, тысячу, ..., вот уже двести тысяч капиталу (Гоголь); А *начни* я говорить, вы застыдитесь и убежите (А. Островский); Пользуйтесь моей добротой, пока я жива, *умри я*, так ... матери родной лишитесь (А. Островский); Как ни жалки были остающиеся раненые, было очевидно, что *отдай* одну подводу, не было причины не отдать другой, *отдай* все — нужно отдать и свои экипажи (Л. Толстой);

Не улыбнись он и *не ответь* ничего, она начнет стеречь каждое движение, каждый взгляд и толковать по-своему, и тогда не оберешься упреков (Гончаров); Всему делу голова там — Атаманчуков. Он народ мутит, подбивает выходить из колхоза, а *начни* его, стерву, выкидывать,— он и других за собой потянет (Шолохов).

Б. Формы, выражающие предполагаемое условие и примыкающие поэтому к сослагательному наклонению: Щепотки волосков лиса *не пожалей*, остался б хвост у ней (Крылов); Ну, *не знай я*, например, всех тонкостей, *не постигни* всего этого, меня бы как раз обманули (Гоголь); — *Знай* мы, что такое слава, нам, быть может, были бы известны и способы ее достижения,— сказал пассажир первого класса, подумав (Чехов); — *Попадись* ему навстречу какой-нибудь надзиратель, он избил бы его так, что тот на всю бы жизнь калекой сделался (Решетников); В этот вечер впервые стреляли в Пронькино окно, и, *не потянись* Куземкин за маслом, хоронили бы его в среду красным образом, под гармонь (Леонов);

Да *будь я*/ и негром преклонных годов,/и то/без унынья и лени/ я русский бы выучил / только за то, / что им/разговаривал Ленин (Маяковский).

Функциональное проявление приведенных в обеих группах (А и Б) форм отделяет их от собственно повелительных форм глагола. Вместо типичной императивной интонации мы обнаруживаем здесь интонацию особого типа, которую можно вслед за А. М. Пешковским назвать условно-придаточной. Во всех случаях разбираемые формы не только не содержат волеизъявления, а, наоборот, представляют собой составную часть сложного логического построения, в котором отчетливо соотнесены обусловливающий и обусловливаемый факты.

Вместе с тем, несмотря на столь значительные отличия функционального проявления, разбираемые формы сохраняют в языковом сознании какую-то общность с обычными формами повелительного наклонения. Здесь, конечно, проявляется, как отмечает акад. В. В. Виноградов, так называемая «этимологическая направленность» языкового сознания. Думается, однако, что это

не все и, может быть, даже не главное. Эта общность в значительной мере определена тем, что между формами с собственно-императивным значением, с одной стороны, и формами с условно-придаточным значением, с другой стороны, имеется значительное число промежуточных звеньев со значениями и функциями переходного типа, которые как-то сближают эти функционально разнородные повелительные формы. Таким промежуточным звеном является,например, следующая конструкция: *приди ко мне завтра, застанешь меня дома.* Здесь форма *приди* не претерпевает существенных сдвигов в повелительном значении, но, вступая в логическую связь с другим глаголом (второго предложения), указывающим на факт, который последует после выполнения приказания, приобретает слабый оттенок значения обусловливающего действия. Это и внешне обнаруживается в несколько смешанном характере интонирования этого слова. Как на факты такого промежуточного типа можно указать и на императивные формы в приведенном выше тексте из Пушкина: Безумец я! Чего ж я испугался! На призрак сей *подуй* — и нет его.

Факты соединения формы императива с формами изъявительного или сослагательного наклонения для выражения сложного синтаксического построения со значением обусловливающего и обусловленного процесса встречаются в ряде языков. Параллель разбираемым конструкциям в русском языке можно найти не только в других славянских, но также и в различных других индоевропейских языках. А. А. Потебня приводит большое число соответственных фактов в IV томе «Из записок по русской грамматике» (стр. 179—180), откуда и воспроизводятся некоторые иллюстрации. В украинском языке: «Прийди до його в нужді, проси голодний сухаря, и сухаря не дасть, за руку виведе з хати». В польском языке: «Chciej nie chciej — musisz».

А. А. Потебня приводит очень показательные факты из работы Шлейхера «Handbuch der litauischen Sprache»: «iszeik bemýlims, ateík beláukiems, tai gérs búsi svéczes»; «Geh, wenn man dich gerne hat, komm, wenn man deiner harrt, so wirst du ein guter Gast sein» («Уходи, пока мил, приходи, когда ждут, то будешь добрый (милый) гость») [9].

[9] По поводу этих фактов Потебня замечает: «Шлейхер говорит, что в этих случаях повелительное есть как бы сокращение первого члена условного предложения (komm wenn du kommst); это во всяком случае неточно, ибо повелительное здесь вовсе не предполагает условного наклонения, а только обозначает условие повелительным» (А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 179).

Встречающиеся параллели в разных языках дают основание предполагать, что разбираемые факты представляют собой одно из проявлений единства внутренних законов развития различных индоевропейских языков. Степень достоверности этого предположения может быть установлена только в результате детального сравнительно-исторического исследования соответственных фактов на материале славянских и других индоевропейских языков.

Из данной выше классификации примеров видно, что разбираемые формы могут представлять процесс (действие) и как реальное и как ирреальное условие. Так, в предложении «А *начни* я говорить, вы застыдитесь и убежите» форма *начни* может быть заменена сочетанием *если я начну*, т. е. формой изъявительного наклонения, а в предложении «Щепотки волосков лиса на *пожалей*, остался бы хвост у ней», форма *пожалей* может быть заменена только формой сослагательного наклонения: не *пожалела бы*.

Таким образом, анализируемые формы содержат только значение условности и сами по себе нейтральны по отношению к изъявительности (индикативности) и сослагательности (гипотетичности). Это составляет специфику модального значения данных форм. Наряду с этим довольно отчетливо выступают и их экспрессивные и интонационные особенности. Следовательно, как по своему смысловому содержанию, так и по внешнему выражению рассмотренные факты представляют особую модальную разновидность условности, не вмещающуюся полностью в рамки любого из трех основных наклонений: сослагательного, повелительного или изъявительного.

Довольно близко примыкают к повелительным формам с условным значением формы с так называемым уступительным значением.

Существенное их отличие в средствах выражения заключается в том, что уступительное значение выражается не только формами наклонения, но и с помощью союзов. Наиболее часто употребляются для этой цели союзы *хоть*, *ни*: Да отсюда, *хоть* три года *скачи*, ни до какого государства не доедешь (Гоголь); *Хоть* весь свет *суди* меня, а вот что думаю... (А. Островский); Продал его Марк Авдеевич, и, сказывают, тридцать тысяч получил за труды. Вот и молчит... *Хоть* кому *дай* такие деньги, так замолчит (Мамин-Сибиряк); *Хоть помирай* они — не охну! (Горький); Расписал/ /себя/ на год,/ *Хоть вводи* / в работу / нот (Маяковский).

Вы поэт, так же как и я, а что *ни говори*, поэты — славные ребята (Пушкин); Куда *ни сунься*: тут как тут. В столовых и в гостиных (Грибоедов); Какой срам? Срам-то бывает у богатых, а

мы как *ни живи*, никому до того дела нет (А. Островский); Он заткнул / от нищих уши,— / сколько *ни проси* горласт, / как от мухи, отмахнувшись, / важно скажет: «бог подаст» (Маяковский); Жарко горели натруженные ходьбой подошвы, в голенях ноющая тяжесть, как *ни положи* ноги, все неудобно, все хочется переменить положение (Шолохов).

Условия возникновения уступительных значений у повелительных форм и существо отношения этих форм к простому императиву во многом сходны с теми, которые были показаны выше, при анализе условных форм. В самом деле, и данные формы участвуют в определенном логическом построении, основанном на уступительных (концессивных) отношениях. Союзы играют выдающуюся роль в выражении этих отношений. Франц Миклошич, анализируя интересующие нас факты на материале различных славянских языков, очень удачно устанавливает аналогию между данными функциями союзов и функциями предлогов в выражении падежных значений. Миклошич считает, что союзы, вводящие уступительные придаточные предложения, представляют собой «соучаствующий элемент» и относятся к наклонениям так же, как предлоги относятся к своим падежам: оба класса слов имеют своей целью более точное определение.

При данных формах часто выступает подлежащее, выраженное существительным или местоимением. Подлежащее может выступать как препозитивно, так и постпозитивно. Как показывает приведенный иллюстративный материал, рассматриваемые формы в некоторых случаях имеют обобщенно-личное значение.

Давно уже стали привлекать внимание исследователей своеобразные модальные оттенки, присущие повелительным формам со значением прошедшего времени. Эти формы имеют отчетливо выступающее личное значение и выступают только при подлежащем, препозитивно или постпозитивно.

Постпозитивные формы: Барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а *я* и *позабудь*, где Дуня-то его живет (Пушкин); Но *скворушка услышь*, что хвалят соловья, и думает ... (Крылов); *Отец-то* мой ему и *полюбись*: что прикажешь делать? (Тургенев); На этих-то порах *отец* мой — царство ему небесное — *возьми да умри* (Тургенев); Обошел он Гордея Карпыча да тем да другим, ровно туманом каким, а *тот-то* на старости да *польстись* на его богатство (А. Островский); И вот вдруг мне тогда в ту же секунду *кто и шепни* на ухо ... (Достоевский); Вот однажды *отец* и *побей* меня в Балахне, а я и убег (Горький). Титка когда мы раскулачивали, *он* и *нападн* с занозой на товарища Давыдова (Шолохов).

Препозитивные формы: И *блесни* мне тут счастливая *мысль* (Тургенев); Вдруг *приглянись* мне *девушка*, ах, да какая же девушка была ... красавица, умница, а уж добрая какая! (Тургенев); Сверху тогда *упади Перчатка* с прекрасной руки Судьбы случайной игрою Между враждебной четою (Лермонтов, перев. стих. Шиллера).

Только и *попадись* он нечаянно в лапы к медведю (Салтыков-Щедрин); И *соберись он* и ночным делом, каторжные-то, так же вот, как и мы с тобой, и старичок с ними (Л. Толстой); Ну, и было ли, нет ли, только и *дознайся* мой *старик* ... (Л. Толстой).

Безличные конструкции: Нам ведь как бы важно узнать, не видел ли кто их..., что мне и *вообразись* сейчас, что они тоже могли бы сказать (Достоевский); *Случись*, однако же, что гребень затерялся (Крылов).

Специфические модальные оттенки этих форм и их взаимоотношения с обычными повелительными формами пытались объяснить различные лингвисты. Дельбрюк и вслед за ним Вондрак полагали, что эти формы выражают особым образом модифицированное значение повелительного наклонения. Вондрак полагает, что в разбираемых конструкциях «пропущены» и «подразумеваются» такие сочетания слов, которые поясняют, как императив приобретает значение прошедшего времени. Считая, что при живописании событий может появиться вместо формы прошедшего времени изъявительного наклонения повелительная форма, Вондрак, приведя выражение «Издали увидит леща, да и *хвать* его зубами», комментирует его следующим образом: Die ursprüngliche Auffassung wäre natürlich die: und nun hieß es (sagte er sich): pack ihn mit den Zähnen» [10].

И Дельбрюк и Вондрак настаивают на том, что эти формы представляют собой специфическое функциональное проявление императива. По существу, этой же точки зрения придерживались Ф. Буслаев и А. А. Потебня. Вникая в занимающую нас форму, А. А. Потебня указывал: «Употреблением этой формы, как уже замечено проф. Буслаевым... достигается большая живость рассказа, изображение большой быстроты действия. Следует думать, что этот эффект вытекает из предположения, что за повелением немедленно следует исполнение» (разрядка моя.— *И. М.*) [11]

[10] «Vergleichende slavische Grammatik», II, Formenlehre und Syntax, стр. 283.
[11] А. А. Потебня. Указ. соч., стр. 184.

Иначе трактует рассматриваемые формы В. В. Виноградов. Расширив и углубив аргументацию высказанных Шахматовым соображений о том, что данные формы восходят к остаткам древнего аориста, В. В. Виноградов приходит к выводу, что в современном русском языке «в форме прошедшего времени совершенного вида, омонимической с формой повелительного наклонения, намечается новый тип глагольного наклонения, которое можно назвать наклонением волюнтативным (или волевым)» [12]. Формы этого нового типа наклонения означают, по словам В. В. Виноградова, «действие прошедшее, стремительное, мгновенное, представляющееся внезапным, немотивированным актом воли действующего лица» [13].

Изученный материал подтверждает выводы В. В. Виноградова о существе модальных оттенков, характерных для рассматриваемых форм. Вызывает, однако, сомнение, следует ли выделить эти формы в отдельный тип наклонения. Взвесим следующие обстоятельства. Употребительность этих форм чрезвычайно мала. Можно прочитать десятки страниц, даже целые произведения, и не встретить ни одного подобного случая. Эти формы ограничены стилистически: встречаются только в стилях разговорной речи и просторечья. В смысловом содержании данных форм ярко выступает установка говорящего на образную экспрессивность речи. В них на обычное значение прошедшего времени наслаивается специфический оттенок, который В. В. Виноградов метко определил как немотивированный акт воли действующего лица. Но этот оттенок, как это следует из приведенных выше многочисленных соображений, связан с кругом тех представлений, которые формируются в сфере повелительного наклонения.

Углубленный анализ отдельных компонентов целостного значения данных форм приводит к заключению, что в них, наряду с непосредственным значением прошедшего времени, явственно выступает и «внутренняя форма», которая независимо от того, восходит ли она исторически к повелительному наклонению или же к аористу, в современном сознании связана с теми или иными семантическими особенностями форм повелительного наклонения. В этом плане изучаемые формы представляются целесообразным определить не как самостоятельное наклонение, а как переходного типа модальную разновидность, своим значением относящуюся к области изъявительного наклонения, а внутренней формой — к области повелительного наклонения.

[12] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 601.
[13] Там же.

Как видно из приведенного материала, в формировании разбираемой модальности принимают участие частицы: *и*, *возьми да и*, присоединяющиеся к императивным формам и составляющим вместе с ними единое целое. Однако утверждение А. М. Пешковского о том, что без указанных частиц повелительные формы глагола не могут выступать в рассмотренных модальных функциях, фактами языка не подтверждается. Хотя и редко, но все же в определенном числе случаев императивные формы, не сочетаясь с частицами, отчетливо выражают эту же модальность: Но скворушка *услышь* ... Сверху тогда *упади* перчатка ... *Случись* же так ... и некоторые другие.

Так вырисовывается в основных чертах круг модальных значений и оттенков, которые выражаются формами повелительного наклонения современного русского глагола в различных синтаксических условиях. Центральные части этого круга образуют категорию собственно повелительного наклонения, некоторые же пункты, расположенные на периферии, представляют собой модальности, которые, сохраняя в той или иной мере связи с повелительным наклонением, тянутся вместе с тем и к центрам других наклонений — сослагательного и изъявительного.

Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке

ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРЫ РОДА И ЕЕ КОМПОНЕНТОВ

Категория рода получает в лингвистической литературе отнюдь не единообразное истолкование, поэтому представляется целесообразным предпослать анализу современного состояния и развития этой категории в русском литературном языке некоторые положения, выясняющие ее сущность, структуру ее форм и их соотношений.

Категория рода относится к числу наиболее универсальных категорий грамматического строя русского языка, так как сфера ее функционирования охватывает три важнейшие части речи: имя существительное, имя прилагательное (в том числе и прилагательное-числительное и прилагательное-местоимение) и глагол (формы прошедшего времени, формы сослагательного наклонения, причастия). С помощью форм рода достигается структурная спаянность и единство этих трех разрядов слов, столь резко различающихся по своим основным лексико-грамматическим особенностям.

Категория рода выступает на различных уровнях языковой структуры: синтаксическом, морфолого-словообразовательном и лексическом. Будучи одним из основных средств воплощения грамматического понятия предметности (субстанции) и включая в сферу своего действия весь чрезвычайно многочисленный словарный состав существительных, категория рода характеризуется, однако, большим разнообразием и сложностью форм своего обнаружения в разных слоях лексики.

Наибольшей универсальностью и единообразием обладает синтаксическая сторона обнаружения категории рода. Она состоит в том, что с формой рода существительного «согласуют» свои

родовые формы поясняющие его слова (прилагательные, глаголы в значительной части своих форм): новый костюм Ø [1] висел Ø — новая юбка висела — новое платье висело.

Основной причиной отсутствия единообразия в морфологическом обнаружении рода является то, что различия между существительными мужского и женского рода выражаются разными морфологическими способами. Так, у одной группы существительных, противопоставленных в родовой системе по образцу *нос — рука*, родовые различия обнаруживаются уже в форме именительного падежа; конечные звуки — твердый согласный и гласный *а* — выступают в качестве отчетливых показателей родовой принадлежности. Окончания косвенных падежей играют здесь роль дополнительных, в какой-то мере, может быть, избыточных показателей рода [2]. У другой группы существительных, противопоставленных по образцу *локоть — копоть*, формы именительного падежа совпадают и поэтому не могут служить родовыми различителями; здесь в этой функции выступают окончания косвенных падежей, т. е. система склонения в целом. Ср. *локоть — локтя — локтю — локтем — о локте* и, с другой стороны, *копоть — копоти — копотью — о копоти*.

В значительно большей мере, чем морфологическим разнообразием, формы обнаружения категории рода осложнены тем, что к конструируемой родом структуре относятся две существенно отличающиеся друг от друга группы форм. Первую группу составляют синтаксико-морфологические формы рода, не облеченные категориальной семантикой, в другую же группу входят синтаксико-морфологические формы, облеченные категориальной семантикой различий по биологическому полу, ср., с одной стороны, противопоставленность существительных *пол — стена — окно*, с другой стороны, противопоставления типа *учитель — учительница и лев — львица*.

Сочетание в структуре одной категории асемантических и семантических противопоставлений свидетельствует о ее большом своеобразии. Связи и взаимоотношения этих существенно различных составных частей одной структуры требуют обстоятельного

[1] Ø означает нулевую форму.

[2] Ср. факты болгарского языка, лишенного, как известно, склонения, где конечные звуки неизменяемых по падежам существительных выступают в качестве единственных и достаточных морфологических показателей родовых различий, например *нос — ръка*. Ср. также в русском языке морфологическое выражение различий между существительными мужского и среднего рода только в именительном и винительном падежах, так как окончания всех других косвенных падежей у них одинаковые.

изучения. К сожалению, многие из исследователей категории рода чрезвычайно мало внимания уделяли этой проблеме. Это, надо полагать, отчасти объясняется значительно большей распространенностью асемантических синтаксико-морфологических противопоставлений форм рода по сравнению с семантическими. Но ограниченный лексический объем грамматического явления не умаляет ведь необходимости углубленного изучения его грамматической сущности. Между тем во многих из вышедших в последние десятилетия работ о роде основное внимание уделяется рассмотрению синтаксико-морфологического проявления этой категории, а семантические формы рода рассматриваются попутно и вскользь. Такая трактовка рода встречается, в частности, в статье Н. Н. Дурново «La catégorie du genre en russe moderne» [3]. О сущности рода Н. Н. Дурновово говорит: «Мы называем «родом» явление согласования существительных с поясняющими их прилагательными в том же падеже» [4]. Так понимая сущность категории рода, Н. Н. Дурново наметил следующую систему родовых форм. У существительных в единственном числе различаются четыре рода: 1) мужской — одушевленный, 2) мужской — неодушевленный, 3) женский и 4) средний. У существительных во множественном числе различаются два рода: 1) одушевленный, 2) неодушевленный.

Разбор семантических основ категории рода Н. Н. Дурново сводит к следующим замечаниям: «Невозможно установить семантическое различие родов в современном русском языке. Можно только наблюсти, что все слова, обозначающие лиц мужского пола,

[3] См.: «Revue des études slaves», t. IV, 1924, fasc. 1—2, стр. 208—221.

[4] Там же, стр. 208.— Аналогичное определение рода дает и П. С. Кузнецов: «Категория рода, как и в современном языке, состояла (в древности.— *И. М.*) в том, что все существительные, т. е. все слова предметного значения, разбивались на три класса (или рода) — мужской, женский и средний, причем различные слова, зависящие от существительных, а именно прилагательные, местоимения неличные, числительные, причастия, меняли свою форму в зависимости от того, определением (или сказуемым) при каком существительном они являлись» (П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Изд-во МГУ, 1953, стр. 34).— Так же толкуется сущность рода и в работах, освещающих эту категорию в широком общелингвистическом плане. Следующее определение рода дает венгерский исследователь Фодор: «Род с синхронической точки зрения представляет собой грамматическую систему синтаксических соответствий, в которой член многоформенной парадигматической модели родоизменяемых элементов предложения согласуется с неродоизменяемым элементом предложения, и это согласование, сопровождаемое различием формы, не влечет за собой изменения в смысле данного отношения» (J. Fodor. The origin of grammatical gender. «Lingua», Vol. VIII, 2, 1959, стр. 212).

независимо от формы (*отец*, *дед*, *портной*, *слуга*, *мужчина* и др.) так же, как и обозначающие животных-самцов (*бык*, *жеребец*, *баран*, *козел*, *петух*, *гусак*) относятся к мужскому роду, тогда как названия лиц женского пола и животных-самок относятся к женскому роду (*жена*, *дочь*, *баба*, *учительница*, *докторша*, *корова*, *кобыла*, *гусыня* и др.); средний род охватывает преимущественно названия неодушевленных предметов, отвлеченных идей, собирательных понятий и, в виде исключения, несколько обобщенных названий одушевленных предметов, как *животное*, *насекомое*, *чудовище*, *страшилище*, к среднему роду относится и слово *лицо*, когда означает личность, а не часть тела» [5].

Некоторые лингвисты вовсе исключают семантику из структуры родовых форм. Так, А. Б. Шапиро в ряде своих выступлений указывал, что только морфологическое проявление рода надо считать грамматическим явлением; те же значения различий по полу, которые присущи определенным группам одушевленных существительных, являются, по его мнению, элементами их лексических значений.

Нам представляется, что связи и взаимодействие семантических и асемантических родовых противопоставлений получат адекватное отражение в теории, если они будут рассматриваться как специфические особенности отдельных ярусов единой структуры рода. У обоих типов противопоставлений идентичные синтаксико-морфологические свойства, что дает основание считать их элементами единой структуры. Наряду с этим, следующие особенности существенно отличают один тип от другого.

1. Семантические противопоставления по своему лексическому составу корреляционны, ср. *ученик — ученица*, *звеньевой — звеньевая*, *лев — львица* и т. д. Асемантические противопоставления лексически разобщены, дизъюнктны, ср. *пол — стена — окно*, *лес — зима — вдохновенье*. Конечно, асемантические родовые противопоставления могут быть более или менее разнородными по лексическому составу, ср. второй пример с первым, однако по самой своей природе они не могут представлять ряд слов, отличающихся друг от друга только по родовому з н а ч е н и ю.

2. Семантические родовые противопоставления двучленны, асемантические трехчленны. Трехчленность последних обусловлена наличием трех разных моделей синтаксико-морфологического оформления существительных в русском языке [6], семантикой

[5] Н. Н. Д у р н о в о. Указ. соч., стр. 211.

[6] В ряде других индоевропейских языков, например во французском, литовском и других, имеются только две таких модели — мужского и женского

первых обусловлено то, что в них используются только две из трех существующих синтаксико-морфологических моделей.

3. В отличие от асемантических противопоставлений, в которых все три члена являются в одинаковой мере маркированными, так как в существительном каждого из трех родов синтаксико-морфологически обозначена его принадлежность именно к данному роду; в семантических противопоставлениях один из членов — обычно в этой роли выступает существительное мужского рода — является немаркированным [7].

В силу этого некоторые существительные, хотя и противостоящие друг другу по роду как синтаксико-морфологически, так и семантически, но являющиеся в одинаковой мере маркированными (вследствие того, что у них в самих лексических значениях обоих членов противопоставления содержится указание на принадлежность к определенному полу, например: *муж — жена*, *брат — сестра*, *жеребец — кобыла* и т. д.), не могут быть включены во второй ярус родовой структуры. Эти слова занимают особое место в лексико-грамматической системе средств выражения различий по признаку пола. Формируемые этими существительными родовые оппозиции непосредственно примыкают к родовым противопоставлениям второго яруса родовой структуры, но не являются ими вследствие отсутствия в них немаркированного члена.

Приведенные факты обнаруживают качественное различие между лексическим и структурно-грамматическим выражением значения рода у одушевленных существительных. Отсюда следует несостоятельность вышеупомянутых утверждений, будто значение рода у всех одушевленных существительных является элементом их лексического значения. Подобное утверждение есть ре-

рода; в языках другого строя, в частности в ряде африканских языков, число этих моделей значительно больше.

[7] Имеющий теоретическое значение вопрос о маркированности или немаркированности членов противопоставления получает иногда своеобразное преломление в практике языкового общения. Иллюстрацией может служить письмо, направленное работниками Московского детского универсального магазина в Институт русского языка АН СССР, в котором сообщается о том, что вывешенная в магазине надпись «Подарок первокласснику» вызвала претензии со стороны покупателей, заявивших, что этот текст вовсе игнорирует первоклассниц. Данное культработником магазина объяснение, что слово *первоклассник* имеет в виду как мальчиков, так и девочек, оказалось неубедительным, и неудовлетворенные покупатели внесли соответствующую запись в книгу жалоб и предложений. Из такого рода фактов должны, конечно, быть сделаны определенные выводы. Они свидетельствуют о необходимости тщательного изучения степени рациональности существующих языковых норм и способов привития их массе говорящих.

зультат неразграничения существенно различных языковых фактов, из которых одни относятся к области лексических значений, другие — к грамматической структуре языка.

Внешне сходные с только что разобранными противопоставления типа *селезень — утка*, *боров — свинья* должны быть отнесены с некоторыми оговорками ко второму ярусу родовой структуры. В самом деле, обладая основными признаками семантических противопоставлений, они отличаются двумя особенностями: 1) в качестве немаркированного члена здесь выступает существительное женского рода, 2) противопоставленность осуществлена здесь не при помощи аффиксов, а посредством супплетивации. Обе указанные особенности внутренне связаны и в одинаковой мере обусловлены тем, что эти противопоставления возникли в лексической сфере, а в структурную сферу родовых различий смогли включиться вследствие того, что не содержат ничего противоречащего ее основным признакам [8].

Семантические и асемантические родовые противопоставления, несмотря на указанные выше существенные различия между ними, представляют собой компоненты единой структуры, потому что все существительные мужского и женского рода одинаково субституируются местоимениями *он — она*, в которых семантические различия существительных разных ярусов нейтрализованы. Ср. под этим углом зрения русские местоимения *он — она* с английскими *he — she* [9]. В этой перспективе выделяется и особое место существительных среднего рода, так как эти существительные, субституируемые местоимением *оно*, не имеют вовсе точек соприкосновения с элементами второго яруса родовой структуры.

С точки зрения намеченной выше структуры рода должна быть подвергнута критике схема родовых противопоставлений, содержащаяся в статье Р. Якобсона «The gender pattern of Russian» [10].

[8] Аналогичным образом включились в сферу структурных видовых противопоставлений супплетивные пары глаголов типа *говорить — сказать*, *брать — взять*.

[9] Описанные отношения получили замечательное по своей выразительности и непосредственности отражение в следующем диалоге четырехлетнего ребенка с матерью:

— Мама, баран — он?
— Он.
— Овца — она?
— Она.
— А почему папа — он? Надо бы пап, а не папа. (К. Чуковский. От двух до пяти. М., 1957, стр. 44).

[10] См.: R. Jakobson. «Studii şi cercetări lingvistice», omagiu lui Al. Graur, XI. Bucureşti, 1960, стр. 541—543.

Р. Якобсон прежде всего противопоставляет женский род в качестве маркированного неженскому роду, так как первый сигнализирует, что данное существительное не может служить названием человеческого существа мужского пола (a male human being). В сфере неженского рода средний род как маркированный противопоставляется мужскому, так как средний род сигнализирует отсутствие отношения к полу. «Мужской род, — указывает Р. Якобсон,— это вдвойне немаркированный род. В противоположность среднему роду он не сигнализирует асексуальный характер названного существа (entity), а в противоположность женскому роду он не содержит никакой спецификации пола» [11].

Как видим, в схеме Р. Якобсона не получили вовсе отражения противопоставления первого яруса, что нельзя не считать существенным недочетом установленной им родовой структуры. Большое число фактов, связанных с родовыми противопоставлениями, не вмещается в рассматриваемую схему, поэтому она отнюдь не дает адекватного отражения языковой действительности во всей сложности взаимоотношений составляющих ее элементов.

Соответственно изложенным выше принципам построения родовой структуры, включающей все относящиеся сюда противопоставления, представляется возможным следующим образом определить категорию рода в современном русском языке. Категория рода — это совокупность форм существительных, прилагательных и глаголов, посредством которых осуществляются две разнородных, однако структурно связанных функций: а) достигается синтаксико-морфологическое единство существительного и поясняющих его слов, б) конструируются формальные противопоставления существительных, различающихся по признаку биологического пола [12].

Выделением двух ярусов родовой структуры, синтаксико-морфологической и семантической, диктуется целесообразность подразделить всю проблематику категории рода на две части, которые должны исследоваться раздельно, с учетом, конечно, их взаимосвязанности.

Среди проблем, относящихся к сфере асемантических, синтаксико-морфологических форм рода, наибольшее значение имеют следующие:

[11] Там же, стр. 541.

[12] Представляется необходимым напомнить известное указание В. И. Ленина о том, что каждое определение в той или иной мере ограничивает и обедняет существо определяемого явления. Это в особенности относится к данному случаю, так как очень трудно вместить столь сложное явление, как категория рода, в прокрустово ложе краткого определения.

1. Характерные черты синтаксико-морфологического механизма рода в русском языке. Более выразительной характеристике особенностей русского языка должны способствовать отдельные сравнения фактов русского языка с фактами других языков, прежде всего славянских.

2. Широта охвата каждым отдельным родом лексического состава существительных. Статистические данные здесь дополняются анализом семантических групп лексики, охватываемых каждым родом. Анализу подвергается семантика лексических групп, а не родовых противопоставлений.

3. Наблюдающиеся колебания в родовом оформлении отдельных групп существительных. Сопоставление под этим углом зрения фактов нашего времени с фактами XIX в.

4. Взаимодействие отдельных родовых групп и тенденции вытеснения одного рода другим. Здесь представляет большой интерес изучение влияния соответственных процессов в народных говорах на литературный язык.

5. Границы распространенности и характер действия различных словообразовательных моделей в сфере каждого отдельного рода.

6. Большой интерес представляет распределенность по отдельным родам неологизмов советской эпохи. Эти факты проливают свет на ныне действующие тенденции развития синтаксико-морфологической структуры рода.

Ко второму разделу проблематики относится ряд вопросов, связанных со спецификой различных типов семантических родовых противопоставлений. Наибольшее значение имеет здесь:

1. Выяснение морфологических особенностей отдельных типов существительных, составляющих корреляционные родовые противопоставления.

Анализ различных типов противопоставлений выдвигает ряд вопросов о точках соприкосновения фактов словообразования с фактами формообразования [13].

[13] В. В. Виноградов замечает: «... в современном русском языке есть 3 разных типа парных соотносительных по родо-половому признаку имен существительных в категории лица: 1. *муж — жена* или *супруг — супруга*; 2. *учитель — учительница*; *колхозник — колхозница* и т. п. 3. *причудник — причудница*; *озорник — озорница* и т. д.

Парные слова первых двух разрядов — бесспорно, разные слова; корелятивные слова третьего разряда ближе к формам одного слова, хотя и не являются таковыми» (В. В. Виноградов. О формах слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. III, вып. 1); см. также: А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 27 и след.

2. Раскрытие существа современных процессов возникновения так называемых самостоятельных форм рода глаголов и прилагательных.

Эти процессы вызваны тем обстоятельством, что некоторые группы существительных, лишенных родовых коррелятов, становятся элементами новых типов семантических родовых противопоставлений, реализующихся не синтаксико-морфологическими, а только синтаксическими средствами: *врач пришел — врач пришла.*

Следующие разделы излагают результаты изучения некоторых из перечисленных тем.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИНТАКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РОДА

В отличие от семантической структуры, в сферу действия которой вовлечены только некоторые группы одушевленных существительных, синтаксико-морфологическая структура рода распространяется на весь словарный состав существительных.

Характерной чертой синтаксико-морфологической структуры рода в русском языке является параллельное морфологическое выражение рода у существительного и подчиненных ему слов; *новый* костюм∅ висел∅ — *нова*я юбк*а* висел*а* — *ново*е плать*е* висел*о*. Аффиксальная схема морфологического механизма различения вида выступает, таким образом, в следующем виде:- *ый* — ∅— ∅// — *-ая* — *-а*— *-а*; *-ое* — *-о* — *-о*. Следовательно, родовые формы структурно объединяют члены аттрибутивной синтагмы, а в значительном числе случаев и предикативной, т. е. на основе своеобразного морфологического сингармонизма возникает структурная спаянность трех членов предложения: подлежащего, определения, сказуемого.

От этого типичного для языка образца синтаксико-морфологического выражения рода, основанного на соответствии морфологического облика разных членов предложения (resp. разных частей речи) имеются отступления только в следующих группах слов.

1. При существительных, которые содержат в своем составе суффиксы субъективной оценки *-ище*, *-ишко*, *-ина*; ср. *новый домище*, *домишко*, *домина*. Здесь морфологический облик противоречит доминирующему над ним синтаксическому показателю рода.

2. При существительных, лексически обозначающих лиц мужского пола или применяемых по отношению к лицам мужского

пола, но имеющих конечные гласные *-а* (*-я*) или *-о*: *родной папа*, *дядя*, *Миша*, *Сидоренко* [14] и т. п.

3. При существительных так называемого общего рода в применении к лицам мужского пола: *новый книгоноша*, *противный плакса* и т. д. Сюда же относятся факты иного характера: *врач пришла*, *директор заявила* и т. д.

4. При заимствованных существительных, отличающихся чуждым грамматическому строю русского языка морфологическим обликом: *красивый кенгуру*, *вкусное рагу* и т. п. [15]

Перечисленные группы случаев [16] представляют собой периферийные для синтаксико-морфологической структуры рода явления, отнюдь не лишающие типичности основную модель синтаксико-морфологического родового различия, основанного на соответствии синтаксических и морфологических показателей.

Выдающейся ролью морфологического фактора в выражении рода русский язык существенно отличается от западноевропейских языков, которым это свойственно в значительно меньшей степени или несвойственно вовсе. Ср. отсутствие морфологических показателей у многих существительных в немецком языке, например: der Held, das Feld, die Jagd, der Bruder, die Schwester, das Fenster, der See, 'озеро', die See 'море', или у существительных во французском языке: le pain, la faim, le frère, la soeur и т. п. В западноевропейских языках значительно у́же также область согласования форм прилагательных с родовыми формами существительных, что наблюдается, в частности, в итальянском и французском языках, где только часть прилагательных родоизменяемые, а прилагательные с конечным *-е* вовсе не имеют форм рода.

Как указывалось выше, система морфологических средств дифференциации рода осложнена тем, что у существительных женского рода, кроме типичной для их флексии *-а*, в форме именительного падежа встречается и нулевая флексия, являющаяся типичной для существительных мужского рода в этой же форме. Таким образом, в ряде случаев нет морфологических различий между номинативными формами существительных мужского и женского рода, например: *день — тень*.

[14] В случаях последнего вида имеется аналогичное несоответствие и в применении существительного к лицам женского пола: *дорогая Сидоренко*.

[15] Данные случаи характеризуются не несоответствием между синтаксическими и морфологическими показателями рода, а отсутствием такого соответствия, так как здесь вовсе нет морфологических показателей рода.

[16] Те отступления, которые охватывают единичные или весьма малочисленные исключения, например морфологическое выражение рода у существительных типа *знамя*, могут здесь не учитываться.

Статистическое обследование свидетельствует, однако, о том, что данным фактам следует придать весьма ограниченное значение при общей характеристике всей системы морфологических дифференциальных средств рода. Правда, общее число существительных с подобным морфологическим обликом в номинативе довольно значительно — 3880 [17], но большинство из них имеет другие четкие морфологические показатели рода: 2700 содержат в своем составе суффикс *-ость*, указывающий на принадлежность к женскому роду, а 520 — суффикс *-тель*, указывающий на принадлежность к мужскому роду. Таким образом, всего существительных с действительно неопределенным с точки зрения рода морфологическим обликом только 660, из них 400 относятся к женскому роду, 260 — к мужскому роду. Если при этом учесть, что общее число существительных в словарях современного русского литературного языка равно приблизительно 34 000, то рассматриваемая нами группа существительных с недифференцированным морфологическим обликом в номинативе составляет несколько меньше двух процентов. Следовательно, подавляющее большинство существительных в своей исходной форме отчетливо различается по родам морфологическими средствами.

Процесс развития литературного языка в период после Великой Октябрьской социалистической революции вследствие чрезвычайно медленных темпов изменяемости грамматического строя не мог, конечно, внести какие-либо существенные сдвиги в охарактеризованную выше синтаксико-морфологическую структуру рода. Однако значительные изменения в области лексики и словообразования, происшедшие в советский период, способствовали возникновению новых явлений, расширявших репертуар несоответствий между морфологическими и синтаксическими формами проявления рода. Все соответственные инновации могут быть сведены к трем группам фактов.

1. Как известно, род аббревиатур типа *ГЭС*, *райфо*, *ТАСС*, *ООН*, *роно*, *райпо*, *тэц* и под. определяется родовой принадлежностью ведущего слова соответственных словосочетаний: государственная электрическая *станция*, районный финансовый *отдел* и т. д. Но принадлежность аббревиатуры *ГЭС* к женскому роду, а *райфо* к мужскому роду противоречит их морфологическому облику. Таким образом, возникла новая разновидность синтаксико-

[17] Эти, как и все другие, цифровые данные приводятся по материалам «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, четырехтомного «Словаря русского языка» АН СССР и однотомного «Словаря русского языка» С. И. Ожегова.

морфологического выражения рода, характеризующаяся несоответствием морфологического облика отдельных членов словосочетания: в выражении *новая ГЭС* у прилагательного морфологическая форма женского рода, у существительного — мужского, в выражении *обновленный райфо* у прилагательного морфологическая форма мужского рода, у существительного — среднего.

Вот ряд иллюстраций из источников различных жанров и разных периодов: Человек в солдатской шинели и фуражке (в 1918 году вся Россия носила солдатское одеяние,— *РСФСР воевала*) проходит быстро через прихожую в кабинет профессора (Вс. Иванов, Возвращение Будды); По проекту организации работ площадка *Али-Байрамлинской ГРЭС* оснащена передвижными инвентарными установками ... (Из газет); С годами *ООН взрослела*, в нее влились десятки новых стран («Правда». 28. IX 1961); Возмутительно не то, что Оргкомитет ничего не делает... и все еще живет на «проработке» (отвратительное слово в применении к идейной борьбе) *бывшей РАПП* ... («Лит. газета». 15 VI 1961).

А. Селищев по поводу рассматриваемых фактов в свое время писал: «В отношении рода заметим следующее. Некоторые имена на твердый согласный воспринимаются как имена муж. р.; *стенгазета* (ж. р.), но *стенгаз* — м. р.: «Какой должна быть стенгазета?» и в той же статье: «Каким должен быть стенгаз?»... Но бывает и так, что в отношении рода сохраняет свое значение основное слово. Например, ВАПП, МАПП — ж. р. «Старая ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей) умерла» [18].

С разобранными словами сходны в рассматриваемом отношении аббревиатуры другого типа, как, например: *комполка*, *начштаба*, *замминистра* и под.

2. Своеобразные вариации в синтаксико-морфологическом выражении рода наблюдаются при употреблении особых типов словосложений, как *ракета-носитель*, *школа-интернат*, *печь-исполин* и т. д., где составляющие сложение элементы относятся к разным родовым группам. Согласование в роде прилагательных и глаголов с первой частью сложения воспринимается как необычное проявление норм, так как вторая (конечная) часть, обычно выступающая в качестве носительницы формы рода, как бы этому сопротивляется. Ср.: Шесть с половиной месяцев *обращалась* вокруг земли *ракета-носитель* третьего советского искусственного спутника ... *Ракета-носитель наблюдалась* десятками станций оптического наблюдения в разных странах мира («Веч. Моск-

[18] А. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928, стр. 165.

ва». 7XII 1958); Целью пуска была проверка надежности *новой ракеты-носителя* и точности ее системы управления... («Правда», 24IX 1961); *Школа-интернат* должна воспитывать многосторонний характер, развивать способности учащихся, приучать их ориентироваться в разных отраслях знаний... Директор *Суджанской школы-интерната* («Правда», 28 IX 1961 г.).

3. В принципиально ином отношении к действующей синтаксико-морфологической структуре (по сравнению с приведенными в двух предыдущих рубриках явлениями) находятся факты, наблюдаемые при употреблении возникающих сейчас новых, аналитических прилагательных типа *микрофильм*, *макропроцесс*, *электросани*, *электропоезд*, а также таких, как *рубашка а п а ш*, *цвет х а к и* и т. д. В сочетании с такими «прилагательными», независимо от того, функционируют ли они в качестве морфем или отдельных слов, существительные лишаются возможности синтаксически обнаруживать род в формах прилагательных, ср. *микрофильм и микроскопический фильм*, *электропоезд и электрический поезд* и т. д.

Конечно, сфера распространения этих фактов очень узка и их влияние на функционирующую синтаксико-морфологическую структуру рода пока еще микроскопично.

Все же упомянуть об этих фактах при характеристике родовой структуры представляется необходимым, с тем чтобы учитывать, что наряду с ныне действующими синтаксическими средствами сочетания существительных с прилагательными уже выступают, пусть пока в эмбриональной форме, новые, аналитические формы. Доказательством того, что эти факты проявляют тенденцию к развитию, является то, что в одной статье встретились четыре случая употребления аналитического прилагательного *микро-* в сочетании с разными существительными: — А как вы применили бы ваш *микрометод*, если бы ... («Лит. газета». 9 IX 1961); Героическое чуждо неороманистам. Они посвящают творчество *микромиру* человеческих чувств ... (там же); ... На этих коврах баснословных цен, под светом драгоценных люстр и живет мир человеческого планктона — мир *микрочувств* и *микродуш*... (там же).

Как и в предыдущие периоды развития литературного языка, в настоящее время некоторое число существительных колеблется в своем родовом оформлении.

Ниже приводится ряд существительных, которые в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова отмечены как слова, выступающие в двух (в единичных случаях — трех) параллельных формах рода. Вместе с существительными приводятся и соответственные стилистические пометы, а также отдельные пояснения значений; зве-

здочками отмечены существительные, не включенные вовсе или включенные только в одном родовом варианте в состав четырехтомного словаря АН СССР (1957—1961).

1. *амбушюр** и *амбушюра** (муз.); 2. *аневризма* (разг.) и *аневризм** (мед.); 3. *антимоний** и *антимония** (хим. устар.); 4. арабеск и (чаще) арабеска — узорчатый орнамент; 5. бакенбард (устар.) и бакенбарда; 6. барок* и (чаще) барокко (искус.); 7. ботинок и (реже) ботинка*; 8. ботфорт и (устар.) ботфорта* (истор.); 9. георгин и (редк.) георгина; 10. глюкоз* и (чаще) глюкоза (хим.); 11. грозд (устар.) и гроздь (ж. р.); 12. гум(м)иластик* и (реже) гум(м)иластика* (тех. устар.); 13. жираф и жирафа (зоол.); 14. закут и закута (обл.); 15. зал, зала и (устар.) зало *; 16. заусенец и заусеница; 17. идиом и идиома (лингв.); 18. кайла и кайло (горн.); 19. каприфолий, каприфолия* и каприфоль (ж. р.) (бот.); 20. кремальер* и кремальера* (тех.); 21. культурфильм * и культурфильма* (нов.); 22. лангуст и лангуста — съедобный морской рак; 23. маниок* и маниока (бот.); 24. нашест (разг.) и нашесть — то же, что насест (обл.); 25. нутри* (нескл.) и нутрия (ж. р.) (зоол.); 26. павозка* и павозок* (обл.); 27. пазанка * и пазанок* (охот.); 28. папах* (устар.) и папаха; 29. парадигм* и (чаще) парадигма; 30. парафраз и парафраза; 31. перифраз и (чаще) перифраза; 32. пиит и пиита (книжн. ритор. устар., теперь только ирон.); 33. повёртка* и поверток* (обл.); 34. подгнёт * и подгнётка* (обл.); 35. подклет (обл.) и подклеть (ж. р.); 36. подлаз* и подлаза* (простореч.); 37. подлинь — м. и ж. р. (спец. охот.); 38. подмен и подмена; 39. примак и примака* — человек, принятый в семью жены (обл. устар.); 40. просек и просека; 41. псальм* и псальма* — то же, что кант (истор.); 42. рельс и (простреч.) рельса*; 43. ретирад и ретирада (устар.); 44. санаторий и (устар.) санатория; 45. сангвин и сангвина (живопись); 46. свербеж и свербежь* (ж. р.) (простореч.); 47. сестерций* и сестерция* (устар.); 48. скирд и скирда; 49. сомнамбул и сомнамбула (мед.); 50. спазм и спазма; 51. ставень и ставня; 52. суспензий* и суспензия (хим.); 53. табель м. р. и (устар.) ж. р.; 54. тернослив* и тернослива* (бот.); 55. титла и (чаще) титло; 56. турнюр и турнюра* (истор.); 57. фаланстер и фаланстера* (истор.); 58. фарс и (устар.) фарса*; 59. ферзь м. р. и (устар.) ж. р.*; 60. фильм и фильма; 61. хиазм* и хиазма* (лингв., анатом.); 62. чинар и чинара (бот.); 63. шлихт* и шлихта (техн.); 64. шпон и шпона (техн.); 65. ятовь (ж. р.) и ятовье (обл.).

Подавляющее большинство приведенных существительных колеблется между мужским и женским родом, только отдельные — между мужским и средним или между женским и средним.

Всего существительных с неустойчивой родовой формой — 65, следовательно, удельный вес их в лексическом составе языка чрезвычайно незначителен. Надо при этом принять во внимание, что большую часть этих существительных составляют слова специального или диалектного характера, а также и то, что материалы «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова отражают, хотя и не в полной мере, длительный период развития русского литературного языка (от Пушкина до Горького), и многие из более или менее общеупотребительных слов снабжены в словаре в одной из своих родовых разновидностей пометой «устарело»; сюда относятся такие формы, как *бакенбард*, *табель* (ж. р.), *санатория*, *зало*. К этому следует еще добавить, что и материалы этого словаря к настоящему времени уже не в малой мере устарели, и ряд форм, не снабженных соответственной пометой, на самом деле уже вышли из употребления. В частности, это подтверждается тем, что, как видно из приведенного перечня, многие формы, зафиксированные в словаре, уже не указываются в новом четырехтомном «Словаре русского языка» АН СССР.

Значительный интерес представляет сопоставление родовых колебаний существительных в наше время с теми колебаниями, которые были в XIX в. и в начале нашего века. Поучительные сведения о колебаниях прежних периодов содержатся в работе В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» (изд. 2. Пг., 1915, стр. 119—123), где дан обширный перечень существительных с неустойчивыми формами рода, причем там содержится множество исконно русских и заимствованных слов терминологического характера, а также слов, обозначающих понятия об обиходных фактах и явлениях. Среди слов, отличавшихся неустойчивым родовым оформлением в XIX и в начале XX века, в названных источниках встречаются следующие (исконно русские и заимствованные слова приводятся раздельно):

Баранок—баранка, взяток—взятка, жар—жара, жнива—жниво, завес—завеса, заморозок—заморозка, заработок—заработка, знамень (м. р.)—знамя, испуг—испуга, кишок—кишка, ковыль (м. и ж.)—ковыл, коленка—коленко, крылец—крыльцо, моль (м. и ж.), мышь (м. и ж.), начал—начало, недоимок—недоимка, облако—облак, ожог—ожога, озимь (м. и ж.), онуч—онуча, оттенок—оттенка, перечень (м. и ж.), поступок—поступка, привес—привеса, примес—примеса, протор—протора, сенокос—сенокоса, студень (м. и ж.), хмель (м. и ж.), юнош—юноша.

Авантюр—авантюра, арьергард—арьергарда, архив—архива, атом—атома, бандероль (м. и ж.), бисквит—бисквита, бланк—бланка, бордюр—бордюра, браслет—браслета, бреш—бреша—

брешь, гардероб—гардероба, госпиталь (м. и ж.), гравюр—гравюра, диагонал—диагональ, дуэль (м. и ж.), кадриль (м. и ж.), каскад—каскада, комод—комода, контроль (м. и ж.), мавзолей—мавзолея, мир—мира, молекул—молекула, отель (м. и ж.), параллель (м. и ж.), профиль (м. и ж.), спиг (м. и ж.), станс—станса, такт—такта, террас—терраса, форс—форса, фасад—фасада, фрегат—фрегата, цитат—цитата, штурм—штурма, эстафет—эстафета.

Почти все приведенные слова в современных словарях даны в одной родовой форме. Сопоставительный анализ дает основание утверждать, что морфологическая структура рода сейчас несравненно устойчивее и единообразнее, чем в XIX в. Это в значительной мере представляет результат проводимой в советский период большой лексикографической работы, значительно превосходящей по своему объему и социальному резонансу лексикографическую деятельность дореволюционного времени. Представляется, однако, необходимым усилить организующее научно обоснованное начало в процессе ликвидации колебаний родовых форм. Подобное регулирование процесса должно прежде всего опираться на углубленное изучение объективных особенностей каждого из имеющихся вариантов, с тем чтобы отобрать тот, который в большей мере соответствует внутренним закономерностям развития и функционирования структуры рода. Но в ряде случаев существующие варианты оказываются объективно равноценными, и в этих случаях решающее значение приобретает степень распространенности и употребительности каждого из них. Это может быть установлено с помощью распространения и научной обработки специальных вопросников. Подобная работа, начатая уже давно вопросником, составленным С. П. Обнорским и Л. В. Щербой, сейчас возобновлена и значительно расширена и углублена. Все это, несомненно, приведет к тому, что значительная часть ныне колеблющихся существительных будет дана в словаре в одной только родовой форме. В тех же случаях, когда ни один из вариантов нельзя будет считать полностью исключенным, один из них в результате проведенного анализа можно будет охарактеризовать как более предпочтительный.

Само собой разумеется, что организованный процесс устранения случаев неустойчивости родовых форм отнюдь не должен быть распространен на те факты, когда различия в родовом оформлении связаны с семантической и стилистической дифференциацией соответственных существительных, ср.: *метод—метода*, *манер—манера*, *глист—глиста*, *зал—зала* и т. д., но все эти различия должны получить отчетливое обоснование.

ТЕНДЕНЦИЯ ИЗМЕНЯЕМОСТИ КАТЕГОРИИ РОДА В ОТНОШЕНИИ СТРУКТУРЫ И ОХВАТА ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА

К структурным относятся такие изменения, как исчезновение форм рода у существительных множественного числа, изменение форм рода у существительных типа *воевода*, *владыка*, *судья*, переход существительных с суффиксами *-ишко*, *-ище*, *-ло* из сферы среднего в сферу мужского рода.

Такие изменения структуры в сфере литературного языка наблюдаются и в настоящее время. Здесь должны быть упомянуты: а) морфологическое переоформление слов мужского рода с суффиксом *-ишко*, *-ло*, по парадигме склонения существительных на *-а*: *домишко*, *домишки*, *домишке* и т. д.; б) обусловленный переходом в средний род слов из других частей речи, а также взаимодействием с категорией безличности процесс дальнейшей формализации значения среднего рода, превращения формы среднего рода в «форму ради формы» [19], в) сюда же надо отнести те явления, которые А. М. Пешковский называл в свое время возникновением самостоятельных форм рода у глаголов: *врач пришел—врач пришла*.

Необходимо, однако, иметь в виду, что характерной чертой структурной изменяемости категории рода в литературном языке является ее предельная заторможенность действующими нормами. Действуя с силой, не уступающей силе юридических законов, нормы всемерно сдерживают любые проявления изменяемости в языке, который и сам по себе представляет «консервативную стихию». По меткому выражению Е. Д. Поливанова, отличительная черта развития литературного языка заключается, в частности, в том, что он с течением времени все меньше развивается. История дает немало поучительных примеров, свидетельствующих о том, что многим активным процессам изменяемости грамматических категорий, протекавшим в живой народной речи, господствовавшими нормами преграждался путь в литературный язык. Это же наблюдалось и в сфере категории рода.

В этой связи представляется необходимым подвергнуть критическому разбору некоторые содержащиеся в лингвистической литературе высказывания, в которых, как нам представляется, без достаточных оснований распространены на литературный язык процессы, протекающие в родовой структуре диалектов.

[19] См. об этом подробнее: В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., 1947.

Известно, что в русской народно-диалектной речи уже в течение длительного времени интенсивно протекают процессы, направленные к исчезновению форм среднего рода вследствие замены их формами женского и мужского рода.

Эти процессы уже с конца прошлого столетия привлекали к себе внимание лингвистов и являлись объектом исследования и описания в работах А. И. Соболевского, Н. Н. Дурново, С. П. Обнорского, в статьях Н. П. Гринковой, С. С. Высотского и ряда других авторов. Некоторые исследователи, однако, полагают, что данные процессы из народной речи проникли и в литературный язык и произвели в его родовой структуре глубокие изменения. Наиболее категорично высказали такую точку зрения С. П. Обнорский и М. Н. Петерсон. Так, С. П. Обнорский в своей насыщенной богатым материалом работе о русском именном склонении утверждает: «В литературном языке, с его южновеликорусским по происхождению вокализмом, категория среднего рода находится в начальном процессе разрушения. Ср. имена на *-ко*, *-ло*, *-ище* и многие другие факты перехода первоначальных имен среднего рода на *-о* преимущественно в категорию имен женского рода на *-а*. Нет никакого сомнения в том, что если бы не известная традиция языковых форм и не нормы грамматик, следов разрушения категории среднего рода в литературном языке было бы значительно более. В живой южновеликорусской речи особенно сильно разрушение категории рода, в частности именно среднего рода вплоть до полного его — в отдельных говорах — исчезновения из языка. Категория среднего рода, таким образом, как общий результат, в современной стадии русского языка в южновеликорусской области и отчасти в литературной речи должна быть признана наименее жизненной и жизнеспособной» [20].

Из цитированных положений следует, что к фактам разрушения категории среднего рода С. П. Обнорский относит не только переход имен с суффиксами субъективной оценки *-ко*, *-ло*, *-ище*, но и многие другие факты перехода из среднего рода существительных с ненаконечным ударением, а затем и с ударением на конце. При этом совершенно определенно указывается, что эти факты характерны не только для народной речи, но в значительной мере и для литературного языка. В качестве иллюстраций приводятся некоторые цитаты из литературных произведений, например: Какую ты имеешь *полную праву*? (Л. Толстой, Власть

[20] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. М.— Л., 1927, стр. 65—66.

тьмы); А на нем *пятно черная* около правого уха (И. Бунин, Ночной разговор) и др.

Подобного рода фактов в литературных произведениях, действительно, немало; в частности, значительное число их содержится и в произведениях советской литературы. Вот ряд примеров из произведений советских писателей: Не боишься — гони меня на улицу. Чорт с ней и с *хозяйствой*. Пущай все падает (А. Неверов, Бабы); Шла сейчас я *мимо училищи*, а уж там идет, там идет. Песни какея-то поют, топают, руками машут (А. Неверов, Захарова смерть); Ребята... у нас *плохая положения*, веселей надо, ребята...» (И. Бабель, Избранное); Дунь, приходи в *училищу* завтра вечером (А. Неверов, Шкрабы); — Игнатка, ой мы не люди. Которые живут у городу; там у них *вся богатства*, там музыка, там гулянье, девок всему обучают... (А. Серафимович, Рассказы о прошлом); Мы теперь сами навыкли *яичку* есть; ее сварить надо, а потом с сольцой, с сольцой ее, окаянную (Л. Леонов, Соть); Ты ж не нашего саду *яблок*. Ты ж оттуда... (Л. Леонов, Соть); ...Сначала скотину заставят обществить, бабоньки, а после и под *общую одеялу* спать загонят. Это мне верный человек говорил... (М. Шолохов, Собр. соч.); И начикал я мигом *полнёхонькую ведерку* (М. Волков, Заковыка); — Должно, не похожая на турецкую выйдет война. Теперь ить вон *какая оружия* пошла (М. Шолохов, Тихий Дон); Я его и ширнул концом палаша в глотку... Как *в чучелу* ширнул, а вышло — живого человека снял с земли... (М. Шолохов, Собр. соч.); — Знаешь, брат, что это — атаман ихний Карла...— вот запамятовал *прозвищу*... (М. Шолохов, Тихий Дон).

Все приведенные цитаты, несомненно, являются яркими иллюстрациями фактов перехода существительных среднего рода в женский и мужской род. Однако нет оснований считать их фактами литературного языка. Все они встречаются не в авторской речи, а только в речи персонажей, притом только таких, которые явно не являются носителями литературного языка. Не подлежит сомнению, что подчеркнутые выражения для каждого носителя литературного языка выступают как резко противоречащие «традиции языковых форм и норм грамматики», и поэтому реальными фактами литературного языка считаться не могут.

Представляется, что из приведенных положений С. П. Обнорского, очень выразительно обобщающих тенденции развития категории рода в народной речи, в применении к литературному языку является актуальным вывод о том, что из всех категорий рода в современной стадии развития категория среднего рода должна быть признана наименее жизненной и жизнеспособной.

Однако это обусловлено не только и даже не столько упомянутыми на стр. 193 структурными изменениями, сколько меньшим (в несколько раз!) ростом лексического состава категории среднего рода, по сравнению с мужским и женским, что в значительной мере зависит от действия внеязыковых факторов.

Расширение или сужение лексического состава [21], охватываемого различными родами (мужским, женским или средним), зависит прежде всего от того, в какой мере словообразовательные модели, относящиеся к тому или иному роду, способны удовлетворить потребности в обозначении возникающих в процессе общественного развития новых понятий. Очевидно, что чем бóльшим кругом словообразовательных возможностей обладает тот или иной род, тем бóльшая часть новой лексики будет вовлечена в его сферу.

Для исследования динамики развития каждого отдельного рода в отношении охвата лексического материала был подвергнут статистическому анализу, с одной стороны, весь современный состав существительных, с другой стороны, состав существительных-неологизмов советской эпохи. Ведь именно неологизмы показательны в отношении потенции каждого рода в охвате вновь возникающей лексики.

Всего по материалам обследованных современных словарей зафиксировано 33952 существительных. По отдельным родам они распределяются следующим образом: мужского рода — 15600 (46%), женского рода — 13884 (41%), среднего рода 4468 (13%). Следовательно, большинство существительных относится к мужскому и женскому родам, которые по количественному охвату существительных сравнительно мало отличаются друг от друга, между тем как средний род охватывает относительно незначительную группу существительных.

Несколько иные соотношения обнаружил С. С. Высотский в результате анализа группировки по родам имен существительных, употребляемых в разговорной речи крестьянской среды [22]. Всего им было проанализировано 5049 существительных, которые по отдельным родам распределяются следующим образом: мужской

[21] Могущее возникнуть возражение, что лексический состав, охватываемый отдельными грамматическими категориями, не может являться объектом грамматического исследования, несостоятельно. Лексический материал изучается здесь не сам по себе, а как мерило объема и продуктивности грамматических категорий.

[22] См.: С. С. Высотский. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. «Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР», вып. 1, 1948, стр. 86—87.

род — 2006 (40%), женский род — 2225 (44%), средний род — 818 (16%). Как видно, резких расхождений в распределении слов по родам нет. Различие только в том, что в литературном языке несколько преобладает мужской род, в крестьянской речи — женский [23]. Нельзя, конечно, упускать из виду, что данные С. С. Высотского характеризуют только группу диалектов крестьянской речи.

Общее количество существительных-неологизмов, обнаруженных в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова,— 869. По отдельным родовым группам они распределяются следующим образом: мужского рода — 495 (57%), женского рода — 285 (33%), среднего рода — 89 (10%). Таким образом, только у существительных мужского рода удельный вес неологизмов выше удельного веса общего числа существительных: 46—57%; у существительных женского и среднего рода обратные соотношения: 41—33%; 13—10%. Процент всех неологизмов по отношению к общему числу существительных 2,5; по отдельным родовым группам соответственно: 3,2 — 2 — 1,9%. В следующей таблице все эти данные сопоставлены.

Род	Количество существительных	Процент по отношению ко всем существительным	Количество неологизмов	Процент по отношению ко всем существительным данного рода	Процент по отношению ко всем неологизмам
Мужской	15 600	46	495	3,2	57
Женский	13 884	41	285	2,0	33
Средний	4 468	13	89	1,9	100
	33 952	100	869	2,5	100

[23] В этой связи обращает на себя внимание то, что некоторые слова, вошедшие в последнее время в обиход, относятся в литературном языке к мужскому роду, а в народной речи — к женскому. Ср. отражение этих фактсров в произведениях литературы: Одна, говорят, надежда на *бронепоезду* (Вс. Иванов, Бронепоезд 14-69); Он сел на камень подле китайца, сказал: — Подбери ноги, штаны измочишь. Пошто на *митингу* не шел, Сенька? (там же); — Вот замылют вас да еще в тюрьме за *большевизму* насидитесь! Шутки шутите? Время, вишь какое... (М. Шолохов, Тихий Дон); — Сама такая не живет и другому *горизонту* портит,— рассуждает о Фросе Кутузов (Д. Лаврухин, По следам героя); Почему такое кость моя туго срастается? Видать плохо вы ее *гипсой* обложили (М. Шолохов, Собр. соч.,

Весь материал существительных-неологизмов был подвергнут семантической классификации, целью которой является выяснение конкретных возможностей каждого отдельного рода в оформлении вновь возникших слов. Выделены четыре семантических разряда, среди которых может быть распределена, конечно, при широкой и несколько условной трактовке установленной семантической рубрикации, вся совокупность неологизмов: 1) обозначения отдельных лиц, 2) обозначения предметов, 3) обозначения предприятий, коллективов, учреждений, 4) обозначения отвлеченных понятий. Ниже приводятся неологизмы каждого из семантических разрядов, распределенные по отдельным родовым группам. К неологизмам отнесены и слова, приобретшие в советскую эпоху дополнительные значения.

1. Обозначения отдельных лиц по тем или иным признакам

К мужскому роду относятся: активист, алиментщик, аллилуйщик, антиобщественник, антирелигиозник, безбожник, безотрывник, белобандит, белогвардеец, беседчик, беспредметник, беспризорник, бетонщик, болельщик, бракодел, бригадник, бузотер, бумажник, валютчик, вечерник, внешкольник, водник, военком, военкор, военмор, военрук, военспец, воздушник, волокитчик, врид, втузовец, вузовец, выдвиженец, выпускник, высотник, генштабист, главком, групповод, движенец, деловик, деловод, деревообделочник, децернент, дорожник, достройщик, дошколенок, дошкольник, единоличник, жанровец, живоцерковник, зав, завкомовец, завхоз, загибщик, заимодержатель, замнарком, заочник, звеновик, звеньевой, значкист, золотопогонник, избач, индивидуал, исполкомщик, киноактер, киноартист, кинооператор, кинорежиссер, киоскёр, колхозник, комбат, комбриг, комдив, комполка, комсомолец, корниловец, краском, красноармеец, краснознаменец, краснофлотец, кружковец, кружковод, культармеец, культработник, культурник, культшеф, куркуль, курсант, лакировщик, левак, ленинец, лесник, летун, ликбезник, лишенец, мариец, массовик, мешочник, миллионер, многостаночник, милиционер, нарком, нацмен, невозвращенец, нэпман, областник, обновленец, общественник, одногодичник, одноклубник, октябренок, операционист, оптант, опытник, ор-

т. 8, стр. 192); ...Иной раз в праздник соберемся мы, пожилые казаки, ну, выпьем на складчину *по литре* на брата, про старое вспомянем... (М. Шолохов, Собр. соч., т. 8, стр. 183); ...Конкретно за границей, где *социализму*, промежду прочим, не строют... (Л. Леонов, Соть).

деноносец, основник, отличник, отопленец, отпускник, охранник, очеркист, очковтиратель, парашютист, паритель, парторг, партработник, партиец, педагог, перегибщик, передвижник, переменник, перерожденец, перестраховщик, пионер, пионерактивист, пионервожатый, плакатист, плакатчик, планерист, плановик, подкулачник, подшефник, политзаключенный, политкаторжанин, политотделец, политпросветработник, политпросветчик, политработник, политредактор, политрук, политэконом, пом, помзав, помбух, помнач, попутчик, портовик, порученец, посельчанин, починщик, почтовик, правозаступник, продавец, продовольственник, проектант, производственник, прораб, просвещенец, профбюрократ, профорг, профорганизатор, профработник, профсоюзник, профуполномоченный, рабкор, рабселькор, рабфаковец, радиозаяц, радиолюбитель, радиослушатель, радиоустановщик, радиофоник, радист, рейдовик, рекордист, репатриант, рядовик, саботажник, санаторник, санврач, сверхурочник, связист, североморец, сезонник, секционер, селькор, сельсоветчик, середняк, середнячок, слаботочник, сменовеховец, снабженец, совработник, сопротивленец, соцсовместитель, спартаковец, спец, спецеед, стажер, стажист, сталинец, старорежимец, старорежимник, старроцерковник, стахановец, стенгазетчик, стратонавт, стратоплаватель, страхделегат, табачник, танкист, твердозаданец, театровед, текстолог, телетайпист, техник-интендант, технорук, тонмейстер, торгпред, тракторист, трестовик, туалетчик, уклонист, управдел, управделами, управдом, уравниловец, утильщик, учетчик, учредиловец, фабзавучник, фашист, физкультурник, финработник, финагент, фининспектор, фотокорреспондент, фотолюбитель, фоторепортер, функционер, химизатор, хлебозаготовитель, хлебосдатчик, хлопкороб, хозяйственник, хронометражист, частник, цекист, чекист, чернорубашечник, швейник, экскурсовод, юнкор, юннат.

К женскому роду относятся: активистка, алиментщица, антирелигиозница, безбожница, бузотерка, буржуйка, вузовка, выдвиженка, горянка, дошкольница, женделегатка, значкистка, киноактриса, киноартистка, колхозница, комсомолка, кружковка, культработница, ленинка, лишенка, марийка, милиционерка, многостаночница, националка, нацменка, нэпманша, операционистка, оптантка, орденоноска, отличница, очеркистка, парашютистка, партийка, перерожденка, пионерка, планеристка, платьевщица, пловчиха, политпросветчица, производственница, просвещенка, рабфаковка, рекордистка, репатриантка, саботажница, санаторница, связистка, секционерка, селькорка, середнячка, совбарышня, стажерка, стажистка, стахановка, стацио-

нарка, табачница, техничка, трактористка, туалетчица, уклонистка, утильщица, фашистка, физкультурница, функционалка, хронометражистка, чекистка, швейница.

Слов, относящихся к среднему роду, в этом семантическом разряде нет.

2. Обозначения коллективов, учреждений, предприятий

К мужскому роду относятся: актив, ВИК, военкомат, втуз, вуз, вытрезвитель, генштаб, гидрофлот, главк, групком, децернат, дозавуч, драмкружок, жакт, женотдел, жилсоюз, завком, загс, зверосовхоз, зоопарк, зоосад, избирком, исполком, исправдом, кафетерий, кинотеатр, колхоз, комбед, комбинат, комсомол, комсостав, конесовхоз, концлагерь, крестком, культпром, культфонд, лесозавод, ликпункт, местком, микрорайон, мясозавод, наркомат, начсостав, обком, овцесовхоз, партактив, партколлектив, партком, парторган, партсъезд, педвуз, пединститут, педтехникум, педфак, пионеротряд, политотдел, политпросвет, политсостав, продотряд, профактив, профбюро, профком, профорган, профсоюз, профилакторий, рабкооп, рабфак, радиофонд, радиоконцерт, радиомаяк, радиотеатр, радиоузел, радиоцентр, райком, район, райсовет, ревком, рик, свеклозавод, свинозавод, секретариат, сельмаг, сельсовет, сельхоз, семфонд, совдеп, совнарком, совсод, совхоз, стационар, танкодром, техникум, техперсонал, улус, утильзавод, утильцех, учком, фабзавком, фабзавуч, фабком, финотдел, хлебозавод.

К женскому роду относятся: автострада, аспирантура, аэропочта, братва, гидростанция, заградиловка, киносеть, кинофабрика, компартия, комсомолия, комфракция, комячейка, конармия, культячейка, многолавка, мотокада, мотопехота, новостройка, однолавка, палата, партколлегия, партконференция, парторганизация, партшкола, партячейка, передвижка, пионерия, политредакция, политчасть, политшкола, прослойка, профорганизация, профтехшкола, профшкола, рабсила, рада, радиосеть, санчасть, сберкасса, свиноферма, совпартшкола, спецшкола, страхкасса, учредилка, учредиловка, фабрика-кухня, централь, чека, юнсекция.

К среднему роду относятся: домоуправление, заводоуправление, звено, отделение, партсобрание, педучилище, политбюро, политуправление, производство, профсобрание, сельпо, сенохранилище, середнячество, телекино, торгпредство.

3. Обозначения предметов (в обиходном смысле слова)

К мужскому роду относятся: боевик, громкоговоритель, вездеход, грузовик, дензнак, заменитель, кожимит, коротковолновик, культурфильм, лежак, линкор, мандат, нейтрон, обрез, партбилет, полутораплан, проффбилет, радиопеленгатор, радиопередатчик, радиоприемник, радиотелефон, самолет, светофор, сенокопнитель, сенонагрузчик, сеноподъемник, сенособиратель, сенофураж, снегоход, сталинит, стогометатель, стратодирижабль, стратоплан, стратостат, сучкорез, телеавтограф, телепередатчик, торфолеум, турбовоз, утиль, форд, фордзон, фордик, фототелеграф, хлебофураж, хлопкокомбайн, ширпотреб.

К женскому роду относятся: агитка, времянка, жилплощадь, зарплата, картофелесажалка, квартплата, кинопередвижка, курсовка, буденовка, летучка, майка, манка, малолитражка, многотиражка, николаевка, пластмасса, площадка, прозодежда, путевка, радиовышка, радиогазета, радиограмма, радиола, радиолампа, радиопередвижка, радиоустановка, рампа, сберкнижка, сеносушилка, сенотаска, спецодежда, спецставка, стенгазета, стенновка, танкетка, турбовоздуходувка, физкультурка, фотокарточка, цеховка.

К среднему роду относятся: галифе, семзерно, утильсырье, эскимо.

4. Обозначения отвлеченных понятий

К мужскому роду относятся: активизм, главкизм, замер, копируч ет, крекинг, ленинизм, либерализм, ликбез, листаж, литмонтаж, метраж, недовыпуск, недоучет, отсев, парашютизм, планеризм, политехнизм, рекордизм, типаж, уклонизм, фашизм, фордизм, фотомонтаж, фоторепортаж, хозрасчет,

К женскому роду относятся: активизация, бескоровность, бесплановость, договоренность, значимость, картофелезаготовка, киносъемка, кинофикация, коллективизация, корниловщина, кустарность, кустарщина, большевизация, бомбежка, военизация, кинотехника, лесозаготовка, ликвидность, массобоязнь, массовость, машинизация, мясозаготовка, национализация, недовыработка, недоговоренность, неувязка, общественность, озимизация, оптация, очередность, партучеба, перевооруженность, перегрузка, переквалификация, перестройка, плановость, подкованность, политехнизация, политучеба, поточность, продразверстка, проработка, профвредность, радиография, радиоперекличка, радиотехника, радиофикация, репарация, репатриация

самокритика, самоокупаемость, самоуспокоенность, светомаскировка, сенозаготовка, сеноуборка, снегоборьба, снегоочистка, советизация, стажировка, старорежимность, стихология, текстология, телемеханика, теплофикация, техпропаганда, тракторизация, украинизация, уравниловка, фашизация, фордизация, химизация, хлебосдача, хлебозаготовка, хлебоуборка, шерстезаготовка, яйцезаготовка.

К среднему роду относятся: бузотерство, вредительство, выдвиженчество, выявление, деловодство, делячество, домостроение, жилстроительство, занижение, захоронение, комчванство, культурничество, кустарничество, левачество, молочение, недовыполнение, облучение, обновленчество, обрастание, обслуживание, овощеводство, опытничество, орабочение, оформление, очковтирательство, отстаивание, перевыполнение, перезахоронение, перерожденчество, планирование, попутничество, пораженчество, правозаступничество, приспособленчество, профдвижение, профобразование, профпросвещение, радиовещание, радиопеленгирование, разукрупнение, районирование, саботажничество, саботирование, самолетовождение, самолетостроение, самообложение, снегование, самоуплотнение, самоустранение, селькорство, сменовеховство, снегозадержание, соцсовместительство, соцсоревнование, соцстроительство, спецеедство, стратоплавание, танковождение, театроведение, телевидение, телевещание, тракторостроение, турбобурение, ударничество, укрупнение, упрощенчество.

Существительные, относящиеся к этим четырем семантическим разрядам, составляют подавляющее большинство всех неологизмов (87%). Остальные неологизмы объединяются в мелкие семантические группы, поэтому с точки зрения распределенности семантических разрядов неологизмов по родам они не характерны. Отметим только, что существительные мужского рода составляют там 60%, а женского — 40%.

Приведенные перечни показывают, что около 36% всех неологизмов составляют обозначения лица; это означает, что наибольшее число возникших в советскую эпоху новых понятий составляют понятия о лице, характеризуемом под углом зрения разнообразных проявлений общественной жизни. Вполне естественно, что в революционную эпоху в условиях чрезвычайно активной общественной деятельности и коренного преобразования форм социальной, производственной и культурной жизни возникла потребность в образовании большого количества новых слов для названия человека в его разнообразных новых функциях. Все множество новых обозначений лица оформлялось по уже сформировавшимся

к тому времени или еще только формировавшимся тогда морфологическим моделям категории мужского рода. По справедливому замечанию В. В. Виноградова, «в категории мужского рода очень заметно значение социально активного лица» [24].

Следует здесь отметить, что вследствие оформления неологизмов со значением лица по морфологическим моделям мужского рода рост этого разряда слов в русском языке не расширяет несоответствие между морфологическими и синтаксическими формами обнаружения мужского рода, что наблюдается в ряде других славянских языков, где неологизмы со значением лица образуются во многих случаях по моделям женского рода. Ср. русск. *тракторист*, польск. *traktorzysta*, чешск. *traktorista*, сербохорватск. дублетное *тракторист(а)*, болг. *тракторист*; русск. *активист*; польск. *aktywista*, чешск. *aktivista*, болг. *активист*; русск. *рекордист*, польск. *rekordzista*; русск. *радист*, польск. *radiotelegrafista*; русск. *парашютист*, чешск. *parašutista*; русск. *танкист*, чешск. *tankista*, сербохорв. *тёнкист(а)*, болг. *танкист* и т. д.

Содержащиеся в данном семантическом разряде существительные женского рода типа *активистка*, *антирелигиозница* в качестве обозначений лица существенно отличаются от соответственных существительных мужского рода. Ведь значение лица эти существительные женского рода унаследовали от своих производящих основ, а их собственные деривационные значения сводятся к указанию на принадлежность лица к женскому полу [25].

Поскольку изучаемым объектом в данном разделе являются асемантические родовые формы, здесь не место анализировать вопрос о том, почему среди 247 существительных мужского рода со значением лица только 69 имеют коррелятивные формы женского рода, а также специфику этого типа корреляций в отличие от других; это относится к проблематике раздела о семантических родовых противопоставлениях. Здесь должно быть только установлено, что в наиболее многочисленном разряде неологизмов со значением лица 247 относятся к мужскому роду, 69 — к женскому, а существительных среднего рода здесь, естественно, нет вовсе.

В разряде слов, обозначающих коллективы, предприятия, учреждения, также резко выделяется по количеству охватываемых неологизмов мужской род. К нему относится 106 существи-

[24] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 68.

[25] Это не относится только к трем существительным: *женделегатка*, *платьевщица*, *техничка*, что объясняется в каждом случае специальными причинами.

тельных, к женскому — 49, к среднему — 15. В разряде неологизмов, обозначающих предметы, число существительных мужского и женского рода почти одинаково: к первому относится 51, ко второму — 43 неологизма; количество существительных среднего рода здесь весьма незначительно — всего 4. Только в разряде слов, обозначающих отвлеченные понятия, находим существенно иные отношения: здесь на первом плане существительные женского рода — 78, довольно велико число существительных среднего рода — 67, а группа существительных мужского рода самая малочисленная — 24.

Следующая таблица содержит все данные о распределении основных семантических разрядов неологизмов по отдельным родовым группам:

Семантический разряд	Род			
	мужской	средний	женский	общее число
Обозначения лица	247	—	69	316
Обозначения коллективов, предприятий, учреждений	106	15	49	170
Обозначения предметов	51	4	43	98
Обозначения отвлеченных предметов	24	67	78	169

Таким образом, анализ неологизмов XX века, проведенный с целью выяснения имеющихся у отдельных категорий рода возможностей удовлетворять потребности в обозначении явлений, возникающих во всех областях современной действительности, показал, что наиболее продуктивной является категория мужского рода. Во всех основных разрядах новообразований слов, кроме разряда слов, обозначающих отвлеченные понятия, наибольшая часть слов оформляется по моделям мужского рода. Следует указать, что и в разряде слов с отвлеченными значениями возможности категории мужского рода довольно значительны. Надо принять также во внимание, что в группе слов, не включенных в основные семантические разряды, довольно большое количество слов мужского рода имеет значения, в значительной мере отвлеченные. Женский род также обнаруживает значительную продуктивность во всех семантических разрядах.

Наименьшей продуктивностью отличается категория среднего рода. Из разряда слов со значением лица она исключается вовсе,

в семантическом разряде предметности ее возможности микроскопичны, в области обозначений коллективов и учреждений ее возможности также весьма незначительны. Только в разряде отвлеченных понятий категория среднего рода обнаруживает значительную продуктивность. Именно этим объясняется большой удельный вес существительных среднего рода в различных жанрах книжного языка. Есть основание полагать, что в этих жанрах значение категории среднего рода не должно убывать. Более того, ряд обстоятельств свидетельствует о том, что темпы снижения удельного веса категории среднего рода и в других жанрах литературного языка будут предельно медленны. Ведь в настоящее время различные жанры литературного языка в несравненно большей мере влияют друг на друга, чем в прежние периоды развития литературного языка. А это приводит к тому, что многие слова с отвлеченным значением широко употребляются во всех жанрах языка, в том числе и в разговорной литературной речи. Ср. широкую распространенность как в книжном, так и в разговорном языке таких оформленных по моделям среднего рода слов, как *соцсоревнование*, *голосование*, *собрание*, *чтение*, *разрешение*, *получение*, *умножение*, *вычитание*, *увеличение*, *домоуправление*, *выполнение*, *выдвижение*, *строительство*, *обслуживание*, *самообслуживание*, *кустарничество*, *бузотерство*, *рвачество* и многие подобные. Все эти обстоятельства поддерживают некоторую степень продуктивности и у наиболее слабой и общей структуре рода категории среднего рода.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РОДОВЫЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

Все семантические родовые противопоставления объединены тем, что родовые формы облечены в них семантикой различий по признаку пола, однако по своим структурным особенностям они образуют несколько существенно отличающихся друг от друга типов. Различия отдельных типов представлены в следующей схеме:

Iа. *Новый дежурный пришел — новая дежурная пришла*;

Iб. *Опытный тракторист работал — опытная трактористка работала.*

IIа. *Противный* плакса *заревел — противная* плакса *заревела.*

IIб. *Наш* врач *приехал — наш(а)* врач *приехала.*

В противопоставлениях типа I родовые различия получают синтаксико-морфологическое выражение (противопоставлен мор-

фологический облик существительного и поясняющих его слов), в противопоставлениях типа II родовые различия получают только синтаксическое выражение (морфологический облик существительного неизменен).

Как показывает приведенная схема, в противопоставлениях типа I в зависимости от морфологического облика существительного выделены два подтипа: в первом подтипе родовая противопоставленность выражена формообразующими по своей исконной функции морфемами (*дежурный* — *дежурная*), во втором подтипе выступает корреляция существительных с типичными морфемами словообразовательного характера (*тракторист* — *трактористка*, *лев* — *львица*). Однако, как будет показано ниже, и эти парные образования выступают как словообразовательные корреляции sui generis.

Противопоставления типа II, где род различается только синтаксически, подразделены на два подтипа в зависимости от существенных различий в значении и форме существительных, лежащих в основе этих противопоставлений: *задира вошел — вошла*, *врач вошел — вошла*.

Каждая из приведенных разновидностей семантических родовых противопоставлений обладает множеством разнообразных особенностей, требующих детального анализа. В рамках данной работы, в соответствии с поставленной задачей, первые три подтипа получают только самую общую характеристику и только четвертый подтип, получивший значительное развитие в нашу эпоху под влиянием социального фактора, будет подвергнут более развернутому анализу.

1. Противопоставления подтипа Ia (*дежурный—дежурная* и под.) распространяются на незначительную группу (в пределах ста) субстантивированных прилагательных и причастий со значением лица, характеризуемого по разнообразным признакам (по определенному занятию, профессии, физическому состоянию и т. д.).

Вот перечень многих относящихся к этому подтипу существительных, составленный по материалам «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова: арестованный, беглый, безработный, белый, беспартийный, беспризорный, благоверный, больной, ведущий, верноподданный, верховой, военный, вожатый, возлюбленный, вошедший, глухой, горбатый, гулящий, дежурный, душевнобольной, заведующий, заключенный, звеньевой, знакомый, командированный, контуженный, кормчий, курящий, лесничий, неизвестный, незнакомый, некурящий, немой, новобрачный, новорожденный, обвиняемый, одержимый, отдыхающий, пионер-

вожатый, политический, поверенный, подданный, подопечный, подручный, подсудимый, пострадавший, посыльный, первый (и другие порядковые числительные), председательствующий, приезжий, проезжий, прокаженный, прохожий, рулевой, связной, слепой, служащий, ссыльный, суженый, сыпнотифозный, тифозный, трудящийся, убитый, уголовный, управляющий, учащийся, ученый, умалишенный, уполномоченный, утопающий, штурвальный.

Чрезвычайно сложным оказывается решение вопроса, являются ли члены корреляции *дежурный — дежурная* разными словами или разными формами одного слова. Здесь должны быть учтены и характер того категориального значения, которым эти образования противопоставлены друг другу, и способы выражения (оформления) противопоставленных значений.

Как известно, с точки зрения семантики, различие слов зиждется на обозначении разных «предметов», меж тем как различие форм слов заключается в обозначении разных «отношений» при идентичности обозначаемого предмета [26]. Различия в значении образований *дежурный — дежурная* с трудом поддаются определению при применении данного критерия. В самом деле, они могут квалифицироваться как различия того и другого характера. Представляется, однако, что различия в обозначении отношений здесь все же превалируют. В самом деле, сопоставление корреляций типа *дежурный — дежурная*, *больной — больная*, с одной стороны, и *супруг — супруга*, *тесть — теща*, с другой стороны, показывает, что различие в отношении к полу во втором случае отчетливо влечет за собой разницу лексических значений, а в первом случае это различие отношения значительно менее существенно для обозначения лица по признаку занятий или специальности и поэтому в чрезвычайно малой степени затрагивает предметное (лексическое) значение и, следовательно, остается в основном только различием в обозначении отношения. Таким образом, различия в значении *дежурный — дежурная*, характер которых под рассматриваемым углом зрения трудно со всей определенностью установить, все же приходится считать в большей степени реляционным, чем деривационным. Что же касается способа выражения этих различий, то он, несомненно, по своей природе должен быть отнесен к группе реляционных средств языка, так как морфемы *-ый — -ая* разносят члены этой корреляции по двум противопоставленным парадигмам.

[26] См. об этом подробнее: А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 20 и след.

Таким образом, анализ существа объективных возможностей отнесения корреляции типа *дежурный — дежурная* к группе деривационных или реляционных приводит к выводу, что будучи в значительной мере синкретичными по своему характеру, они все же ближе ко вторым, чем к первым.

Безоговорочная характеристика А. И. Смирницким образований *больной—больная* как разных слов не представляется адекватным отражением соотношений членов этой корреляции. Автор, аргументируя свою точку зрения, приводит следующие соображения: «Максимальный сдвиг в сторону грамматичности (еще больший, чем в типе *причудник—причудница*, выделенном академиком В. В. Виноградовым) наблюдается в случаях типа *больной—больная* («этот новый больной», «та же больная, что приходила вчера»), т. е. когда данные существительные образованы субстантивацией качественного прилагательного (или причастия: ср. *учащийся—учащаяся*) в формах мужского и женского родов (в отличие от таких случаев, как *ученый*, где использована форма только мужского рода: «Она выдающийся ученый»); ср. также *русский—русская*. В таких случаях можно было бы как будто предположить тождество слова в парных образованиях мужского и женского родов, т. е. грамматическое изменение существительных по родам. Однако давление всей системы соотношений, характерных для существительных, и то обстоятельство, что принадлежность к тому или другому полу вообще есть реальный признак, делают и те существительные, которые образованы из прилагательных путем субстантивации, неизменяемыми по родам, но принадлежащими к тому или другому роду и, следовательно, л е к с и ч е с к и обозначающими принадлежность лица к определенному полу» [27].

Видимо, А. И. Смирницкий в приведенных рассуждениях не учитывает того обстоятельства, что система родовых соотношений, характерных для существительных как отдельного грамматического класса, отнюдь не единообразна. Как это показывалось подробно выше, имеется существенное различие между родовыми соотношениями в семантических и асемантических противопоставлениях.

Вывод о том, будто в корреляции *больной—больная* родовая противопоставленность носит лексический характер вследствие давления системы соотношений, характерных для класса существительных в целом, представляется результатом неправомер-

[27] А. И. С м и р н и ц к и й. Указ. соч., стр. 28.

ного, на наш взгляд, перенесения закономерностей одного яруса родовой структуры на другой.

Второй из приведенных автором доводов в защиту своей точки зрения, заключающийся в том, что «принадлежность к тому или другому полу вообще есть реальный признак», не может считаться убедительным при анализе характера соотношений парных образований, являющихся единицами языковой системы. Ведь языковые единицы не представляют собой прямое, «зеркальное» отражение тех или иных элементов реального мира.

2. В отличие от весьма малочисленных корреляций подтипа Iа, корреляции подтипа Iб (*учитель—учительница*, *лев—львица*) охватывают несравненно большее число существительных. Большинство из них также являются названиями лица по определенному признаку, однако сюда относится и некоторое число названий животных. Это единственная подгруппа семантических родовых корреляций, выходящая за рамки категории лица.

Для выяснения сходства и различия корреляций подтипов Iа и Iб показательно сопоставление двух корреляций, относящихся к разным подтипам, но лексически однородных: *беспризорный—беспризорная* || *беспризорник—беспризорница*. Семантически почти одинаковые соотношения членов корреляции, выраженные в подтипе Iа словоизменительными морфемами, получают в подтипе Iб выражение морфологическими средствами, типичное для системы словообразования.

Исходя из того, что способ выражения имеет большое, а в ряде случаев и решающее значение для формирования существа той или иной языковой единицы, можно корреляции подтипа Iб, в отличие от корреляций подтипа Iа, безоговорочно отнести к группе корреляций, носящих словообразовательный характер.

Вместе с тем большая семантическая близость соотношений членов корреляций подтипов Iа и Iб (ср. *незнакомый—незнакомая* и *незнакомец—незнакомка*), граничащая с семантическим тождеством этих соотношений, с одной стороны, и, с другой стороны, функциональное тождество синтаксико-морфологического и только синтаксического обнаружения родовой противопоставленности, отчетливо выступающее при сравнении фактов, относящихся к подтипам Iб и IIб: а) *преподаватель вошел — преподавательница вошла* и б) *педагог вошел — педагог вошла* свидетельствуют о большом своеобразии корреляций подтипа Iб в общей системе словообразования, что и дает основание их считать, как указывалось выше, словообразовательными корреляциями особого рода. О своеобразии корреляций подтипа Iб в общей системе словообразования говорит и то, что круг охва-

тываемых им лексических единиц чрезвычайно велик, что не характерно для обычных словообразовательных корреляций. Как справедливо указывал С. Карцевский, важным отличием словообразовательного гнезда от формообразовательной парадигмы является относительная закрытость первого и почти неограниченная открытость второй.

В корреляциях подтипа Iб один из членов, как правило, является немаркированным, однако в некоторых случаях наблюдается потеря соответственным членом корреляции способности выступать в качестве немаркированного; так, вполне употребительно *она хороший преподаватель*, но выражению *она хороший ткач* некоторые, может быть, предпочтут: *она хорошая ткачиха*. Здесь сказывается зависимость функционирования слова как члена словообразовательной корреляции от сдвигов в его лексическом значении. В самом деле, форма *ткач*, возможно, утрачивает способность сохранять широкий лексический объем понятия и поэтому корреляция *ткач — ткачиха* лишилась важной черты подлинных родовых корреляций, какими являются большинство парных образований рассматриваемого подтипа.

В зависимости от особенностей структуры, семантики и функционирования в разных стилистических условиях среди корреляций подтипа Iб выделяется несколько значительно отличающихся друг от друга разновидностей, которые довольно обстоятельно проанализированы И. Ф. Протченко [28].

3. Противопоставления IIа и IIб (*противный плакса заревел — противная плакса заревела* и *наш врач приехал — наш(а) врач приехала*, где род выражается только синтаксически) отличаются друг от друга: 1) по морфологическому облику существительного — одним присущ морфологический облик, типичный для существительных женского рода, другим — мужского рода (*тихоня — счетовод*); 2) семантически — одни являются названиями лиц по определенному характерному для них признаку, в большинстве случаев отрицательному, другие являются названиями лиц по профессии, должности, роду занятий и т. д.; 3) стилистически — одни относятся к разговорному стилю и к просторечию, другие — к нейтральному и научно-книжному стилю.

Противопоставления подтипа IIа в современном литературном языке охватывают свыше 200 существительных. Число их и состав изменялись в процессе развития языка. Н. И. Греч приводит пере-

[28] И. Ф. Протченко. Образование и употребление имен существительных женского рода — названий лиц в современном русском языке.— «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 158, 1960.

чень таких существительных, насчитывающий 64 слова, а «Грамматика русского языка» (Изд-во АН СССР, 1960) насчитывает 108 таких слов. Состав этих перечней во многом различен.

Приводим перечень существительных подтипа IIа, составленный по материалам обследованных словарей: балда, бедняга, белоручка, бестия, болтушка, бродяга, брюзга, бука, верзила, вертушка, вопила, воротила, вруша, всезнайка, выжига, выжимала, выпивала, выскочка, горемыка, громила, грязнуля, грязнуха, грязнушка, гулена, гуляка, деляга, добряга, дорогуша, дубина, дурачина, дурашка, дурында, дылда, егоза, жадина, жаднюга, идиотина, забияка, забулдыга, заводила, задира, задирала, зазнайка, заика, замарашка, замазуля, замухрышка, заноза, зануда, запивоха, запевала, заправила, зверюга, здоровила, зевака, злюка, зубрила, зуда, зудила, калека, каналья, капризуля, кликуша, книгоноша, коллега, копуша, коротконожка, кривляка, кривоножка, кривошейка, кривуля, крикса, кровопийца, крутила, кусака, кутила, лакомка, лгунишка, левша, лежебока, ломака, мазила, малоежка, малютка, меняла, миляга, милуша, многознайка, молодчага, молодчина, мямля, надоеда, надоедала, надувала, невежа, невежда, невидимка, недотепа, недотрога, немогузнайка, недоучка, непоседа, неряха, нюня, обдирала, обдувала, обжирала, обжора, обирала, обироха, объедала, одиночка, опивала, паинька, писака, плакса, плакуша, плачуга, плутяга, побируха, побирушка, поддавала, подлиза, подлипала, подлюга, подметала, подстрекала, подсыпала, полузнайка, попрошайка, праздношатайка, предтеча, приготовишка, прилипала, приставала, притворяла, прожига, пройдоха, пролаза, пропойца, простофиля, прощелыга, пустельга, пустомеля, пьяница, пьянчужка, работяга, раззява, разиня, размазня, раскоряка, растеря, растеряха, растрепа, растяпа, рева, резака, ровня, роднуша, рохля, рубака, самоубийца, самоучка, святоша, сердяга, симпатяга, сирота, сквалыга, скряга, скупяга, сладкоежка, сластена, служака, смирена, соня, сорвиголова, староста, стерва, стервоза, страшила, судья, сутяга, тараторка, тезка, тетеря, тихоня, торопыга, трепала, тупица, убийца, умница, уродина, фискала, форсила, ханжа, хватюга, хапуга, хитрюга, хныкалка, хныкса, чаепийца, человекоубийца, чистюля, читала, чудила, шаромыга, шельма, ябеда.

С точки зрения соотношений членов этих синтаксических корреляций рассматриваемые подтипы различаются тем, что в подтипе IIб в качестве нейтрального выступает только мужской род, а в подтипе IIа, где первоначально нейтральной была форма женского рода, в настоящее время в этой функции могут выступать обе формы, хотя в большинстве случаев, согласно нашим наблю-

дениям, в этой функции выступают формы мужского рода. Ниже приводятся некоторые примеры, показывающие, что в роли немаркированного члена могут выступать здесь и существительные женского рода:

— Хо-да-ко-ва! — раздельно произнес он.— Ну да, позовите мне эту *балду*... — Слушайте, Ходаков,— вяло — и это звучало хуже ругани,— заговорил Сергей Андреевич.— Проверьте клеммы... (Л. Леонов, Скутаревский); — *Этакая подлая растопыра!* — успела шепнуть Ольга Петровна на ухо племяннице. Юля горячо кивнула в ответ (А. Караваева, Разбег); — Гоняешься, гоняешься за ними... А и достанется *пьянчужка какая-нибудь*, винное подметало... (Л. Леонов, Барсуки); — Я справляюсь, кто такой Ершов.— Да угольщик наш,— поясняет мне Трофимов.— *Подводила естественная*. Третье ухо капитанское. И капитан наш тоже — ух, зловредный! (А. Новиков-Прибой, Коммунист в походе).

Противопоставления подтипа IIб возникли в период после Великой Октябрьской социалистической революции. Они порождены глубокими изменениями, происшедшими в советский период в структуре имен существительных со значением лица в результате сложного взаимодействия социальных факторов с внутренними тенденциями развития языка.

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Различия в роде существительных со значением лица с древних пор выражаются двояко: лексически и словообразовательно; ср., с одной стороны, *брат—сестра*, и, с другой стороны, *отличник—отличница*. Количественно эти две группы родовых корреляций представляют несоизмеримые величины. Группа лексических корреляций охватывает крайне ограниченное число существительных, главным образом таких, которые обозначают лицо, характеризуемое с точки зрения родственных отношений; вторая — словообразовательная — группа корреляций объединяет чрезвычайно большое и непрерывно увеличивающееся число существительных со значением лица, характеризуемого по самым разным признакам. Именно в этой группе родовых корреляций протекали в советский период под влиянием социальных факторов активные процессы, обусловившие значительные изменения в ее составе и в характере ее отдельных частей.

Словообразовательные родовые корреляции в зависимости от особенностей лексических значений существительных могут быть объединены в три группы: 1) родовые корреляции существительных со значением лица, характеризуемого по национальной принадлежности или месту жительства: *немец—немка*, *англичанин—англичанка*, *москвич—москвичка*, *африканец—африканка*; 2) родовые корреляции существительных со значением лица, характеризуемого по тем или иным психологическим или физическим признакам: *озорник—озорница*, *красавец—красавица*, *блондин—блондинка* и т. п.; 3) родовые корреляции существительных со значением лица, характеризуемого по профессии, специальности, тому или иному виду деятельности: *ткач—ткачиха*, *летчик—летчица*. *писатель—писательница*, *помощник—помощница* и т. п.

Под влиянием социальных условий, господствовавших во времена, предшествовавшие Октябрьской революции, третья группа корреляций, в отличие от первых двух, была чрезвычайно ограничена в своем составе. Ведь для женщин был закрыт тогда доступ почти во все области производства, общественно-политической, научной и культурной жизни. Деятельность женщин в подавляющем большинстве случаев была замкнута в рамках семьи и домашнего хозяйства.

Вследствие этого большинство существительных — названий лиц по профессии, таких, как например, *литейщик*, *штукатурщик*, *плотник*, *паркетчик*, *намазчик* и многие-многие другие, не имели при себе параллелей женского рода. Даже столь универсальные виды сельскохозяйственных работ, как косьба и молотьба, ассоциировались в сознании людей с мужским трудом и соответственные названия лиц по этому виду труда выступали, как правило, только в формах мужского рода.

Чрезвычайно характерно, что В. Даль, приведя вслед за тремя мужскими названиями *косарь*, *косец*, *косовщик* женское название *косариха*, цитирует в иллюстративном материале типичное для того времени рассуждение: «Косьба и молотьба у нас работы мужские, но местами бабы косят и молотят» [29]. Не изменило существенным образом положение дел значительное расширение в последней четверти XIX в. женского труда в прядильно-ткацкой и некоторых других отраслях промышленности, вызванное интенсивным индустриальным развитием России в тот период. Виды труда, к которым привлекались женщины, были, как правило, мало квалифицированными или вовсе неквалифицирован-

[29] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, 1955, т. II. М., стр. 172.

пыми, часто специфически женскими и поэтому в большинстве случаев оставались обособленными. Это относится и к началу XX в., в частности ко времени империалистической войны 1914—1918 гг. Вот некоторые выдержки из журналов 1915 и начала 1917 года, которые, хотя и носят частный характер, проливают свет на участие женщин в промышленном труде в то время. Всего с началом войны на «новые» должности было принято 179 женщин, из них 79 кондукторов, 75 стрелочниц и сигналистов, 11 курьеров, телефонисток и рассыльных по 2. В это число нами не включен еще целый штат женщин-чистильщиков, но они принимались на эти должности еще и до войны («Женщина и война», 1915, № 1); Забастовки захватили работниц мастерских страусовых перьев, электрических предприятий, мастерских, изготовляющих подтяжки, предметы военного снаряжения, вышивальщиц, мотальщиц шелка, несколько тысяч банковских служащих, продавщиц и кассирш больших магазинов, в общей сложности более 20 000 человек («Работница, 1917, № 5).

После Великой Октябрьской революции, коренным образом изменившей социально-правовые условия женщин, когда вовлечение женщин в производственную, общественную, идеологическую и другие виды деятельности приняло массовый характер, положение резко изменилось [30]. В результате этого группа корреляций по виду деятельности из весьма малочисленной превратилась в чрезвычайно обширную по своему лексическому охвату.

В данном случае в составе родовых корреляций изменения общественной жизни получили в языке прямое «зеркальное» отражение, аналогично тому, как отражаются в словарной номинации изменения явлений реального мира: возникло большое множество профессий и специальностей, в которых в одинаковой мере участвовали мужчины и женщины, и в родовой системе языка возникло множество соответственных корреляций. Приведем для иллюстрации только некоторые из огромного числа вновь возникших корреляций по тому или иному виду деятельности: *комбайнер—комбайнерка*, *тракторист—трактористка*, *сепараторщик—сепараторщица*, *вальцовщик—вальцовщица*, *арматурщик—арматурщица*, *фрезеровщик—фрезеровщица*, *электросварщик—электросварщица*, *автоматчик—автоматчица*, *зенитчик—зенитчица*, *бортпроводник-бортпроводница*, *летчик-летчица*,

[30] Вот яркое выражение этой грандиозной общественной метаморфозы: Я была батрачкой, горничной, домашним животным моего мужа, я стала профессором философии, агрономом, парторгом (М. Горький, Литерат. забавы).

сценарист—сценаристка, *космонавт—космонавтка*, *волейболист—волейболистка*, *копьеметатель—копьеметательница*, *пловец—пловчиха*, *конькобежец—конькобежка* [31].

Распространенность этой серии корреляций уже с первых десятилетий нашей эпохи получила свое отражение в произведениях советской литературы разных жанров.

Королева — 36 лет, беспартийная, *шахтерка* Юзовского уезда, *героиня труда* («Работница», 1923, № 1); В трамвае стало совсем пусто. *Кондукторша* дремала, сунув руки в рукава, и уже не объявляла остановок (А. Антоновская, В трамвае). Употреблялось и образование «кондуктрисса»: Ваш билет! — обратилась *кондуктрисса* [32] к молодому человеку... («Смехач», 1928, № 6); ...от любознательной *журналистки* до страстной и прочно определившей свою задачу *публицистки*,— еще большой этап (М. Шагинян, Дневники); И за цехом цех, платок к платку частили каблуком *станочницы-металлистки* новостроевского завода (Дм. Лаврухин, Речь по поводу); Она (дочь профессора) окончила университет... Она была *активисткой*, *ударницей и энтузиасткой* (М. Зощенко, Возвращенная молодость); Работы сколько угодно, только давай-давай. Пойдет на рудник *откатчицей*, пойдет в столовую *подавальщицей*, пойдет к грабарям *землекопкой* (В. Катаев, Время вперед); Среди лучших производственников фабрики — *копировщица* тов. Чистякова, *проявщица* тов. Пушкина, *монтажница* тов. Кузнецова, контролер тов. Меркушина, *светоустановщица* тов. Леонова и другие («Веч. Москва», 7. IX 54); Несколько дней назад *дизель-мотористка* Валентина Кривова остановила двигатель, который в течение двух лет питал стройку электроэнергией («Веч. Москва», 11. II 55); Работница т. Родина с успехом может выполнить обязанности *шлифовщицы* и *револьверщицы*... (Н. Кузьмин, На высоких скоростях и больших подачах); И все же в воскресенье мы были вправе ждать от других советских *конькобежек* лучших результатов («Комс. правда», 23. II 60).

Процесс образования различных групп коррелятивных женских названий отнюдь не всегда протекал беспрепятственно. В не-

[31] Конечно, и в настоящее время имеются только мужские и только женские профессии и специальности, однако в отличие от дореволюционного времени они чрезвычайно малочисленны, меж тем как в прежнее время единичными были, наоборот, виды производственной и другой деятельности, в одинаковой мере общие для мужчин и женщин.

[32] Ср.: Поэтому/у меня,/ у старой газетной крысы,/ и язык не поворачивается/ обвинять/ ни шофера,/ ни *кондуктриссы*. (Маяковский, Про пешеходов и разинь).

которых случаях в силу разнообразных причин — особое строение основы, отсутствие вполне приемлемого для данного случая суффикса и др.— на этом пути бывали и «заминки». Характерный случай отмечен Л. А. Булаховским. В тридцатых годах автор писал: «Не раз и не два, конечно, в жизни встречалась потребность в параллель *пловцу* назвать плавающую женщину, но всякий образующий вполне соответствующее законам русского словообразования слово *пловица* чувствует себя тем не менее новатором» [33]. В настоящее время, с развитием этого вида спорта, стало широко употребляться — вначале в речи людей, занимающихся спортом, затем в общей речи — соответственное название *пловчиха*, образованное, правда, не по той словообразовательной модели, которую предлагал Л. А. Булаховский. Это слово сейчас фиксируется во всех словарях, и современные носители литературного языка, особенно из молодежи, отнюдь не чувствуют себя новаторами, употребляя его. Аналогичной, надо полагать, будет судьба и образования «конькобежка». Это образование еще не получило права гражданства в современных словарях. И в текстах параллельно с ним встречается сочетание *женщина — конькобежец*. Так в книге М. П. Соколова «Конькобежный спорт» (М., 1952, стр. 19) встречается: «В дореволюционной России *женщины-конькобежцы* насчитывались единицами...» Но этот же автор, как и авторы других книг и статей, как правило, называют современных женщин, занимающихся конькобежным спортом, *конькобежками*. Подобная эволюция словоупотребления вполне оправдана объективно. В старое время были единичные *женщины-конькобежцы*, а в настоящее время, когда конькобежный спорт среди женщин носит массовый характер, название *конькобежка* является столь же рациональным, сколь и экономным. Конечно, и к тому и к другому новообразованию могут быть предъявлены те или иные «претензии». Однако соответствие, пусть минимальное, основным словообразовательным нормам и настоятельная необходимость в номинации обеспечили им доступ в языковую систему.

Приобретшая в советскую эпоху большую продуктивность и частотность группа корреляций по виду деятельности обладает таким качеством, которым она существенно отличается от других групп корреляций. Нетрудно установить, что из двух членов корреляции *тракторист—трактористка* только второй член является маркированным, так как существительное *трактористка* содержит в своем значении прямое указание на принадлежность

[33] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Харьков, 1936, стр. 106.

лица к женскому полу. Первый же член выступает в качестве немаркированного, ведь он прямого указания на принадлежность к определенному полу не содержит и поэтому может в одинаковой мере применяться как к мужчинам, так и к женщинам, что видно из таких выражений, как *мой брат — тракторист*, *моя сестра — тракторист* или *совхозу требуется тракторист*. Меж тем в корреляции типа *француз—француженка*, *москвич—москвичка* немаркированного члена нет, оба члена в одинаковой мере выступают в качестве маркированных. Точно так же, как нельзя сказать *мой брат — француженка* (*москвичка*), нельзя сказать и *моя сестра — француз* (*москвич*) [34].

Чем обусловлен такой именно характер отношений между членами корреляций типа *тракторист—трактористка?* А. И. Смирницкий объясняет это спецификой названий лиц по общественному положению в отличие от названий лиц по признаку семейных отношений. Он указывает: «...возможно: «Она опытный преподаватель», но невозможно: «Она любящий супруг», сравн. также преобладание разнокорневых образований (т. е. корреляций, не содержащих маркированного члена.— *И. М.*) вроде *муж—жена*, *брат—сестра* именно за пределами слов, относящихся к общественной жизни» [35]. Это замечание совершенно справедливое, однако оно не раскрывает с нужной полнотой существа дела. Наличие в рассматриваемых корреляциях нейтральной к полу формы мужского рода вызвано сплетением двух, не связанных между собой социальных явлений. Здесь сыграло значительную роль то, что, как уже говорилось выше, в прошлом большинство этих названий выступало в одинарных формах мужского рода, которым не противопоставлялись женские параллели. При отсутствии контрастных названий значение принадлежности к полу у этих существительных выступало очень бледно или не выступало вовсе. Это привело к тому, что названия лиц по профессии в форме мужского рода часто воспринимались вне ассоциаций с различиями по полу.

С другой стороны, полное равенство условий, созданное Октябрьской революцией для участия мужчин и женщин в самых

[34] Корреляции третьей группы, типа *озорник-озорница*, занимают промежуточное место в этом отношении. Здесь существительное мужского рода только в отдельных случаях может выступать в качестве немаркированного члена. Так, по сравнению с вполне обычным выражением *она — тракторист*, выражение *она озорник* воспринимается в качестве несколько необычного, но все же вполне допустимого (ср. *Какой она озорник!*), но не принято вовсе говорить: *Она блондин*, *Она добряк*.

[35] А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 143.

разных отраслях труда, продиктовало не только возможность, но и необходимость употреблять названия лиц по виду деятельности, нейтральные к дифференциации по полу, с тем чтобы в нужных случаях их можно было одинаково применять к мужчинам и женщинам. Так, противоположные по своей социальной сущности явления привели к одному и тому же результату — возникновению родовых корреляций нового типа.

Наиболее ярко нейтральность немаркированного компонента корреляции — существительного в форме мужского рода — проявляется в тех случаях, когда это существительное служит большей частью, а в особых случаях исключительно обозначением лиц женского пола. Чрезвычайно характерны в этом отношении следующие наблюдения иностранцев, авторов русской грамматики на английском языке: «В связи с участием женщин почти во всех отраслях труда и профессиях в России число специфических женских форм стало увеличиваться, например, *ударница* (shock worker). В противоположность этому, однако, можно наблюдать тенденцию к возврату к форме мужского рода, особенно — что весьма любопытно — в тех случаях, когда женщины вытесняют мужчин из какой-либо отрасли труда... Так, в городах все трамвайные кондуктора — женщины, основное слово *кондуктор* вновь получило общее употребление, форма *учитель* часто применяется к женщине-учителю, особенно в предикативном контексте: *Его сестра — учитель математики*» [36].

Возникновение в советский период большой группы корреляций нового типа предопределило, естественно, значительные изменения в характере всего словообразовательного яруса структуры рода в целом.

Нельзя, однако, полагать, что употребление корреляций нового типа ведет к полному вытеснению названий женского рода, т. е. по существу к уничтожению в русском языке дифференциации

[36] F. M. Borras. Russian Syntax by F. M. Borras and R. F. Christian. Oxford, 1961, стр. 4.— Употребление форм мужского рода для именования профессии, свойственных главным образом или даже исключительно женщинам, является также своеобразной инновацией послереволюционной эпохи. Традиционно в качестве названий таких профессий выступали только образования женского рода, сравн. *модистка*, *белошвейка*, *машинистка*, *маникюрша*, *кастелянша* и т. п. Эта инновация, однако, вряд ли могла бы сохраниться и получить распространение, даже если бы этому способствовали социальные условия (в действительности этого не произошло), так как она противоречит основе самой лексико-грамматической системы средств выражения различий по полу, искони присущей русскому языку. Ведь эти различия принято обозначать не лексически, а словообразовательно.

форм рода у существительных со значением лица. Такое допущение полностью исключается действующими грамматическими закономерностями. Дифференциация названий лица по полу относится к той группе категориальных понятий, которые составляют в своей совокупности лексико-грамматическую модель, по которой оформляются в русском языке существительные со значением лица. Аналогией может служить дифференциация понятий определенности — неопределенности, выражаемая артиклями, без которых невозможно лексико-грамматическое оформление существительных в западных языках. Современная речевая практика отчетливо свидетельствует о том, что и в настоящее время, как и в предыдущие периоды, категория рода сохраняет свою силу и в области существительных со значением лица. Возможности употребления форм мужского рода применительно к женщинам привели только к расширению возможностей родовой дифференциации. Форма мужского рода, наряду со своей способностью обозначать лицо мужского пола, приобрела способность обозначать лицо в отвлечении от пола, т. е. выступать в функции «общего» рода. Контекст (языковой или ситуационный) уточняет в каждом отдельном случае, в какой именно функции выступает немаркированная форма мужского рода. Ср.: *В комнату вошла трактористка*; *В комнату вошел тракторист*; *Совхозу нужен тракторист*. В первом предложении форма женского рода в качестве маркированной однозначно указывает на принадлежность лица к женскому полу. Во втором предложении немаркированная форма мужского рода в данном контексте указывает на принадлежность лица к мужскому полу. Это следующим образом подсказывается контекстом: а) имеется в виду конкретное лицо определенной профессии, б) это лицо мужского пола, так как в противном случае было бы употреблено однозначное женское название. В третьем случае контекст отчетливо указывает на то, что лицо в данном случае мыслится только по признаку профессии, в отвлечении от принадлежности к тому или иному полу.

Что касается социальной стороны, то ведь полное равноправие женщин отнюдь не означает уничтожение сложного комплекса различий между мужчинами и женщинами. Эти различия сохраняют свою силу, по-видимому, при любом общественном строе, а оставаясь в мире реальной действительности, они, естественно, сохраняются и в своем языковом отражении.

Наличие корреляций с немаркированным членом создает возможности применять формы мужского рода и к женщинам. Надо, однако, в полной мере учитывать существенное различие в обозначении женщин формами женского и мужского рода. Немарки-

рованная форма представляет собой отвлеченное название лица по профессии, полностью абстрагированное от конкретной индивидуальности называемого лица. При конкретном же названии женщины по профессии — а основу этой конкретности для русского языкового сознания составляет именно обозначение пола — как правило пользуются маркированной формой женского рода:

Не так давно довелось мне познакомиться с Шушаникой Никитичной Манучарьянц, которая в течение трех с лишним лет была *библиотекарем* Владимира Ильича Ленина. И вот я прочла ее книгу «В библиотеке Владимира Ильича»... Воспоминанья Ш. Манучарьянц... строго документированы: *библиотекарша* с первого дня работы вела дневник, куда записывала поручения Владимира Ильича (Анна Караваева, Заметка о книге «В библиотеке Владимира Ильича», «Правда», 20. III 1965).

В первом случае А. Караваева употребляет немаркированную форму для отвлеченного названия лица по должности, но для конкретного названия женщины, о которой идет речь, автор предпочла маркированную форму *библиотекарша*. Другой аналогичный случай употребления обеих форм: Сначала А. Иванова, работавшая *кассиром* в совхозе «Ильинское-Усово», получила письмо. На официальном бланке... *кассирше* любезно сообщали:... («Веч. Москва», 12. IV 1965).

Попытка заменить в приводимых ниже текстах женских названий мужскими наглядно обнаруживает функциональные различия тех и других форм и, следовательно, невозможность вытеснения одних другими: В одной из стычек колчаковец полоснул шашкой *партизанку*. На работу шли с песней, которую звонко заводила сама *председательница*; Государство платит ей хорошую пенсию, но старая *коммунистка* продолжает работать («Крестьянка», № 3, 1965).

С функционально-семантическими особенностями маркированных и немаркированных форм в качестве средств обозначения женщин связаны и их стилистические различия. Немаркированные формы чаще всего употребляются в официально-деловых жанрах речи. В лингвистической литературе, однако, уже справедливо указывалось, что смысловые, синтаксические и стилистические условия, обусловливающие предпочтительное употребление тех или других форм, чрезвычайно разнообразны и с трудом поддаются схематизации [37].

[37] См.: И. Ф. Протченко. Указ. соч., стр. 102 и след.; В. Н. Хохлачева. Изменения в системе словообразования существительных. «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.

Таким образом, глубокие социальные изменения, порожденные Великой Октябрьской революцией, стимулировали существенные сдвиги в словообразовательном ярусе родовой структуры: а) чрезвычайное расширение, протекавшее беспрецедентно быстрыми темпами, группы родовых корреляций по виду деятельности, б) осмысление взаимоотношений между членами этих корреляций, отражающее новые отношения между мужчинами и женщинами в подавляющем числе отраслей физической и духовной деятельности людей. Этим, однако, не исчерпывается комплекс изменений родовой структуры, возникших в послеоктябрьский период. Наряду с различными преобразованиями существовавших в дореволюционное время отношений, глубокие процессы речевой практики советской эпохи обусловили появление новых, ранее не встречавшихся вовсе средств выражения рода в русском языке.

С помощью словообразовательных средств выражения рода оказалось невозможным полностью удовлетворить вызванные новыми социальными условиями потребности в дифференциации по роду названий лиц по профессии и специальности.

Некоторые суффиксы вследствие того, что с их помощью образовывались названия жен по профессии мужей, или вследствие того, что они обросли экспрессивно-эмоциональными оттенками значений [38], не могли быть использованы для образования параллельных семантически и стилистически идентичных с мужскими профессиональных названий лиц женского пола. Так, существительные с суффиксами *-ша*, *-иха*, например: *бухгалтерша*, *врачиха*, воспринимались в то время обычнее всего как названия жены бухгалтера или врача, либо же как иронические или пренебрежительные названия женщин по этим профессиям.

Были и другие препятствия на пути использования суффиксальных средств для образования женских названий. В отличие от существительных типа *тракторист*, *моторист*, при которых свободно возникают парные образования с помощью суффикса *-ка*, у существительных иного морфологического и морфонологического строения, например: *хирург*, *профорг*, *оратор*, *лектор*, *профессор* и многих подобных, такие парные образования не появлялись, так как это сопряжено с фонетически затрудненными чере-

Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964, стр. 77.

[38] См. об этом подробнее: В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 66—67; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 192.

дованиями (срвн. *хируржка*, *профоржка*) или же с неприемлемыми изменениями стилистической окраски слов (срвн. *ораторка*, *лекторка*, *профессорка*).

В некоторых случаях коррелятивные параллели женского рода оказывались невозможными в результате того, что морфологические образования, которые могли бы быть для этой цели использованы, существовали уже в языке с другим значением (срвн. *техник—техничка*, *электрик—электричка* и т. д.).

Таким образом, в силу многих и разных причин, связанных с морфонологическими, семантическими и стилистическими особенностями производящих основ и суффиксов, некоторые группы существительных со значением лица оказались неспособными вступить в словообразовательные родовые корреляции. Поскольку же потребности коммуникации настойчиво диктовали необходимость параллельных обозначений лиц разного пола, речевая практика прибегла к средствам другого яруса языковой системы, к синтаксису.

Так возникли сочетания типа *врач сказала*, *управдом выдала справку*, где форма рода, обозначающая принадлежность к полу названного существительным лица, выражается флексией не самого существительного, а относящегося к нему сказуемого. Это новый, своеобразный аналитический тип выражения рода существительных.

Под влиянием приведенных выше сочетаний возникли в речи и особые случаи выражения рода существительного флексией поясняющего его определения, например *сама директор* или *хорошая бухгалтер*. Однако последние факты встречаются чрезвычайно редко и в специальных стилистико-синтаксических позициях. Поэтому они выделяются нами в особую группу и анализируются с учетом всей их специфики.

Выражение рода существительного флексией сказуемого стало ощутимым явлением в языке в начале двадцатых годов нашего столетия. Впервые данное явление стало объектом научного рассмотрения в трудах А. М. Пешковского, который отчетливо указал и на его социальные корни: «В последнее время в связи с выдвижением женщин на всех поприщах, доступных раньше только мужчинам, в русском языке явилась большая потребность в употреблении самостоятельного женского рода глагола, так как названия разных специальностей и должностей не всегда допускают образование женского рода с недвусмысленным значением [39].

[39] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 192.

ЭЛЕКТРОННЫЙ АРХИВ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
www.ruslang.ru

О социальной обусловленности сдвигов в выражении рода, правда, в применении к одному только существительному *врач*, говорил и А. И. Смирницкий: «Многое здесь зависит от конкретных, исторически сложившихся реальных отношений в обществе (ср. исчезновение выражения *женщина-врач*, еще очень обычного до революции, и применение слова *врач* и к лицам женского пола в связи с тем, что врачи-женщины перестали представлять исключительное явление)»[40].

А. М. Пешковский привел скудный материал, иллюстрирующий синтаксическое выражение рода у существительных со значением лица, что объясняется крайне ограниченной распространенностью этого явления в то время. Приведены только цитаты из газет: Аспирант Р. С. Лившиц была в командировке для изучения вопроса о вечной мерзлоте в Сибири в течение двух месяцев («Дзержинец», 22 V 1923; лучше было сказать аспирантка); Сюда приехала вице-президент университетской федерации английской рабочей партии Фрида Атлин («Известия ЦИК СССР и ВЦИК», телеграмма ТАСС из Баку; можно было, хотя и с оттенком вольности, сказать *вице-президентка Фрида Атлин*)».

Следует отметить, что приведенные факты с тех пор претерпели значительные изменения: сейчас уже широко вошло в употребление образование *аспирантка* и редко кто скажет про женщину *аспирант*, а образование *вице-президентка* никто, пожалуй, не употребит, даже с «оттенком вольности».

Значительный интерес представляет хронологическое определение источников изучаемого явления. Факты, которые привел Пешковский, датируются 1923 годом. Есть много оснований полагать, что именно в эти годы подобного рода факты стали распространяться в речи. Это подтверждает на основании своих наблюдений ряд опрошенных нами старожилов Москвы, внимательно следивших за протекавшими тогда в речи процессами.

Веским подтверждением правильности нашего допущения может служить то, что в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова, подготавливавшемся в середине второго десятилетия нашего века и очень чутко отражавшем характерные для того времени сдвиги в письменной и устной речи, о рассматриваемых явлениях не упоминается вовсе. Представляют интерес следующие замечания А. А. Шахматова:

«Представления о лицах женского пола не могут повлиять на изменение грамматического рода мужских слов на твердую сог-

[40] А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 143.

ласную, служащих для их обозначения. Слова *доктор*, *кондуктор*, *студент* остаются словами муж. рода, когда означают женщину, девушку; это зависит и от того, что слова эти продолжают обозначать и лица муж. полу; для означения женщины, девушки язык охотно прибегает к новообразованиям (*докторша*, *докторица*, *студентка*)» [41].

Таким образом, той речевой ситуации, которую охарактеризовал А. М. Пешковский в выше приведенной цитате, тогда еще не было. Она возникла только в процессе дальнейшего социального развития, где переломным пунктом была Великая Октябрьская революция. Более или менее распространенными эти факты стали только в двадцатых годах, однако отдельные случаи, естественно, возникали и в первые послереволюционные годы.

Вот один из самых ранних зафиксированных нами фактов: За два года плена наш германский *товарищ имела* от мужа всего три открытки, с двумя-тремя строками... («Работница», 1917, стр. 5). Нельзя не обратить внимания на то, что один из первых случаев синтаксического выражения рода связан с употреблением слова *товарищ*. Именно это слово, ставшее после революции одним из наиболее распространенных элементов русской лексики, лишенное женской словообразовательной параллели, сыграло, по всей вероятности, значительную роль в развитии новых форм выражения рода. Это один из очень редких случаев, когда отдельная лексическая единица играет немаловажную роль в развитии существенного явления грамматического строя языка.

В настоящее время аналитические средства выражения рода потенциально и, как правило, и реально выступают у значительного числа существительных. Для того чтобы дать представление о многочисленности этих слов, приводим длинный, но отнюдь не исчерпывающий перечень этих существительных, составленный по материалам современных словарей.

Авиатор, автор, агент, агитатор, агроном, адвокат, администратор, академик, аккомпаниатор, аллопат, антрепренер, антрополог, археолог, архитектор, астролог, астронавт, аэронавт, бактериолог, балетмейстер, баснописец, библиограф, библиофил, биограф, биолог, бригадир, бухгалтер, венеролог, военврач, военинженер, военкор, военспец, воентехник, военфельдшер, востоковед, врач, геолог, Герой Советского Союза, гинеколог, гистолог, главврач, глазник, гомеопат, гравер, гример, групповод, дегустатор, декламатор, декоратор, деловод, демонстратор, директор, дирижер, донор,

[41] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 449—450.

доктор, доцент, драматург, египтолог, естествовед, живописец, животновод, жонглер, зав, завмаг, зам, замзав, звукооператор, землемер, зоолог, зоотехник, инженер, инициатор, инспектор, инструктор, информатор, искусствовед, ирригатор, ихтиолог, кулькулятор, капитан, кинорежиссер, кинооператор, классик, командир, комиссар, комментатор, композитор, комсорг, кондуктор, контролер, кооператор, краевед, лауреат, лейтенант, лексиколог, лектор, лесовод, лирик, литератор, литературовед, массовик, мастер, металлург, метеоролог, механизатор, микробиолог, милиционер, минер, министр, монтажер, музеевед, музыковед, невролог, невропатолог, нейрохирург, нефтяник, нотариус, обществовед, овощевод, овцевод, онколог, оператор, оратор, организатор, орденоносец, ординатор, парторг, педагог, передовик, пилот, письмоносец, плановик, полевод, почвовед, почтальон, посол, правовик, практик, препаратор, провизор, прозаик, прокурор, профессор, профорг, психолог, пчеловод, рабкор, рабселькор, растениевод, рационализатор, ревизор, регистратор, редактор, режиссер, ректор, рентгенолог, репетитор, репортер, ретушер, садовод, сапер, сатирик, секретарь, селекционер, семасиолог, скульптор, славяновед, социолог, суфлер, счетовод, табаковод, теоретик, терапевт, техник, товарищ, товаровед, топограф, управдел, управдом, уролог, ушник, фармаколог, физиолог, филолог, философ, фининспектор, фонолог, фотограф, хирург, хмелевод, хлопковод, цензор, член (комитета), член-корреспондент, штурман, экзаменатор, экспедитор, эксперт, электрик, электромеханик, электротехник, эмбриолог, эндокринолог, энергетик, эпидемиолог, этнограф, этнолог, юрист, юрисконсульт, юннат, языковед, яровизатор, яфетидолог.

Аналитическое выражение рода у приведенных существительных представляет в русском литературном языке советской эпохи довольно распространенное явление. Вот некоторое число фактов из разнообразных источников и различных жанров речи, относящихся к разным отрезкам советского периода:

— Надо сейчас решить, когда наше делегатское собрание будет собираться и будете ли ходить,— *поставила* вопрос ячейковый *организатор* («Работница», 1928, № 6);— *Кондуктор*, пожилая женщина, с кожаной сумкой и опухлыми от холода пальцами, внимательно смотрела на него и так же, отраженно, улыбалась (Л. Леонов, Скутаревский); День кончался. Очищались столы. *Секретарь закрыла* выдвижное бюро (Ос. Черный, Высокое искусство); В глазах лейтенанта появились живые искорки, он заинтересовался, и, когда *доктор встала*, чтобы уйти, он медленно с трудом произнес: «Еще» («Работница», 1945, № 6); По-види-

мому, приисковый *счетовод* серьезно *заболела* (А. Коптяева, Иван Иванович); *Военфельдшер добросовестна* и не больше. Из нее выработается со временем средний медик для малоинтересных больных (В. Панова, Спутники); По веселым лицам, по одобрительным репликам *архитектор могла* заключить, что дворец принят («Работница», 1951, № 4); Почему дипломированный *юрист учинила* над почтенной женщиной шемякину расправу? («Горьковский рабочий», 19. VIII 1960); Молодой *астроном*, только что закончив фотографирование неба, *начала* просматривать пластинки («Вечерняя Москва», 12. II 1964); *Завженотделом говорила*,/ Когда в колхоз меня везла, / Что старики и есть мерило / Неявного добра и зла. (Т. Жирмунская, Старики, Район моей любви); *Профессор открыла* люк и *проникла* внутрь патрона... На сейфе был выгравирован странный знак — вечная лира над парой берцовых костей. *Профессор* бесстрашно *открыла* металлический ящик («Лит. газета», 5. I 1965).

Иллюстративный материал содержит много случаев аналитического выражения рода существительного формой поясняющего слова в функции сказуемого. Сказуемое при этом чаще всего выражается глагольной формой прошедшего времени на *-л*, но в ряде случаев оно выражается и краткой формой причастия или прилагательного. Эти факты встречаются в беллетрических произведениях, в журналах и газетах, в научно-публицистической, деловой, интимно-бытовой устной речи; следовательно, они являются принадлежностью не какой-либо отдельной стилистической разновидности, а литературного языка в целом.

Фактам синтаксического выражения рода значительно труднее, чем многим другим речевым новшествам, пробить себе путь в литературный язык. Это обусловлено тем, что употребление этих форм сопряжено с отклонением от основных норм формального сочетания слов. Вряд ли можно сомневаться в том, что некоторые подобные факты, преодолев препятствия, связанные с сомнениями и колебаниями авторов, становятся в дальнейшем жертвой редакторской правки. Ведь в наиболее авторитетных нормативных пособиях и справочниках для редакторов подобные выражения квалифицируются как не отвечающие требованиям литературной речи. В весьма распространенном среди редакторов пособии «Литературное редактирование» указывается: «При имени существительном, обозначающем профессию, должность, звание и т. д., сказуемое ставится в мужском роде независимо от пола того лица, о котором идет речь, например: *врач сделал операцию*, *секретарь выдал справку*. В разговорном языке, когда известно, о ком идет речь, ч а с т о встречается н е в е р н а я (разрядка моя — *И. М*)

постановка сказуемого в форме рода, соответствующего полу называемого лица, например: *директор вызвала к себе вожатую, секретарь записала на прием, кондуктор объявила* и т. д.» [42].

Менее категорично этот вопрос трактуется в Академической грамматике. Однако сформулированное и там отношение создает определенное предубеждение против синтаксических средств выражения рода: «Если подлежащим является имя существительное мужского рода, обозначающее должность, профессию, то сказуемое согласуется с этим существительным в роде независимо от пола того лица, о котором идет речь, напр.: *Кондуктор дал сигнал к отправлению* (и о мужчине и о женщине); *Секретарь доложил о приходе посетителя* (и о мужчине и о женщине).

В связи с распространением среди женщин всех профессий, в современном языке в подобных случаях м о ж е т и м е т ь м е с т о (разрядка моя.— *И. М.*) употребление сказуемого в форме рода, соответствующего полу лица, о котором идет речь, а не грамматическому роду имени существительного, напр.: *Кондуктор дала сигнал к отправлению*; *Директор школы уже пришла.*

Такое употребление распространяется в разговорной речи. Однако, поскольку оно резко нарушает правило грамматического согласования, здесь обычно называется имя собственное того лица, о котором идет речь, напр.: *Интересное сообщение сделала ординатор госпитальной хирургической клиники Евгения Петровна Курганова*» [43].

Замечание «может иметь место» и заключительный абзац не оставляют сомнения в том, что авторы Грамматики, хотя и не отвергают полностью такие выражения, не считают их вместе с тем безоговорочно приемлемыми, т. е. отвечающими основным нормам литературной речи.

Таким образом, создалось несомненное напряжение в системе выражения рода. Новые социальные условия стихийно породили новые средства обозначения женского рода названий лиц по профессии, которые,— как это признается в обоих цитированных источниках — получили значительное распространение, но нормативные пособия не санкционируют использование этих средств, так как они противоречат традиционным нормам формального сочетания слов. Возник острый конфликт между насущными потребностями речевой коммуникации и установившимися правилами литературного языка.

[42] К. И. Б ы л и н с к и й, Д. Э. Р о з е н т а л ь. Литературное редактирование. М., 1961, стр. 273.
[43] «Грамматика русского языка АН СССР», т. II, ч. I, М., 1954, стр. 512.

Было проведено специальное исследование, ставившее своей целью: а) выяснить отношение представителей различных социальных слоев в их повседневной практике к разным способам обозначения лиц женского пола по виду деятельности, б) установить существо мотивов — интеллектуальных и эмоционально-вкусовых,— которые лежат в основе речевого поведения в том или ином случае.

Для выяснения широты употребительности синтаксических средств выражения рода в морфологический вопросник [44], распространявшийся Институтом русского языка в 1963 и 1964 гг. среди широких кругов общественности по всей стране, были включены следующие вопросы:

Как бы вы сказали применительно к женщине:

врач пришел или *врач пришла?*

управдом выдала справку или *управдом выдал справку?*

у нас хороший бухгалтер или *у нас хорошая бухгалтер?*

Иванова — хороший врач или *Иванова — хорошая врач?*

Для установления мотивов, которыми руководствуются наши информанты, употребляя те или иные формы, или же общих соображений, которые они хотели бы высказать по поводу различных форм, в особый раздел вопросника был включен следующий параграф:

Как вы оцениваете нередко встречающиеся в разговорной речи (применительно к женщине) выражения типа: *врач вошла в комнату*; *бухгалтер подвела итоги*; и такие выражения, как: *наша бухгалтер уходит на пенсию*; *у нас хорошая врач* и т. п.?

В связи с тем, что то или иное отношение к речевым явлениям может быть обусловлено, наряду с другими факторами, социальным положением, профессией, образованием и возрастом, в общем числе информантов выделен ряд групп. Эти деления и отражены в приводимых таблицах.

Содержащиеся в таблицах цифровые данные представляют собой результат статистической обработки значительного числа заполненных вопросников (свыше 4000).

В таблице 1 представлены данные об ответах представителей различных социальных групп на вопрос: «Как бы Вы сказали применительно к женщине: *врач пришел* или *врач пришла*?»

В таблице 2 представлены данные об ответах представителей различных социальных групп на вопрос: «Как бы Вы сказали применительно к женщине: *управдом выдала справку* или *управдом выдал справку*?»

[44] «Вопросник по современной русской морфологии». М., 1963, стр. 20—23.

Таблица 1

Социальная группа	Варианты ответов			
	Общее число ответивших	Ответили: *врач пришел* (%)	Ответили: *врач принял* (%)	Колеблются (%)
Интеллигенты-филологи (с высшим образованием)	339	40,7	46,9	12,4
Интеллигенты-нефилологи	791	42,2	48,1	9,7
Служащие (без высшего образования)	897	34,6	56,4	9,0
Рабочие	419	33,4	56,5	10,1
Писатели, журналисты	63	50,7	41,3	8,0
Студенты-филологи	676	41,1	50,3	8,6
Студенты-нефилологи	167	36,5	52,7	10,8
Студенты, не указавшие специальности	437	38,7	50,5	10,8
Всего	3789	38,6	51,7	9,7

Таблица 2

Социальная группа	Варианты ответов			
	Общее число ответивших	Ответили: *управдом выдал справку* (%)	Ответили: *управдом выдала справку* (%)	Колеблются (%)
Интеллигенты-филологи (с высшим образованием)	334	36,8	55,3	7,9
Интеллигенты-нефилологи (с высшим образованием)	783	33,9	60,4	5,7
Служащие (без высшего образования)	894	30,0	64,2	5,8
Рабочие	418	28,7	62,9	8,4
Писатели	60	41,6	55,0	3,4
Студенты-филологи	665	36,4	58,6	5,0
Студенты-нефилологи	166	31,9	62,0	6,1
Студенты, не указавшие специальности	431	32,2	59,2	8,6
Всего	3751	33,0	60,7	6,3

В таблице 3 представлены данные об ответах представителей различных возрастных групп на вопрос: «Как бы Вы сказали применительно к женщине: *врач пришел* или *врач пришла*?»

Таблица 3

Возр. группа	Варианты ответов			
	Общее число ответивших	Ответили: *врач пришел* (%)	Ответили: *врач пришла* (%)	Колеблются (%)
До 1909 г.	355	49,8	42,2	8,0
1910—1919 гг.	188	44,1	45,2	10,7
1920—1929 гг.	433	38,1	51,0	10,9
1930—1939 гг.	1285	36,7	53,7	9,6
1940—1949 гг.	1652	37,3	53,1	9,6

Выражение рода существительного флексией относящегося к нему сказуемого изучалось на материале двух коротких предложений: *врач пришла* (см. табл. 1), *управдом выдала справку* (см. табл. 2). Спецификой второго предложения является а) наличие в нем неологизма советской эпохи; б) оно относится к жанру деловой речи.

Итоговые «средние» показатели обеих таблиц показывают, что бóльшая часть информантов и в том и другом предложении предпочитают пользоваться синтаксическими средствами выражения рода, не останавливаясь перед нарушением традиционных правил формального сочетания слов. Иными словами, они ощущают настоятельную потребность при применении к женщине названия лица по профессии конкретно обозначить флексией сказуемого принадлежность к полу. Так, из 3789 человек, высказавших свое суждение о выражении *врач пришла*, 1958, т. е. 51,7% принимают это выражение, а 1463, т. е. 38,6% отвергают его. Из общего числа в 3751 человек, высказавших суждение о выражении *управдом выдала справку*, 2276 человек — 60,7% принимают его, а 1237 33% — его отвергают (остальные информанты в первом и во втором случаях не дали определенных ответов). Но эти количественные данные не раскрывают содержательной стороны явлений. Выяснение же различий в отношении к этим фактам представителей отдельных социальных групп могут способствовать раскрытию существа проблемы.

Особо должны быть выделены ответы писателей и журналистов. Это единственная группа, где за новые формы выражения рода высказалось большинство только применительно к выражению *управдом выдала справку* — 55% за форму женского рода, 41,6% за форму мужского рода. Выражение же *врач пришла* эта группа большинством голосов отклоняет: 50,3% за форму мужского рода, 41,1% за форму женского рода. К специфике ответов данной группы относится и то, что отрицательная оценка изучаемых фактов в некоторых ответах выражена весьма категорично, иногда с большой экспрессией. Так, писательница Вера Кетлинская о выражениях типа *врач пришла* говорит: «Это уродливо. В живом языке говорят женщина-врач, наш бухгалтер такая-то..., но много зависит от стиля и контекста». Жаль, что автор не конкретизировала последнее замечание, это, несомненно, пролило бы свет на существо вопроса. Такой же характер носит ответ М. Исаковского. Выражение *врач пришла* и подобные представляются поэту «неграмотными». «Тут надо говорить как-то по-иному». И здесь приходится сожалеть о том, что М. Исаковский не поделился хотя бы в самом главном своими, несомненно, представляющими большой интерес соображениями о том, как именно надо «тут говорить».

Значительная часть писателей и журналистов выразили положительное отношение к новым явлениям в формах рода. Г. Николаева и П. Антокольский считают выражения типа *врач пришла*, *бухгалтер подвела итоги* допустимыми в литературной речи. П. Антокольский, правда, добавляет: «но мало желательными». Несколько своеобразно ответил на наш вопрос В. Боков: «Ничего страшного в этом не вижу, это просто стремление уважить женщину, грамматический поклон и реверанс». Полностью одобряет новые грамматические факты В. Лукашевич: «Считаю, что это нормальное изменение языка в наше время».

Отнюдь не однородны и ответы филологов, в частности языковедов. Ответ А. А. Реформатского столь же экспрессивен, сколь и лаконичен: «Отвратительная порча языка». Выжидательную позицию занимает В. Кудрявцев: «Это (рассматриваемые выражения) встречается, и довольно часто. Грамматика вступила в противоречие с жизнью. Но пока я на стороне грамматики».

Бóльшая часть филологов и в том числе лингвистов считают возможными, а некоторые — единственно рациональными синтаксические формы выражения рода. С. И. Бернштейн указывает: «Считаю допустимыми (но отнюдь не обязательными) словосочетания типа *врач пришла* (с формами прошедшего времени глагола)». В некоторых ответах обстоятельно раскрывается рациональ-

ность этих форм. И. Подольская (МГУ) указывает: «Такие выражения вполне оправданны, так как из них ясно, что речь идет о женщине, и название ее специальности не искажается добавлением иронически-фамильярно звучащими суффиксами типа «врачиха», «бухгалтерша».

Другие группы информантов в значительно большей мере, чем писатели, журналисты и филологи, одобряют новые формы выражения рода. Если в группах писателей и филологов выражение *врач пришла* принимают соответственно 41,3 и 46,9% общего числа, то в группах интеллигентов-нефилологов, служащих и рабочих соответственно выступают следующие числа: 48,1—56,4—56,5%. Эти количественные показатели дают основание полагать, что писатели и фолологи в качестве лиц, наиболее часто и актив, но реализующих нормы литературной речи, в наибольшей мере отражают в своих субъективных суждениях объективные тенденции литературного языка к неизменности, к сопротивлению любым изменениям.

Вместе с тем характерно, что и среди других групп процент лиц, возражающих против изменения действующих норм, относительно довольно значителен. Названные выше группы дают соответственно следующие показатели: 42,2—34,6—34,4%. Большой интерес представляют также соображения, которыми руководствуются представители этих групп, принимая или отвергая новые средства выражения рода. К типичным отрицательным ответам интеллигентов-нефилологов относятся следующие: 1. «Это (выражение *врач пришла*) дает возможность сразу определить мужской и женский род, но, по-моему, это плохо. Не следует изменять обычное». 2. Эти слова должны употребляться только в мужском роде. Иначе можно будет допустить и такие малограмотные слова, как *кассирша*, *врачиха*, *бухгалтерша*, *докторша* и т. д.

А вот наиболее типичные положительные высказывания: 1. Выражения типа *врач пришла* «грамматически не обоснованы, но по смыслу целесообразны». 2. «Это вполне естественно — и очень многие так говорят. Сам употребляю такие выражения, когда хочу подчеркнуть, какого пола данный специалист или служащий».

Особо должен быть выделен ответ, являющийся, по-видимому, результатом углубленных размышлений на данную тему: «Вы говорите о разных вещах. Если хотите сказать, что пришла Ольга Федоровна, которая является бухгалтером, надо по логике вещей сказать: *бухгалтер пришла*. Если речь идет о том, что явился человек, занимающий должность бухгалтера (этот человек — женщина), надо сказать: *бухгалтер пришел*. Обе формы допустимы, и надо говорить в зависимости от того, о чем конкретно идет речь».

Большой интерес представляют многие ответы рабочих, хотя и краткие, но в большинстве случаев очень выразительные. Вот доводы за сохранение старых норм: 1. «По-моемму, врач есть врач — и от того, кто является им, мужчина или женщина, слово *врач* меняться не должно. Прилагательные и глаголы я бы предложил употреблять в мужском роде с такими словами».

Значительно бо́льшая часть ответов содержит доводы в пользу новых форм выражения рода: 1. «Женщина есть женщина — нужно говорить *вошла*, *подвела итоги*». 2. Выражение *врач пришла* «совершенно нормально, если хочешь подчеркнуть, что ту или иную должность занимает женщина». 3. «Это выражение вполне подходит к разговорной речи. Разговаривая о ком-то, можно понять, о каком лице идет речь».

Поучительно сопоставление с таблицей 1, касающейся выражения *врач пришла*, таблицы 2, содержащей данные об употреблении выражений типа *управдом выдала справку*.

По сравнению с выражением *врач пришла* число лиц, употребляющих выражение *управдом выдала* справку значительно больше. Ниже приводятся два ряда показателей по всем установленным рубрикам, где нижний ряд относится ко второму выражению:

46,9—48,1—56,4—56,5—41,3—50,3—52,7—50,5

55,3—60,4—64,2—62,9—55,0—58,6—62,0—59,2

Вновь обращаем внимание на то, что применительно к этому выражению и группа писателей и журналистов своим большинством высказалась за новые формы выражения рода. Иными словами, 55% общего числа считает возможным в выражениях такого типа нарушать правила формального согласования слов. Чем же можно объяснить тот факт, что значительное число лиц всех групп, считающих невозможным нарушать формальное согласование слов в первом случае, допускают эту возможность во втором случае? Причинами подобных различий в отношении к соблюдению норм формального согласования, по-видимому, можно считать следующее: а) слово *управдом* как элемент новой лексики, в меньшей мере, чем слово *врач*, издавна бытующее в русском словаре, настраивает на консервативно-традиционный лад и поэтому в большей мере предрасполагает к более свободному обращению с правилами формального согласования; б) это слово характеризуется несколько более сниженной стилистической окрашенностью; в) есть много оснований полагать, что слово *управдом* в сознании многих говорящих ассоциируется с этимологически связанными с ними сочетаниями *управляющий домом* или *управляющая домом*, что создает большее оправдание для нарушения правил формального согласования.

Все перечисленные обстоятельства свидетельствуют о том, что некоторые группы новой лексики создают благоприятные условия для реализации новых форм выражения рода.

Таблица 3, где данные вопросников распредляются по возрастным группам, показывает, что среди младших поколений новые явления в структуре рода распространены шире по сравнению со старшими поколениями. Это может быть истолковано только таким образом, что эволюция структуры рода протекает в направлении к новым родовым формам. Правда, в этой таблице обращает на себя внимание следующее как будто противоречащее сказанному обстоятельство: предпоследнее звено дает более высокие показатели, чем последнее. Но это, по всей вероятности, объясняется тем, что у данного поколения, только недавно сошедшего со школьной скамьи, в речевом поведении еще сильно ощущается «режим» школы, создававший обостренное внимание к формальным правилам. В дальнейшем, с исчезновением этого привходящего обстоятельства, и данное поколение подчиняется общим закономерностям, что подтверждается направлением эволюции в целом.

Обследованные многочисленные источники литературного языка в его письменной и устной разновидностях, материал, полученный в результате массового распространения вопросников, а также выводы исследователей, изучавших данные явления, свидетельствуют со всей определенностью об употребительности и продуктивности синтаксических средств обозначения рода существительного флексией поясняющего его сказуемого. С другой стороны, нельзя отвлечься и от того факта, вновь подтвержденного материалом вопросников, что число лиц, считающих недопустимым нарушение формального согласования, довольно велико.

Такое положение придает большую актуальность объективному анализу основных качеств изучаемых конструкций с теоретической и нормативной точек зрения.

Прежде всего должно быть установлено, что конструкция *врач пришла* не эквивалентна со стороны обозначаемого конструкции *врач пришел*. Первая в качестве маркированной содержит прямое указание на принадлежность лица к женскому полу, вторая в качестве немаркированной подобного указания не содержит. Она либо обозначает лицо безотносительно к полу, либо же обозначает лицо мужского пола. Последнее значение конструируется только противопоставленностью второй конструкции первой, так что при исключении конструкции *врач пришла* конструкция *врач пришел* последнего значения выражать не сможет.

Отсюда следует, что для создания структурных средств обозначения принадлежности к тому или иному полу называемого лица совершенно необходимы как первая, так и вторая конструкция [45].

Выше уже указывалось, что возникновение конструкции типа *врач сказала* было обусловлено тем, что система суффиксальных средств существительных оказалась не в состоянии удовлетворить потребность языка в ряде новых женских названий лиц по профессии и специальности. Есть, однако, веские основания утверждать, что возникшие синтаксические средства обозначения пола отнюдь не являются вынужденным суррогатом суффиксальных образований; наоборот, за ними следует признать определенные преимущества, так как это более абстрагированные, грамматические по своему существу, средства выражения рода. В самом деле, в конструкции *преподавательница пришла* словообразовательный способ выражения рода не может не привести к тому, что отношение к полу становится, пусть в минимальной мере, предметным признаком и род в этих условиях выступает не как грамматическая, а как лексико-грамматическая категория. Совершенно иной характер носит конструкция *педагог пришла*. Здесь отношение к полу обнаруживается в отвлечении от лексического значения существительного и род обнаруживает чисто грамматическую сущность.

То, что данные конструкции можно рассматривать в качестве функциональных заместителей суффиксальных образований, дает основание заключить, что потребность в их использовании в том или ином языке тем больше, чем ограниченнее возможность применения соответственных образований существительных. При сравнении с этой точки зрения отдельных славянских языков выявляется, что в русском языке потребность в синтаксическом выражении рода больше, чем в польском, так как в последнем значительно шире используются образования с суффиксами женского рода, например, autorka, koleżanka, instruktorka, inspektorka и т. д. Вот некоторые из этих образований в контекстах:

1) Była ona moją universytecką *koleżanką*.

2) ...w której *autorka* ukazała fizjologiczny mechanizm przegłosu...

Вместе с тем, несмотря на бóльшие возможности их замены, изучаемые конструкции встречаются и в польском языке, на-

[45] Ср. замечание А. М. Пешковского: «сказать *вышел* про женщину невозможно» (указ. соч., стр. 193).

пример: Korrespondent PAP, red. J. Pawlikiewicz, *donosiła* we wtorek wieczorem... («Trybuna ludu», 14. III 1962) [46].

Это обстоятельство является, на наш взгляд, немаловажным доказательством того, что рассматриваемые конструкции представляют собой нужное выразительное средство формирования синтаксических родовых противопоставлений.

Несомненно, конструкции типа *товарищ вошла* произносятся сейчас «со стеснением», значительно меньшим, чем в то время, когда о них писал А. М. Пешковский. И растущая их употребительность сидетельствует о том, что они не противоречат, а наоборот, соответствуют внутренним тенденциям развития грамматического строя русского языка. Это подтверждается всей эволюцией категории рода на протяжении многих веков. Уже с древних пор эволюция рода в русском языке обнаруживает закономерность, состоящую в том, что во всех случаях, когда возникает конфликт между формальной и семантической стороной в структуре рода, победу одерживают семантические основы этой категории. А. А. Шахматов, отмечая, что категория рода в современном ее виде зиждется на морфологических формах слов, следующим образом характеризует взаимоотношения между ее формальными и смысловыми элементами:

«...Но рядом с грамматическими представлениями о роде в нас живет и сознание реальных родовых представлений, зависимых от наших представлений о естественном поле. Эти реальные представления в л и я ю т на грамматические представления, п о д ч и н я я их себе (подчеркнуто мною.— *И. М.*). Лица мужского полу вызывают в нас необходимость сочетать с их названиями прилагательные в определении и прошедшее время глагола в сказуемом в мужском роде, и это несмотря на женские окончания соответствующего названия или на окончания среднего рода. Так, русский язык унаследовал из общеславянского, а этот из индоевропейского праязыка ряд слов муж. рода с основой на *-а* (*ā*) и женскими окончаниями их в склонении, означающие лица муж. полу; ср. *судья*, *владыка*, *голова*, *убийца*, *пьяница*, *батюшка*, *воевода*. ...В древнем и областном языке находим иногда женск. в прилагательных, согласованных с этими словами муж. рода на *-а* (*ā*), причем подобная форма прилагательного объясняется внешним грамматическим согласованием, вызванным таким согла-

[46] З. Клеменсевич считает вполне правомерными в польском литературном языке такие конструкции, как dyrektor Bielska wyjechała или dyrektor wyjechała (см. «Język polski», 1957, № 2, стр. 118).

сованием прилагательных с другими словами на *-а*; ср. *неправедная судья*, *мировая судья*, *городская голова*, *святая владыка*» [47].

Несомненно, расширением семантических основ категории рода за счет ущемления ее формальной стройности объясняется возникновение с давних пор присущей русскому языку группы существительных общего рода, как например: *невежа*, *неряха*, *кутила*, *запевала*, ведь при употреблении их в качестве названий лиц мужского рода тоже имеет место нарушение морфологического согласования прилагательных с существительными: *невежа крикнул*, *противный неряха* и т. д.

Точно так же переход многих слов с суффиксами субъективной оценки, ср. *сынишко*, *купчишко*, *мужичишко* и мн. других, из среднего рода в мужской, во многих случаях совершавшийся еще в XIX веке, свидетельствует о подчинении себе семантической стороной рода его формальной стороны.

К этому же типу явлений непосредственно примыкает и переход неодушевленных существительных с теми же суффиксами, как наприм. *городишко*, *столишко*, *домище*, *домина*, из среднего и женского рода в мужской, хотя семантическая основа рода здесь сводится к одной только мотивированности родовой формы слова.

Ряд других фактов свидетельствует о значительно большей терпимости грамматического строя русского языка по сравнению с другими славянскими языками к отсутствию морфологической согласованности при сочетании существительного с поясняющими его словами. Так, фамилии иноязычного происхождения с конечным твердым согласным в применении к лицам женского пола сочетаются в русском языке с пояснительными словами в формах женского рода, не изменяя своего морфологического облика путем присоединения суффикса женского рода *-ова*, как это происходит в чешском или польском языках, ср. русск. *дорогая Бородич* и чеш. *drahá Borodičova*.

Таким образом, как со стороны осуществляемых ими смысловых функций, так и с точки зрения сложившейся в течение веков внутренней закономерности развития рассматриваемые конструкции обнаруживают свою правомерность, следовательно, имеются все основания считать их отвечающими живым нормам литературной речи.

[47] См.: А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 448—449.— На эту сторону развития форм рода указывал в свое время и Ф. Буслаев, приведший много поучительных иллюстраций (Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1875, стр. 189 и след.); см. также: П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959, стр. 86 и след.

Как указывалось выше, важным стимулом к возникновению синтаксических средств выражения рода явилось то, что словообразовательный механизм языка был не в состоянии полностью удовлетворить потребность в параллельных названиях лиц по профессии. Главным образом это относится к суффиксам *-ша* и *-иха*, которые выступали в прошлом в качестве основных средств образования названий жён по профессии мужей. Однако в изменившихся социальных условиях подобные названия стали выходить из употребления и тем более вновь образовываться. При современных взаимоотношениях между мужчинами и женщинами в условиях полного равноправия образование подобных названий лишено социального смысла. Но этим самым создаются условия для преобразования функций указанных суффиксов: перед ними открываются новые возможности служить средством образования названий женщин по профессии. Конечно, родимые пятна прежних функций и сейчас и еще долго в будущем будут ограничивать их возможности выступать в новой роли. Однако не подлежит сомнению, что удельный вес этих суффиксов в общей системе средств родовой дифференциации существительных со значением лица будет последовательно увеличиваться. Об этом убедительно свидетельствуют факты последних десятилетий. Вот ряд иллюстраций, который можно было бы легко значительно расширить: Через полчаса мы сидели в гостеприимном кругу *секретарши* Чернского райкома А. А. Кукушкиной и ее молодых помощниц (Б. Пастернак, Поездка в армию); Однако была там у меня *шоферша* одна: отчаянная голова, гоняла машины над пропастями («Юность», 1957, № 8); Обеспокоенный подполковник сам потребовал от незадачливой *интервьюерши* сведений: где, когда, как это было («Огонек», 1960, № 10); В «Гусарской балладе» впервые снималась в кино *премьерша* Московского театра оперетты Татьяна Шмыга («Московская кинонеделя», 28. V — 3. VI 1962); Сразу становится ясным, что бабка Василиса, если еще не служит (и отнюдь не в качестве *курьерши* или уборщицы), то, во всяком случае, непрочь установить литературные связи с отделом фельетонов редакции какой-нибудь газеты (В. В. Виноградов, Стилистика — теория поэтической речи — поэтика. М., 1968, стр. 32); Каким-то образом двенадцатилетний Толя Спикул выбил из рук *дворничихи* Варвары Куриленко тазик с водой («Труд», 28. X 1964); Борис Федорович Дабижа был артистом оригинального жанра. Он показывал фокусы, дрессировал животных и вместе со своей *партнершей* Конкордией Ивановой устраивал кукольные представления («Правда», 2. IV 65).

Судя по ряду фактов, можно полагать, что активизация этих

суффиксов способствует повышению активности и других суффиксов. В этом отношении показательны следующие суффиксальные образования: И с пожеланьями / благими / субботу каждую меня / будили две *геологини* / и водружали на коня / (Евг. Евтушенко, Продукты); Стихи?— изумился он.— Вы? *Металлургесса?* Чугунная женщина? И стихи? Ну прочтите хоть один стишок (В. Кочетов, Братья Ершовы); Особого, теплого слова заслуживают наши женщины — писательницы, *прозаички*, *драматургички — поэтессы — критикессы* и *редактрисы* («Лит. газета», 8. III 1960).

Такая активизация суффиксов, обусловленная опять-таки действием социального фактора, знаменует новую фазу в развитии взаимодействия между отдельными компонентами родовой структуры.

Довольно широко распространено представление, будто отдельные средства различения рода всегда антагонистичны по своей природе и взаимно исключают друг друга. В приводившихся выше высказываниях разных лиц, заполнивших вопросники, поддержка синтаксических средств неоднократно аргументировалась их превосходством над словообразовательными средствами, которые квалифицировались то как «фамильярно-иронические», то даже как «малограмотные слова, как *кассирша*, *врачиха*, *бухгалтерша*, *докторша* и др.». В противоположность этому другие информанты, защищая суффиксальные средства противопоставляют их «бессмысленным» с их точки зрения синтаксическим средствам.

Так, писательница Наталья Ильина, заполняя вопросник, следующим образом отзывается о выражениях типа *врач пришла*: «Отношусь резко отрицательно! Даже с отвращением. Считаю, что надо этого всемерно избегать. Сама говорю так: *врачиха*, *бухгалтерша*».

А вот другое мнение, изложенное писателем И. Ефремовым в беллетристической форме: Фомин насупился, вздохнул и, чтобы перевести разговор, спросил:

— Жена ваша, она тоже геологом работает?

— Да,— улыбнулся Александров,— настоящая **геологиня**!

— Как вы это сказали — *геологиня* — переспросил Фомин.

— Это я выучился называть от студентов. Мне нравится и, кажется, так правильнее.

— Почему правильнее?

— Да потому, что в царское время у женщин не было профессий, и все специальности и профессии назывались в мужском роде, для мужчин. Женщинам оставались уменьшительные, я счи-

таю — полупрезрительные названия: *курсистка*, *машинистка*, *медичка*. И до сих пор мы старыми пережитками дышим, говорим: *врач*, *геолог*, *инженер*, *агроном*. Женщин-специалистов почти столько же, сколько мужчин, а получается языковая бессмыслица: агроном пошла в поле, врач сделала операцию, или приходится добавлять: женщина-врач, женщина-геолог, будто специалист второго сорта, что ли...

— А ведь занятно придумал, Кирилл Григорьевич! Мне в голову не приходило...

— Не я, а молодежь нас учит. У них верное чутье: называют *геологиня*, *агрономиня*, *докториня*, *шофериня*.

— Так и раньше называли, к примеру: *врачиха*, *кондукторша*.

— Это неправильно. Так исстари называли жен по специальности или чину их мужей. Вот и были *мельничиха*, *кузнечиха*, *генеральша*. Тоже отражается второстепенная роль женщины!

Старый горняк расплылся в улыбке.

— *Геологиня* — это как в старину княгиня!

— В точку попали, Иван Иванович, Княгиня, графиня, богиня, царица, — это женщина сама по себе, ее собственное звание или титул. Почему, например, красавица, учительница — это почтительно, а красотка — так... полегче словцо, с меньшим уважением!

— Как же тогда — крестьянка, гражданка?

— Опять правильно! Мы привыкли издавна к этому самому «ка», а в нем, точно жало скрытое, отмечается неполноценность женщины. Это ведь уменьшительная приставка. И женщины сами за тысячи лет привыкли... Разве вам так не покажется — прислушайтесь внимательно, как звучит уважительное — гражданин и уменьшительное — гражданка. А если правильно и с уважением, надо *гражданиня* или *гражданица*!

— Верно, бес его возьми! Чего же смотрят писатели, или кто там со словами орудовать обязан! Выходит, что они о новом не думают, какие настоящие слова при коммунизме должны быть.

— Думают-то, думают.. да неглубоко, пожалуй,— вздохнул Александров (И. Ефремов, Юрта Ворона. М., 1960, стр. 27—28).

Как видим, идет ожесточенная, исполненная драматизма борьба мнений и вкусов. Многое, однако, говорит за то, что словообразовательные и синтаксические средства родоразличения не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Они по-разному осуществляют одну и ту же функцию: синтаксические средства создают собственно грамматические формы рода, словообразовательные — лексико-грамматические. Первые формы наиболее умест-

ны в научно-публицистическом жанре, вторые в беллетристическом. Так, по-видимому, и осуществляется функционально-стилистическое разграничение различных средств выражения рода. Этим, вероятно, объясняется в какой-то мере то, что многие писатели являются рьяными поборниками суффиксальных средств, отвергая синтаксические.

Наряду с этим, в некоторых случаях более всего уместным является обозначение рода посредством прибавления слова *женщина*, выступающего здесь в функции формального показателя: *женщина-врач*, *женщина-агроном* и т. д. Ведь синтаксические средства доступны существительному только в роли подлежащего. Если же существительное в идентичных жанрово-стилистических условиях выступает в роли дополнения, целесообразнее всего обозначить род присоединением полулексического и полуформального слова *женщина*. Ср.: Молодой *астроном . . начала* просматривать пластинки («Веч. Москва», 12. II 64); Оппенгеймер познакомился с молодой *женщиной-биологом* (М. Рузе, Роберт Оппенгеймер и атомная бомба. М., 1965, стр. 37) или же: Военный моряк Всеволод Вишневский на фронте узнал о *женщине-комиссаре* («Лит. газета», 4 V 1965). Конечно, это только схематическое разграничение случаев употребления трех разных форм обозначения рода, выступающих в практике общения во множестве частных разновидностей в зависимости от контекста, конкретного содержания и цели коммуникации. В этой перспективе представляются вполне справедливыми приведенные выше слова Веры Кетлинской: «... много зависит от стиля и контекста» (см. стр. 231).

Другую группу изменений в структуре рода представляют собой встречающиеся, хотя и очень редко, в современной речи конструкции типа у нас *хорошая врач*, *наша директор* и т. п. В этих конструкциях принадлежность к полу называемого существительным лица обозначается относящимся к данному существительному определением. Эти конструкции, как и предыдущие изучались не только по материалам письменных источников, но и методом вопросника.

Вот ряд типичных иллюстраций из литературной речи разных жанров: Как сражалася чудесно, Ай-да девка! *Настоящая герой!* (И. Садофьев, Сильнее смерти); Недавно пришедшие из других бригад Паша Баранова и Мария Балукова удивлялись, как может бригадир столько сделать *сама*... («Работница», 1943, № 3); *Маленькая*, почти такого же роста, как Валя, *врач-терапевт* организовывала, настаивала, составляла списки, уговаривала, а Валя производила уколы (А. Былинов, Металлисты); Может

быть, *наша юрист была* в состоянии невменяемости? («Горьковский рабочий», 13. VIII 1960); Музыку к нашему фильму пишет *молодая*, но *известная* композитор... (из выступления кинорежиссера Чулюкина по телевидению 1. VII 1961); Что же с Зоей? Та, *физик давняя*? (А. Вознесенский, Оза); Танцуй, *моя академик!* / Хохочет до понедельника / на физике погоревшая / лирическая прогрессия! (А. Вознесенский, Лирическая прогрессия, Антимиры); Часть педагогов, в том числе *сама директор школы*, голосовала за то, чтобы ребят в школе оставить («Лит. газета», 24. VII 1964).

Результаты обработки соответственных данных вопросников по отдельным группам, социальным и возрастным, представлены в следующих таблицах. В таблице 4 представлены данные об ответах представителей различных групп по социальному положению и образованию на вопрос: «Как бы Вы сказали применительно к женщине: *у нас хороший бухгалтер* или *у нас хорошая бухгалтер*?»

Таблица 4

Социальная группа	Варианты ответов			
	Общее число ответивших	Ответили: *хороший бухгалтер* (%)	Ответили: *хорошая бухгалтер* (%)	Колеблются (%)
Интеллигенты-филологи	338	80,7	15,1	4,2
Интеллигенты-нефилологи	341	87,4	9,6	3,0
Служащие (без высшего образования)	900	60,9	32,4	6,7
Рабочие	418	55,0	38,7	6,3
Писатели и журналисты	62	87,0	13,0	—
Студенты-филологи	677	75,6	20,1	4,3
Студенты-нефилологи	169	70,4	26,0	3,6
Студенты, не указавшие специальности	436	69	25,2	5,8
Всего	3341	69,9	25	5,1

В таблице 5 представлены данные об ответах представителей различных возрастных групп на вопрос: «Как бы Вы сказали применительно к женщине: *у нас хороший бухгалтер* или *у нас хорошая бухгалтер?*»

Таблица 5

Возр. группа	Варианты ответов			
	Общее число ответивших	Ответили: *хороший бухгалтер* (%)	Ответили: *хорошая бухгалтер* (%)	Колеблются (%)
Родились до 1909 г.	353	83,5	12,5	4,0
1910—1919 гг.	184	69	27,1	3,9
1920—1929 гг.	433	71,9	23	5,1
1930—1939 гг.	1288	68,1	26,6	5,3
Родились в 1940 г. и позже	1651	66,9	28,4	4,7

Таблицы показывают, что большинство информантов отвергают обороты типа *хорошая бухгалтер*. Во многих случаях отрицательное отношение к ним выражено с особой категоричностью. Вместе с тем нельзя игнорировать и то обстоятельство, что некоторое число информантов любого возраста и профессии и довольно значительная часть молодежи считают такие выражения приемлемыми.

Факт появления столь необычных оборотов сам по себе является ярким доказательством присущей русской речи потребности дополнить название лица характеристикой его по признаку пола.

Однако реализация этого представляющегося говорящему важным элементом сообщения сопряжена в данном случае с чересчур резкой ломкой формальной стороны языка, чем и объясняется отрицательное отношение к этим фактам.

Несогласованное определение несравненно больше режет ухо и глаз, чем несогласованное сказуемое. А. М. Пешковский следующим образом это охарактеризовал в 1928 году: «„добрая товарищ“ русский человек ни в каком случае не может сказать, а „товарищ вошла“, хотя и с некоторым стеснением, но может» [48].

И все же выражения типа *уважаемая товарищ*, как это показывает иллюстративный материал, иногда используются в русской литературной речи. В некоторых случаях эти выражения представляют стилизованную речь (ср. примеры из А. Вознесенского), в большинстве случаев они выступают без специальной стилистической функции. Можно ли считать данное явление про-

[48] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 193.

дуктивным и получат ли соответственные конструкции признание норм литературной речи? Это зависит от сложного комплекса обстоятельств.

При оценке этих конструкций нельзя не обратить внимание на то, что реальная потребность в них значительно меньше, чем в конструкциях типа *врач пришла*. Ведь во многих случаях указание на принадлежность называемого лица к женскому полу выступает уже в сказуемом и поэтому второе подобное указание в определении является нарушением стандартного согласования, не оправданным насущными потребностями содержания высказываемого. Однако в некоторых случаях все же такая потребность возникает: когда сказуемое выражено глагольной формой не прошедшего времени или не сослагательного наклонения, не обладающей способностью изменяться по родам, а также в обособленных оборотах, где определения выполняют не только атрибутивные, но и предикативные функции. Нельзя также отвлечься и от того факта, что распространению этих конструкций может способствовать и естественная тенденция говорящих привести к единству родовые формы сказуемого и определения, в равной мере выступающие в качестве пояснительных слов при существительном.

Таким образом, данные конструкции развиваются под перекрестным воздействием разных языковых факторов, способствующих и парализующих их распространение, причем доминирующими в настоящее время являются последние.

Неизменяемые существительные в системе средств выражения категории падежа

СПЕЦИФИКА НЕИЗМЕНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Специфика и тенденции развития так называемых несклоняемых существительных типа *пальто*, *депо*, *роно*, *грэс*, *ЦК* могут быть выяснены с необходимой полнотой только на фоне общих закономерностей, определяющих функционирование и развитие всей системы склонения в современном русском языке. Именно это и придает актуальность сформулированной в заголовке темы, хотя она непосредственно относится к словарно весьма ограниченной группе существительных.

Значительную часть существительных с неизменяемым морфологическим составом представляют собой западноевропейские заимствования, встречающиеся не только в русском, но и в других славянских языках, причем процессы грамматического освоения этих слов в русском литературном языке существенно отличаются от соответственных процессов в других славянских литературных языках.

Как указывалось уже в лингвистической литературе [1], в других славянских языках отчетливо выступает тенденция к включению всех заимствованных слов в действующую систему склонения, к последовательному превращению первоначально морфологически неизменяемых слов в изменяемые. В русском же литературном языке, наоборот, проявляется настойчивая тенденция к сохранению у некоторых групп заимствованных слов неизменного морфологического состава в любых их сочетаниях с другими сло-

[1] B. O. Unbegaun. Les substantifs indéclinables en russe. «Revue des études slaves», t. XXIII. Paris, 1947, стр. 141—145.— Ср. иную точку зрения: Leon Beaulieux. Traitement des mots étrangers en bulgare moderne. «Сборник в чест на проф. Л. Милетич». София, 1933, стр. 88.

вами в предложении. Различия в характере и направлении исследуемых процессов в системе склонения объясняются своеобразными особенностями действующих в каждом отдельном языке внутренних и внешних факторов. Выяснение характерных форм взаимодействия обеих групп факторов в развитии русского склонения имеет, несомненно, большое значение в плане разработки проблемы «Русский язык и советское общество».

Главное в специфике изучаемых слов состоит в том, что они, с одной стороны, отличаются неизменным морфологическим составом, а с другой стороны, обнаруживают способность сочетать свою лексическую семантику со сложной гаммой реляционных значений, выражаемых в русском языке как правило парадигматически чередующимися частями морфологического состава слова — падежными окончаниями. Налицо своеобразное, относительно недавно возникшее в русском языке единство означаемого и означающего: искони существующие типичные для языка элементы плана содержания — падежные значения — сочетаются с новыми, в значительной мере еще формирующимися в языке элементами плана выражения. Своеобразие этих новых единств означаемого и означающего заключается прежде всего в том, что они отличаются в плане выражения весьма сложным переплетением синтетических и аналитических черт. Синтетический характер у падежных форм рассматриваемых существительных конструируется в результате субституции, а именно путем подстановки под неизменяемые по внешнему виду формы, чрезвычайно мало частотные, функционально идентичные с ними, но неизмеримо более частотных форм с падежными флексиями.

В самом деле, если учесть, с одной стороны, факты взаимной связанности и постоянной сопоставимости в системе языка конструкций типа *цвет костюма* и *цвет пальто*, *любуюсь костюмом* и *любуюсь пальто*, *обзавелись роялем* и *обзавелись пианино*, *аплодировали артисту* и *аплодировали конферансье* и, с другой стороны, огромное численное преобладание первых конструкций над вторыми, становится очевидным, что в выражении реляционных значений неизменяемыми существительными значительную роль играет субституция под неизменные формы соответственных падежных форм существительных с изменяемым морфологическим составом; иными словами, здесь в силу системного характера языка вместо наличествующих выступают субституируемые падежные окончания.

Из сказанного следует, что присущая отдельной морфеме-флексии система алломорфов включает в себя, наряду с наличными и нулевыми, также субституируемые десигнаторы (обозначающие).

Подобная трактовка системного характера склонения согласуется с замечаниями А. И. Смирницкого о том, что в словах типа *метро*, *депо*, *такси*, *бра* «имеется в сущности омонимия ряда различных форм» [2].

Признание субституции аффиксальных форм дает основание включить рассматриваемые единства в общую систему склонения существительных. Однако то обстоятельство, что здесь имеют место только субституируемые, а не реально наличествующие аффиксы, вскрывает у этих единств и значительные черты аналитичности, так как в качестве обозначающих единиц здесь приобретает большой вес так называемая эквивалентность окружений для слова, положенная А. Н. Колмогоровым в основу конструируемого им формального аналога падежа [3].

Функционирование субституируемых аффиксов в качестве своеобразных показателей падежных значений существительных с неизменным морфологическим составом поддерживается, несомненно, второй серией реальных аффиксальных показателей падежных значений, присущих определяющим имена существительные адъективам в широком смысле (прилагательным, местоимениям-прилагательным, числительным-прилагательным, причастиям), ср.: *сладкое молоко — сладкое какао*, *сладкого молока — сладкого какао*, *сладкому молоку — сладкому какао* и т. д. Это второй ряд показателей, подтверждающих идентичность позиций в составе словосочетания существительных с изменяемым и неизменяемым морфологическим составом.

Сложность взаимодействия синтетических и аналитических элементов в системе выражения падежных значений в русском языке обусловлена также тем, что не у всех существительных с изменяемым при склонении морфологическим составом число падежных флексий одинаково (ср. склонение слов *стена* и *степь*, где в первом случае пять разных флексий, во втором — только три, включая и нулевую), а ведь любое ослабление синтетических средств всегда приводит к соответственному усилению аналитических, так как повышает вес окружения слова как показателя падежного значения.

В порядке убывающей степени синтетичности (и, следовательно, возрастающей степени аналитичности) в системе склонения рус-

[2] А. И. Смирницкий. Лексическое и грамматическое в слове. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 16.

[3] В. А. Успенский. К определению падежа по Колмогорову. «Бюлл. объединения по проблемам машинного перевода». М., 1957, № 5, стр. 22—26.

ских существительных должны различаться следующие группы: а) существительные, обладающие пятью аффиксальными показателями различных падежных значений, например: *стол*, *стена*, *окно*; б) существительные, обладающие только тремя аффиксальными показателями, например, *лошадь*, *имя*; в) существительные, обладающие только субституируемыми аффиксальными показателями, например: *депо*, *метро*, *роно*.

Таким образом, существительные с неизменным морфологическим составом, обладая минимумом синтетичности (одними только субституируемыми флексиями) и соответственно максимумом аналитичности, представляют собой как бы открытый фланг системы русского склонения (в целом синтетической) для проникновения в нее разнообразных аналитических элементов.

Специфические формы проявления склоняемости у существительных с неизменным морфологическим составом относятся к числу тех языковых явлений, которые в своей совокупности побудили ряд лингвистов говорить о развитии грамматического строя русского языка в целом и системы склонения в частности в сторону все большей и большей аналитичности [4]. В. В. Виноградов следующим образом обобщает исследованные им явления в этой области: «Итак, грамматическую характеристику слова составляет система всех его грамматических форм, и эта система обусловлена не только морфологическим строем слова, но и функциями слова в речи, его употреблением в «синтагме» и предложении, а также его лексическими формами, его семантической структурой» [5]. И в другом месте: «Все это говорит о том, что в современном русском языке сама грамматическая структура слова переживает переходную стадию от синтетического строя к «смешанному», аналитико-синтетическому...» [6].

Для обстоятельного выяснения сущности, характерных особенностей и тенденций развития системы средств выражения падежных значений морфологически неизменяемыми существительными в следующих разделах исследуются: а) состав и структура этой группы слов, б) основные этапы ее эволюции в русском литературном языке, в) конкретные формы проявления у изучаемых

[4] И. Бодуэн де Куртенэ. Глоттогонические (лингвистические) заметки, вып. I, 1877, стр. 31; В. А. Богородицкий, Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 3. Казань, 1910, стр. 16; Н. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 112—114; В. В. Виноградов. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове, вып. 1. М., 1938, стр. 137—148.

[5] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 138.

[6] Там же, стр. 140.

слов категории падежа, а также категорий рода и числа, тесно связанных в системе склонения с категорией падежа.

Только всестороннее освещение перечисленных вопросов даст необходимый материал для объективного суждения о том, представляют ли аналитические формы склонения неизменяемых существительных живое и продуктивное явление, поддерживаемое внутренними закономерностями развития языка или же, наоборот, явление наносное, не связанное органически с процессом развития склонения и вследствие этого обреченное в конечном счете на исчезновение.

КЛАССИФИКАЦИЯ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГИМИ СЛАВЯНСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Вся совокупность имеющихся в русском языке неизменяемых существительных отличается значительной разнородностью своего состава. Основную ее часть составляют слова, заимствованные из западноевропейских языков, другую часть — незаимствованные слова, большинство которых возникло в советскую эпоху; особое место занимают фамилии украинского происхождения. Среди заимствованных и незаимствованных слов, наряду с нарицательными, имеются и собственные имена.

Отличительной чертой подавляющего большинства заимствованных слов является то, что у них корневая морфема имеет в исходе гласную фонему, что противоречит морфонологической системе русского языка. Характеризуя морфонологическую структуру русских морфем, И. С. Трубецкой писал: «...именные и местоименные корни всегда оканчиваются на согласный (в сноске указывается, что это не относится к изолированным от всех других форм своих парадигм местоимениям *я*, *ты*, *мы*, *вы*.— *И. М.*), тогда как глагольные корни очень часто оканчиваются на гласный, например: *зна-ть*, *зре-ть*, *гни-ть*, *ду-ть* и т. д.» [7]. Поскольку данные существительные воспринимались как содержащие несвойственные русскому языку корневые морфемы, они, естественно, не включались ни в одну из существующих в языке парадигм склонения. Именно этим объясняется то, что в число неизменяемых существительных попали слова не только типа *рагу*, *колибри*, но и типа *депо*, *филе*.

[7] N. Trubetzkoy. Das morphonologische System der russischen Sprache.— TCLP, V. 2. Prague, 1934, стр. 17.

Ведь если бы последние не воспринимались отчетливо как слова с конечным гласным звуком корня (в данном случае корень и основа совпадают), они попали бы в парадигму склонения слов типа *окно*, *поле*, чего, однако, в действительности не произошло [8].

Неизменяемые заимствованные существительные с конечными гласными подразделяются на пять групп в соответствии с тем, какая именно из пяти возможных гласных фонем — *о*, *е*, *и*, *а*, *у* — имеется в исходе. Эта группировка мотивирована морфонологически, так как некоторые из этих фонем могут выступать в качестве флексийных морфем им. падежа ед. числа ср. рода: *-о*, *-е*, другие — мн. числа *-и* (*-ы*), а фонема *у* вовсе не может служить флексией им. падежа (о фонеме *а*, выступающей в исходе незначительного числа неизменяемых существительных, см. ниже).

К неизменяемым заимствованиям относятся также существительные с конечным твердым согласным типа *мадам*, *Кармен*. За вычетом единичных нарицательных слов, это в подавляющем большинстве фамилии и имена лиц женского пола. Здесь неизменяемость обусловлена только морфологически — отсутствием в системе склонения русского языка отдельной парадигмы для склонения существительных жен. рода с конечным твердым согласным основы при нулевой флексии.

Значительно меньшая часть общего числа неизменяемых существительных, которую составляют незаимствованные слова, особенно разнородна по своему составу. За вычетом небольшого числа старых фамилий типа *Черных*, *Белаго*. представляющих собой застывшие формы род. падежа прилагательных в ед. и мн. числе, а также фамилий лиц женского пола с конечным твердым согласным типа *Бегун*, *Рубец*, здесь в основном выступают различного рода инновации советской эпохи: буквенные аббревиатуры, некоторые разновидности сложносокращенных слов, а также фамилии на

[8] О морфонологической обусловленности неизменяемости существительных уже довольно определенно говорил Я. Грот: «Все суффиксы природного языка при иностранных именах очень облегчают обращение этих последних на чуждой им почве. Затруднительно, напротив, употребление имен, которые по окончаниям своим (совершенно очевидно, что имеются в виду конечные звуки корневых морфем: это вытекает из дальнейшего текста.— *И. М.*) не прививаются к языку, почему он или оставляет их без склонения, или дает им не соответствующие прямой форме падежные окончания. Сюда относятся особенно имена среднего рода на *-о* и *-е*, как то: *депо*, *бюро*, *пальто*, *трюмо*, *кофе*, *алоэ*, *канапе*, *портмоне*, *пресс-папье*. У нас, правда, не мало своих имен, оканчивающихся на *о* и *е*, но мы чувствуем, что в подобных иноземных словах *о* имеет совсем другое значение и не составляет приметы рода и склонения» (Я. Г р о т. Филологические разыскания, т. II. Изд. 2. СПб., 1876).

-ко украинского происхождения; наконец, названия городов, сел и поселков на *-ово-*, *-ино*, которые все более и более включаются в наше время в число неизменяемых слов вопреки действующим нормам.

Приводимая ниже группировка всей совокупности содержащихся в лексике русского литературного языка неизменяемых существительных произведена по материалам современных толковых словарей, а также многочисленных источников современного литературного языка различных жанров. Вследствие того что в лингвистической литературе еще ни разу не приводилось полного перечня неизменяемых существительных, представляется целесообразным, в целях восполнения этого пробела, каждую из приводимых групп представить по возможности полным комплектом входящих в ее состав слов [9].

Заимствованные неизменяемые слова

Неизменяемые слова с конечным *-о* [10]: а) авто, бюро, вето, гестапо, гетто, депо, динамо домино, какао, кило, кино, контральто, лото, метро, пальто, пианино, поло, радио, ситро, сопрано, стереокино, табло, танго, трико, трио, трюмо, фортепьяно, фото, харчо, шевро, эскимо; б) авизо, авокадо, адажио, ажио, а-конто, орго, ариозо, банджо, барокко, бибабо, болеро, бонмо, бордеро, ватерполо, вибрато, гало, гальвано, (г)идальго, группето, гуано, дизажио, динго, жабо, жако, зеро, идо, импрессарио, индиго, инкассо, инкогнито, интермеццо, кабальеро, казино, калимико, каприччио, карго, касса-конто, квазимодо, кватраченто, квебрахо, квинченто, кимоно, клико, коло, конто, контоностро, контракамбио, концертино, кредо, кюрасо, ландо, лассо, либретто, лино, люмбаго, магнето, маго, макао, манго, манко, марго, меццо, меццо-сопрано, меццо-тинто, микадо, монтекристо, мотто, палаццо, панно, песо, пикколо, пиццикато, плато, пончо, портофранко, пресс-бюро, пронунциаменто, ранчо, ресконтро, рококо, рондо [1], рондо [2], сабо, саго, сальдо, серсо, сирокко, скерцо, скудо, сольдо, сольфеджио, сомбреро, сорго, статус-кво, стило, сторно, сфумато, торпедо, тремоло, трокадеро, турбодинамо, фаб-

[9] Имеются в виду, конечно, только перечни нарицательных существительных.

[10] В каждой подгруппе, расположенной в алфавитном порядке, в рубрике «а» приводятся слова, получившие более или менее широкое распространение, а в рубрике «б» — все остальные. Конечно, это деление весьма условно.

лио, фанданго, фиаско, фигаро, фламинго, фолио, фугато, эльдорадо, эмбарго, эскудо, эспарто, эсперанто.

Неизменяемые слова с конечным *-е* (*-э*): а) алоэ, ателье, атташе, бебе, галифе, драже, желе, каноэ, кафе, кашне, коммюнике, конферансье, кофе, купе, монпасье, мулине, пенсне, портмоне, пресс-папье, пюре, реле, сальто-мортале, суфле, тире, турне, филе, фойе, шимпанзе, шоссе; б) амбре, аплике, аутодафе, безе, беф-брезе, бильбоке, бланманже, буриме, варьете, верже, дефиле, джерсе, досье, дуче, кабаре, канапе, каноэ, кантеле, каре, клише, койне, консоме, крем-брюле, креп-гофре, крупье, кураре, кюре, лансье, лье, матине, медресе, мизерере, моралите, мосье, наргиле, нотабене, па-де-де, папье-маше, перпетуум-мобиле, пике, плаке, портье, пресс-атташе, пресс-клише, радаме, рамбулье, рантье, резюме, руте, саше, сюзане, туше, удеге, факсимиле, фрикасе, фуле, цеце, чичероне, шале, шевалье, экарте, экспозе, экстемпорале.

Неизменяемые слова с конечным *-и*: б) бигуди, виски, денди, драпри, жалюзи, иваси, жюри, кепи, леди, пари, пони, такси, шасси, янки; б) агами, алиби, аллегри, аргали, афгани, бери-бери, Би-Би-Си, буги-вуги, визави, виши, гумми, деванагари, кади, кали, колибри, кольраби, коми, комми, конфетти, крамбамбули, кроки, кросс-коунтри, кули, кьянти, лаццарони, либерти, мари, маркетри, маки, миледи, пани, пароли, пенальти, пенни, пехлеви, пери, попурри, просперити, рамоли, реверси, регби, рефери, саами, салями, саперави, тильбюри, тори, травести, фифи, хаджи, харакири, цинандали, шабли, шимми, эфенди, хинди.

Неизменяемые слова с конечным *-у* (*-ю*): а) интервью, кенгуру, меню, рагу; б) акажу, бижу, джиу-джитсу, зебу, инженю, какаду, камер-фрау, кикапу, кикуйю, кипу, марабу, нейблау, парвеню, паспарту, рандеву, ревю, сапажу, табу, урарту, урду, фишю, фрау (фру).

Неизменяемые существительные с конечным ударным *-а*: а) бра, буржуа, га; б) алпага, альпака, амплуа, антраша, баккара, па, па-де-труа, патуа.

Неизменяемые существительные женского рода с конечным твердым согласным. К этой группе относятся только три нарицательных существительных: мадам, мисс, миссис. Как уже указывалось, выше, неизменяемость этих слов обусловлена отсутствием соответственной парадигмы склонения.

К каждой из названных шести групп, кроме приведенных нарицательных существительных, относится также большое число

собственных имен иноязычного происхождения аналогичного морфонологического состава: Гюго, Мирабо, Брно, Осло, Гете, Гейне, Па-де-Кале, Нури, Чили, Мали, Сарду, Перу, Дюма, Золя, а также — в применении к женщинам — Цеткин, Люксембург, Рузвельт, Петерсон, Розенцвейг, Тельман и многие подобные.

Особое место среди неизменяемых заимствованных существительных занимают названия букв алфавита и нот: *а, бэ, вэ, гэ, дэ, е, же, зэ, и, ка, эль, эм, эн, о, пэ, эр, эс, тэ, у, эф, ха, це, че, ша, ща, ы, э, ю, я*; *до, ре, ми, фа, соль, ля, си*.

Неизменяемость этих слов в большинстве случаев обусловлена их нетипичным для русских существительных фонетическим составом. Что касается слова *соль* (название ноты), то его неизменяемость объясняется воздействием на него всей данной группы функционально тождественных слов [11].

Незаимствованные неизменяемые существительные

Неизменяемые буквенные и звуковые аббревиатуры. В четвертом томе четырехтомного Словаря русского языка АН СССР содержится довольно большой список аббревиатур [12], здесь же приводится только некоторое число: АССР, АТС, ВВС, ВДНХ, ВКП (б), ВЛКСМ, ВЦСПС, ВЧК, ГОЭЛРО, ГПУ, ГРЭС, ГЭС, ИТР, КПСС, МВД, МГБ, МГУ, МПВО, МТС, МТФ, НП, ОНО, РАПП, РК, РКК, РОЭ, РСДРП, РСФСР, СНО, ССР, СССР, СТО, США, ТАСС, ТЭЦ, УВЧ, ФЗУ, ЦДСА, ЦИК, ЦК, ЦКБ, ЦКК, ЦНИИ, ЧК.

Неизменяемые сложносокращенные существительные: гороно, горфо, облоно, райзо, райзу, районо, райпо, сельпо; завбазой, завбиблиотекой, завотделом, завскладом, завстоловой; замдиректора, замминистра, зампредисполкома, замглавбуха, комвзвода, комроты, комполка, предисполкома, предправления, председльсовета; управделами.

Фамилии, не имеющие в исходе *-ов-а, -ин-а, -ая*, в применении к лицам женского пола: Аджубей, Бегун, Безрук, Белоконь, Белоус, Бородич, Гнедич, Десятник, Демьянюк, Корнейчук, Кулик, Мельник, Михальчук, Мороз, Муравей, Пильщик, Рыжик, Рубец, Соловей, Федорчук, Черняк, Шевчук и мн. др.

[11] В. О. Unbegaun. Указ. соч., стр. 132.

[12] См. также: «Словарь сокращений языка». Под общей ред. Б. Ф. Корицкого. М., 1963.

Фамилии, оканчивающиеся на *-их*, *-ых*, *-аго*, *-ово*: Белаго, Белых, Беспалых, Дурново, Живаго, Молодых, Ржаных, Русских, Седых, Черных и нек. др.

Фамилии, оканчавающиеся на *-ко-*, *-енко*: Авдеенко, Аверченко, Алексеенко, Андреенко, Афанасенко, Василенко, Даниленко, Данченко, Демченко, Дорошенко, Короленко, Мироненко, Мищенко, Мурашко, Петренко, Рыбалко, Рябченко, Ярошенко и др.

Географические названия, оканчивающиеся на *-ово(-ево)*, *-ино*: Болдино, Быково, Воронцово, Дорохово, Ефремово, Кратово, Кусково, Модлино, Монино, Муранова, Перово, Пушкино, Софрино, Томилино, Тушино, Щелково и мн. др.

Сравнение с другими славянскими языками обнаруживает в данном отношении существенные отличия русского языка от любого другого славянского.

Незаимствованных слов с неизменяемым морфологическим составом в других славянских языках настолько мало (весьма незначительное число сложносокращенных слов), что их можно вовсе не принимать в расчет. Но и заимствованных неизменяемых существительных в них несравненно меньше, чем в русском. В сербохорватском языке их нет вовсе. Любое заимствованное слово включается в сербохорватском языке в систему склонения посредством агглютинативного способа присоединения к нему всех флексий. Ср. в единственном числе: дѐпō, дѐпōа, дѐпōу, дѐпō, дѐпō, дѐпōом, дѐпōу; во множественном: дѐпōи, дѐпōа, депōима, дѐпōе, дѐпōи, дѐпōима, депōима; точно так же атѐљē, атѐљēа, атѐљēу;..., кȕпē, кȕпēа...; какаду, какадуа... и т. д. [13]

В других славянских языках [14], содержащих определенное число неизменяемых при склонении существительных, положение все же также существенно иное по сравнению с русским языком.

В чешском языке заимствованные из западноевропейских языков существительные с конечным *-о*, в отличие от русского, в большинстве случаев изменяют свой морфологический состав при склонении. Так, существительные auto, aviso, kimono, kredo, trio, laso, fiasko, bio, kino, paleto, kakao, makao и подобные склоняют-

[13] Б. О. Унбегаун, характеризуя процесс введения сербохорватским языком иноязычных заимствований в систему склонения, указывал: «Сербизация заимствований ему (сербохорватскому языку.— *И. М.*) не стоит особых усилий, так как он наделяет заимствованное слово полным окончанием и этим самым делает его составной частью народной лексики» (указ. соч., стр. 141).

[14] Болгарский язык в данном случае не может привлекаться к сравнению, так как он, как известно, утратил вовсе синтетическое склонение.

ся по типу склонения město. Только отдельные существительные с конечным *-o* не изменяются: byro, tableau (tablo), trumeau (trymo). Неизменяемость последних слов объясняется, по всей вероятности, их недостаточной освоенностью. Те или иные колебания обнаруживаются и в других группах слов. Так, слова с конечным *-i* включаются в парадигму склонения прилагательных только в том случае, если они являются названиями лиц: efendi — efendiho, kuli-kuliho, dandy-dandyho, Verdi-Verdiho, Albini-Albiniho, Alfieri-Alfieriho; если же слова с конечным *-i* не являются названиями лиц, они не изменяются: alibi, harakiri, gummi [15].

Некоторые слова с конечным — *u* изменяются при склонении.

Наибо́льшую группу неизменяемых существительных в чешском языке составляют слова с конечным ударением *-é*: atašé (attaché), exposé, kanapé, negližé, klišé, однако при неударенном конечном *-e* существительные принимают падежные окончания, особенно в фамилиях: Dante-Danta, Goethe-Goetha и т. д.

Таким образом, в чешском языке наблюдается ряд колебаний, однако в целом отчетливо выступает тенденция к включению рассматриваемых заимствований в ту или иную парадигму синтетического склонения. В польском языке число неизменяемых заимствованных существительных больше, чем в чешском. Существительные с конечным *-o* в польском языке также изменяются при склонении: auto, auta, autu и т. д. Только отдельные слова остаются неизменными: folio, kakao, motto и некоторые другие. Не изменяются также нарицательные существительные с конечными *-i*, *-u*, *-e*, типа alibi, pekari, zebu, kupe, kakadu, autodafe и т. п. Имена лиц с конечными *-i*, *-e*, как и в чешском языке, часто изменяются по типу прилагательных. К неизменяемым существительным в польском языке относятся многочисленные географические названия с конечными *-as*, *-us*, *-os*, *um*, *-on*, *-oi*, *-o*, *-i*, *-u*: Karakas, Instmus, Lesbos, Ilium, Lacjum, Faleron, Aigospotamoi, Philippi, Nagasaki, Toledo, Palermo, Tokio, а также и другие названия, сохраняющие чуждую орфографию: Cambridge, Greenwich, Grenoble, Reims, Artois, Verdun и др. Сюда же относится и ряд фамилий: Hugo, Mirabeau, Sardou, Defoe, Poe, Delacroix, Boutroux и др. [16]

Особо должна быть отмечена неизменяемость при склонении довольно распространенных слов латинского происхождения, со-

[15] Характерно, что последнее слово, встречающееся в прежних словарях в виде gummi, в «Чешско-русском словаре» под ред. К. Горалка, Б. Илка и Л. Копецкого приведено только в виде guma.

[16] Stanislav S z o b e r. Gramatyka języka polskiego. Изд. 3. Варшава, 1853, стр. 208.

держащих суффикс *-um*, типа muzeum, kryterium, technikum и под. Однако эти слова не изменяются только в ед. числе: ср. во мн. числе: muzea (в форме им. падежа мн. числа сохраняется латинское окончание *-a*), muzeów, muzeom, muzea, muzeami, (o) muzeach.

Приведенное сопоставление фактов различных славянских языков отчетливо показывает, что русский литературный язык занимает особое место среди славянских языков по числу содержащихся в нем неизменяемых при склонении существительных. В нем значительно больше неизменяемых слов даже по сравнению с польским, которому другие славянские языки также существенно уступают в этом отношении. Б. Унбегаун, останавливаясь на причинах столь существенных различий между русским и другими славянскими языками в данном отношении, объясняет это тем, что русский литературный язык формировался в среде высших слоев общества, относившихся с особым уважением к западноевропейской, в особенности к французской культуре: «Несклоняемые заимствования занимают важное место в русском литературном языке вследствие условий, в которых русский литературный язык формировался. Русский литературный язык, будучи языком салонов, языком офранцузившегося высшего общества, был широко доступен западным влияниям. Он легко принимал иностранное слово и окружал его особой почтительностью. Этот отпечаток своего происхождения русский литературный язык сохранил до наших дней, несмотря на все социальные пертурбации России». В другом месте последняя мысль высказана еще более категорично: «Литературный язык (речь идет о русском литературном языке.— *И. М.*) обеспечивает в настоящее время несклоняемым словам режим экстерриториальности, преисполненный почтительности к ним» [17].

Приведенные положения Б. Унбегауна, несомненно, проливают свет на условия появления и распространения в языке неизменяемых существительных, но они нуждаются, на наш взгляд, в значительном дополнении и существенных коррективах. Конечно, то обстоятельство, что основные группы носителей русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в.— высшие слои общества — владели иностранными языками, сыграло определенную роль в том, что рассматриваемые группы заимствованных слов стали употребляться как неизменяемые слова.

Нельзя, однако, объяснение неизменяемости существительных, представляющей определенные сдвиги в грамматическом строе

[17] B. O. Unbegaun. Указ. соч., стр. 141 и 136.

языка, ограничить только установлением тех или иных особенностей состава носителей языка. Ведь знание иностранных языков и почтительное отношение к ним сами по себе не могут обеспечить выражение заимствованными словами разнообразных падежных значений безаффиксным путем, если грамматическая система языка не способна справиться с этой задачей. Следовательно, при выяснении причин, обусловивших существенное отличие русского языка от других славянских языков в освоении рассматриваемых заимствований, предметом анализа должны быть не только внешние, но и внутренние факторы, а именно конкретные формы функционирования и развития грамматического строя русского литературного языка, от чего прежде всего зависит, как именно могут реализоваться в нем те или иные новые явления.

С этой точки зрения представляется необходимым указать на некоторые обстоятельства, объясняющие особые пути введения рассматриваемых заимствований в грамматическую систему русского литературного языка. Русский язык в конце XVIII — начале XIX в., т. е. в период, когда началось широкое проникновение в него заимствований рассматриваемого типа, обладал очень прочной системой склонения, что давало возможность выражать падежные значения не только наличествующими, но и субституируемыми аффиксальными средствами. Другие славянские языки обладали этими возможностями в значительно меньшей мере. В научной литературе уже отмечалось, что следы разложения системы склонения (речь идет о синтетическом склонении) меньше всего коснулись русского языка, как, впрочем, и других восточнославянских языков. Р. Якобсон, в частности, справедливо указал на «постепенное разложение системы падежных противопоставлений в большинстве современных славянских языков, кроме восточнославянских и польского языков» [18].

Именно потому, что грамматический строй русского языка характеризуется прочной и разветвленной системой падежных противопоставлений не только существительных, но и других имен, он был способен с самого начала в большей мере, чем южные и западные [19] славянские языки, прибегать к выражению падежных значений при помощи субституции и поэтому оставлял данные заимствования в морфологически неизменном виде.

[18] R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre.— TCLP, VI. Praha, 1936, стр. 242.

[19] Кроме польского: но именно этим, надо полагать, объясняется то, что польский язык ближе всего к русскому по числу неизменяемых существительных.

Чрезвычайно важным обстоятельством, предопределившим неизменяемость изучаемых заимствований в русском языке, является совпадение во времени процесса проникновения этих слов с рядом больших процессов преобразования строя языка, ознаменовавших в своей совокупности становление нового русского литературного языка. Глубокие сдвиги, присшедшие тогда в синтаксическом строе предложения и входящих в его состав словосочетаний, создали предпосылки для возникновения разнообразных аналитических конструкций и органического введения их в грамматическую ткань языка. Перечень действовавших факторов не будет полным, если не будет отмечено то обстоятельство, что русский литературный язык как особая подсистема национального языка уже достиг в ту пору значительного развития. Поэтому он отчетливее обнаружил присущие именно литературному языку специфические черты: отношение к заимствованиям как к «Fremdwörter», а отнюдь не как к «Lehnwörter», стремление сохранять их в состоянии полной неизменности. Только на широком фоне раскрытия сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов языкового развития могут быть выяснены с нужной полнотой условия, предопределившие своеобразный путь освоения русским литературным языком изучаемых групп заимствованных слов. Привлечение же к анализу только одного внешнего фактора неизбежно приводит к методологически неприемлемому сужению, а соответственно и к некоторому упрощению проблемы.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Период возникновения и развития существительных с неизменяемым при склонении составом подразделяется на два основных этапа: на первом этапе эта группа состояла, за несущественными исключениями, из одних только заимствований, на втором этапе она стала активно пополняться различными элементами собственно русской лексики. Начало рассматриваемого периода восходит к середине XVIII в., когда начался с течением времени все более нараставший приток в русский литературный язык заимствований из многих западноевропейских языков. Обозрение всего этого периода в целом, начиная с его истоков вплоть до нашего времени, приводит к заключению, что на всем его протяжении действовала внутренняя тенденция, направленная к расширению возможностей выражения данными существительными падежных значений по-

средством аналитических средств с сохранением неизменности их морфологического состава. Однако на каждом из упомянутых этапов конкретное выражение этой тенденции существенно различно, что обусловлено главным образом значительными изменениями социальных условий развития языка.

В середине XVIII в. отчетливо выступает тенденция полного приспособления заимствуемых слов к системе синтетического склонения, что достигалось либо изменением самой исходной формы существительного, либо введением его в той или иной форме в одну из парадигм склонения. В конце XVIII — нач. XIX в. положение дел уже меняется, однако отмеченные факты встречаются еще довольно часто. Вот некоторые иллюстрации употребления изучаемых существительных в XVIII в.: Каенна, могущая себя обогатить и наши богатства *какаом* умножить, содержит в себе только от 500 до 600 жителей (Фонвизин, Торгующее дворянство); Мужчина в розовой *домине* («Собеседник любителей российского слова»); О прочих *желеях* написано будет в статье «Студень» (Словарь поваренный, М., 1795—1797); ...при пении полишинелей, *лазаронов*... (Батюшков, Письмо). Аналогичные факты наблюдаются и в области собственных имен: Кто не чувствует красот Заиры? Но многие ли удивляются *Отеллу*? (Карамзин, Письмо из Женевы, 1789); Отвел он набожному *Бруну* и его друзьям упомянутый луг (Карамзин, Письмо из Лиона, 1790).

В XIX в. с самого начала наблюдаются изменения в способах освоения рассматриваемых заимствований. Этот процесс, естественно, протекал очень медленно, и некоторые существительные все еще чаще продолжали изменять при склонении свой морфологический состав не только в начале века, но и в дальнейшем. Однако направление процесса в сторону все большего расширения сферы неизменяемости слов выступает совершенно отчетливо. Это подтверждается всеми историками литературного языка, а также составителями различных грамматических изданий XIX в. Л. А. Булаховский, отмечая наблюдавшуюся в первой половине XIX в. борьбу противоположных тенденций и полагая, что в отношении иноязычных собственных имен можно даже считать тенденцию к изменению морфологического состава доминирующей, вместе с тем указывает: «Особенно сильна была эта тенденция в первые десятилетия века»[20]. Следовательно, в дальнейших десятилетиях стала брать верх противоположная тенденция. Вот некоторые характерные примеры изменения существительными своего морфологического состава в

[20] Л. А. Булаховский. Русский литературный язык I половины XIX в. М., 1954, стр. 82.

XIX в.: Младший из моих хозяев взялся быть моим *чичероном* (Пушкин, Путешествие в Арзрум); Приезжий не спрашивал себе ни чаю, ни *кофию* (Пушкин, Дубровский); На *бюре*, вылаженном перламутною мозаикой... лежало множество всякой всячины (Гоголь, Мертвые души); Важнейшее, что я здесь узнал, состоит в том, что модные духи называются pacciuli и пахнут *алоем* (Письмо Герцена к Ю. Ф. Куруте, 1839); ... Пела следующее, аккомпанируя чистый выразительный голос свой звуками *фортепиана*... (Бестужев-Марлинский, Испытание); Алевтина... играла на *фортепиане* и на арфе... (Греч, Черная женщина).

Как указывают, однако, Л. А. Булаховский и другие исследователи, слово *фортепиано* и многие подобные чаще уже не изменялись. Иначе и не могло быть, так как неизменяемость этих слов уже стала рассматриваться в качестве «правила», которое носило характер общеобязательной нормы. В этой связи представляет большой интерес следующее замечание Пушкина о стихах Батюшкова «Напрасно вопрошал я опытность веков и *Клии* мрачные скрижали»: «Клио, как *депо*, не склоняется. Но это правило было бы затруднительно» [21]. Подобное правило стало утверждаться только в третьем десятилетии XIX в.

Впервые правило о неизменяемости иноязычных заимствований с конечными *о*, *е*, *и*, *у* дано у Греча: «Имена, заимствованные из иностранных языков и кончающиеся на *е*, *и*, *о*, *у*, *ю* (кофе, колибри, депо, рандеву, ревю), также другие части и частицы речи, употребляемые в виде существительных (как-то: *прости*, *ах*, *нельзя*, *ура*, см. § 59, 4), не склоняются» [22].

Приблизительно так же, но только в применении к собственным именам формулируется это правило в грамматике А. Востокова: «Но названия французские, кончающиеся на *ois* и произносимые *оа*, например *Блоа*, *Троа*, не склоняются. Равномерно несклоняемыми остаются все иностранные имена, кончающиеся на *е*, *и*, *о*, *у*, например *Кале*, *Витри*, *Квито*, *Корфу*» [23].

И в грамматике В. Г. Белинского, изданной в 1837 г., правило формулируется только в применении к собственным именам: «Все иностранные собственные имена, оканчивающиеся на - *а*, предшествуемое какою-нибудь гласною буквой, как *Дюп-у-а-*, *Лакр-о-а* и пр., и все, оканчивающиеся на какую бы то ни было гласную

[21] А. С. Пушкин. Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова.— Полн. собр. соч., т. 12, стр. 267.

[22] «Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем». СПб., 1827, стр. 56.

[23] «Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная». Изд. 3. СПб., 1838, стр. 33.

букву, кроме *а*, предшествуемого согласною, как, например: *Фихте*, *Гете*, *Беранже*, *Гюго* не склоняются» [24].

Не случайно, надо полагать, данное правило в некоторых грамматиках того времени ограничивалось только собственными именами. Это, по всей видимости, является косвенным подтверждением того, что нарицательных существительных подобного рода было тогда чрезвычайно небольшое число, меж тем как собственных имен было значительно больше и поэтому наиболее актуальным было определить именно их отношение к системе склонения; не исключено также, что авторы не считали возможным в то время с одинаковой категоричностью распространить это правило и на нарицательные существительные. В следующих грамматических трудах правило о неизменяемости уже в одинаковой мере распространяется авторами как на собственные, так и на нарицательные имена [25]. Это может служить косвенным подтверждением того, что число нарицательных существительных рассматриваемой группы становилось все более весомым. Таким представляется общий характер эволюции неизменяемых при склонении существительных на протяжении второй половины XIX, а также начала XX в. С течением времени постепенно и равномерными темпами все более укреплялась сфера их неизменяемости, хотя иногда допускались, во всяком случае не считались недопустимыми, и изменяемые формы.

Характер процесса на самом последнем отрезке рассматриваемого этапа довольно метко определил в 1915 г. В. И. Чернышев следующими словами: «Не очень еще давно академик И. И. Срезневский не смущался тем, что русские люди говорят *без пальта*, *в пальте*, *под пальтом*, хотя и указывал, что мода смеется над такими выражениями. Книжная речь здесь, однако, взяла верх над народной, и мы теперь не склоняем подобных слов» [26]. Не менее характерным в данном отношении является следующее свидетельство Н. Трубецкого: «... существительное *пальто*, которое согласно правилам грамматики в качестве иноязычного заимствования не склоняется, в несколько сниженном стиле речи (in weniger gepflogener Sprache) изменяется по падежам и образует форму мн. числа *польта*, которая для людей моего поколения [27] являлась,

[24] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. II. М.— Л., 1953, стр. 644.

[25] Ф. И. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1958, стр. 214 и след.

[26] В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Изд. 2. Пг., 1915, стр. 116.

[27] Н. С. Трубецкой родился в Москве в 1890 г., уехал из России в 1919 г, Книга его издана в 1934 г. в Праге.

хотя, конечно, и несколько просторечной (vulgäre Form), но все же вполне нормальной формой (несклоняемое *пальто* я воспринимаю как искусственную форму)» [28].

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Процесс расширения группы неизменяемых существительных, протекавший в XIX в. чрезвычайно медленно и относительно равномерно, претерпел в советский период существенные изменения, вызванные прежде всего коренным образом изменившимися социальными условиями языкового развития. Значительную часть лексических новообразований начала послеоктябрьского периода составляют неизменяемые существительные, из которых одни пополнили уже существовавший тип, а другие образовали новый тип неизменяемых слов. Группа заимствованных слов с конечным гласным, составлявшая ранее единственный тип неизменяемых существительных, не только количественно увеличилась, но и весьма активизировалась, многие из этих слов приобрели большую частотность. Их новые функции способствовали в разных формах расширению сферы неизменяемости: а) они обрастали новыми значениями, б) они служили основой для образования новых неизменяемых слов. Так, например, обладавшее в дореволюционное время минимальной частотностью слово *бюро* стало в послеоктябрьский период неизмеримо более употребительным в качестве названия различных общественных органов, заседаний этих органов. На основе слова *бюро* образовалось большое число новых неизменяемых существительных: *партбюро*, *профбюро*, *политбюро*, *цехбюро*, *цехпрофбюро*, *информбюро*, *совинформбюро*, *прессбюро*, *дезбюро*, *посредбюро*, *техбюро*, *промбюро*, *машбюро*. *Бюро* стало также стержневым словом ряда номинативных сочетаний слов: *бюро погоды*, *бюро находок*, *справочное бюро*, *конструкторское бюро* и под. Большой частотностью обладают в советский период такие неизменяемые слова, как *кино*, *кило*, *фото*, *метро* [29], *депо*, *такси*, *ра-*

[28] N. Trubetzkoy. Указ. соч., стр. 37.

[29] Характеризуя существительные *метро*, *кино* и под. как освоенные и частотные в наше время, необходимо отметить, что еще совсем недавно они представляли лексическую экзотику. В. И. Ленин, употребляя слово *метро* в своих письмах из-за границы, обозначал его латинскими буквами

дио, *пианино*, *кафе*, *рагу*, *пюре*, *трико*, *фойе*, *конферансье*, *табло*, *эскимо* и ряд других. Широкая употребительность этих слов приводит (в значительной мере уже привела) к тому, что они теперь не ощущаются как заимствованные слова и становятся обычными элементами русской лексики. Следовательно, привычной становится и присущая им черта неизменяемости.

Все отмеченные явления, а также — что имеет особенно большое значение — возникновение в советскую эпоху новых типов неизменяемых слов дает основание считать, что неизменяемость как определенная черта грамматической системы существительных качественно изменилась в наше время по сравнению с XIX в., когда неизменяемость как выражение аналитического типа склонения, распространяясь на крайне ограниченное число малоупотребительных слов одного структурного типа, выступала по существу только как потенциально действующая тенденция. В наше же время, когда стал значительно многочисленнее, разнообразнее и активнее уже ранее образовавшийся тип неизменяемых слов и к нему присоединились и некоторые другие структурные типы слов, неизменяемость при склонении существительных превратилась из потенциальной в реально действующую в грамматическом строе языка тенденцию, хотя и по-прежнему по своему лексическому охвату пока еще весьма ограниченную.

Существенная разница в отношении грамматической системы русского языка к морфологической неизменяемости существительных в наше время по сравнению с XIX в. получила своеобразное отражение в судьбе слова *ультра*, дважды заимствованного — с чрезвычайно продолжительным интервалом — русским языком из французского. Как известно, в последние годы, в связи с большим резонансом, который получило в общественной жизни реакционное движение «ультра» во Франции, это слово с удивительной быстротой стало довольно широко употребительным как в печати, так и в устной речевой практике. Вот ряд иллюстраций из разных источников употребления слова *ультра* в разнообразных падежных функциях: Прежде *ультра* (крайне правые организации ультраколониалистов) проводили такие выступления лишь в Алжире («Правда», 19.X 1960); Французская общественность требует принять решительные меры для пресечения бандитских выходок *«ультра»*... («Правда», 6. IV 1961); Для парижского рабочего —

во французском написании. В своем письме А. И. Ульяновой-Елизаровой он писал: «От центра очень далеко, но скоро в 2-х шагах от нас проводят métro подземную электричку» (В. И. Ленин. Письмо А. И. Ульяновой-Елизаровой, 19 декабря 1908).

это «право» погибнуть от бомбы фашиствующих *ультра* или от дубинок полицейских («Изв.», 18. II 1962); Расцвели ядовитые сорняки *«ультра»* («За рубежом», 1962, № 1); Сорбонна против *ультра!* («Энергетик», 1962, № 7); Именно миллиардеры и миллионеры пестуют американских *«ультра»* («Изв.», 22.II 1962); Что касается *ультра*, то они просто выходят из себя и предпринимают отчаянные попытки помешать установлению мира («Изв.», 20.II 1962).

В течение короткого времени в картотеке Института русского языка Академии наук СССР было зарегистрировано большое число разнообразных случаев употребления слова *ультра* в письменном и устном жанрах литературного языка, и среди них не было ни одного факта, который свидетельствовал бы о какой-либо попытке изменить морфологический облик этого слова при употреблении его в значении того или иного падежа. Совершенно иная ситуация имела место в XIX в., когда слово *ультра* было впервые заимствовано из французского языка.

В русских журналах первой половины XIX в. данное слово нередко встречается с флексиями косвенных падежей множественного числа: ...У противников своих они слывут под именем *ультров* («Вестник Европы», 1820, № 3); «...несогласие между либералами и *ультрами*» («Московский телеграф», 1828, № 17) [30].

Характерно, что в других славянских языках и в наше время слово *ультра*, проникшее туда под влиянием событий во Франции и в Алжире, «не выдержав испытания» на неизменяемость, морфологически переоформлялось, либо же заменялось другой лексической единицей. Таковы польск ultrasi, чешск. ultrakolonialisté. Ср.: Francuska Partia Komunistyczna... jest dla ultrasów przeciwnikiem nr I. («Trybuna ludu», 7. I 1962); Teror ultrakolonialistů v Alžírsku pokračuje («Rude pravo», 1. III 1962).

Материалы морфологического вопросника позволяют выяснить, какие именно факторы обусловливают современное устойчивое употребление заимствованных существительных описанного типа как неизменяемых.

Широко распространено мнение, будто неизменяемость этой группы существительных вызвана именно тем, что они воспринимаются как нерусские, иноязычные слова. В связи с этим указывалось, что неизменяемость надо рассматривать только как особенность этой лексической группы, а отнюдь не как черту, пусть даже привнесенную, но уже более или менее органически присущую грамматическому строю русского языка. А отсюда следовало, что

[30] Подробнее об истории слова *ультра* см.: В. В. Веселитский. Второе рождение слова *ультра*. «Вопросы культуры речи», вып. 4. М., 1963.

неизменяемость этих слов как языковое явление относится только к лексике, не затрагивая вовсе грамматического строя русского языка; ведь суть дела ограничивается своеобразным употреблением иноязычных слов, которые, естественно, и грамматически ведут себя «иноязычно», вне соответствия или даже вопреки грамматическим нормам русского языка. Такой ход рассуждений приводил к выводу, что эти слова можно будет признать подлинными элементами русской лексики, т. е. полностью освоенными только в тот момент, когда они станут склоняемыми.

Такого рода высказываний можно привести очень много, ограничимся только наиболее выразительными. Д. Н. Кудрявский, касаясь рассматриваемых фактов, указывал: «Только литературный язык образованного класса людей, которые еще живо чувствуют иностранное происхождение слов, не допускают склонение таких слов, как *пальто*, *депо*, *кофе* и т. п.» [31]. Аналогичное суждение находим и у С. О. Карцевского: «Литературное наречие русского языка не допускает склонения слов *пальто*, *какао*, *кофе*, *какаду*, *колибри*, *радио* и т. д., тогда как все имена существительные в русском языке склоняются, следовательно, слова эти почитаются и ощущаются как иноземные элементы» [32].

С помощью вопросника (см. сноску на стр. 228) мы попытались проникнуть в современное речевое сознание коллектива носителей литературного языка, во всей сложной дифференцированности этого коллектива по социальному положению, возрасту, образованию. Следовало установить, в какой степени ощущается и как оценивается говорящими иноязычность этих слов.

Для этой цели в вопросник был включен следующий пункт: «Допускаете ли Вы возможность склонения по образцу всех существительных среднего рода, оканчивающихся на *-о*, некоторых существительных, давно заимствованных и уже освоенных, типа *пальто*, *депо?* Встречали ли Вы случаи склонения подобных существительных (напр., *в пальте*, *из депа*, *в кине*), как Вы к ним относитесь?»

Разумеется, подлинные факты речевого сознания не могут быть отождествлены с субъективными суждениями говорящих о них; не подлежит, однако, сомнению, что в дополнение к анализу объективных проявлений языка эти суждения проливают много света на реальные факты речевого сознания.

[31] Д. Н. Кудрявский. Введение в языкознание. Юрьев (Дерпт), 1912, стр. 93.

[32] С. О. Карцевский. Язык, война и революция. Берлин, 1923, стр. 55—56.

На данный вопрос ответило около 1500 человек. Хотя прямого вопроса об употреблении изменяемых форм не было, содержание ответов дает все основания считать, что никто из заполнявших вопросник в своей речевой практике, за исключением случаев стилизации или шутки, этих форм не употребляет. Только 3% всех отвечавших ответили положительно на вопрос, считают ли они эти формы допустимыми. Таким образом, 97%, т. е. почти все, не допускают употребления этих форм. Будучи совершенно тождественными в своем отрицательном отношении к изменяемости рассматриваемых слов, эти 97% ответов чрезвычайно разнообразны по своему содержанию, характеру, приводимым мотивам и представляют много интересных данных, под разными углами зрения проясняющих поставленную проблему. Писатели и поэты в большинстве случаев вместо развернутого ответа ограничились непосредственной, резко отрицательной реакцией на вопрос. Вот некоторые из их ответов: В. Кетлинская: Нет, конечно, это же уродство; П. Антокольский: Ни в коем случае не допускаю; Н. Рыленков: Отрицательно; Н. Ильина: Нет, разумеется. Встречала у лиц малограмотных. Отношусь отрицательно; В. Боков: *В кине, из депа* плохо, ублюдочно. Это для героев Зощенки хорошо, а в языке плохо.

Полагаясь на свое высокоразвитое языковое чутье и движимые им, писатели выражают свое эмоционально окрашенное резко отрицательное отношение к предлагаемым изменениям формы, считая, по-видимому, даже лишним в той или иной форме обосновать свое отношение к ним.

Многие представители других групп лиц, заполнивших вопросник, также ограничились выражением резко отрицательных эмоций, которые вызывает у них предполагаемое употребление изменяемых форм. Вот некоторые из этих ответов: экономист (1906 г. рожд.): Слышать в жизни всякое приходится. Не все правильно пишу и говорю сама. Но если мне скажут, что я произнесла: *в пальте, из депа, в кине*, то я буду считать, что мне изменил рассудок, окончена разумная жизнь, закрылся белый свет; инженер (1899 г. рожд.): Отношусь к ним (изменяемым формам.— *И.М.*) с величайшим неодобрением, как к возмутительной неграмотности. Встречаются они, впрочем, не так уж часто; горный инженер (1928 г. рожд.): Встречала, но сама так не говорю, мороз по коже пробирает. Не допускаю такого склонения; геолог-палеонтолог (1920 г. рожд.): Склонять эти слова не следует. Будет просто ужасно их склонять; директор филармонии (1914 г. рожд.): Склонять подобные слова (*пальто, депо* и т. д.) было бы нелепостью и насилием над языком; бух-

г а л т е р (1895 г. рожд.): Не допускаю. Такое склонение действует на мой слух как фальшивая нота в знакомой музыке; с ч е т о в о д (1923 г. рожд.): Привыкла эти слова не склонять. Изменение их по падежам кажется мне диким; р а б о ч и й - т о к а р ь (1944 г. рожд.): *В кине, в пальте* — нелитературно, неправильно и некрасиво; р а б о ч и й (1928 г. рожд.): Условность и привычка не склонять эти слова настолько «въелась» в наш язык, что форма в *кине, метром, польтами* оскорбляет как ругань. С другой стороны, одинаковые по окончанию слова *вино* и *кино* почему-то разошлись разными путями; с т у д е н т (1942 г. рожд.): Чепуха! Нельзя делать такие существительные склоняемыми.

Так отвечают многие.

Бесспорно, что навыки употребления этих слов без падежных флексий глубоко проникли в языковое сознание подавляющего большинства носителей литературного языка. Наиболее поучительна та группа ответов, в которых содержатся попытки мотивировать отрицательное отношение к изменяемым формам существительных типа *пальто*.

Только в редких случаях отвечающие упоминали об иноязычном характере слов. В общей же массе ответов названы иные причины: изменяемые формы не соответствуют нормам литературной речи, они неблагозвучны, нарушают длительную традицию, противоречат лучшим образцам литературы, свидетельствуют о некультурности, малограмотности; они представляются смешными и т. д. Ниже приводится несколько ответов этого рода. В совокупности их можно рассматривать как коллективную характеристику изменяемых форм с точки зрения широких кругов носителей литературного языка. П и с а т е л ь С. Б о р о д и н: Языком уже освоены эти слова без склонения. Изменение будет насилием над языком. Нельзя допускать причесывание всего языка, всего его лексического богатства под одну гребенку. Следует стремиться не к оскоплению, а к обогащению языка; и н ж е н е р - с т р о и т е л ь (1906 г. рожд.): Я настолько привык к тому, что эти слова не склоняются, что их склонение представляется мне признаком величайшей некультурности; и н ж е н е р - э к о н о м и с т (1894 г. рожд.): Я вырос в среде, где многое так говорилось. Но боже упаси всех нас воскресить все то, через что народ (в массе) давно перешагнул; и с к у с с т в о в е д (1912 г. рожд.): Отношусь к ним только как к образцу мещанской безграмотности или нарочитому обезображиванию родного языка. Если узаконить *пальто — пальте*, то можно скатиться и до *метро— метре*; р е д а к т о р (1930 г. рожд.): Склонение этих слов было бы преждевременным, никто этих слов не склоняет. Воспринимаются они как иностранные,

несклоняемые; управделами (1912 г. рожд.): Мы считаем, что говорить в *пальте*, *из депа* — это искажение русского языка. Помоему, город в этом смысле должен идти в деревню, а не наоборот. Иначе скоро будем говорить *хвартук*, *кухвайка*; рабочий (1939 г. рожд.): Склонять их безусловно недопустимо. Это не консерватизм. В звуках слова должна быть гармония, чистота; студент (1942 г. рожд.): Неправильностей в языке и так хватает; геолог, научный работник (1913 г. рожд.): Считаю, к склонению таких слов привыкнуть невозможно — в литературе, которая будет служить образцом еще столетия, эти слова не склоняются; преподаватель истории (1920 г. рожд.): Склонение имен существительных среднего рода на *-о*, вероятно, не привьется, так как интеллигентные люди слова типа *пальто*, *депо* не склоняют; инженер (1931 г. рожд.): Очень хочется их склонять и в то же время язык не поворачивается. Иногда говоришь вроде бы в шутку: *в метре*, *в пальте*; бухгалтер (1945 г. рожд.): склонение подобных существительных встречается очень и очень редко. Эти существительные вполне освоены, и лучше, если склонение их не коснется, потому что даже на слух неприятно и резко звучит *в пальте*, *в кине*; служащий (1899 г. рожд.): Безусловно, оставить то, что есть (*в пальто*, *в кино*, *в депо*) и не коверкать твердо установившееся произношение этими неуклюжими *в пальте*, *в депе* и т. д.; рабочий (1935 г. рожд.): Нет, не допускаю. Иначе получится белиберда. Это очень засорит наш русский язык; актриса (1904 г. рожд.): Считаю, что склонять нельзя, так как это слова иностранного происхождения; математик (1936 г. рожд.): Такое склонение мне кажется ужасным. Могу только высказать сожаление, что первый, кто ввел слово *пальто*, правильно читал по-французски. Иначе мы бы имели *палетот* и его спокойно склоняли; инженер (1934 г. рожд.): Возможности склонения не допускаю. *В кине*, *в пальте* загрязняют язык, звучат вульгарно; врач (1937 г. рожд.): Нет, слишком сильна и долга традиция несклоняемости. Отклонения воспринимаются как неграмотность; химик (1922 г. рожд.): Не допускаю. Встречал у людей, которые не подозревают о существовании понятия «склонение». От этого русский язык не станет звучнее и красивее. Скорее наоборот; рабочий (1945 г. рожд.): Встречается в жизни склонение слов *кино*, *депо*, *пальто*, и мне почему-то всегда хочется исправить человека, который склоняет их. Не нужно склонение этих слов, оно искажает их...; библиотекарь (1901 г. рожд.); Встречала: *без пальта*, во множественном *пальта*, *з депа*, *в кине*. Считаю это неграмотным, потому что эти слова появились в русском языке не так уж давно, не больше ста лет тому назад, и не

могут считаться вполне обрусевшими. Таких слов, пришедших к нам в XIX—XX вв., самое раннее — в XVIII в., очень много, и все они не склоняются. Не скажете же: *клоун в трике*, *четыре эскима*, *в бюре*, *на фотах*. Правда, говорили в старину на *фортепьянах*, но это не привилось. А вот слова с гораздо бóльшим стажем в русском языке склоняются великолепно и не вызывают сомнений: *вино*, *эхо*, *клеймо*; *миро* вошло даже в пословицу «одним миром мазаны». Я думаю, что лет через двести-триста все сомнительные сейчас слова будут склоняться свободно, а нам об этом говорить рано; э к о н о м и с т (1903 г. рожд.): Считаю, что не стоит склонять эти слова и подобные им. Ведь лет 200 или больше мы их употребляем, не склоняя, все к этому привыкли, а снова привыкать слышать и писать *в пальте*, *в депе* и т. д. трудно, да и к чему? Какая цель?; и н ж е н е р (1895 г. рожд.): Не допускаю. Случаи склонения встречал у неграмотных стариков времен моей молодости, а теперь мои сверстники не склоняют этих слов. Зачем же тянуть назад, если даже малограмотные усвоили это правило. В настоящее время в речи не встречаю отступлений от нормы; ж у р н а л и с т (1918 г. рожд.): Не допускаю. *Пальта*, *депа*, *кина* и т. д. звучит как-то дико. Они, правда, заимствованы давно и освоены, но только в своей несклоняемой форме; м е д с е с т р а (1945 г. рожд.): Нет, по-моему, невозможно склонение этих существительных. При склонении они звучат как-то не по-русски.

Разнообразие и пестрота приведенных суждений во многом обусловлены различием в жизненном опыте, возрасте, образовании отвечающих и многими другими нелегко поддающимися определению особенностями. Почти все ответы с разной степенью прозрачности показывают, что неизменяемость *пальто*, *депо*, *бюро*, *кино*, *метро* и под. осознается всеми носителями литературного языка, в качестве черты, органически присущей этим словам, независимо от того, считают или не считают говорящие эти слова иноязычными. Конечно, иноязычность в свое время сыграла значительную роль в качестве одного (одного, но не единственного) из факторов, предопределивших возникновение неизменяемости у этой группы слов. Однако в современном сознании говорящих неизменяемость этих слов представляет собой самостоятельную грамматическую норму, отнюдь не связанную в своем функционировании с теми или иными элементами этимологической природы слов. Объясняется это тем, что неизменяемость, первоначально представляющая собой явление, касавшееся только в высшей степени ограниченной группы не освоенных языком слов, в дальнейшем превратилась в неотъемлемую черту грамматического употребления ряда уже освоенных слов, обладающих значительной частотностью.

С. О. Карцевский в цитированной выше работе справедливо указывал, что подлинными сдвигами в системе языка можно считать лишь те новшества, которые затрагивают не только лексику, но и грамматический строй языка. Морфологическая неизменяемость определенной группы слов, выражающих различные падежные значения аналитическими средствами, и должна быть отнесена к этой группе языковых изменений.

Всеобщий протест против употребления изменяемых форм слов *бюро*, *пальто* и подобных свидетельствует о полном освоении не только этих слов как определенных лексических единиц, но и присущих им грамматических свойств. С этой точки зрения представляются чрезвычайно меткими слова писателя С. Бородина: «Языком уже освоены эти слова без склонения. Изменение будет насилием над языком». Многие из заполнявших вопросник так и расценивали употребление изменяемых форм: «Это не по-русски». Поучительны для уяснения связи между освоенностью слова и его неизменяемостью рассуждения К. И. Чуковского о судьбе слова *пальто* в его книге «Живой как жизнь». Автор рассказывает, как постепенно осваивалось в русском языке это слово: когда пальто стало очень распространенной одеждой и его название сделалось общенародным, слово *пальто* обрусело настолько, что появились и производные от него слова: *пальтецо*, *пальтишко*. Возникли, следовательно, и все предпосылки для изменения его по падежам. И автор спрашивает: «Почему же не склонять это слово, как склоняется, скажем, *шило*, *коромысло*, *весло*? Ведь оно принадлежит именно этому ряду существительных среднего рода. Пуристы же хотят, чтобы оно осталось в ряду таких несклоняемых слов, как *домино*, *депо*, *трюмо*, *манто*, *метро*, *бюро* и т. д.» И сейчас же К. И. Чуковский резко формулирует свой ответ на этот вопрос: «И как бы ни были убедительны доводы, при помощи которых я пытался оправдать склоняемость слова *пальто*, все же едва я услыхал от одной очень милой медицинской сестры, что осенью она любит ходить *без пальта*, я невольно почувствовал к ней антипатию. И тут мне сделалось ясно, что несмотря на все свои попытки защитить эту, казалось бы, совершенно законную форму, я все же в глубине души не приемлю ее. Ни под каким видом, до конца своих дней я не мог бы ни написать, ни сказать в разговоре: *пальта*, *пальту* или *пальтом*» [33].

Как показал приведенный выше материал, аналогичной точки зрения придерживаются сотни носителей литературного языка.

[33] К. И. Чуковский. Живой как жизнь. М., 1962, стр. 20.

* * *

Для фамилий украинского происхождения с суффиксами *-ко*, *-енко* уже в XIX в. характерны разнообразные колебания: они изменялись по парадигмам первого и второго склонения; наряду с этим наблюдались и случаи их неизменяемости. Интересны приведенные В. И. Чернышевым факты неизменяемости этих слов в сочинениях различных авторов. Ср. также в письмах В. И. Ленина: ««Памятную книжку Тульской губ.» прошу Митю переслать поскорее Алексею Павловичу *Скляренко*: я не знаю его адреса» (В. И. Ленин, Письмо М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой, 22 ноября, 1898).

Современные факты также свидетельствуют о наличии колебаний. Изменяемые формы встречаются главным образом в художественной литературе: — Деревня? — удивился Дубов, не поспевая *за Гончаренкой* (А. Фадеев, Разгром); *А. Бузенка* (в им. падеже *Бузенко.— И. М.*) я послал на дубок (К. Паустовский, Блистающие облака).

Однако в большинстве случаев, как совершенно определенно показывает материал, эти слова остаются неизменными. Показательно, что в некоторых случаях неизменяемые формы этих фамилий встречаются рядом с изменяемыми формами фамилий другого типа. То же самое можно сказать и о студентах *Попове*, *Денисенко* и многих других (из газет).

Отчасти эти колебания вызываются разноречивыми, иногда искусственными рекомендациями. Хотя В. И. Чернышев еще в 1915 г. писал: «...для нас вполне естественно совсем не склонять эти слова: *у Шевченко*, *у Короленко*, *с Шевченко*, *с Короленко* и т. д.» [34], авторы современных справочников упорно рекомендуют подобные названия склонять по образцу: *Шевченко*, *Шевченки*, *Шевченкой* и т. д. Авторов не останавливает то, что их рекомендации противоречат реальным фактам. Они в ряде случаев дают субъективное, необоснованное истолкование языковой практики. Так, авторы одного широко распространенного справочника указывают: «Довольно многочисленны в печати случаи употребления украинских фамилий на *-ко*, *-енко* в неизменяемой форме. Авторы прибегают к этому «новшеству» (кавычки К. И. Былинского и А. И. Жилина.— *И. М.*) потому, что не знают, по какому склонению следует изменять эти фамилии...» [35] Факты, к которым авторы рекомендации почему-то

[34] В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 87.
[35] К. И. Былинский и А. И. Жилин. Справочная книга корректора. М., 1960, стр. 55.

относятся иронически, являются прямым следствием тенденции, которая пробивала себе дорогу уже в XIX в., а в настоящее время все более и более укрепляется.

Географические названия с суффиксами *-ино*, *-ово* типа *Тушино*, *Воронцово*, *Шереметьево* существуют в системе русской топонимики очень давно, однако только в советскую эпоху они стали переходить в разряд неизменяемых существительных. Этот процесс еще не получил своего отражения ни в одном своде фиксированных норм, ни в одном нормативном пособии. Между тем, случаи неизменяемости этих существительных уже довольно широко распространены в разных жанрах современного литературного языка, например: По-новому стали жить *в Ильино*, *в Пелукарпово*, *в Цветково* («Огонек», 1961, № 6); *Над Черемхово* красная луна, *Вдоль Черемхово* рыжие обочины, *Под Черемхово* черная руда, *А в Черемхово* спящие рабочие (Ю. Панкратов, Месяц).

Различие в употреблении часто связано с возрастом говорящих: представители старшего поколения эти слова изменяют, молодежь их употребляет обычно в неизмененном виде. Неизменяемость данных слов представляет собой яркий пример вмешательства внешних факторов в эволюцию языка, даже такого специфического его структурного элемента, каким является система склонения. Сильным толчком к употреблению этих слов в качестве неизменяемых явились, несомненно, издававшиеся в военное время приказы, которые запрещали изменять в донесениях и других документах исходную форму названий населенных пунктов, чтобы не смешивались близкие по звуковому составу слова, ср.: *Разин — Разино*, *Ефремов — Ефремово*, *Пушкин — Пушкино*, *Киров — Кирово* и т. д.

Печатные тексты не дают точного отражения, насколько в живой устной речи (разумеется, литературной) распространилась неизменяемость существительных типа *Болшево*, *Пушкино*, *Ткаченко*. Ведь в справочных нормативных пособиях, как уже говорилось, такие существительные отнесены к разряду склоняемых. Поэтому редакторы и корректоры сплошь и рядом считают себя вправе исправлять авторский текст, если в нем есть отступления от этих искусственных правил. Для выяснения реальной употребительности этих форм они дополнительно изучались методом массового опроса.

В текст ряда предложений вводились существительные этого типа с опущенной конечной гласной, и лица, заполнявшие вопросник, дописывали эти слова так, как им представлялось целесообразным.

Вот образец: «Следующей остановкой было Щелково. Мне

сказали, что по направлении... [36] к Щелков... поезда отправляются из Болшев... каждые полчаса». Обработка материалов вопросника велась, как и в других случаях, дифференцированно по отдельным социальным и возрастным группам.

Результаты обработки материалов представлены в таблицах 6 и 7.

Материалы показывают, что подавляющее большинство лиц, заполнивших вопросник, употребляют существительные типа *Фоменко*, *Даниленко* в морфологически неизменяемом виде. Даже среди писателей, обнаруживших в своих ответах на многие вопросы наибольшую приверженность к традиционно-синтетическим нормам склонения, 88% употребляют эти слова без падежных флексий. В целом же такое употребление присуще почти всем (95% лиц, ответивших на вопросник). Совершенно очевиден разрыв между реальной речевой практикой и правилами, которые упорно рекомендуются в справочных пособиях.

Что касается географических названий типа *Щелково*, то по материалам вопросника в настоящее время преобладает употребление изменяемых форм. Количество лиц, употребивших неизменяемые формы, колеблется в пределах 34—37%, а употребивших изменяемые формы — в пределах 62—66% (только формы *в Пушкино* — *в Пушкине* резко выбиваются из этих пределов).

Эти цифровые данные нуждаются, однако, в дополнительном анализе условий, характерных для употребления тех и других форм. Ведь существующие нормативы рекомендуют склонять данные существительные и запрещают оставлять их в неизменном виде; сила авторитета действующих правил представляет собой немаловажный фактор, противодействующий росту употребительности неизменяемых форм. Важно и то, что падежные флексии как форма выражения падежных значений поддержаны вековой традицией и наиболее часты в современном языке. Аналитические же средства — это явление новой, малочастотной формы выражения падежных значений.

Таким образом, соотношение 34—66% представляет собой числовое выражение противопоставленности элементов нового элементам старого в процессе развития системы склонения, а в этих условиях количественные показатели должны сопоставляться не отвлеченно, а на фоне динамики развития противоборствующих форм. Правомерность подобного толкования количественных показателей современного употребления неизменяемых и изменяемых форм по-

[36] Опущение буквы *ю* является одним из многочисленных «отвлекающих» приемов, использованных в вопроснике с целью рассредоточить внимание,

Дифференциация по социально-

Группа по социальному положению и образованию		Род. пад. сущ. *Большево*		Дат. пад. сущ. *Щелково*	
		неизм.	изм.	неизм.	изм.
Рабочие (со средним образов.)	Кол-во	175	252	201	233
	Процент	39,86	57,4	45,78	53,07
Служащие (со средним образов.)	Кол-во	318	569	349	564
	Процент	34,38	61,51	37,73	60,97
Интеллигенты-нефилологи (с высшим образов.)	Кол-во	254	529	290	511
	Процент	31,55	65,72	36,02	63,48
Интеллигенты-филологи (с высшим образов.)	Кол-во	68	266	89	253
	Процент	19,88	77,78	26,02	73,97
Писатели и журналисты	Кол-во	12	50	11	53
	Процент	18,75	78,12	17,19	82,81
Студенты-нефилологи	Кол-во	60	106	79	91
	Процент	35,09	61,99	46,19	53,21
Студенты-филологи	Кол-во	230	431	249	416
	Процент	34,07	63,85	36,89	61,63
Студенты, не указавшие специальности	Кол-во	157	273	162	271
	Процент	35,6	61,9	36,73	61,45

Дифференциация по

Возрастная группа		Род. пад. сущ. *Большево*		Дат. пад. сущ. *Щелково*	
		неизм.	изм.	неизм.	изм.
Родились до 1909 гг.	Кол-во	91	264	98	263
	Процент	25,14	72,90	27,07	72,65
Родились в 1910—1919 гг.	Кол-во	58	126	72	120
	Процент	30,21	65,62	37,50	62,5
Родились в 1920—1929 гг.	Кол-во	125	309	162	287
	Процент	27,84	68,82	36,08	63,92
Родились в 1930—1939 гг.	Кол-во	419	855	497	802
	Процент	31,86	65,02	37,8	60,99
Родились в 1940 г. и позже	Кол-во	618	1020	657	1002
	Процент	36,72	60,61	39,04	59,53

Таблица 6

образовательному признаку

Предл. пад. сущ. *Щелково*		Предл. пад. сущ. *Пушкино*		Твор. пад. сущ. *Ткаченко*		Род. пад. сущ. *Короленко*	
неизм.	изм.	неизм.	изм.	неизм.	изм.	неизм.	изм.
194	240	375	45	410	10	419	14
44,19	54,67	85,42	10,25	93,61	2,28	95,44	3,19
317	600	697	175	874	20	883	40
34,16	64,65	75,35	18,92	94,49	2,16	95,56	4,33
250	552	556	218	757	25	757	34
31,05	68,57	69,0	27,04	93,92	3,1	95,16	4,22
81	258	197	129	317	12	313	27
23,63	75,43	57,43	37,60	92,42	3,49	91,25	7,87
10	54	26	35	56	5	57	6
15,62	84,37	40,62	54,69	87,5	7,81	89,06	9,37
67	102	152	12	161	4	158	11
39,18	59,65	88,89	7,02	94,15	2,34	92,94	6,4
246	421	582	75	660	9	643	30
36,39	62,27	86,9	11,09	97,63	1,33	95,12	4,44
159	284	370	49	425	7	405	29
35,73	63,82	84,28	11,16	95,72	1,58	92,04	6,59

Таблица 7

возрастному признаку

Предл. пад. сущ. *Щелково*		Предл. пад. сущ. *Пушкино*		Твор. пад. сущ. *Ткаченко*		Род. пад. сущ. *Короленко*	
неизм.	изм.	неизм.	изм.	неизм.	изм.	неизм.	изм.
74	288	171	174	318	28	320	38
20,44	79,56	47,37	48,19	88,09	7,75	88,39	10,49
55	131	131	53	177	5	180	11
28,65	68,22	68,23	27,6	92,19	2,6	93,75	5,73
127	316	291	131	420	17	427	15
28,22	70,22	64,81	29,18	93,54	3,79	95,52	3,35
472	836	1015	234	1251	27	1245	63
35,81	63,43	77,07	17,76	95,00	2,05	94,46	4,78
644	1028	1461	166	1620	18	1597	76
38,30	61,04	86,81	9,87	96,83	1,07	94,83	4,51

лучает убедительное подтверждение при дифференцированном рассмотрении полученных данных по социально-образовательному и возрастному признакам. Как видно из всех рубрик таблицы 6, наибольший процент лиц, употребляющих неизменяемые формы, относится к группе рабочих. Это, вероятнее всего, объясняется тем, что рабочие, в качестве сравнительно новых носителей литературного языка, легче вовлекаются в русло свободного и беспрепятственного развития языка в соответствии с действующими в нем тенденциями. Еще отчетливее об этом свидетельствуют данные вопросника, дифференцированные по возрастному признаку. Из всех рубрик таблицы 7 видно, что кривая процесса развития во временно́м плане, обнаруживая отдельные зигзагообразные повороты, в конечном итоге неукоснительно ведет к расширению употребления неизменяемых форм.

Если сопоставить самое старшее и самое младшее поколения, представленные в таблице, то употребительность каждой из шести аналитических словоформ возрастает так: с 25 до 37%; с 27 до 39%; с 20 до 38%; с 47 до 87%; с 88 до 97%; с 88 до 95%.

* * *

Группу неизменяемых существительных особого структурного типа составляют советские неологизмы-аббревиатуры разных видов: *ГОЭЛРО*, *ГРЭС*, *МТС*, *СССР*, *ЦК* и т. п. Не вдаваясь в детали вопроса о «полноценности» буквенных аббревиатур и других разновидностей сложносокращенных слов, приведем представляющееся вполне справедливым и научнообоснованным следующее высказывание по этому поводу Е. Поливанова: «... дурно или хорошо с эстетической точки зрения (о чем представляется судить специалистам-эстетам , а не лингвистам), но выше рассмотренные сокращения выполняют свою задачу, давая русскому словарю экономные и большею частью удобные слова для новых понятий, а потому всякого рода теоретические возражения против них, по моему мнению, излишни» [37].

По словообразовательной модели сокращений возникло значительное число слов. Конечно, речь идет не о плодах чиновничьего словотворчества вроде осмеянного В. В. Маяковским «Главначпупса», во множестве произраставших в первые послереволюционные годы и ныне уже давно позабытых. Большая же группа аббревиатур типа приведенных выше слов успешно используется в течение десятилетий в языке во всех его стилях и жанрах и полностью

[37] Е. Поливанов. За марксистское языкознание. М., 1931, стр. 81.

доказала свою жизнеспособность [38]. Эта группа слов должна быть признана равноправным элементом русской лексики, и грамматические особенности, присущие этим словам, должны в полной мере учитываться при описании грамматического строя языка. Среди аббревиатур может быть выделен ряд структурно отличающихся друг от друга групп.

1. Существительные типа *ГОЭЛРО*, *СТО*, *роно*, *самбо*, *райфо*, *сельпо*. Неизменяемость этих существительных обусловлена наличием конечного *-о* корневой морфемы, и в этом они сходны с заимствованными словами такой же структуры. Их неизменяемость, однако, дополнительно обусловлена тем, что изменение конечного гласного нарушило бы связь этих новообразований с теми сочетаниями слов, которые служат для них — особенно на первых порах их функционирования — своеобразными внутренними формами (ср. роно — районный отдел народного образования). Неизменяемость этих существительных характеризуется наибольшей устойчивостью.

2. Существительные типа *МТС*, *РТС*, *АТС*, *РСФСР*, *АССР*. У этих существительных неизменяемость обусловлена двумя факторами: а) несоответствием между принадлежностью слова к жен. роду и его морфологическим обликом (наличие конечного твердого согласного при нулевой флексии) и б) спецификой звукового состава слова, представляющего сумму названий букв: поскольку названия букв в русском языке являются неизменяемыми словами, это, естественно, тоже служит препятствием к включению данных слов в парадигму склонения.

3. Существительные типа *СССР*, *ВЦСПС*, *ВЛКСМ*, *КВН*. У этих существительных только один фактор обусловливает их неизменяемость: своеобразие звукового состава, представляющего сумму названий букв. Существительные этой группы на протяжении всего изучаемого периода выступают в неизменяемых формах во всех жанрах литературного языка.

4. Существительные типа *ГЭС*, *РАПП*, *ЧОН*, *ВАК*, *ООН*, *ЖЭК*. Оформление этих аббревиатур в качестве изменяемых или неиз-

[38] По данным ряда исследований, кривая употребительности аббревиатур идет не вниз, а вверх. Так, Л. А. Шеляховская подсчитала, что в современном тексте в 500 000 словоупотреблений встречается свыше 300 аббревиатур разных типов. На эти 300 аббревиатур приходится 10 000 словоупотреблений, что превышает употребительность этих слов в первые послереволюционные годы (см.: Л. А. Шеляховская. Опыт статистического анализа употребления аббревиатур в современном русском языке. «Синхроническое изучение различных ярусов структуры языка». Алма-Ата, 1963, стр. 55.

меняемых существительных зависит от двух факторов: морфологической структуры и родовой принадлежности. Имея в своем исходе твердый согласный, эти слова должны были бы включаться по своей структуре в разряд существительных, изменяемых по парадигме склонения муж. рода. Этому, однако, противодействует принадлежность данных аббревиатур к жен. роду (в тех словосочетаниях, с которыми соотносятся аббревиатуры, главное слово — жен. рода: *ГЭС* — государственная электрическая станция). Вместе с тем нетрудно установить, что из двух названных противоборствующих факторов второй является более слабым, так как родовая принадлежность аббревиатуры: 1) не основывается на реальной семантике слова (относится к асемантической сфере категории рода) и 2) опирается на морфологическую структуру не самой аббревиатуры, а стержневого слова соответствующего ей словосочетания. Эти обстоятельства создают предпосылки для морфологической изменяемости слова, а изменяемость здесь возможна только по парадигме муж. рода.

Значительное число таких фактов действительно наблюдалось в первых десятилетиях советского периода. Так, аббревиатура *НЭП* образовалась в 1921 г, а в 1922 г. уже широко употреблялась как изменяемое при склонении существительное. Следует несколько подробнее остановиться на эволюции этого существительного, представляющей интересные данные для уяснения содержания словообразовательных и грамматических процессов двадцатых годов. Как известно, решения, легшие в основу новой экономической политики, были приняты на X съезде (8—16 марта 1921 г.) и на X Всероссийской конференции РКП (26—28 мая 1921 г.). Однако аббревиатура *НЭП* появилась на страницах газет только в декабре 1921 года; вот один из первых примеров такого словоупотребления: Отказ от взимания арендной платы не совсем логическое следствие *НЭП* («Правда», 10.XII 1921). Почти одновременно с *НЭП* стал употребляться и другой вариант — *НЭПО*.

Вариативности словообразовательного оформления сопутствовали разнообразные морфологические колебания: слово употреблялось и как неизменяемое, и как изменяемое, как существительное жен. рода и как существительное муж. рода. Вот отдельные примеры чрезвычайной пестроты речевой практики той поры: *задача НЭПО*, *задача НЭПА*, *в связи с НЭП'ом*, *увеличение НЭП*, *неужели НЭП виноват?*, *подоспевшая НЭП*, *НЭП открыл* книжные магазины, *НЭП отразилась*... (из газет, 1921—1922). Однако период колебаний был очень коротким. Уже в первой половине 20-х годов изменяемые формы муж. рода стали настойчиво вытеснять неизменяемые формы жен. рода. Иллюстрации к этому мы находим

и в произведениях В. И. Ленина и в центральных газетах. У В. И. Ленина такое употребление впервые встречается в работе «Несколько подробнее о НЭП'е и о понятии «государственного капитализма» (Письмо В. М. Молотову, 23 марта 1922). Если не считать отдельных так или иначе мотивированных отступлений, это употребление прочно закрепилось в качестве нормативного во всей дальнейшей речевой практике.

Некоторые другие слова данной группы: *РАПП*, *ГЭС* (особенно *Днепрогэс*), *ЧОН* («часть особого назначения») и под. — в 20-х годах уже выступали преимущественно в качестве изменяемых существительных. Однако в последующих десятилетиях, особенно в 50-х годах, в употреблении этих слов наблюдаются существенные изменения. Значительно расширилась сфера неизменяемости. Ряд новых образований этого типа, возникших в последнее время — *ООН*, *ТЭЦ*, *ОАР* и др., сейчас употребляются без падежных флексий.

Некоторые исследователи считают возможным утверждать, что направление эволюции этих слов полностью изменилось. Так, Т. В. Шанская в результате изучения фактического материала пришла к следующему выводу: «Сейчас идет процесс если не перехода, то «перевода» целого ряда звуковых аббревиатур из разряда склоняемых мужского рода в несклоняемые, род которых определяется по основному слову исходного словосочетания. Как бы то ни было, но, на наш взгляд, все новые (послевоенные) звуковые аббревиатуры и очень многие старые, возникшие в двадцатые годы XX века, несмотря на их формально-фонетические особенности, свойственные существительным мужского рода, сейчас не склоняются и в своем грамматическом роде отражают род стержневого (опорного) слова» [39].

Изученный речевой материал не дает основания считать, что неизменяемость полностью возобладала в этой группе слов. И в настоящее время встречаются случаи употребления этих существительных в изменяемых формах. Колебаний в речевой практике имеется значительное число, однако не может быть сомнений в том, что по сравнению с прошлым неизменяемость аббревиатур этого типа значительно укрепила свои позиции.

5. Существительные типа *ЦИК*, *ВЦИК*, *МХАТ*, *ГАБТ*, *МИД*. Изменяемости существительных этой группы не препятствует ни один из упоминавшихся выше факторов: они не состоят из названий букв и не относятся к жен. роду. И все же они довольно часто

[39] Т. В. Шанская. О роде сложносокращенных имен существительных в современном русском языке.— РЯНШ, 1964, № 1, стр. 68—69.

остаются неизменяемыми; с течением времени их изменяемость в целом не возрастает.

Можно полагать, что преобладание изменяемых форм в письменной разновидности речи зачастую является результатом редакторской или корректорской правки. Характерный случай: на вечере, посвященном творчеству артиста Харитонова (9 января 1966 года), передававшемся по телевидению, выступавшие режиссеры и артисты говорили *студия МХАТ*, между тем в газетных заметках об этом вечере фигурировало только сочетание *студия МХАТ'а*.

Отсутствие у слов рассматриваемой группы падежных флексий можно, по-видимому, объяснить морфологическим притяжением этих образований к другим типам аббревиатур, которые часто выступают в качестве неизменяемых существительных. Употребление в неизменяемом виде аббревиатур, которые имеют возможность совершенно беспрепятственно включаться в систему аффиксального склонения, является немаловажным показателем общих тенденций развития склонения [40].

Таким образом, аббревиатуры всех рассмотренных групп в силу присущих им морфологических и морфонологических особенностей, а в некоторых случаях и независимо от них, следовательно, под давлением общих тенденций развития грамматического строя языка, вовлечены в ту часть лексики, которая выражает падежные значения не флексиями, а аналитическими средствами.

КАТЕГОРИИ РОДА И ЧИСЛА У НЕИЗМЕНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Структура форм рода у неизменяемых существительных характеризуется рядом значительных инноваций и существенно отличается от соответственной структуры изменяемых существительных. Последняя, как это показано в разделе о категории рода (см. стр. 177—185), состоит из двух существенно различающихся

[40] Д. И. Алексеев, касаясь этой группы аббревиатур, характеризует их следующим образом: «Это потенциально склоняемые существительные... Явление это интересно во многих отношениях. В частности, отсутствие склоняемости у слов, которые имеют для нее структурные возможности (ср. с несклоняемостью существительных *боа*, *колибри*, *какаду*), особенно убедительно говорит об избыточности падежных окончаний в контексте, даже минимальном (Д. И. Алексеев. Аббревиатуры как новый тип слов. «Развитие словообразования в современном русском языке». М., 1966, стр. 32).

сферморфолого-синтаксических противопоставлений: семантической и асемантической. Ср., с одной стороны, *стол — стена — окно*, с другой стороны, *учитель — учительница*. И в той и в другой области противопоставлений большую роль, наряду с синтаксическими, играют и морфологические средства выражения категории рода. Неизменяемые существительные ограничены, естественно, только одними синтаксическими средствами. Они обнаруживают свою принадлежность к тому или иному роду (мужскому, женскому или среднему) только при помощи аффиксов поясняющих их слов: *голубое* такси *остановилось*; *приятный — приятная* визави *читал — читала*.

Разумеется, характер синтаксического способа выражения в этих условиях существенно изменяется: формы рода поясняющих слов — прилагательных и глаголов — превращаются из зависимых в независимые, позиция этих слов в словосочетании (атрибутивном или предикативном) из парадигматически слабой превращается в парадигматически сильную [41]. Столь же существенны и различия в содержании родовых противопоставлений. Неизменяемые существительные вступают только в семантические противопоставления, причем их основу составляют не только различия в принадлежности к биологическому полу, но и различия одушевленности и неодушевленности. Структура рода у неизменяемых существительных основана на следующем дихотомическом делении: а) *это* кашне — *этот* шимпанзе; по признаку различий «одушевленность — неодушевленность» средн. род со значением неодушевленности противопоставлен муж. роду со значением одушевленности (применяются традиционные термины, хотя они и не соответствуют значению) и б) *этот — эта* шимпанзе; по признаку принадлежности к биологическому полу муж. род противопоставлен жен. роду; причем жен. род выступает как маркированный член данного противопоставления, так как он содержит указание на принадлежность к женскому полу, а муж. род немаркированный: он не содержит подобного указания. Сказанное относится ко всей категории одушевленности — и к лицам, и к не-лицам.

С точки зрения маркированности или немаркированности входящих в их состав членов, оба указанных типа корреляций контрастны. В корреляции первого типа — неодушевленность (средний род) — одушевленность (несредний род) — обе формы рода маркированы. В самом деле, первый член корреляции указывает на принадлежность к разряду предметов, другой — на принадлеж-

[41] См.: М. В. П а н о в. Некоторые тенденции в развитии русского литературного языка XX в.— ВЯ, 1963, № 1, стр. 8—9.

ность к разряду живых существ. Во втором типе корреляций один член, как об этом уже говорилось выше, маркированный, другой — немаркированный.

Надо обратить внимание на то, что приведенные двучленные корреляции не могут объединиться в одну трехчленную вследствие того, что они зиждутся на разных основаниях деления.

Немаркированность мужского рода во втором типе корреляций отчетливо выступает в следующем тексте из романа В. Ажаева «Далеко от Москвы»: «Конечно, Кузьма Кузьмич видел и недостатки своего *визави* — эти недостатки, надо думать, объяснялись молодостью». Ведь существительное *визави*, отнесенное согласованным с ним местоимением к муж. роду, не содержит никакой спецификации принадлежности лица к тому или иному полу.

Описанная структура рода большинства неизменяемых слов, характеризующаяся значительным сокращением удельного веса аффиксальных средств в выражении категории рода, является немаловажным показателем общего роста аналитических тенденций. В процессе формирования этой структуры было немало разного рода колебаний. Многие заимствованные в XIX в. существительные, попав в русский язык, долго сохраняли формы рода, которые были им свойственны в том языке, откуда они были заимствованы. В. И. Чернышев приводит из многочисленных произведений XIXв. длинный перечень сочетаний слов, свидетельствующих о многочисленных отступлениях от действующей родовой системы: *бордо благоразумный*, *один безе*, *пушистый боа*, *поношенный кашне*, *мой какао*, *свой кофе*, *мой пальто*, *портмоне остался*, *прелестный пианино* [42]. Из всех этих существительных в настоящее время только *кофе* употребляется (в соответствии с рекомендуемыми нормами) в форме муж. рода. В современных словарях и грамматических пособиях допускаются отступления только для единичных случаев, обусловленные специальными причинами; так, употребление слов *кольраби* и *салями* в жен. роде объясняется влиянием семантически близких к ним слов: *капуста*, *колбаса*. В целом же вся языковая практика показывает неуклонный процесс распространения охарактеризованной родовой структуры на уже существующие и вновь возникающие в языке неизменяемые слова. В этой связи следует указать на непоследовательность грамматических помет четырехтомного Словаря русского языка АН СССР. Так, при существительных *колибри* и *визави* отмечается возможность их употребления в муж. и жен. роде, при других же неизменяемых

[42] В. И. Чернышев. Указ. соч., стр. 146.

существительных, как *кенгуру*, *пони* и подобные, буквой *м* отмечается их принадлежность только к муж. роду. Точно так же в грамматике АН СССР вслед за правильно ориентирующим указанием, что неизменяемые имена существительные, обозначающие животных, относятся к муж. или жен. роду, в зависимости от того, имеется в виду самец или самка, дается примечание, которое может только дезориентировать читателя: «В отдельных случаях несклоняемые названия животных могут согласовываться по среднему роду, если не подчеркивается значение пола (*наше колибри*, *шимпанзе* и т. п.)». В этих случаях как раз и уместна форма муж. рода.

Описанные отношения не распространяются на аббревиатуры с конечным согласным типа *РТС*, *ГРЭС*, *ТЭЦ* и т. д.; это в большинстве случаев объясняется тем, что данные аббревиатуры отчетливо ассоциируются — особенно в начальные моменты своего функционирования — с так называемыми стержневыми словами соответственных сочетаний, лежащих в их основе, и прочно закрепляют за собой их родовые формы. Характерное для этих аббревиатур несоответствие между их морфологическим обликом и «этимологическим» родом поставило их вне родовой структуры как изменяемых, так и неизменяемых существительных. Это продукт еще не завершенных процессов в развитии структуры рода неизменяемых существительных.

Особенно большие сдвиги претерпела структура форм числа у неизменяемых существительных. По сравнению с категориями падежа и рода сфера обнаружения категории числа сузилась в наибольшей степени. Так, сопоставление форм обнаружения этих трех категорий у неизменяемых и изменяемых имен существительных в сочетаниях *купили пальто — купили юбку*; *обзавелись пианино — обзавелись роялем*; *хвалили конферансье — хвалили певца* показывает, что падеж и род у неизменяемых существительных выступают столь же отчетливо, как и у изменяемых, между тем как категория числа у неизменяемых существительных остается невыраженной в данном объеме текста.

Значение числа получает выражение у неизменяемых существительных только в атрибутивных и предикативных словосочетаниях с помощью аффиксов поясняющих слов: *серое* — *серые* такси остановил*ось* — остановил*ись*.

Таким образом, неизменяемость существительного приводит к сокращению удельного веса категории числа, так как последняя уже не является неотъемлемым элементом морфологической структуры слова. Для сравнения тенденций развития строя различных языков и, в частности, отношения того или иного языка к исполь-

зованию аффиксов показательно сопоставление русского языка с болгарским. В последнем, как известно, существительные не изменяются по падежам, однако заимствованные слова рассматриваемых нами типов присоединяют аффиксы для выражения числа: *такси — таксита*, *ателье — ателъета*, *пиано — пиана* и т. д., чего не происходит в русском языке.

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИЗМЕНЯЕМЫХ ФОРМ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В советский период наблюдается довольно широкое использование изменяемых форм неизменяемых существительных в разнообразных стилистических функциях. Именно в силу того, что в нейтральном стиле литературного языка довольно прочно укрепились неизменяемые формы этих существительных, писатели нередко пользуются изменяемыми формами для характеристики речи персонажей, для усиления экспрессии авторской речи, для стилизации под просторечие и другие виды нелитературной или окололитературной речи. В этих функциях используются изменяемые формы как заимствованных слов, так и разного рода аббревиатур.

Вот некоторые из множества встречающихся в советской литературе фактов: ... и бедный Ваня-грамотей/склоняет уже *драпри — драпрей* (Демьян Бедный); *О фиасках*, апогеях и других неведомых вещах (В. Маяковский. О «фиасках», «апогеях» и других неведомых вещах); Докладчики бывают тоже!/ Эх, ты, губкомовец в *пенснах*!/ Как будто лезет он из кожи,/ Чтобы «измами» стереть нас в прах (А. Безыменский, Комсомолия); Голосуют члены *бюры*, кандидатам голоса нет,— сказал Смирнов, поглядывая на Васильева злым и веселым взглядом (Ю. Либединский, Комиссары); — У нас не скучно, если *кина* нету, дед его заменяет (М. Шолохов, Свет и мрак); Третья хохотала не совсем без причины: Жара, а он в *пальте* приехал (Л. Леонов, Барсуки);— Последний разок русскую пьем. Через неделю позабавимся английской *виской* (А. Новиков-Прибой, По-темному); А сюда меня тетя Маша пускает играть на *пианине* (К. Федин, Необыкновенное лето); Вот вам все документы. Нас били *Промбюром*, и мы оборотом били этим *Промбюром* (Ф. Гладков, Цемент);— Напрокат взяли *пианину*, жалуется — плохая. Рояль бы мне, говорит, настоящий (В. Панова, В старой Москве); Вот тебе раз! Поехали за хлебом в Ташкент,

попали в *Орта-чеку* (А. Неверов, Ташкент — город хлебный); — *В сельпе* разве нету? — (В. Солоухин, Владимирские проселки); — Я, говорю, свое отработал... Еще теперь мне зимой морозиться в вашей *емтеесе* (Г. Николаева, Битва в пути).

Часто такие формы используются в авторской речи в разнообразных экспрессивно-стилистических целях: За покупками по Москве по всей/разъезжусь весь день, не вылазя из *таксей* (В. Маяковский, Мечта поэта); Поевши, душу веселя,/одной ногой разделывая вензеля,/увлечены *тангой* (В. Маяковский, Две культуры); Бутылка нарзана, /бутылка *ситра*, /Серебряный сыр, /золотая икра (Н. Панов, Враг своей тени); Я посылаю неизменный /Привет всеведущей *Цеке*... (А. Безыменский, Комсомолия); Верует (Евсюков) в совет, в Интернационал, *чеку* и в тяжелый вороненый наган в узловатых и крепких пальцах (В. Лавренев, Полынь-трава); Да, все мы ходим под *Цекою*... Но за *Цекой* — никто не съест (А. Безыменский, Комсомолия); О-го-го! сколько тут маленьких «великих людей» собралось. Со всего *СССР-а* слетелись (Н. Никандров, Путь к женщине).

Привлечение этих форм в художественные тексты только в качестве подчеркнуто экспрессивных или характерологических — вернейшее свидетельство их изгнания из пределов литературной нормы. Они бы не использовались как средство обрисовать характер героя (через его речевое поведение), если бы недостаточно резко контрастировали с общеупотребительными, неизменяемыми формами.

Как известно, история развития грамматического строя русского литературного языка, особенно последних двух веков, содержит немало примеров стилистического размежевания грамматических форм, которые ранее были стилистически идентичны. Это один из многих показателей того, как стилистическая дифференциация все более и более внедряется и в наиболее абстрагированную сферу системы языка — в его грамматический строй.

Значение всех описанных явлений может быть адекватно оценено только при рассмотрении их в связи с другими явлениями, с которыми они связаны общностью тенденций развития. При изолированном анализе неизменяемых существительных не было бы достаточного основания придать всем относящимся сюда инновациям сколько-нибудь важное значение, так как удельный вес их в языке в целом незначителен. Но наряду с возникновением и ростом группы неизменяемых существительных возникла и интенсивно развивается другая группа неизменяемых слов — неизменяемые

прилагательные типа *беж*, *электрик*, а также типа *теле-*, *радио-*, *парт-*, *лесо-* и др. [44]

Отчетливо выступают и разносторонние связи этих двух процессов. Ведь многие из аналитических существительных со временем становятся аналитическими прилагательными. Ср.: слушать *радио* и *радио*передача, подарил *фото* и *фото*лаборатория, пошли в *кино* и *кино*лента и т.д. С другой стороны, процессы развития аналитических прилагательных, в свою очередь, углубляют аналитичность существительных, так как оказывают в тех или иных формах влияние на проявление присущих им грамматических категорий. Так, у слова *ателье* в словосочетании *швейное ателье* форма рода в своем синтаксическом выражении опирается на аффикс определяющего слова, но в сочетании *фотоателье* аффикс уже не выступает и в качестве синтаксического средства выражения рода. Происходит как бы прорыв второй линии обороны аффиксального оформления слова. Тесное взаимодействие этих явлений свидетельствует о глубине происходящих в грамматической системе процессов, хотя они и ограничены по своему лексическому охвату.

* * *

Разнообразие в проявлении антитезы глагола и имени чрезвычайно велико: оно выступает и довольно простым и чрезвычайно сложным образом, и вполне эксплицитно и в высшей степени имплицитно. В наиболее очевидной форме эта антитеза обнаруживается в противопоставленности склонения имен и спряжения глаголов. Как известно, подобным образом различаются имя и глагол в большом числе индоевропейских языков.

Однако в некоторых индоевропейских языках такой формы контрастности глагола и имени не встречается. Достаточно указать на французский язык, где глаголы спрягаются, но существительные, как и другие имена, не склоняются. Различие между глаголами и именами здесь, следовательно, может быть сведено к тому, что первые спрягаются, а другие этой чертой не обладают. Различие между глаголом и именем в любом языке формируется большим комплексом семантических и формальных явлений, самым причудливым образом переплетающихся между собой. Очень важное место в этом комплексе занимает присущая каждому языку

[43] О последней группе морфологических элементов, стоящих на грани слов и морфем, см. статью В. Л. Воронцовой в сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

своеобразная система грамматических категорий и входящих в их состав категориальных форм.

Только детальный анализ грамматических категорий и форм, отражающих данную языковую систему во всей сложности взаимодействия ее плана содержания и плана выражения, может выявить во всей полноте конкретные особенности антитезы глагола и имени отдельного языка. Этой задаче и подчинено изложенное в монографии исследование некоторых из наиболее важных глагольных и именных категорий современного русского литературного языка.

Библиография

1. *Аванесов Р. И.* и *Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.
2. *Авилова Н. С.* О категории вида в современном русском литературном языке.— РЯНШ, 1959, № 4.
3. *Она же.* Разделы о видах в кн.: «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века». Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М., 1964.
4. *Аксаков К. С.* О русских глаголах. Полн. собр. соч., т. 2. Соч. филол., ч. I. М., 1875.
5. *Алексеев Д. И.* Склонение буквенных аббревиатур. «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Куйбышев, 1961.
6. *Он же.* Аббревиатуры как новый тип слов. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.
7. *Андрейчин А.* Грамматика болгарского языка. М., 1949.
8. *Белинский В. Г.* Русская грамматика.— Полн. собр. соч., т. II, 1953.
9. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М., 1935.
10. *Он же.* Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939.
11. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Глоттогонические (лингвистические) заметки, вып. 1, 1877.
12. *Бойко А. А.* О роли вида в некоторых инфинитивных сочетаниях. «Уч. зап. ЛГУ», № 156, Серия филол. наук, вып. 15, 1952.
13. *Болдырев А. В.* Рассуждение о глаголах. «Труды Об-ва любителей росс. словесности», ч. II. М., 1812.
14. *Бондарко А. В.* Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XXIII. М., 1962.
15. *Он же.* Об одном типе видовой соотносительности глаголов в современном русском языке.— НДВШ, Филол. науки, 1963, № 1.
16. *Он же.* К проблематике функционально-семантических категорий (глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке).— ВЯ, 1967, № 2.
17. *Он же.* Об относительном и абсолютном употреблении времен в русском языке (в связи с вопросом о «темпоральности»).— ВЯ, 1965, № 6.
18. *Он же.* Система глагольных времен в современном русском языке.— ВЯ, 1962, № 3.
19. *Бондарко А. В.*, *Буланин Л. Л.* Русский глагол. Под ред. проф. Ю. С. Маслова. Л., 1967.
20. *Брюханов В. П.* О залогах русского языка.— РЯШ, 1940, № 1.

21. *Буланин Л. Л.* О некоторых проблемах залога в русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 322, серия филол. наук, вып. 68, 1963.
22. *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. М., 1937.
23. *Он же.* Русский литературный язык I половины XIX в. М., 1954.
24. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
25. *Быкова Л. А.* Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке. «Уч. зап. Харьковского гос. ун-та», т. 99. Труды филол. фак-та, т. 6, 1958.
26. *Она же.* О видовой соотносительности приставочных глаголов несовершенного вида со значением сложного длительного действия. «Уч. зап. Харьковского гос. ун-та», т. 109. Труды филол. фак-та, т. 8, 1960.
27. *Былинский К. И.* и *Жилин А. И.* Справочная книга корректора. М., 1960.
28. *Венедиктов Г. К.* О морфологических средствах имперфективации в русском языке.— ВЯ, 1961, № 2.
29. *Веселитский В. В.* Второе рождение слова *ультра*. «Вопросы культуры речи», вып. 4. М., 1963.
30. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947.
31. *Он же.* Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 1. М., 1938.
32. *Он же.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938.
33. *Он же.* О формах слова. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1944, т. 3.
34. *Он же.* О категории модальности и модальных словах в русском языке. «Труды Ин-та русск. языка АН СССР», т. 2, 1950.
35. *Винокур Г. О.* Глаголы или имя? «Русская речь», новая серия. М., 1928.
36. *Он же.* Культура языка (задачи современного языкознания). М., 1923.
37. *Вольтер Э. А.* Разыскания по вопросу о грамматическом роде. СПб., 1882.
38. Вопросы глагольного вида. Сб. статей под ред. Ю. С. Маслова. М., 1962.
39. *Воронцова В. Л.* Процессы развития морфологических элементов, стоящих на грани морфемы и слова. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.
40. *Воскресенская И. В.* Семантическая характеристика многозначных глаголов с неполнотой видовых форм. «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та», т. 148, русск. яз., вып. 10, 1964.
41. *Востоков А. Х.* Русская грамматика Александра Востокова, изд. 12-е. СПб., 1874.
42. *Высотский С. С.* Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. «Доклады и сообщения Ин-та русск. языка АН СССР», вып. 1, 1948.
43. *Галкина-Федорук Е. М.*, *Горшкова К. В.*, *Шанский Н. М.* Современный русский язык. М., 1957.
44. *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык, ч. I. М., 1958.
45. *Он же.* О соотношении форм совершенного и несовершенного видов.— РЯШ, 1955, № 2.
46. *Гвоздиков Б.* Опыт классификации залогов русского глагола. «Русский филологический вестник», т. 51, 1904.
47. *Геппнер Ю. Р.* О соотношении вида и залога в современном русском языке.— РЯШ, 1957, № 2.
48. *Голанов И. Г.* Наклонения глагола в современном русском языке. «Уч. зап. МГПИ», т. 75, вып. 4, 1954.
49. *Головин Б. Н.* К вопросу о сущности грамматической категории.— ВЯ, 1955.

50. *Он же.* О взаимосвязи категорий вида и залога в современном русском языке. «Уч. зап. Вологодского гос. пед. ин-та», т. XII, 1953.
51. *Он же.* О видовых и внутривидовых грамматических значениях современного русского языка. «Уч. зап. Вологодского пед. ин-та», т. VII, 1950.
52. *Он же.* О приставочных формах выражения внутривидовых значений в современном русском глаголе. «Уч. зап. МГПИ», т. 64, вып. 3, 1952.
53. *Он же.* Соотносительность глагольных основ и вопрос о месте вида в формо- и словообразовании современного русского глагола. «Уч. зап. Вологодского пед. ин-та», т. XXII, 1958.
54. *Гольдорт Г. Я.* Основные проблемы теории залогов в русском языке. «Уч. зап. Новосибирского пед. ин-та», вып. 7, 1948.
55. «Грамматика русского языка», т. I, ч. I. Изд. 2. М., 1960.
56. *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика. СПб., 1827.
57. *Григорьева В. П.* Префиксация как средство внутриглагольного словопроизводства в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1965.
58. *Грот Я.* Филологические разыскания, т. II. Изд. 2. СПб., 1876.
59. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе введение: О русском словаре. М., 1955.
60. *Долгопольский А. Б.* Категория вида в русском языке и вероятностный характер связи означаемого с означающим. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1953.
61. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
62. *Зализняк А. А.* К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке.— ВЯ, 1964, № 4.
63. *Он же.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
64. *Зеленов А. Н.* Разграничение страдательного и возвратно-среднего залогов в русском языке. «Уч. зап. Новгородского пед. ин-та», т. 6, вып. 6, 1961.
65. *Он же.* Соотносительность действительных и возвратных страдательных оборотов в современном русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 322, серия филол. наук, вып. 68, 1963.
66. *Земская Е. А.* Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. «Исследования по грамматике русского литературного языка». М., 1955.
67. *Она же.* Интерфиксация в современном русском словообразовании. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.
68. *Знаменская А. В.* Словообразовательное значение суффикса *-ся* в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1954.
69. *Иванова-Янковская Е. А.* Страдательные обороты в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1952.
70. *Иванчикова Е. А.* Употребление многократных бесприставочных глаголов в русском литературном языке XIX в. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. 4. М., 1957.
71. *Ильинская И. С.* Управление как проблема лексики и грамматики. «Уч. зап. МГПИ», т. 5, вып. 1. М., 1941.
72. *Истрина Е. С.* Субъект и подлежащее как синтаксические термины. «Уч. зап. Казанского гос. ун-та», т. XI, 1946.
73. *Калайдович И. О.* О залогах глаголов русских. «Труды Об-ва любителей российской словесности при Московском университете», ч. IV, 1824.
74. *Калинин И. А.* Категория вида в русских глаголах. «Труды Горьковского пед. ин-та», 1940.
75. *Он же.* О некоторых различиях в употреблении видов глагола. «Уч. зап. Горьковского пед. ин-та», т. 16, 1955.

76. *Карцевский С. О.* Язык, война и революция. М., 1923.
77. *Классовский В.* Нерешенные вопросы в грамматике. СПб., 1870.
78. *Кудрявский Д. Н.* Введение в языкознание. Юрьев, 1912.
79. *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. Изд-во МГУ, 1953.
80. *Он же.* Современный русский язык. Морфология. Изд-во МГУ, 1952.
81. *Он же.* О принципах русской грамматики. М., 1961.
82. *Курилович Е.* Принципы классификации падежей. «Очерки по лингвистике». М., 1962.
83. *Кухтенкова Г. Г.* Способы действия и их влияние на вид глаголов. «Вопросы современного русского литературного языка», вып. 1. Челябинск, 1966.
84. *Она же.* Взаимодействие лексических и грамматических функций в глаголах с количественно-временными приставками.— Там же, вып. 2, 1967.
85. *Ломоносов М. В.* Российская грамматика.— Полное собр. соч., т. VII. М.— Л., 1952.
86. *Ломтев Т. П.* О методах идентификации синтаксических объектов и исчислении их значимостей. М., 1963.
87. *Мазон А.* Вид в славянских языках. Принципы и проблемы. М., 1958.
88. *Маркарян Р. А.* Страдательный залог и страдательные обороты в русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1952.
89. *Она же.* Соотношение действительных и страдательных конструкций и употребление страдательных оборотов в современном русском языке. «Научн. труды Ереванского гос. ун-та», т. 57, вып. 4, ч. 2, 1956.
90. *Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. 7, 1948.
91. *Он же.* Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958.
92. *Он же.* Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. «Вопросы глагольного вида». М., 1962.
93. *Он же.* Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959.
94. *Он же.* Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языках). «Славянская филология». Изд-во ЛГУ, 1964.
95. *Он же.* Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)». М., 1963.
96. *Он же.* Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. «Вопросы общего языкознания». Изд-во ЛГУ, 1965.
97. *Мельчук И. А.* К понятию о словообразовании. «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXVI, 4, 1967.
98. *Моисеев А. И.* О грамматической категории. «Вестник ЛГУ», 1956, № 2, вып. 1.
99. *Он же.* О категории залога в русском языке. «Уч. зап. ЛГУ», № 238, вып. 3, 1958.
100. *Молотков А. И.* Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных.— ВЯ, 1960, № 3.
101. *Морозова М. И.* К вопросу о видовой соотносительности глаголов типа *качать — качнуть*. «Уч. зап. МГПИ», т. 73, вып. 6, 1959.
102. *Она же.* О видовой соотносительности глаголов в русском языке. «Уч. зап. Вологодского пед. ин-та», т. 26, 1961.

103. *Мучник И. П.* О залогах русских глаголов. «Уч. зап. МГПИ», вып. 2, 1938.
104. *Он же.* К вопросу о залогах славянских глаголов. «Уч. зап. Моск. гос. пед. дефектологич. ин-та», т. I, 1941.
105. *Он же.* О значениях видов русских глаголов.— РЯШ, 1946, № 5-6.
106. *Он же.* О значениях форм повелительного наклонения в современном русском языке. «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та», т. XXXII, вып. 2, 1955.
107. *Он же.* О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в современном русском языке.— ВЯ, 1956, № 6.
108. *Он же.* Двувидовые глаголы в русском языке. «Вопросы культуры речи». вып. 3. М., 1961.
109. *Он же.* Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке. «Развитие современного русского языка». М., 1963.
110. *Он же.* Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденции развития в современном русском литературном языке. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.
111. *Он же.* Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке.— ВЯ, 1966, № 1.
112. *Он же.* Развитие морфологического строя русского литературного языка в советский период.— РЯНШ, 1967, № 4.
113. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
114. *Немешайлова А. В.* Формы повелительного наклонения в современном русском языке. «Уч. зап. Пензенского пед. ин-та», вып. 5, 1958.
115. *Немировский М. Я.* Способы обозначения пола в языках мира. «Памяти академика Н. Я. Марра». М.— Л., 1938.
116. *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. М.— Л., 1927.
117. *Он же.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
118. *Он же.* Глагол *использовать* — *использовывать* в современном русском языке. «Язык и мышление», т. 3—4, М., 1935.
119. *Овсянико-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
120. «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966.
121. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка... Рассуждение 3. О глаголе. СПб., 1842.
122. *Панов М. В.* Некоторые тенденции в развитии русского литературного языка XX века.— ВЯ, 1963, № 1.
123. *Он же.* Грамматический раздел книги «Русский язык и советское общество». Алма-Ата, 1962.
124. *Он же.* О грамматической форме. «Уч. зап. МГПИ», 1959, т. 73, вып. 6.
125. *Петерсон М. Н.* Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941.
126. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956.
127. *Он же.* Методическое приложение к книге «Наш язык», вып. 1—2. М., 1923.
128. *Поливанов Е. Д.* Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933.
129. *Он же.* За марксистское языкознание. М., 1931.
130. *Поржезинский В. К.* Возвратная форма глагола в литовском и латышском языках. М., 1913.
131. *Поспелов Н. С.* Соотношение между грамматическими категориями и частями речи в современном русском языке.— ВЯ, 1953, № 6.

132. *Он же.* К вопросу о различных временны́х значениях русского прошедшего совершенного. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», № 1, 1952.
133. *Он же.* О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в русском языке.— ВЯ, 1966, № 2.
134. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958; т. IV. М.— Л., 1941.
135. *Прокопович Е. Н.* Функции многократных бесприставочных форм глагола в русском литературном языке второй половины XIX в.— ВЯ, 1963, № 2.
136. *Протченко И. Ф.* Образование и употребление имен существительных женского рода — названий лиц в современном русском языке. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. 158, 1960.
137. *Он же.* Формы глагола и прилагательного в сочетании с названиями лиц женского пола. «Вопросы культуры речи», вып. 3. М., 1961.
138. *Пушкин А. С.* Заметки на полях второй части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова.— Полн. собр. соч., т. 12.
139. *Размусен Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. «Журнал министерства народного просвещения», 1891, июнь — июль — август.
140. *Роде Н. Н.* Возвратно-страдательная форма глаголов в современном русском языке.— РЯШ, 1941, № 3.
141. *Ройзензон Л. И.* Существуют ли чистовидовые приставки в славянских языках? «Материалы научной конференции по языкознанию (к 75-летию профессора Е. Д. Поливанова)». Самарканд, 1966.
142. *Руднев А. Г.* Категория залога. — «Slavia», 22, 1953, 2.
143. *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. М., 1928.
144. *Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи. М., 1937.
145. *Сидоров В. Н.* и *Ильинская И. С.* К вопросу о выражении субъекта и объекта действия в современном русском языке. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. VIII, вып. 4, 1949.
146. *Смирницкий А. И.* Лексическое и грамматическое в слове.— «Вопросы грамматического строя». М., 1955.
147. *Он же.* Синтаксис английского языка. Содержание и задачи грамматики. М., 1957.
148. *Он же.* Морфология английского языка. Введение. М., 1959.
149. *Смотрицкий Мелетий.* Грамматика Славенская правилное Синтагма... 1619.
150. *Де Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М., 1933.
151. *Стендер-Петерсен А. И.* О функциях глагольных приставок в русском языке.— «Slavia», 12, 1933/34.
152. *Теленкова М. А.* К вопросу о лексических и грамматических значениях приставок в современном русском языке. «Уч. зап. МГПИ», т. 216, 1964.
153. *Она же.* Несоотносительные глаголы несовершенного вида в современном русском языке. «Уч. зап. МГПИ», т. 132, вып. 8, 1958.
154. *Тимофеев К. А.* К вопросу о залогах русского глагола.— РЯШ, 1958, № 2.
155. *Он же.* Еще раз о залогах русского глагола (заметки и наблюдения).— РЯШ, 1964, № 4.
156. *Тихонов А. Н.* Заметки о вторичной имперфективации глаголов с чистовидовыми приставками.— «Труды Узбекского ун-та. Новая серия», вып. 92. Самарканд, 1958.

157. *Он же.* Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования.— ВЯ, 1964, № 1.
158. *Он же.* Члены видовых корреляций — грамматические формы одного слова.— НДВШ, «Филол. науки», 1965, № 2.
159. *Тростников М. А.* Определение залогов в школьных грамматиках русских, латинских и греческих. «Филол. записки», 1896, № 2.
160. *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. I — «Основы, обозначающие различия по залогам», 1891; ч. II — «Основы, обозначающие различия по залогам», 1895.
161. *Успенский В. А.* К определению падежа по Колмогорову. «Бюлл. объединения по проблемам машинного перевода». М., 1957, № 5.
162. *Филин Ф. П.* О двух значениях глаголов, образованных посредством префикса *на-* и суффикса *-ся*. «Вопросы грамматики (к 75-летию акад. И. И. Мещанинова)». М., 1960.
163. *Фортунатов Ф. Ф.* Критический разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке». «Изв. ОРЯС АН», т. 64. СПб., 1897.
164. *Он же.* О залогах русского глагола. «Изв. ОРЯС АН», СПб., т. IV, кн. 4. СПб., 1899.
165. *Черный Э. М.* Об отношении видов русского глагола к греческим временам. СПб., 1877.
166. *Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи. Изд. 2. СПб., 1915.
167. *Чешко Е. В.* К вопросу о падежных конструкциях.— ВЯ, 1960, № 2.
168. *Шапиро А. Б.* О залогах в современном русском языке. «Уч. зап. МГПИ», т. V, вып. 1, 1941.
169. *Шапиро М. А.* Видовые пары глаголов в русском языке. «Уч. зап. Тираспольского гос. пед. ин-та», вып. 1. Кишинев, 1960.
170. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941.
171. *Он же.* Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941.
172. *Шершнева М. С.* К вопросу о категории залога в современном русском языке. «Уч. зап. Дагестанского ун-та», т. 8, 1962.
173. *Шмелев Д. Н.* О значении вида в повелительном наклонении.— РЯШ, 1959, № 4.
174. *Он же.* Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке.— РЯШ, 1961, № 5.
175. *Щерба Л. В.* Очередные проблемы языковедения. «Избранные работы по языкознанию и фонетике», т. I. Изд-во ЛГУ, 1958.
176. *Щербаков В. С.* Категория рода в русском языке (функционально-грамматическая характеристика). Канд. дисс., 1966.
177. *Якобсон Р. О.* Морфологические наблюдения над славянским склонением. М., 1958.
178. *Янко-Триницкая Н. А.* Особенности префиксации глаголов движения. «Уч. зап. МГПИ», т. 22, вып. 2, 1953.
179. *Она же.* Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
180. *Она же.* Наименование лиц женского пола существительными женского и мужского рода. «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.
181. *Agrell S.* Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitwort. Lund, 1908.
182. *Agrell S.* Przedrostki postaciowe czasowników polskich. Kraków, 1918.
183. *Andrejczin L.* Kategorie znaczeniowe konjugacji bulgarskiej. Kraków, 1938.

184. *Андрейчин Л.* Към морфологичната характеристика видовата система в съвременния български език. «Славистичен сборник. По случай IV международен конгрес на славистите в Москва». Т. I. Езикознание. София, 1958.
185. *Bareš K.* O konkurenci vidů v ceském a ruském jazyce. «Ceskoslovenska rusistika», 1956, № 1.
186. *Beaulieux L.* Traitement des mots étrangers en bulgare moderne. Сборник в чест на проф. Л. Милетич. София, 1933.
187. *Белич А.* О глаголима са два вида. «Јужнословенски филолог», XXI, 1—4, 1955—1956.
188. *Belič A.* Zur slavischen Aktionsart, Streitberg Festgabe. Leipzig, 1924.
189. *Boguslawski A.* Prefiksacja czasownikowa we wspołczesnym języku rosyjskim. Wroclaw, 1963.
190. *Borras F. M.* Russian Syntax by F. M. Borras and Christian R. F. Oxford, 1961.
191. *Dambriunas L.* Verbal aspects in Lithaanian. Lingua Posnaniensis. Poznań, 1959, № 7.
192. *Delbrück B.* Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, t. 4.
193. *Dokulil M.* K otazce morfologických protikladů. «Slovo a slóvesnost», 1958, № 2.
194. *Doroszewski W.* O znaczeniu dokonawym osnów czasownikowych (slownych) w języku polskim. «Prace filologiczne», 1926, № 10.
195. *Durnovo N.* De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. «Revue des études slaves», t. II, fasc. 3 et 4, 1922.
196. *Durnovo N.* La cathégorie du genre en russe moderne. «Revue des études slaves», t. IV, fasc. 1—2, 1924.
197. *Ebeling C.* On the Meaning of the Russian Cases. Analecta Slavica. Amsterdam, 1955.
198. *Ferrel J.* The Meaning of the Perfective Aspect in Russian. «Word», 7, 1951, № 2.
199. *Fodor J.* The Origin of Grammatical Gender. «Lingua», vol. VIII, 2, 1959.
200. *Гриџат И.* О неким видским особеностима српскохрватског глагола. «Јужнословенски филолог», 22, 1958.
201. *De Groot A. W.* Classification of Cases and Uses of Cases. For Roman Jakobson (The Hague, 1956).
202. *Havránek B.* Genera verbi v slovanských jazycích. Praha, I, 1928; II, 1934.
203. *Hermann E.* Objektive und subjektive Aktinosart. «Indogermanische Forschungen», Bd. XLV, 1927, Heft 3.
204. *Ivănescu G.* Le temps, l'aspect et la durée de l'action dans les langues indo-européennes. «Melanges linguistiques publiés à l'occasion du VIII-ème Congrès International des linguistes à Oslo». Bucarest, 1957.
205. *Jakobson R.* The Gender Pattern of Russian. «Studii şi cercetări lingvistice», omagiu lui Al. Graur, XI, Bucureşti, 1960.
206. *Jakobson R.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», VI (1936).
207. *Jakobson R.* Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. Harvard, 1957.
208. *Jakobson R.* Zur Struktur des russischen Verbums. «Charisteria guilelmo Mathesio...oblata». Prague, 1932.
209. *Karcevski S.* Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.
210. *Karcevski S.* Autour d'un problème de morphologie. «Annales Academiae scientiarum fennicae», Serie B, t. XXVII. Helsinki, 1932.

211. *Karcevski S.* L'idée du procès dans la langue russe. Cahiers Ferdinand du Saussure. Geneve, 1956.
212. *Karcevski S.* Sur la structure du substantif russe. Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario oblata, 1932.
213. *Koschmieder E.* Zu den Grundfragen der Aspekttheorie.— IF, 53, 1935.
214. *Koschmieder E.* Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie, Próba syntezy, Rozprawy i materiały wydziału I Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie, t. V, z. 2, Wilno, 1934.
215. *Křižková H.* K. tzv. neosobnímu pasivu v slovanských jazycích. «Slavia», roč. XXXI, č. 3, 1962.
216. *Magner T.* Aspectual Variations in Russian and Serbo-Croation. «Language», vol. 39, № 4, 1963.
217. *Margulies A.* Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen. Heidelberg, 1924.
218. *Мамеев Д.* Семантиката на глаголите представки и нейното отношение към видовото значение на глаголите. «Известия на Института за български език», кн. I, 1952.
219. *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe. Paris, 1914.
220. *Mazon A.* Morphologie des aspects du verbe russe. Paris, 1908.
221. *Meillet A.* Sur l'emploi de sę près de verbes slaves. «Memoires de la Société linguistique», 19 (1916).
222. *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique génerale. Paris, 1926.
223. *Parolkova O.* K problematice zvratných sloves a tzv. zvratného pasíva v současné spisovné ruštině a češtině. «Slavia», roč. XXX, seš. I, 1967.
224. *Paul H.* Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1909.
225. *Poldauf I.* Podíl mluvnice a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu. «Studie a práce linguistické», I. K 60. narozeninám ak. B. Havránka. Praha, 1954.
226. *Sedláček* J. Sedláčkova, *Z.* Ruská slovesa vidově obojaká. «Sovětská jazykověda», IV, 1954.
227. *Seidel E.* Zu den Funktionen des Verbalaspekts. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 6, 1936.
228. *Steinthal H.* Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern, 1890.
229. *Szober S.* Grammatyka języka polskiego. Warszawa, 1953.
230. *Trubetzkoy N.* Das morphonologische System der russischen Sprache.— TCLP, V, 2. Prague, 1934.
231. *Unbegaun B. O.* Les substantifs indéclinables en russe. «Revue des études slaves», t. XXIII. Paris, 1947.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Содержание

Введение 3

Категория залога 8

Основные направления в изучении категории залога 8

Разработка проблемы залогов в древности 11

Разработка проблемы залогов в русской грамматике 16

Залоговые значения глагольных образований с *-ся* 46

Глагольные образования с *-ся* от переходных глаголов 47

Глагольные образования с *-ся* от непереходных глаголов 64

О залогах причастий 75

К вопросу о залогах славянских языков 82

Категория вида 96

О значениях видов русских глаголов 96

О видовых корреляциях в системе спряжения глагола 109

Система двувидовых глаголов и ее развитие 129

Категория наклонения 157

Система категорий наклонения 157

О значениях форм повелительного наклонения 159

Категория рода и ее развитие в современном русском литературном языке 177

Характеристика структуры рода и ее компонентов 177

Современное состояние и тенденции развития синтаксико-морфологической структуры рода 185

Тенденция изменяемости категории рода в отношении структуры и охвата лексического состава 193

Семантические родовые противопоставления 205

www.ruslang.ru

Развитие структуры рода существительных со значением лица в советский период 212

Неизменяемые существительные в системе средств выражения категории падежа 245

Специфика неизменяемых существительных 245

Классификация неизменяемых существительных в сопоставлении с другими славянскими языками 249

Основные этапы эволюции неизменяемых существительных в русском литературном языке 258

Функционирование и тенденции развития неизменяемых существительных в советский период. 262

Категории рода и числа у неизменяемых существительных 280

Стилистическое использование изменяемых форм неизменяемых существительных 284

Библиография 288

Иосиф Павлович Мучник

Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *В. К. Романов*
Художник *В. В. Гарбузов*
Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 25/I 1971 г. Подписано к печати 29/VI 1971 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 17,4. Уч.-изд. л. 17,5,
Тираж 9300 экз. Тип. зак. 1961. Бумага № 1.
Цена 1 р. 33 к.

Издательство «Наука»
Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

1 [illegible]

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»